

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Дальнего Востока Российской академии наук

КИТАЙ В МИРОВОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

ИСТОРИЯ
И СОВРЕМЕННОСТЬ

Выпуск XVIII
Ежегодное издание

Москва
ИДВ РАН
2013

УДК [327+339.5](510)
ББК 66.5(5Кит)+66.59(5Кит)
К45

*Рекомендовано к публикации
Ученым советом ИДВ РАН*

Рецензенты:

д. и. н. *Н.Л. Мамаева*, к. и. н. *В.Н. Павлятенко*, к. э. н. *И.В. Ушаков*

Редколлегия:

к. э. н. *Е.И. Сафронова* (составитель, отв. редактор), *О.У. Муфаззалова*

К45 Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XVIII: ежегодное издание / составитель, отв. редактор Е.И. Сафронова. — М.: ИДВ РАН, 2013. — 392 с.

ISBN 978-5-8381-0241-6

XVIII выпуск данного ежегодного издания включает статьи сотрудников четырех исследовательских Центров ИДВ РАН, в том числе Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений и Центра стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС, а также работы приглашенных специалистов. Авторами продолжен анализ наиболее актуальных проблем внешней политики и внешнеэкономических связей Китая. Особенностью XVIII выпуска стало рассмотрение вопросов современных российско-китайского и китайско-американского диалогов по различным их направлениям, а также целого ряда новых тем: оценка и обеспечение экономической безопасности Китая, его участие в освоении ресурсов Арктики, вопросы экономической дипломатии КНР в АТР, активность страны в отношениях с государствами СНГ, «особая китайская модель» борьбы с коррупцией в свете мирового опыта и др. Сборник содержит статью и на историческую тему — о контактах российской и китайской сторон на Кяхтинском участке общей границы в 1768 г.

Статьи отражают авторскую точку зрения, не обязательно совпадающую с мнением издателя.

УДК [327+339.5](510)
ББК 66.5(5Кит)+66.59(5Кит)

ISBN 978-5-8381-0241-6

© Сафронова Е.И., составление, 2013
© ИДВ РАН, 2013

Содержание

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ КНР

Портяков В.Я.

Российско-китайские отношения:
современное состояние и перспективы развития 6

Лузянин С.Г.

Внешнеполитическая модель КНР 2013 года.
К вопросу об отношениях Китая с ЕС, АСЕАН и Индией 16

Клименко А.Ф.

Национальные интересы России в АТР, их соотношение
с интересами других акторов в регионе 28

Меркулов К.К.

Российско-китайские отношения в свете опыта
реформ в КНР 56

Петровский В.Е.

О перспективах трехстороннего диалога
«Китай—США—Россия» 72

Болятко А.В.

Роль США и Китая в развитии военно-политической
ситуации в зоне Тихого океана 84

Трифонов В.И.

Китай—США: «перезагрузка» отношений? 96

<i>Тимофеев О.А.</i> Сорокалетие отношений между Китаем и США: подтверждение тенденций	108
<i>Виноградов А.О.</i> Европа и Россия в глобальном противостоянии США и Китая	132
<i>Сафронова Е.И.</i> Экономическая дипломатия Китая и стратегическая безопасность в АТР	143
<i>Криворотов А.К.</i> Арктическая активизация Китая: взгляд из Скандинавии	158
<i>Ларин А.Г.</i> Мировая китайская диаспора и новая миграционная концепция России	193
<i>Балакин В.И.</i> Тайвань в системе восточноазиатской интеграции КНР	223
<i>Мокрецкий А.Ч.</i> Китайско-украинские отношения в свете концепции «стратегического равновесия» Украины	232
<i>Алимов Р.К.</i> К вопросу о таджикско-китайском сотрудничестве в сфере образования	254
<i>Кашин В.Б.</i> Роль НОАК в защите политических и экономических интересов КНР за рубежом	266

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КНР

<i>Уянаев С.В.</i> Российско-китайское энергетическое сотрудничество: признаки нового «уровня»	277
--	-----

<i>Гордиенко Д.В., Лузянин С.Г.</i> Глобализация и обеспечение экономической безопасности Китая	296
<i>Александрова М.В.</i> Экономика Северо-Восточного Китая и советская помощь КНР в 50-х годах XX века	326
<i>Смирнова Л.Н.</i> Принцип прозрачности и борьба с коррупцией в КНР: мировой опыт и «особая китайская модель»	349

ИСТОРИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ КИТАЯ

<i>Саркисова Г.И.</i> «К пользе казенного интереса и купечества» (архивные материалы о деятельности полномочного комиссара И.И. Кропотова на российско-китайской границе в Кяхте в 1768 г.)	359
Summary	381

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ КНР

В.Я. Портяков*

РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

Аннотация: В статье рассмотрены перспективы развития российско-китайских отношений в свете внешнеполитических задач, поставленных XVIII съездом КПК и новой Концепцией внешней политики Российской Федерации, а также итогов визита Си Цзиньпина в Москву 22—23 марта 2013 г. Проанализировано возможное воздействие группы ведущих факторов (географическое соседство, история связей, геополитическая ситуация) на дальнейшее развитие отношений между РФ и КНР. Предложены три возможных сценария эволюции двусторонних связей в десятилетней перспективе.

Ключевые слова: Российская Федерация, Китайская Народная Республика, двусторонние отношения, современное состояние, перспективы, факторы, сценарии.

* Портяков Владимир Яковлевич — д.э.н., проф., заместитель директора ИДВ РАН.

** Подготовлено при содействии РГНФ, проект 12-03-00376 «Современный внешнеполитический курс КНР и заветы Дэн Сяопина»..

Государственный визит в Москву 22—23 марта 2013 г. Си Цзиньпина, только что избранного председателем Китайской Народной Республики, вызвал широкий общественный интерес к современным российско-китайским отношениям и возможным вариантам их дальнейшего развития.

Хорошо известно, что за короткий по историческим меркам 20-летний срок отношения между Российской Федерацией и КНР прошли «по нарастающей» путь от «дружественных» (1992 г.) до отношений «всеобъемлющего равноправного доверительного партнерства и стратегического взаимодействия» (2012 г.).

Вот уже более десятилетия после подписания 16 июля 2001 г. Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР Москва и Пекин неизменно характеризуют состояние двусторонних отношений как «наилучшее в истории», квалифицируя их как «отношения взаимной поддержки, совместных усилий для общего процветания, дружбы, передающейся из поколения в поколение»¹. Нередко дополнительно утверждается, что позиции двух стран по большинству международных проблем «близки или совпадают», что экономики России и Китая хорошо дополняют друг друга, что между Москвой и Пекином в настоящее время «нет проблем», или «нет проблем, которые нельзя было бы решить», или, на худой конец, «нет конфликта коренных интересов».

Вместе с тем обе стороны признают, что в российско-китайских отношениях периодически проявляются несовпадения интересов и те или иные трения, особенно в торгово-экономической сфере, что они нуждаются в серьезном расширении социальной базы и требуют существенного повышения уровня взаимного доверия. Это означает, что поддержание уже достигнутого достаточно высокого уровня двусторонних отношений и их дальнейшее совершенствование не гарантированы априори и не могут быть реализованы автоматически. Напротив, только постоянная многоуровневая работа обеих сторон может дать желаемый результат.

Особенно важное место здесь принадлежит лидерам России и Китая, тому, как они видят место и роль своих стран в мире, чего ждут от государства-партнера.

Задачи Китая в области внешней политики, поставленные XVIII съездом КПК, вполне могут стимулировать дальнейшее развитие отношений между КНР и РФ. В сфере практической политики съезд провозгласил курс на «создание нового типа отношений между крупными государствами» и на взаимовыгодное сотрудничество с сопредельными странами. Отношения КНР с Россией полностью вписываются в оба эти стратегические направления международной деятельности Пекина. Судя по докладу Ху Цзиньтао, дополнительными зонами взаимодействия КНР с Москвой могут также стать сотрудничество в форматах G-20, ШОС и БРИКС, отстаивание универсальной ценности Устава ООН, кооперация в Совете Безопасности ООН и в содействии формированию многополярного мира².

Хотя в новой Концепции внешней политики России, утвержденной президентом В. Путиным 12 февраля 2013 г., закреплена абсолютно самостоятельная и независимая роль РФ в международных делах, нашел подтверждение и приоритетный характер развития отношений с Пекином. Как отмечается в этом документе, Россия будет активно развивать сотрудничество с Китаем во всех областях, «включая поиск ответов на новые вызовы и угрозы, решение острых региональных и глобальных проблем». Было также подчеркнуто, что Россия рассматривает свое внешнеполитическое взаимодействие с КНР как один из базовых факторов международной стабильности³.

Настрой на дальнейшее углубление сотрудничества двух стран по всем возможным направлениям в полной мере проявился в ходе визита Си Цзиньпина в Москву в марте 2013 г. Обе стороны охотно подчеркивали символическое значение того обстоятельства, что Си Цзиньпин начал свои зарубежные поездки в качестве полномочного главы государства именно с России. По количеству подписанных документов — 35 — данный визит оказался одним из самых результативных за всю 20-летнюю историю обмена официальными визитами глав Российской Федерации и КНР.

Возможно, не все договоренности удастся реализовать. Так, несмотря на подписание между «Газпромом» и Китайской национальной нефтегазовой корпорацией Меморандума о взаимо-

понимании в области сотрудничества по проекту трубопроводных поставок российского природного газа в Китай (речь идет о так называемом восточном маршруте), у ряда российских аналитиков сохраняется скептицизм относительно достижения в скором времени реальной договоренности с Пекином о цене на газ⁴.

Вместе с тем следует указать на очевидную важность соглашений о сотрудничестве в различных сегментах сельского хозяйства, которые открывают для России ранее отсутствовавшую возможность экспорта зерна на китайский рынок. Нельзя не отметить и озвученные в связи с договоренностями, достигнутыми в ходе визита Си Цзиньпина, прогнозы увеличения в обозримой перспективе объема поставок российской нефти в КНР с нынешних 15—16 до 50 млн т⁵. Кроме того, китайских партнеров пригласили участвовать в развитии нефтегазового проекта «Сахалин-3»⁶.

Похоже, что Россия и Китай стремятся не откладывать в долгий ящик поставленную в Совместном заявлении от 22 марта 2013 г. задачу конвертации достигнутого уровня политических отношений в результаты практического сотрудничества в экономической, гуманитарной и других сферах.

Весомо прозвучала и международная часть Совместного заявления, призвавшая все государства «уважать... цивилизационное разнообразие мира и множественность путей общественного развития», «способствовать утверждению новой концепции всеобщей равной и неделимой безопасности, основанной на взаимном доверии»⁷.

По итогам визита Си Цзиньпина в Россию две страны заявили о намерении вывести двусторонние отношения «на новый этап всеобъемлющего равноправного доверительного партнерства и стратегического взаимодействия, взаимной поддержки, совместного процветания и дружбы»⁸.

Комментируя итоги поездки китайского лидера в Москву, некоторые российские эксперты выразили уверенность в успешном поступательном развитии российско-китайских связей. По словам Д. Мосякова, сотрудника Института востоковедения РАН, китайское направление все в большей мере становится для России и экономической, и политической альтернативой

Западу⁹. Такой подход, возможно, преобладает в России если не абсолютно, то относительно. Тем не менее, он не является единственным. В российском экспертном сообществе по сей день существует достаточно широкая палитра взглядов на перспективы отношений России с КНР.

Как и в 1990-е годы, продолжает последовательно выступать за срединное, сбалансированное положение России между Китаем и Западом профессор МГИМО А. Воскресенский. По его мнению, «Россия, будучи отягощенной бременем поддержания статуса великой державы, возможно, никогда не присоединится к победившей (в «холодной войне») стороне в лице США и Запада, точно так же как во время президентства Медведева она предпочла не присоединяться к Китаю в его играх вокруг Пекинского консенсуса»¹⁰.

Академик А. Дынкин высказался в пользу более тесного взаимодействия России с Евросоюзом «в условиях стремительного роста двух гигантов — США и Китая»¹¹. В публикациях В. Иноземцева недовольство будто бы чрезмерным сближением России с Китаем артикулируется открыто, а в качестве альтернативы предлагается многовекторный подход к подъему восточных регионов РФ с широким привлечением США, Японии, Республики Корея¹².

Высказываются точки зрения, отличные от официального мэйнстрима, и в Китае. Так, Янь Сюетун из Университета Цинхуа считает, что в мире идет формирование не многополярной, а биполярной системы с США и Китаем в качестве полюсов. КНР для достижения статуса одного из двух полюсов необходимо оформление союза с Россией¹³. Этот союз, полагает Янь Сюетун, отвечает интересам стратегической безопасности обеих стран и как минимум не наносит какого-либо вреда ни одной из них. Нуждается в нем и Россия, поскольку «возвращение В.В. Путина на пост президента означает, что давление Запада на Россию будет не уменьшаться, а только возрастать»¹⁴.

Возражения против установления между Россией и Китаем союзнических отношений в какой-либо форме (в КНР иногда говорят о «квазисоюзе») раздаются и в Пекине, и в Москве. По словам директора Московского центра Карнеги Д. Тренина,

«только безрассудная воинственная политика Вашингтона может теоретически подтолкнуть Россию и Китай к формированию антиамериканского альянса. Сегодня такой сценарий выглядит крайне маловероятным»¹⁵.

Помочь прийти к более обоснованным и достоверным выводам о будущем характере российско-китайских отношений призван сценарный подход, анализирующий современные тренды действия основных факторов двустороннего взаимодействия.

К числу наиболее фундаментальных среди них относятся географическое соседство, история взаимоотношений двух стран (с точки зрения ее проекции на будущее) и эволюция геополитического положения России и Китая.

По значению приближаются к ним такие факторы, как экономическое взаимодействие, соотношение и абсолютные масштабы экономических потенциалов двух стран и особенности взаимного восприятия.

У России и Китая имеются заметные отличия в трактовке истории двусторонних отношений в различные периоды. По китайской версии, в 1850—1860-е годы царская Россия вынудила цинский Китай подписать серию неравноправных договоров, по которым она будто бы незаконно получила 1,5 млн кв. км китайской территории. По версии ряда известных российских историков-китаеведов, неравноправным был первый договор двух стран о территориальном размежевании — Нерчинский договор 1689 г., навязанный России силой оружия. В середине же XIX в. была «восстановлена историческая справедливость».

Нельзя исключать дальнейшего раскручивания в Китае темы «неравноправных договоров», особенно в контексте высказываний Си Цзиньпина о «китайской мечте», под которой понимается возрождение Китая и китайской нации. Рост национализма и ирредентистских настроений в Китае может оказать сдерживающее влияние на российско-китайские отношения.

Что касается советского периода отношений, то камнем преткновения являются, во-первых, различные оценки характера Договора 1950 г. о дружбе, союзе и взаимной помощи (китайцы квалифицируют его как неравноправный) и разные интерпретации боевых столкновений в районе советско-китайской

границы в 1969 г. По моему мнению, последовательное проведение в жизнь идеи Дэн Сяопина о необходимости «закрыть прошлое, открыть будущее» в двусторонних отношениях способно постепенно нивелировать негативное воздействие исторических факторов на характер взаимосвязей РФ и КНР.

Географическое соседство может работать как «в плюс», так и «в минус», как это было с СССР и КНР в 1960—1970-е годы, когда на защиту друг от друга Москва и Пекин затратили огромные средства. Фактическое вовлечение ряда приграничных регионов Российской Федерации в экономическое пространство Китая устраивает одних граждан России и беспокоит других. Частые межличностные контакты, развитие туризма и сотрудничества в гуманитарной сфере способны отчасти снять опасения россиян по поводу некоего «китайского пришествия». Вместе с тем колоссальная разница в количестве жителей приграничных районов двух стран останется для России в отношениях с Китаем фактором со знаком «минус» на все обозримое будущее.

Из множества геополитических факторов наиболее значительное влияние на российско-китайские отношения будут оказывать два — американский и центральноазиатский.

Одновременное давление США на Китай и Россию в конце 1990-х годов способствовало сближению двух стран. Отчасти мы это можем наблюдать и сегодня. Вместе с тем в треугольнике «Россия—США—Китай» действует не примитивный закон соприкасающихся сосудов, а вся совокупность сложных реалий мировой экономики и политики. В каком-то смысле можно говорить о противостоянии экономики (китайско-американские отношения) политике (российско-американские переговоры по сокращению стратегических наступательных вооружений), но и в китайско-американских отношениях политики хватает, особенно после провозглашенного Вашингтоном в 2009 г. «возвращения США в Азию».

К удовлетворению Пекина, Россия в 2012 г. заявила о своем неучастии в каких-либо схемах окружения Китая. Вместе с тем отношения с США, нередко квалифицируемые как «главные двусторонние межгосударственные отношения в современном мире», остаются для КНР более значимыми, чем отношения с

Россией. В журнале «Чжунго вайцзяо» (Дипломатия Китая) за 2012 г. отношениям КНР с США посвящены 24 статьи, а отношениям с Россией — только 4. Тем не менее самодостаточность российско-китайских отношений делает их во многом не зависящими от отношений КНР с США.

В Центральной Азии у России и Китая на обозримую перспективу сохраняются такие общие интересы, как обеспечение стабильности в регионе, борьба с наркотрафиком, нейтрализация чрезмерного присутствия внерегиональных сил, активизация деятельности ШОС. Прогнозируемое подчас «столкновение» двух держав в данном регионе представляется маловероятным.

Растущий разрыв в масштабах экономик России и Китая становится фактором, в какой-то мере препятствующим тесному сближению двух стран.

ВВП РФ в 2012 г. составил 62,35 трлн руб., или 13 трлн юаней — ровно в 4 раза меньше ВВП Китая. Соотношение объемов внешней торговли двух стран по итогам 2012 г. составило 4,6:1 по товарообороту в целом (3 866,76 млрд долл. у КНР и 837,3 млрд долл. у России), в том числе 3,9:1 по экспорту (2048,93 млрд долл. у КНР и 524,7 млрд долл. у России) и 5,8:1 по импорту (1817,82 млрд долл. у КНР и 312,6 млрд долл. у России). Некоторыми гражданами в России, еще два десятилетия назад опережавшей Китай по большинству экономических параметров, подобная ситуация воспринимается как реальная опасность превращения страны в придаток КНР, или, по меньшей мере, попадания в многоплановую зависимость от нее, в том числе в сбыте энергоресурсов и импорте широчайшей гаммы бытовых и инвестиционных товаров, обеспечивающих жизнеспособность государства.

Сегодняшняя структура двустороннего товарообмена отражает роли двух стран в международном разделении труда. В 2012 г. доля нефти и нефтепродуктов в экспорте России в КНР составила 66,8 %, тогда как доля машин и оборудования — лишь 0,7 % (315 млн долл.). В импорте же России из Китая доля машин и оборудования составила 42,4 %, весьма внушителен и абсолютный объем их ввоза в РФ — 18,7 млрд долл.¹⁶

Однако если такую ситуацию и можно исправить, то лишь очень постепенно, вслед за реиндустриализацией России и созданием в ней крупной по масштабу и дифференцированной по отраслевой структуре перерабатывающей промышленности. В обозримой же перспективе нынешняя структура торговли будет меняться слабо. Похоже, что она отвечает интересам мощных групп влияния в обеих странах.

Резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод о трех возможных сценариях развития российско-китайских отношений в примерно 10-летней перспективе.

Первый из них — это сценарий «статус-кво», характеризующийся сохранением нынешних тенденций в основных сферах сотрудничества. Он, скорее всего, будет означать дальнейшее изменение в пользу КНР соотношения экономических параметров двух стран и постепенное расширение ее присутствия на российском рынке. Второй — сценарий существенного ухудшения отношений вследствие изменения геополитической ситуации и/или из-за обострения трений по тем или иным вопросам. Сценарий невыгоден ни России, ни Китаю. Третий сценарий — существенное углубление отношений всеобъемлющего партнерства, принципиальный рост взаимного доверия руководства и населения двух стран, последовательное взаимодействие по большинству вопросов международной повестки дня, наращивание масштабов и диверсификация структуры торгово-экономического сотрудничества между РФ и КНР. Скорее всего, этот сценарий в полной мере к 2020—2022 гг. реализован не будет (хотя бы по чисто техническим причинам), но ценным было бы уже само по себе движение в этом направлении.

Вероятность этих трех сценариев (из 100 % в сумме) составляет, по моей грубой оценке, 70, 5 и 25 %.

Примечания

¹ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о дальнейшем углублении российско-китайских отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия. Пекин. 5 июня 2012 г. // Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 4. С. 3—7.

² *Hu Jintao*. Jianding bu yi yanzhe Zhongguo tese shehuizhuyi daolu qianjin, wei quanmian jiancheng xiaokang shehui er fendou — Zai Zhongguo gongchandang di shiba ci quanguo daibiao dahui shang de baogao. 2012 nian 11 yue 8 ri. Доклад Ху Цзиньтао на XVIII съезде КПК. 8 ноября 2012 г.

³ Концепция внешней политики Российской Федерации // Независимая газета. 04.03.2013.

⁴ Куликов С. Газпрому не терпится пустить газ китайцам // Независимая газета. 25.03.2013.

⁵ Скосырев В. Китай станет главным покупателем нефти РФ // Независимая газета. 25.03.2013.

⁶ Латухина К. В Москву! В Москву! Свой первый визит председатель КНР Си Цзиньпин совершил в Россию // Российская газета. 25.03.2013.

⁷ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о взаимовыгодном сотрудничестве и углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия. Москва. 22.03.2013. (Сайт президента РФ kremlin.ru).

⁸ Там же.

⁹ Канал Евроньюс на русском языке. 25.03.2013.

¹⁰ *Voskresenski A.* The Structural Stages of Russo-Chinese Cooperation after the Collapse of the USSR and Prospects for the Emergence of a Fourth Stage // *Eurasian Review*, Institute of Eurasian Studies, Kookmin University, Seoul. Volume 5, November 2012.

¹¹ Дынкин А., Пантин В. Мирное столкновение США и КНР: за какой моделью будущее? // Россия в глобальной политике. 2012. № 2.

¹² Иноземцев В. Далеко идущий Восток // Огонек. 2012. № 46. С. 18—19.

¹³ *Yan Xuetong*. The weakening of the unipolar configuration / China 3.0 (European Council on Foreign Relation. London. 2012). P. 113.

¹⁴ *Yan Xuetong*. Eluosi kekao ma? (Надежна ли Россия?) // Чжунго вайцзяо. 2012. № 10. P. 52—54.

¹⁵ *Trenin D.* Beyond the symbolism of State visit. China-Russia relations have come a long way since the days of the Soviet bloc // China Daily. European Weekly. March 22—28. 2013. P. 10.

¹⁶ Рассчитано по: данные Таможенной статистики КНР.

С.Г. Лузянин*

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ КНР 2013 ГОДА. К ВОПРОСУ ОБ ОТНОШЕНИЯХ КИТАЯ С ЕС, АСЕАН И ИНДИЕЙ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению таких направлений внешнеполитической активности КНР в 2012—2013 гг., как развитие отношений с ЕС, АСЕАН и Индией: проанализированы успехи и проблемы китайско-индийских и китайско-европейских связей. Освещается политика Китая в Юго-Восточной Азии, включая территориальные споры КНР с Вьетнамом и Филиппинами по островам в Южно-Китайском море, экономические и политические ресурсы китайского влияния на АСЕАН и ЮВА в целом.

Ключевые слова: КНР, АСЕАН, АТР, Юго-Восточная Азия, ЕС, Индия, конфликты, взаимодействие, сотрудничество, региональная безопасность.

Индийский вектор политики Китая

В Нью-Дели присматриваются к новым лидерам КНР, отслеживая и комментируя каждое интервью или выступление председателя КНР Си Цзиньпина и премьера Госсовета

* Лузянин Сергей Геннадьевич — д.и.н., проф., зам. директора ИДВ РАН, руководитель Центра стратегических проблем США, ШОС и БРИКС ИДВ РАН.

КНР Ли Кэцзяна. Особенно внимательно индийцы следили за визитом нового председателя КНР в Россию (22—24 марта 2013 г.). Возможно, не все понравилось индийским политикам, особенно посещение китайским руководителем ведомства министра обороны С. Шойгу.

Формально оба государства сохраняют статус развивающихся, больших региональных держав. Они имеют общую границу (3 тыс. км) и ориентированы каждый на «свой» регион: Индия — на Южную Азию, где она является одним из ведущих членов Ассоциации стран Южной Азии (СААРК), а Китай — на Восточную Азию.

Своего проекта у КНР в Южной Азии нет, но зато Пекин с лихвой компенсирует институциональное отставание от Индии созданной зоной свободной торговли (ЗСТ) со странами АСЕАН (АСЕАН + 1) и членством в Шанхайской организации сотрудничества, действующей в Центральной Азии. При этом Пекин числится в ШОС ведущим среди постоянных членов, а Индия — только наблюдателем, и когда ее примут в постоянную группу — вопрос открытый.

В обеих столицах формируются геополитические амбиции. Вопрос только в том, кто первый открыто «бросит перчатку» своему соседу, объявив всем о новом мировом статусе. Лидером, по всем очевидным признакам, является Китай, который, как известно, опережает Индию по многим параметрам. Он входит в официальный «ядерный клуб», является постоянным членом СБ ООН, в 4,5 раза опережает Индию по объему ВВП и пр. И пока эти китайские «козыри» Нью-Дели побить невозможно. Поднебесная в своем глобальном соревновании выглядит более убедительно. От США Китай зависит в финансово-экономической, но не в политической сфере. Причем, в экономическом плане Пекин сам в состоянии реально надавить на Вашингтон. Что касается собственных и независимых ни от кого внешнеполитических шагов — последний пример показателен: захотел новый руководитель полететь с первым официальным визитом именно в Москву — и сделал, а Вашингтон ему здесь не указ.

Чего не скажешь о Нью-Дели. Индия в отношениях с США иногда выглядит «младшим братом». Она то делает резкие заяв-

ления о своем «независимом курсе», желании развивать мирные ядерные программы, то начинает говорить о необходимости «объединения демократических сил в Азии» (против Китая) под эгидой США. Определенная импульсивность и стремление действовать с оглядкой на США — налицо.

Военный компонент — основной объект соперничества двух держав. Индийские военные эксперты свидетельствуют о серьезном отставании Индии от КНР в этой сфере. В частности, они выделили факт доминирования Китая в воздушно-космическом пространстве, в темпах модернизации военно-морских сил, в уровне стратегических вооружений и пр., подчеркивая при этом, что Индия может ликвидировать разрыв, если сконцентрирует внимание на быстрой разработке и развертывании большого количества баллистических ракет средней дальности «Агни-3», «Агни-4» и «Агни-5»¹.

К слову, индийский военно-морской флот сохраняет преимущество в зоне Индийского океана. Более того, 5 декабря 2012 г. начальник Генерального штаба ВМФ Индии Д.К. Джоши объявил о готовности к отправке боевых кораблей в Южно-Китайское море для «защиты национальных интересов своей страны». Другими словами, Индия не боится потягаться с Китаем и на морской «чужой территории»².

Подобные заявления были мотивированы, как выясняется сегодня, не столько обострившимся китайско-вьетнамским разногласием из-за спорных островов на шельфе, богатых углеводородами, сколько тем, что нефтегазовые месторождения начала разрабатывать (с благословения Ханоя) индийская компания Oil and Natural Gas Corp. Другими словами, индийская военная доктрина «сдерживания КНР» подкреплена и серьезными экономическими интересами.

Похоже, что прежние механизмы, державшие китайско-индийские «размолвки» в определенных рамках, сегодня несколько ослабли. В течение 10 лет, как известно, сотрудничество в трехстороннем формате РИК (Россия—Индия—Китай) периодически остужало горячие головы в Пекине и Дели и позволило вывести двусторонние отношения Китая и Индии на уровень стратегического партнерства. Возможно, что сегодня «треугольник»

уже не так эффективен, как раньше. Новый проект БРИКС «заточен» на глобальные интересы Китая, именно к нему сейчас и проявляют основное внимание в Пекине.

При этом перечень «нестыковок» в китайско-индийских отношениях постоянно растет. Сегодня — это претензии Китая на Аруначал-Прадеш, раздражение Индии в связи с приходом к власти прокоммунистических сил в Непале и Бутане, традиционная антикитайская деятельность Далай-ламы, строительство китайскими компаниями ГЭС на р. Ярлунг и др.

Нынешний объем взаимной торговли (80 млрд долл.) явно неадекватен экономической мощи обоих государств. Причины невысокого уровня товарооборота разные, среди них — проблема недоверия. Индийцы, например, считают, что они превращаются в сырьевой придаток Китая, ссылаясь на особенности сложившейся структуры двусторонней торговли.

Действительно, в китайском экспорте в Индию преобладают электротехника, турбины, телекоммуникационное оборудование, продукция машиностроения, органической химии, сталелитейной промышленности, компьютеры и пр. Китай же в основном закупает индийские минеральные руды, хлопок, пряжу, ткани, драгоценные камни и металлы. Доля машиностроения в индийском экспорте в Китай составляет всего лишь 3,5 %.

Особые отношения Китая и Пакистана также остаются раздражителем на пути китайско-индийского сотрудничества. Налицо усиление инвестиционной активности КНР в стратегически важных пакистанских проектах — порт Гвадар и др. Ежегодно проводятся китайско-пакистанские антитеррористические учения. В 2010 г. — в КНР (СУАР), в 2011 г. — на территории Пакистана. Действует китайско-пакистанская комиссия по вопросам обороны и безопасности. Все это, разумеется, не может не вызывать озабоченности в Нью-Дели.

Имеются, конечно, и ограничители разрастания китайско-индийских конфликтов. Координационный механизм двух стран по пограничным вопросам сохраняется и выполняет свои функции. Продолжает действовать формат ежегодных переговоров по линии совместной границы на уровне министров и их заместителей. Это, правда, не полностью гарантирует стороны от

обострения взаимных трений, которое время от времени дает о себе знать. Так, индийское правительство заявляло, что китайские военнослужащие нарушили границу и вошли в северо-восточный индийский район Ладакх. Пекин данное заявление опроверг, подчеркнув, что пограничные войска Китая придерживаются соглашения между двумя странами и не нарушают демаркационную линию. Тем не менее, уровень противостояния сторон явно возрос, индийская армия планирует направить в Гималаи дополнительные воинские части.

Видимо, старые ресурсы согласования интересов в районе общей границы исчерпали себя. Нужны новые идеи, и прежде всего — на экономическом треке, что позволит повысить уровень взаимного доверия сторон. В этом заинтересован, прежде всего, Китай, который позиционирует себя как будущую ответственную сверхдержаву. Иными словами, при всей сложности и внутренней конфликтности китайско-индийских отношений Пекину придется договариваться с Нью-Дели. Иные варианты чреваты непредвиденными остановками китайского «глобального экспресса».

Китай в Юго-Восточной Азии

Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) — любопытный региональный «срез». В геополитическом плане проект находится под растущим влиянием ближнего соседа — Китая, а также более отдаленного партнера — США. Организация демонстрирует независимость и автономность развития, сохраняя приверженность к «внутреннему плюрализму», уважая любой идеологический и экономический выбор ее членов. Однако до гармонии в отношениях Китая и АСЕАН далеко.

Негативный политический фон китайско-асеановским отношениям создают известные «островные споры» в регионе. При этом, базовые вопросы региональной политики КНР в ЮВА — мощные интеграционные («АСЕАН + Китай», зона свободной торговли), субрегиональные («Большой Меконг»), торговые и инвестиционные проекты все больше уходят в тень.

В основе обострения ситуации в регионе, несомненно, есть и китайская вина, и вина оппонентов КНР. Для последних, как отмечают некоторые западные эксперты, конфликты представляют собой эмоциональную защитную реакцию правящих элит Юго-Восточной Азии против экспансии Китая.

Справедливости ради заметим, что эта реакция не «всех правящих элит», а лишь части стран АСЕАН. Под давлением китайского и американского факторов в регионе происходит явная политическая поляризация. С одной стороны, усиливается антикитайский полюс — Филиппины, Вьетнам, Малайзия и Бруней. Причем, известная аналитическая организация Stratfor в прогнозе на 2013 г. характеризует Вьетнам и Филиппины как наиболее последовательных оппонентов Китая в ЮВА, которые будут оказывать все большую поддержку американскому бизнесу и военному присутствию в регионе. Такой прогноз выглядит вполне вероятным³.

С другой стороны, существует прокитайская группа, куда входят Камбоджа, Таиланд, Лаос и Мьянма. Имеются еще Индонезия и Сингапур, которые открыто пока не заявляют о своей враждебности или лояльности к Пекину, но политически они все-таки ближе к противникам Поднебесной.

К слову, в прогнозах экспертов на 2013 г. много внимания уделено Мьянме. Большинство аналитиков склонно считать, что традиционное китайское влияние в этой стране будет постепенно вытесняться американским. Не исключается и обострение борьбы между КНР и США за эту страну, возможно и возникновение этнической напряженности вдоль китайско-мьянманской границы.

В основе лояльности «китайской» и «американской» групп к «старшим братьям» есть и экономические, и политические мотивы. Чего больше — отдельный вопрос. Но несомненно, что в краткосрочной и среднесрочной перспективе поляризация региона будет одним из факторов, определяющих ситуацию в ЮВА.

Новое политическое качество региона — растущее влияние Китая в ЮВА, вызывающее ответную реакцию самого региона.

Возможно, что прежнее китайское руководство во главе с Ху Цзиньтао не до конца просчитало масштабы этой реакции.

Некоторые эксперты даже говорят о некоей «ловушке», в которую якобы попал новый китайский лидер. В силу преемственности Си Цзиньпин должен продолжать «жесткую линию Ху Цзиньтао» по островам в Южном море, автоматически усиливая этим антикитайские настроения в отдельных странах АСЕАН.

Трудно точно говорить о наличии или отсутствии «ловушки», но ряд фактов прямо свидетельствует о сохранении жесткого курса. Си Цзиньпин, как известно, объявил о готовности Китая к «локальным войнам» и необходимости создания могущественной военно-морской державы, косвенно подтвердив тезис о наличии ключевых национальных интересов в ЮВА.

При этом следует учитывать сделанное еще в 2012 г. тогдашним госсекретарем США Х. Клинтон официальное заявление о том, что у США также есть важные национальные интересы в регионе (Южно-Китайском море) и они рассчитывают, что все претенденты на освоение ресурсов ЮКМ будут уважать свободу мореплавания и разрешать все споры в соответствии с международным правом.

Другими словами, проблема нового китайского руководства не в том, чтобы «дать обратный ход» по островным делам, а в том, чтобы грамотно перевести «островной диспут» в иную плоскость. Попытаться создать институциональные и политические условия для параллельного развития сразу двух треков — обсуждения противоречий по территориальным вопросам и развития системного взаимодействия в формате «КНР—АСЕАН».

Конфликтная ситуация в Южно-Китайском море существует уже полвека. В этой печальной истории были разные периоды, включая китайско-вьетнамский вооруженный конфликт из-за о. Спратли в 1974 г. Однако ранее дело не доходило до попыток обращений в Международный суд или Международный трибунал по морскому праву.

Эти шаги предприняли делегации Филиппин и Вьетнама (с подачи США) на сессии АСЕАН в 2012 г. в Камбодже, попытавшись включить в проект итогового документа также тезис о

«китайской агрессии» в регионе. Хозяйка саммита и ряд других стран заблокировали проект. Впервые за 45 лет истории Организации итоговая резолюция саммита не была принята. Причина — разногласия стран по проблеме политики Китая в регионе.

Принципиально важным для Китая в плане нормализации становится второй трек, который Пекину необходимо будет всеми силами выдвигать как стратегический, как некий «мейнстрим» китайской политики в ЮВА. Речь идет о развитии интеграционно-экономических проектов с участием Китая в АСЕАН, а также о поддержке других сложившихся институтов и диалоговых механизмов.

Кроме политических и экономических рычагов, для реализации своей новой политики китайское руководство, возможно, обратится к ресурсам влияния хуацяо. Могущественные китайские диаспоры в странах АСЕАН составляют около 25 млн человек, включая Индонезию — 7,3 млн, Таиланд — 5,7 млн человек (10 % населения) и др.

АСЕАН для Китая и США с каждым годом становится все более лакомым куском в силу растущих экономических, военно-политических и иных потребностей двух больших держав. Вряд ли наступит время, когда Пекин или Вашингтон решатся на полное поглощение асеановской «десятки». Ни технически, ни политически такая перспектива в обозримом будущем нереальна.

Между тем часть экспертов считает вполне вероятным сценарий поглощения Китаем Ассоциации. Об этом, например, пишет российский специалист по региону профессор Д. Мосяков⁴. В любом случае, обострение ситуации в ЮВА подрывает общую безопасность в регионе, что так или иначе влияет на российскую политику в регионе. К слову, в интересах РФ лучше дистанцироваться от островных китайских споров, а также сохранять свои «окна» и «точки роста» среди стран АСЕАН — в первую очередь во Вьетнаме и других странах, независимо от того, в какую «группу» (прокитайскую или антикитайскую) они входят.

Европейский вектор

Ввиду усиления глобальной роли Китая перестраиваются китайско-европейские отношения: увеличивается торговля, взаимные инвестиции. В условиях продолжающегося европейского кризиса КНР отводит ЕС в своей нынешней глобальной, внешнеполитической стратегии большое место, хотя недавняя история китайско-европейских отношений имеет свои «узкие» места.

Главный политический «камень» Европа, как известно, бросила в Пекин после трагических событий 1989 г. на площади Тяньаньмэнь, введя запрет на свой военно-технический экспорт в КНР и ряд других ограничений. Традиционными остаются поддержка Брюсселем опального Далай-ламы, а также тема соблюдения прав человека в Китае. В 2012 г. ЕС провел неприятные для Пекина антидемпинговые расследования в отношении ряда китайских товаров (солнечные батареи и др.) Сохраняется непризнание рыночного статуса КНР. Европейские чиновники не одобряют позиции Пекина по Сирии и Ирану и пр.

Несомненно, все это раздражает Китай. Однако сохранение этих претензий — не более чем формальные «правила игры», сложившиеся за последние годы и не влияющие на растущий фундаментальный интерес сторон друг к другу. Интерес КНР — получить не только ведущего торгового, но и технологического партнера на долгие времена. Интерес же Европы, более сиюминутный — найти в лице Китая финансового «спасителя» кризисной еврозоны и ЕС в целом. При этом Старому Свету еще есть что развивать и продавать. Образно говоря, Европа становится похожа на ухоженный исторический музей, где все тихо и красиво, но нет активной динамичной жизни.

Возможно, из этого и исходили официальные европейские и китайские представители, проводя традиционный брюссельский саммит «ЕС—КНР». Судя по подписанным документам, Европа явно превращается в долговременного поставщика в Китай высоких технологий, включая совместные космические разработки, программы запусков пилотируемых кораблей и др. Бывший премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао накануне

XVIII съезда КПК вернулся из Брюсселя с европейскими технологиями на сумму 100 млрд евро. Очевидно, что европейцы в ответ на свою «любезность» ждут увеличения потока китайских денег в кризисные страны и отрасли ЕС. Глава МВФ К. Лагард в начале 2013 г. заявила, что для помощи проблемным странам Европы требуется более 500 млрд долл. Очевиден намек на Китай. Но Китай пока он не спешит заменять МВФ в качестве главного донора ЕС.

При этом остается открытым вопрос, в какой форме и как Китай будет финансировать Европу? Если это выгодные инвестиции в стратегические европейские предприятия и проекты — это одно. В этом направлении китайцы уже активно работают. Китайские компании в 2012 г. вложили в европейский ТЭК, отдельные морские портовые проекты (в Греции, Португалии и др.) более 80 млрд долл. По планам 2013 г., инвестиционная планка будет еще выше. И данная тенденция просматривается на всю ближайшую перспективу.

Но если речь пойдет о льготных (для европейцев) кредитах или иной финансовой помощи — это уже совсем другая «песня». Причем, судя по высказываниям отдельных европейских экспертов и политиков, Европа хотела бы увидеть и солидное пополнение своего стабилизационного фонда за счет именно китайских денег. Но данное направление финансовых отношений остается пока труднореализуемым для Брюсселя.

Единственное, на что может пойти Пекин, это пролонгация соглашений о скупке долгов стран еврозоны, но уже на более выгодных для китайской стороны условиях, чем в 2012 г. Причем, сам Китай в этом плане ничем особенно не рискует, наоборот, он планомерно увеличивает долю евро в своем уже более чем 3,2 трлн долл. золотовалютном резерве. Сегодня, по оценкам экономистов, на эту валюту приходится 23,1 % валютных запасов КНР. Что же касается солидных вливаний в европейский стабилизационный фонд или предоставления льготных кредитов, то глава Народного банка Китая Чжоу Сяочуань на этот счет ничего конкретного европейцам не обещал.

К слову, в Брюсселе, возможно, не до конца понимают философию, которой руководствуется Китай, предоставляя или не

предоставляя финансовую помощь. Экономическая дипломатия Пекина в первую очередь ориентирована на идеологически близких Китаю партнеров — развивающиеся страны Азии, Африки и Латинской Америки, которые в той или иной степени находятся под негласным патронатом Китая. Другими словами, экономическая дипломатия рассматривается Пекином в качестве мостика к построению нового «неамериканского мира».

Страны же ЕС для Китая — часть «американского мира». И сколько бы европейцы ни убеждали всех, что Европа и Америка разделены не только океаном, но массой противоречий, для китайцев это — пустые слова. Поэтому любая «помощь» КНР Европе носила и будет носить либо исключительно коммерческий, либо стратегический характер в плане ограничения влияния «мира по-американски».

Нельзя забывать, что для Пекина в историческом контексте европейцы — классические колонизаторы Китая XIX — начала XX вв. И в традиционном представлении они ими и остаются. Никаких добрых чувств к Европе, особенно к англичанам, немцам, французам, китайцы не испытывают. Возможно, что эти исторические эмоции в каком-то смысле даже более сильны, чем недовольство КНР нынешней Японией. Японский империализм, по мнению отдельных китайских историков, лишь следствие, вторичный продукт западного (европейского) колониализма.

Понятно, что подобные настроения не демонстрируются открыто. Но они отражают часть «скрытого» китайского менталитета. Европейские же лидеры, возможно, считают, что если они сменили свою жесткую риторику и критику на комплименты и поздравления Китаю по поводу его успехов, то все проблемы прошлого и настоящего автоматически решены.

К слову, сразу после завершения XVIII съезда КПК (ноябрь 2012 г.) председатель Европарламента М. Шульц, комментируя выступления на съезде китайских руководителей, подчеркнул, что многие озвученные идеи (борьба с коррупцией, социальное развитие и др.) являются поучительными и могут рассматриваться за рубежом как источник вдохновения.

Трудно сказать, насколько «вдохновят» европейцев идеи съезда КПК. Похоже, чем больше политики ЕС будут произносить восторженные, заискивающие комплименты, тем сильнее в КНР будет расти убежденность в том, что Европа окончательно сломлена и слаба, что можно наращивать преимущество и окончательно «выходить из тени». В чем это конкретно будет выражаться — покажет ближайшее будущее. В настоящее же время внешняя реакция китайцев на европейские реверансы остается традиционной — ответные уважительные поклоны в духе «дипломатии улыбок».

Примечания

¹ Rise of China: Indian Perspectives / Editors: S.Gopal, Nabeel A. Mancheri. Bangalore, New-Delhi, 2013. P. 29—34, 57—62, 95—112.

² Ibid. P. 39—45.

³ URL: <http://www.stratfor.com/sample/forecast/annual-forecast-2013>.

⁴ Мосяков Д.В. Политика Китая в Юго-Восточной Азии в прошлом и настоящем. М., 2012. С. 124—134, 156—159.

А. Ф. Клименко*

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ В АТР, ИХ СООТНОШЕНИЕ С ИНТЕРЕСАМИ ДРУГИХ АКТОРОВ В РЕГИОНЕ

Аннотация. В статье рассматриваются факторы, определяющие рост значения АТР в системе международно-политических отношений. Раскрывая роль и место РФ в этом регионе, автор также исследует российские интересы на восточном направлении, их соотношение с интересами других государств. Анализируются противоречия между устремлениями основных региональных акторов и характеризуются зоны напряженности в АТР, оцениваются вызовы и угрозы интересам РФ в регионе, их влияние на безопасность нашей страны, излагаются рекомендации по защите российских интересов в АТР.

Ключевые слова: Азиатско-Тихоокеанский регион, национальные интересы России, вызовы и угрозы, стратегия США в АТР, Япония, Китай, Индия, Восточная Сибирь и Дальний Восток, защита интересов России.

* Клименко Анатолий Филиппович — генерал-лейтенант (отст.), к. воен. н., зам. руководителя Центра стратегических проблем СВА, ШОС и БРИКС ИДВ РАН.

1. Роль и место России в АТР

Принятие России в организацию Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС, Ванкувер, 1997 г.), еще ранее — получение ею статусов партнера Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН, 1996 г.) и наблюдателя в Организации американских государств (ОАГ, 1992 г.) стало, по сути, официальным признанием РФ в качестве государства АТР — региона, который в наступившем тысячелетии во многом начинает определять мировую политику. А успешное проведение Россией в 2012 г. саммита АТЭС во Владивостоке на о. Русском окончательно закрепило за нею этот статус.

Восточная Азия — один из субрегионов и важнейшая часть АТР. На наш взгляд, нецелесообразно проводить четкую границу между всем регионом и его субрегионами. Более того, политика таких крупных стран Юго-Восточной и Южной Азии, как Австралия, Новая Зеландия, Филиппины, Индия и Пакистан, в полной мере затрагивает интересы Китая, России, США, обеих корейских государств и Японии. Процессы и тенденции, происходящие в АТР, обуславливают образование и развитие очагов региональной напряженности, которые при определенных условиях могут нарушить не только стабильность в АТР, но и вызвать глобальные потрясения. Поэтому в процессе разрешения региональных проблем и противоречий должны учитываться не только стратегические цели, интересы и возможности входящих в АТР стран, но и их видение региональной системы безопасности, структуры и задач такой системы и ее взаимосвязь с другими региональными и глобальными системами безопасности.

Россия, будучи евразийской державой, сегодня оказалась перед серьезными вызовами. Бурное развитие АТР потребовало от РФ переоценки национальных интересов и «пагубных последствий неравномерности развития своих регионов, заброшенности гигантских территорий»¹. Наглядно эту неравномерность иллюстрирует табл. 1.

Признание того, что экономический «центр тяжести» смещается в АТР, становится повсеместным. Мировая история сви-

Таблица 1. Соотношение базовых стратегических показателей европейской и азиатской частей России по состоянию на 01.01. 2013 г.*

Показатели	Ед. измерения.	Россия, всего	В том числе	
			в Европе	в Азии
Территория	Тыс. кв. м %%	17 201,7 100 %	4551,2 26,5 %	12 650,5 73,5 %
Население	Тыс. чел. %%	143 100 100 %	117 553 82,1 %	25 547 17,9 %

* Таблица составлена автором на основе официальных статистических данных.

детельствует: перенос куда-либо экономического центра неуклонно влечет за собой перемещение туда же политического и военного компонентов. Поэтому России сегодня необходимо выстраивать стратегию развития так, чтобы эффективно решить две взаимосвязанные задачи. Первая из них — активизировать участие РФ в региональных интеграционных процессах и через это — развернуть новый этап в освоении Сибири и Дальнего Востока с пользой для всей страны и для других государств, которые примут участие в этом процессе. Решение этой задачи возможно только в условиях мирных и стабильных межгосударственных отношений в регионе, и поэтому обеспечение таких условий — вторая, не менее важная задача.

Из этого следует, что *система национальных интересов России включает:*

- со-развитие с другими ведущими государствами АТР методом активного участия в региональных интеграционных процессах на принципах равенства и открытости;
- поддержание мира и стабильности в регионе, создание иных благоприятных внешних условий для проведения внутренних преобразований и обеспечения динамичного экономического роста в стране;
- сохранение государственного суверенитета и территориальной целостности РФ, что имеет для ее безопасности и развития определяющее значение. Это жизненно важные, стратегические интересы России в текущий период времени и в перспек-

тиве. Для их реализации государство должно использовать все имеющиеся в его распоряжении средства: экономические, политико-дипломатические, информационные, военные и др.

2. Соотношение интересов России с интересами других государств АТР и методы их обеспечения в контексте региональной безопасности и стабильности

В настоящее время первый из перечисленных выше стратегических интересов — активное развитие двустороннего и многостороннего сотрудничества со всеми странами региона, и в первую очередь с — наиболее развитыми из них, такими, как Китай, Япония, Южная Корея и США — является наиболее актуальным. Именно за счет конструктивного участия в региональной интеграции Россия получает возможность обеспечить следующие ключевые условия реализации этих интересов, а именно — поддержание мира и стабильности в АТР, создание иных благоприятных внешних условий для социально-экономического развития страны, прежде всего районов Сибири и Дальнего Востока.

Как известно, на европейском направлении важным фактором решения этой задачи является общеевропейская система коллективной безопасности. Создание подобной системы актуально и для АТР. Вместе с тем многие российские эксперты считают, что формирование системы коллективной безопасности с жесткой иерархической структурой в этом регионе маловероятно². Поэтому для российской стратегии по созданию региональных режимов безопасности важны следующие направления:

- развитие военно-политических мер доверия в АТР;
- налаживание многостороннего консультативно-переговорного процесса с использованием имеющихся в регионе переговорных структур и сложившейся военно-политической инфраструктуры;
- развитие двусторонних связей со странами АТР в области региональной безопасности и стабильности, включая военно-техническое сотрудничество;

- развитие структур безопасности в рамках существующих региональных объединений — Регионального форума АСЕАН, АТЭС, ВАС и др.;

- обеспечение интересов России на Корейском полуострове: активное налаживание отношений с его Севером и Югом, участие в решении северокорейской ядерной проблемы;

- продвижение российских инициатив по кодификации норм и правил торговли оружием в АТР, по созданию центров превентивной дипломатии и предотвращения конфликтов;

- активизация роли России в урегулировании региональных конфликтов и территориальных споров.

Перспективными формами российского участия в строительстве региональных режимов безопасности являются укрепление режима ядерного нераспространения, поддержание военного присутствия в АТР, прежде всего военно-морского, сотрудничество в деле обеспечения безопасности на море, в том числе в борьбе с пиратством.

Для России в этом контексте особое значение также имеют:

- поддержание стабильных, сбалансированных отношений с каждым из государств Восточной Азии на принципах свободы выбора и добрососедства и сохранение в краткосрочной перспективе статус-кво, но с постепенным расширением влияния РФ на дела региона;

- оперативное реагирование на поведение партнеров-соперников, поиск и приобретение новых стратегических партнеров на долговременную перспективу, решение текущих и перспективных проблем путем совместной реализации совпадающих интересов;

- обеспечение понимания и уважения интересов России, пропаганда ее конструктивной роли при решении проблем Восточной Азии, размывание образа России как страны, несущей угрозу народам соседних государств³.

Следующим жизненно важным интересом России остается обеспечение ее государственного суверенитета и территориальной целостности. Угрозы безопасности России могут возникнуть в случае серьезного ослабления связей ее восточной части с Центром, предпосылки к чему пока сохраняются. Сократив-

шееся в постсоветский период население восточных регионов РФ без существенной поддержки со стороны государства может утратить позиции главной производительной силы российского Дальнего Востока и «раствориться» в активно мигрирующем сюда населении сопредельных ей стран. Это грозит потерей не только культурно-национальной самобытности живущих здесь народов и превращением данного региона в сырьевой придаток соседних государств, но и (в более отдаленной перспективе) создает условия для утраты этих территорий на фоне растущего демографического давления со стороны Китая. Нужна крайняя осторожность и при решении Россией проблемы территориального разграничения с Японией. Существенное изменение политики РФ в этой области, отход от принципиальной и объективно обусловленной позиции по сохранению территориальной целостности страны могут не только нанести серьезный ущерб собственной безопасности, но и спровоцировать обострение территориальных споров в АТР в целом.

Одним из эффективных и перспективных методов решения стоящих перед государством задач на восточном направлении и усиления роли России в делах АТР может стать участие нашего государства в деятельности крупных многосторонних объединений, способных комплексно решать региональные проблемы — от экономических до военно-политических.

Россия выступает против формирования в регионе замкнутых военно-политических союзов, отдавая предпочтение совершенствованию инструментов переговорной дипломатии в противовес методам силового вмешательства, характерным для многосторонних структур типа НАТО. Сам принцип многополярности, подразумевающий уравнивание в правах и обязанностях всех членов новой структуры безопасности, позволяет избежать монополизации каким-либо международным актором процессов принятия решений и определения курса развития.

Рассмотрим позиции и интересы других основных государств региона в контексте их соотношения с указанными выше интересами России и влияния на региональную безопасность и стабильность.

Позиции и интересы США в АТР

Позиции США в АТР прочны, а интересы многоплановы. Вместе с тем в Вашингтоне осознают повышение роли других ведущих стран региона, в первую очередь Китая и Японии, а также региональных организаций (АСЕАН), региональных форумов (АТЭС, АРФ), новых региональных институтов сотрудничества (АСЕАН+Китай) и иных структур, влияющих на процессы, происходящие как в АТР, так и в мире в целом. Поэтому сохранение ведущей роли и обеспечение американских интересов в регионе является важной задачей в деле упрочения глобального лидерства США. Этим объясняется усиливающееся стремление Соединенных Штатов участвовать в важнейших делах АТР.

И все же главное внимание Вашингтон концентрирует на отношениях со странами СВА, такими, как Япония, Китай и Россия, а также на контроле ситуации на Корейском полуострове и вокруг Тайваня. Кроме того, США проявляют заинтересованность в развитии сотрудничества с государствами АСЕАН, которое может оказать влияние на масштаб реализации американских интересов в АТР. Причем потенциал этих стран будет возрастать, а потому в случае неблагоприятного для США развития обстановки в регионе может возникнуть серьезная угроза американским интересам.

В США осознают, что в АТР нарастает борьба за лидерство, на которое, по мнению Вашингтона, претендует Китай и, в меньшей степени, — Япония. Эта борьба обостряет межгосударственные противоречия в регионе, прежде всего экономические и политические, и территориальные споры. Усиливается внутренняя напряженность в ряде стран, что связано с активизацией сил сепаратизма и терроризма. Это, в свою очередь, представляет серьезную угрозу государственной целостности. Данные факторы способны дестабилизировать обстановку в АТР и отрицательно повлиять на международно-политическую ситуацию в целом.

Стратегия Вашингтона будет нацелена на сохранении в АТР безусловного американского лидерства. Учитывая историческую разобщенность государств региона, США и дальше будут

поддерживать условия, при которых для этих государств предпочтительнее окажутся прочные связи с Америкой, нежели друг с другом. Это сохранит востребованность американского присутствия в АТР для «поддержания стабильности», обеспечивая Вашингтону контроль над региональной обстановкой и возможность влияния на нее.

Несмотря на то, что военное присутствие остается краеугольным камнем азиатской политики США, американская администрация заявляет, что в современных условиях оно уже не обеспечивает нейтрализацию всех вызовов в Северо-Восточной Азии и АТР в целом и не в состоянии оставаться единственным гарантом безопасности. Поэтому США хотят переложить часть военных функций на союзников в регионе, сохраняя при этом контроль над их военной мощью (более подробно об этом будет сказано в следующем разделе). На достижение этой цели и направлен призв США к созданию регионального военно-политического союза с вовлечением в него помимо Японии и Южной Кореи (с которыми существуют двусторонние союзнические отношения) Австралии, Новой Зеландии и, по возможности, других стран АТР.

Несмотря на ряд значительных расхождений между Москвой и Вашингтоном по некоторым основным международным проблемам, в России не могут не учитывать, что объективно США являются одним из ключевых игроков и, как это ни парадоксально на первый взгляд, — стабилизирующим фактором в АТР. Поэтому взаимодействие с США при решении региональных проблем безопасности как традиционного, так и нетрадиционного плана, как на двустороннем уровне, так и в рамках многосторонних структур, становится одним из важных направлений внешнеполитической деятельности РФ.

Интересы Китая и его роль в АТР

Роль и влияние китайского военно-стратегического фактора в АТР обусловлены тем, что КНР является крупной континентальной и морской державой с многочисленным населением, занимающей выгодное географическое положение в регионе.

По мнению авторитетных российских экспертов, характер экономических преобразований, осуществляемых в Китае, и целенаправленно претворяемая им в жизнь внешнеполитическая стратегия нацелены на корректировку парадигмы функционирования мировой системы и формирование огромной зоны «тесного взаимодействия с Китаем» по периметру страны. Это может существенно скорректировать (если не трансформировать полностью) систему международных и региональных отношений⁴. Понятно, что такая трансформация займет немало времени и будет обставлена многочисленными условиями. Однако сегодня такая тенденция уже не представляется столь невероятной, как это было 10 лет назад.

Китай в осуществляемой им трансформации региональной системы отношений, по мнению ряда аналитиков, преследует стратегические цели:

- безусловного признания мировым сообществом его территориальной целостности (принадлежности КНР Тайваня, Тибета, Синьцзяна);
- международного признания особых прав Китая в акваториях Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей и достижения преобладающего влияния в Юго-Восточной Азии;
- приемлемого для КНР решения территориальных вопросов с соседними государствами;
- поддержки соседними государствами китайских позиций в спорах с США и Западом в целом;
- фактического признания «особых отношений» между Китаем и Монголией, «особого положения» КНР в Центральной Азии, отказа других стран от участия в антикитайских коалициях и от военного противостояния Китаю;
- проведения другими государствами торгово-инвестиционной политики, дружественной КНР;
- признания ведущей роли Китая в регионе, выражающейся в виде неформальных, но фактически обязательных консультаций с Пекином перед принятием важных внешнеполитических решений;
- готовности других стран принимать китайских иммигрантов, закрепления «особых прав» китайских меньшинств за рубежом и признания права Пекина на их защиту.

Вопрос о том, в какой степени эти стратегические задачи КНР повлияют не только на региональные, но и на глобальные международные отношения, остается открытым. В этом и заключается суть дискуссии о «новой роли» Китая, о его возможном «лидерстве» в международном сообществе. Понятно, что цели, сформулированные Китаем, более амбициозны, чем цели регионального лидера, хотя это пока не афишируется.

Китай создал в настоящее время такой потенциал, к которому не смогло приблизиться ни одно региональное государство. При этом нельзя не замечать, что прежде, включая первое десятилетие XXI в., долгосрочная стратегия КНР вытекала из интересов подъема экономики страны, чему было подчинено и военное строительство. Поэтому Пекин действовал корректно, не провоцируя открытого противостояния других государств, тем более — образования какой-либо антикитайской коалиции. Но в последнее время экспертами все чаще отмечаются националистические тенденции в КНР, выражающиеся в призывах более активно проводить политику по реализации национальных интересов, в том числе с опорой на возросшую военную мощь страны. Уже сейчас китайские политологи ставят вопрос о перераспределении приоритетов в военном строительстве и о выдвижении новых целей в области военно-стратегического планирования⁵.

Источники угрозы своим интересам в КНР связывают, прежде всего, с государствами, способными помешать достижению ее целей. К ним относятся страны (в первую очередь США), поддерживающие стремление Тайваня к независимости. Сюда включаются и государства, претендующие на острова и морские акватории, которые Китай считает своими. Угрозы интересам КНР Пекин видит также в возможности обострения обстановки на Корейском полуострове, в сепаратистских движениях в Синьцзян-Уйгурском и Тибетском автономных районах и в иных движениях национальных меньшинств, особенно в случае поддержки их извне. В китайском Интернете появляются рассуждения на тему о том, что до 2050 г. Китаю будет необходимо вести 6 войн: за Тайвань, за острова в Южно-Китайском море, за Тибет, за Монголию и войны с Японией и с Россией⁶. Такого

рода рассуждения официальные китайские власти из Интернета не изымают, хотя в иных случаях такая практика имеет место. Это дает основания для размышлений на перспективу.

Сегодня былая конфронтация с другими странами по идеологическим мотивам заменена Пекином прагматическими установками по обеспечению экономических интересов КНР. На практике это означает перенос военно-стратегического вектора с северо-западного направления на юго-восточное. Это ведет к тому, что ранее «сухопутный» Китай стал приобретать черты морской державы.

Фактор такой смены вектора военной стратегии КНР важен для России, ибо он требует прочного тыла и дружественного соседа и партнера в ее лице. Этим объясняется стремление Пекина урегулировать спорные вопросы с Москвой, подписание в 2001 г. Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР, провозгласившего стратегическое партнерство между странами, а также его активная работа в ШОС, направленная на обеспечение стабильности в Центральной Азии.

Конечно, нельзя не согласиться с мнением академика М.Л. Титаренко относительно того, что «было бы наивным предрекать абсолютную безоблачность процессу функционирования российско-китайского стратегического партнерства. Национальные интересы, а также все позиции двух стран не могут совпадать всегда и во всем. Но не частными расхождениями, а общими жизненными потребностями должны определяться взаимоотношения России и Китая на двустороннем уровне, в региональной и мировой политике»⁷.

И лишь в том случае, «если произойдет полная или частичная ренационализация политики в области безопасности государств региона, Россия вынуждена будет рассматривать регион как потенциальный источник этнических конфликтов, пограничных споров и общей военно-политической нестабильности»⁸. Поэтому стратегическое партнерство России и Китая в рамках общей структуры регионального сотрудничества является гарантом их безопасности. Свертывание же взаимодействия между ними может послужить побудительным мотивом для изменения Россией своей политики на Востоке.

Национальные интересы и политика Японии в АТР. Внешне-политические мотивы трансформации линии Японии в сфере безопасности

В Японии рассматриваются три основных направления обеспечения безопасности: продолжение действия двустороннего американо-японского Договора по безопасности; проведение многосторонней межгосударственной игры, в которой так или иначе участвуют все страны Северо-Восточной Азии; осуществление собственной национальной политики в области военного строительства.

Японские эксперты обращают внимание на развитие «дуги нестабильности», простирающейся от Ближнего до Дальнего Востока, а также появление в АТР «военного конкурента с гигантской ресурсной базой», вследствие чего не исключается возможность крупномасштабного военно-политического противостояния в регионе. При этом выделяются два аспекта, определяющих динамику развития ситуации в АТР и непосредственно затрагивающих вопросы обеспечения безопасности Японии.

Во-первых, это наличие ряда конфликтных зон регионального масштаба, где не исключается возникновение вооруженного конфликта, в который могут быть втянуты все основные страны АТР. Речь идет, прежде всего, о ситуации на Корейском полуострове и в Тайваньском проливе, о территориальных спорах в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях.

Во-вторых, угрозы локального плана, тем не менее, также связанные с вызовами безопасности в АТР. Эти угрозы обусловлены взаимными подозрениями относительно целей военного строительства, активизацией местного национализма, межэтническими трениями, использованием террористических методов борьбы, расширением наркобизнеса в целях получения финансовых ресурсов, увеличением случаев пиратства.

Особое внимание модернизации своих ВВС и ВМС, уделяемое Японией и иными ведущими государствами АТР, связано с опасениями оказаться вне борьбы за контроль над Южно-Китайским морем, а также критически важными Малаккским и Тайваньским проливами, где проходит основной трафик нефти и сжиженного газа из зоны Персидского залива.

В связи с этим обращает на себя внимание тот факт, что в апреле 2012 г. Либерально-демократическая партия Японии опубликовала проект новой Конституции, в котором нынешние «силы самообороны» (ССО) переименовываются в «вооруженные силы». Предлагается также повысить властные полномочия премьер-министра в сфере принятия решений в «экстренных» условиях, требующих использования военной силы.

В предвыборном манифесте ЛДП говорилось о необходимости нового толкования «пацифистских» статей Конституции 1947 г., которое позволило бы ССО участвовать в акциях коллективной самообороны, предусмотренных Уставом ООН. Кроме того, премьер страны С. Абэ выступает за резкое смягчение тех положений ст. 96 нынешней Конституции, которыми прописан порядок внесения в нее изменений с тем, чтобы в будущем стало возможным полностью исключить из документа «пацифистские» ст. 1 и 2.

Это направление деятельности руководства страны становится приоритетным. Так, с принятием серии новых законов с 1992 г. по настоящее время в сфере обеспечения безопасности Япония вышла на качественно новый уровень не только с точки зрения расширения роли ССО по защите собственно территории Японии и «прилегающих районов», но и действий ССО на международной арене. Эти шаги представляют собой поворот в японской политике обеспечения безопасности и одновременно постепенный отход от «абсолютного пацифизма». При этом параллельно с созданием законодательной базы для пересмотра военной политики предпринимаются, хотя и осторожные, но вполне конкретные шаги по изменению конституции Японии.

Объективные факторы свидетельствуют, что качественные изменения в формировании военной политики Японии обусловлены в основном процессом роста «комплексной мощи» КНР, которая Японией, а также некоторыми другими соседями Китая расценивается как главный источник угрозы их безопасности и другим национальным интересам. Что же касается фактов, позитивно влияющих на развитие ситуации в регионе, то японскими экспертами подчеркивается «критическая значимость» вовлеченности США в дела АТР. Ценится и определен-

ная активизация региональных межгосударственных институтов (при пессимистическом, в целом, взгляде на их возможности).

Отмечая сохранение пока еще конституционно установленного отказа «от обладания вооруженными силами, а также от войны, как способа решения» государственных проблем (основное положение ст. 2 Конституции 1947 г.), можно полагать, что в перспективе стремление Японии к мирным формам урегулирования конфликтов, снижению напряженности в районах потенциальных кризисов не утратит своей актуальности.

В связи с вышеизложенным, представляется, что в близкой перспективе политика Японии не будет нести непосредственную угрозу безопасности России. Более того, струнулись с места вопросы нашего экономического сотрудничества с этой страной, в том числе по освоению восточных регионов РФ. Вместе с тем предметом озабоченности российской стороны остается проблема территориальных претензий Японии к России. Видимо, «узлы» этой проблемы могут быть развязаны методом постепенного сближения двух стран при их активной совместной деятельности в региональных интеграционных процессах.

Корейская Народно-Демократическая Республика (КНДР)

После событий в Югославии, Ираке и Ливии Пхеньян убедился, что рассчитывать на защиту международного права не приходится, а следует полагаться только на собственные возможности. Поэтому стремление КНДР обладать ядерным оружием в качестве средства сдерживания приобрело совершенно определенный смысл.

Следует отметить, что, встав по этой причине на путь конфронтации с США, КНДР все чаще прибегает к угрозам в адрес союзника Соединенных Штатов — Южной Кореи, вплоть до объявления состояния войны с этим государством, что уже спровоцировало расширение экономических санкций и участие в проведении американо-южнокорейских военных маневров у границ Северной Кореи.

Географическая близость России к Корейскому полуострову традиционно обуславливает ее особое внимание к обстановке на

нем. Межкорейское урегулирование в значительной мере лишило бы аргументов сторонников создания в СВА как национальной ПРО, так и ПРО ТВД. Поэтому Россия проводит политику поддержания сбалансированных отношений с обоими корейскими государствами, будучи заинтересованной как в двусторонних отношениях с ними, так и в большей предсказуемости и устойчивости ситуации на Корейском полуострове и вокруг него. Ликвидировать образовавшийся на этом направлении дисбаланс был призван подписанный в феврале 2000 г. новый межгосударственный договор между Россией и КНДР. Активизация взаимодействия Москвы с обеими Кореями расширяет возможности РФ вносить свой вклад в нормализацию обстановки на полуострове и укреплять сотрудничество в интересах корейского урегулирования с другими заинтересованными государствами, прежде всего США, КНР и Японией.

Но и этим, и другим государствам — независимо от степени их вовлеченности в субрегиональные дела и интенсивности их влияния на Пхеньян и Сеул — также важно максимально способствовать нормализации обстановки на полуострове.

Республика Корея (РК)

Внешнеполитические интересы РК по-прежнему лежат в области обеспечения собственной безопасности и сохранения союзнических отношений с США. Америка воспринимается в Южной Корее как гарант безопасности и стабильности на полуострове. Сеул заявляет о заинтересованности в сохранении американского военного присутствия на территории страны даже после того, как Корея станет единым государством.

Многие наблюдатели рассматривают урегулирование межкорейских отношений в качестве фактора, способного сдерживать угрозу войны на полуострове в обстановке, когда другие методы не работают. В то же время в данном районе пересекаются интересы 4 соседствующих государств, и вполне естественно, что у них существуют свои представления о способах решения этой проблемы, а также о средствах достижения региональной безопасности.

Целью южнокорейского правительства на протяжении последних лет было поэтапное создание системы сотрудничества в сфере совместной безопасности Северо-Восточной Азии. Первым этапом является мирное разрешение проблемы северокорейских ядерных вооружений. На втором этапе подразумевается установление мирного режима путем подготовки обширной программы построения мира на Корейском полуострове и заключения мирного договора. На последнем этапе — создание системы совместного сотрудничества стран региона путем институализации диалога по вопросу многосторонней безопасности и обороны и достижения совместного процветания на основе экономической кооперации. Однако данные намерения Сеула остаются лишь благими пожеланиями из-за воинственных настроений, усиливающихся в Пхеньяне после серии удачных испытаний ракетно-ядерного оружия.

Подводя итог анализу соотношения национальных интересов государств СВА и средств их обеспечения в контексте региональной безопасности и стабильности, следует отметить, что факторами, способствующими многостороннему сотрудничеству в сфере безопасности, являются:

- рост числа стран, подчеркивающих или не отрицающих принцип многополярности, например, таких, как Россия, Китай, Южная Корея, Япония;
- практическое содействие США многостороннему сотрудничеству в области безопасности региона, но с антикитайским подтекстом;
- участие большинства стран Северо-Восточной Азии в АРФ и осознание ими плюсов и минусов регионального сотрудничества в области безопасности;
- расширение круга проблем безопасности, требующих совместного решения (например, международный терроризм, распространение оружия массового уничтожения, обеспечение безопасного морского пути, вопрос беженцев, противозаконная торговля оружием).

В отличие от Европы, в Северо-Восточной Азии в связи с активизацией многосторонней кооперации экономические факторы по важности традиционно стоят выше, чем оборонные.

Они в условиях глобальной и региональной интеграции могли бы стать надежной основой для создания системы безопасности в АТР. Но новая военная стратегия Вашингтона, смещающая вектор военных усилий США на АТР, и особенно усиление американо-китайского соперничества с вовлечением в этот процесс других государств региона, усиливают здесь военную напряженность.

3. Динамика военно-политической обстановки в АТР и источники военной опасности для России

В целом, военно-политическая ситуация в АТР выглядит сравнительно устойчивой, чему способствуют усиливающиеся межгосударственные связи, прежде всего в торгово-экономической сфере. Нельзя не отметить расширение сотрудничества в технико-технологической сфере между государствами с развитой рыночной экономикой (США, Япония, страны АСЕАН) и странами, сохраняющими приверженность модернизированной социалистической модели (Китай, Вьетнам, Северная Корея).

Вместе с тем сохраняется ряд факторов, которые серьезно угрожают политической стабильности и безопасности, порождают очаги напряженности в АТР. Такие очаги (их здесь насчитывают как минимум 19) известны. Они обусловлены территориальными, политико-экономическими и религиозно-этническими противоречиями почти 40 стран региона. Районами наиболее крупных очагов напряженности являются Корейский полуостров, «зона Тайваня», Восточно-Китайское и Южно-Китайское моря из-за наличия там неурегулированных территориальных споров. Среди нетрадиционных угроз — этнический сепаратизм, терроризм, морское пиратство и др. Все это создает угрозу стабильности в регионе, затрагивая и интересы безопасности России.

Развитие международной ситуации в АТР обостряет и выводит на новый уровень «приглушенное» ранее противоречие между утрачивающими свои позиции США и крепнущим Китаем.

Дело в том, что военное, экономическое и инновационное лидерство, несмотря на перипетии последних лет, будет и в дальнейшем обеспечивать США место на высшем уровне иерархии в АТР. Вместе с тем непрерывный рост комплексной мощи Китая уверенно выводит КНР на второй уровень этой иерархии. А после отказа Пекина от американского предложения о разделе сфер влияния, опасаясь утратить ведущую роль в регионе, США усилили курс на сдерживание Китая. Это проявляется и в новой оборонной стратегии США, и в наращивании ими военной группировки в АТР, а конкретнее — в концентрации Вашингтоном военных усилий на китайском направлении.

Но, если прежде речь шла преимущественно о двустороннем американо-китайском соперничестве, то теперь ставка делается на подъем альтернативных Китаю центров влияния в АТР и в зоне Индийского океана. В качестве таких центров Вашингтоном рассматриваются, наряду с традиционными союзниками — Японией, Южной Кореей и Тайванем, также Вьетнам, Филиппины, Индия и некоторые другие страны, которые планируется привлечь для создания «оборонительного пояса» вокруг КНР. США готовы предоставить этим странам определенные ресурсы для достижения статуса полноценных региональных держав в обмен на готовность принять сторону Вашингтона в американо-китайском соперничестве.

Стратегическую задачу по созданию вокруг Китая «оборонительного пояса» можно подразделить на две тактические. Первая — собственно военная — усиление американской группировки вооруженных сил в регионе. Для ее решения США заключили соглашение о размещении американских войск на австралийской базе Дарвин⁹. К 2016 г. там будут дислоцированы более 2,5 тыс. военнослужащих США и «некоторое количество флотских и авиационных соединений»¹⁰. По некоторым данным, в Австралии будут размещены современные типы вооружения, включая истребители F-22 и транспортные самолеты C-17. Увеличивается американский контингент на о. Гуам в Тихом океане, а также расширяется присутствие ВМФ США в акваториях стран-союзников. Наряду с другими пунктами базирования, военная база в Австралии замкнет «кольцо окружения»

вокруг Китая и позволит контролировать Малаккский пролив, через который проходит транзит энергоресурсов из Африки и Ближнего Востока, и попутно держать под наблюдением все государства региона. В зоне Тихого океана планируется усилить и основное американское средство проецирования военной мощи — авианесущие соединения. Кроме того, в Тихом океане будет сосредоточена большая часть крейсеров, подводных лодок и других типов судов. В целом Вашингтон намерен к 2020 г. разместить в АТР до 60 % американских ВМС¹¹.

Вторая тактическая задача — политико-дипломатического свойства — создание двух- и многосторонних альянсов, де-факто направленных против Пекина. Успех в этом достигается во многом благодаря двум факторам. Первый — опасение соседей Китая того, что растущие амбиции новой глобальной державы скорее рано, чем поздно, поставят их в зависимость от Пекина. Кроме того, у многих стран (Южная Корея, Вьетнам, Япония) сильны исторически сложившиеся страхи. Они обусловлены экспансионистской традицией китайских царств в древности и в средние века, а также тем, что Пекин захочет-де взять реванш за империалистическую политику, которую проводили некоторые его соседи в период ослабления Китая последние 200 лет (прежде всего это касается Японии, а в более отдаленной перспективе — и России¹²).

Несмотря на заверения в том, что все эти действия не направлены против КНР, причина их достаточно очевидна: США начали рассматривать Китай как стратегического соперника, а его динамичное развитие — как вызов американскому влиянию в АТР. В этих условиях возможно обострение традиционных для региона «тлеющих» пограничных, территориальных и иных конфликтов, в которых одной из противостоящих сторон является Китай. Фактически этот процесс уже начинается. Понятно, что в случае кризисной ситуации поддержка со стороны США будет обеспечена другой соперничающей стороне, о чем свидетельствует комплекс японо-американских учений вблизи спорных островов Дяоюйдао (Сенкаку).

Наряду с наращиванием военных группировок, для «обесценивания» ядерного потенциала КНР создается пояс противора-

кетной обороны от Австралии через Филиппины, Южную Корею и Японию до американского континента как составная часть глобальной системы ПРО. В случае начала реализации после 2018 г. третьего, а после 2020 г. — четвертого этапа ее развития, предполагающего возможность перехвата стратегических ракет, военно-политическая напряженность будет нарастать.

Большое значение в американской военной стратегии, в плане привлечения к процессам сдерживания Китая, уделяется Индии, которая, по мнению разработчиков этой стратегии, обладает необходимыми средствами, чтобы обеспечить соблюдение экономических интересов США в районах, прилегающих к Индийскому океану.

Индия ведет себя взвешенно. Она, на наш взгляд, не желает обострять отношения с КНР, будучи наблюдателем при ШОС и поддерживая отношения с Китаем в других неформальных международных организациях — РИК и БРИКС. Но «взвешенность» поведения Индии довольно лабильна. Двусмысленное поведение страны объясняется давней историей конфликтов с Китаем. Руководители и военные Индии с опасениями смотрят на то, как КНР модернизирует армию, развивает военную инфраструктуру и расширяет свое военное преимущество над Индией в граничащих с ней районах. Для некоторых в Индии противостояние Китаю имеет большее значение, чем давнему врагу — Пакистану. Для противодействия КНР Индия проводит модернизацию вооруженных сил и замену устаревшего оружия советского времени. Заказы на истребители, боевые корабли, вертолеты и оружие сделали Индию мировым лидером по объемам военного импорта.

В Пекине все меры по реализации Вашингтоном новой военной стратегии расцениваются как прямая военная угроза. В целом стратегию КНР в регионе можно охарактеризовать как пассивно-ответную, ибо инерционное развитие событий объективно работает в интересах Китая и против его оппонентов, прежде всего США. Китайская армия постепенно перевооружается, делая упор на морские средства проецирования силы. Это подтверждают слова теперь уже бывшего председателя КНР Ху Цзиньтао, сказанные им на совещании с высшим военным ру-

ководством страны: китайский военно-морской флот должен «готовиться к войне». Характерно, что XVIII съезд КПК подтвердил тезис Ху Цзиньтао, провозгласив курс на превращение КНР в мощную морскую державу. Китай провел испытания первого авианосца, заявив, что он никому не угрожает. Новые поколения китайских ракет уже способны поразить американские базы в Южной Корее и Японии. Призыв к руководству ВМС вполне можно расценивать как ответную меру Пекина на американские планы.

Вместе с тем эксперты считают, что и без США у КНР достаточно причин для активизации своих военно-морских сил. Прежде всего, это обострение отношений с соседями по вопросам спорных территорий. К ним относятся расположенные в Восточно-Китайском море о-ва Дяоюйдао (японское название Сенкаку), Парасельские о-ва и архипелаг Спратли в Южно-Китайском море, на которые вместе с КНР претендуют Вьетнам, Малайзия и Индонезия. Накал спора подогревается расчетами на возможное наличие углеводородов на островных шельфах.

Кроме того, Китай во многом зависит от морских коммуникаций, на которые приходится значительный объем его грузооборота. Более 85 % нефти и нефтепродуктов доставляется в КНР из стран Персидского залива и Африки по Индийскому океану через узкий Малаккский пролив¹³. Поэтому КНР наращивает усилия по реализации принятой в 1995 г. «Стратегии активной обороны», предусматривающей создание таких ВМС и поддерживающих их ВВС, которые были бы способны не только отразить агрессию с моря, но и активно оперировать в океанском ТВД. Этому призвано служить и развитие системы базирования ВМС КНР.

Следует обратить внимание на еще одно ключевое направление китайской политики — северо-западное. В орбиту влияния Пекина все больше вовлекаются страны Центральной Азии, большинство из которых, наряду с Россией, — участники ШОС. Тем самым Пекин обеспечивает себе «тылы» на случай обострения конфликта с США и другими противниками в регионе, включая Индию. Хотя Китай гарантировал себе ресурсную базу во многих регионах мира и продолжает проводить экономиче-

скую «экспансию» (например, заявлено о намерении вложить еще 20 млрд долл. в экономику Африки), практически все пути доставки сырья в страну — морские. Это значит, что США, обладающие абсолютным превосходством в Мировом океане, без проблем блокируют транспортные артерии (на подготовку такого сценария во многом и направлено усиление присутствия американского ВМФ в АТР)¹⁴. Соответственно, Пекину необходимы сухопутные маршруты транзита, которые легче прикрыть с использованием потенциала НОАК.

Наращение противоречий между США и Китаем объективно заставляет Пекин искать более тесные связи с Москвой. В «Жэньминь жибао» 30 января 2012 г. была опубликована статья «Китаю и России следует создать Евразийский альянс». По мысли ее автора, союз КНР и РФ должен быть направлен против Запада, ибо США окружают и изолируют наши государства, являющиеся «последней стратегической целью» Вашингтона. В такой ситуации, считает китайский эксперт, наши страны, имея единые интересы, «должны совместно сдерживать действия США по давлению на слабые страны, а также укротить (американские. — А.К.) стратегические амбиции в создании империи»¹⁵.

Своему руководству автор статьи рекомендует «пересмотреть политику неприсоединения..., изменить меры по решению международных дел, которые опираются лишь на экономические интересы и мирные цели...»¹⁶.

Россию, принявшую программы ускоренного развития Востока страны, имеющую комплекс экономических, политических и договорных связей с КНР, негативное развитие ситуации в регионе, связанное с углублением американо-китайского соперничества, затрагивает в полной мере, равно как и наращивание Соединенными Штатами системы ПРО. Тем более, что последнее обстоятельство становится проблемой глобального уровня.

Следует отметить, что идея образования «Евразийского альянса» выглядит заманчиво. Но, по нашему мнению, она малоперспективна. Нужно думать не о создании новых военно-политических альянсов, а о совершенствовании уже созданной организации, каковой является ШОС. А здесь есть поле и для

размышлений, и для активных действий, особенно по консолидации стран, входящих в эту Организацию.

Таким образом, США и КНР, по сути, уже находятся в состоянии конфронтации, хотя (пока еще) не военной. С одной стороны, это осложняет выработку политического курса для России, ввиду ее интереса к взаимодействию с обоими государствами. Но с другой — появляются и перспективы, недоступные при отсутствии столь масштабного антагонизма в АТР. У РФ есть шанс позиционироваться в регионе как сила нейтральная, что в условиях противостояния двух мощных акторов можно использовать для достижения собственных геополитических и экономических выгод. Вместе с тем отсутствие жестких союзнических обязательств и многовекторная политика России дают ей возможность противопоставить возможной угрозе со стороны одного из акторов, обладающего экспансионистскими планами, альянс с другим.

Имеется у России и иной шанс — остаться самостоятельным центром силы в «мягком изголовье» Китая — в Центральной Азии, где ее позиции пока еще достаточно сильны. Этот регион как источник ресурсов (а в перспективе — и часть транспортно-го коридора «Китай—Европа») имеет для Пекина стратегическое значение. Частично контролируя его, КНР способна оказывать влияние на баланс сил в АТР.

Но проблема в том, что в Центральной Азии позиции России начинают подвергаться эрозии и во многом — по причине активности КНР. Так, ШОС все больше выходит из-под контроля РФ из-за пекинской тактики «двусторонней дипломатии» и способности Китая привлекать гораздо большие, чем Россия, ресурсы для экономической и иной помощи центральноазиатским участникам ШОС, попадающим ввиду этого в зависимость от Пекина.

Правда, в силу подавляющего военного превосходства России под ее контролем находится Организация договора о коллективной безопасности, чья деятельность по ряду вопросов пересекается с ШОС. Так, например, на всех последних саммитах обеих организаций затрагивались вопросы безопасности в Центральной Азии. Однако остается под вопросом, решения какой

организации для ее членов будут важнее. К тому же в ОДКБ накопились глубокие проблемы, связанные с отсутствием полноценного доверия между ее участниками и ростом неопределенности вокруг Афганистана, что не способствует сплочению стран-членов вокруг Москвы.

Относительно системы ПРО. Для того чтобы наметившееся взаимодействие России с США и НАТО в данной области не обостряло российско-китайские отношения, нужен поиск приемлемых форм вовлечения в диалоги по этому поводу КНР, Индии и Пакистана. Только на такой основе может быть положено начало строительству коллективной системы регионального и глобального мониторинга ядерных потенциалов, а в перспективе — и созданию элементов многосторонней системы ПРО, которые будут дополнять политико-правовой и технический режимы нераспространения. Это не только снизит напряженность между ядерными державами, но и даст гарантии безопасности всем остальным государствам. Ведь в перспективе вполне вероятно становление в качестве ядерных государств не только КНДР и Ирана, но и увеличение числа «пороговых» стран, к которым можно отнести Японию, Тайвань и Южную Корею, обладающих соответствующим научно-техническим потенциалом и пока еще не претендующих на осуществление ракетно-ядерных программ. Нельзя исключать и возможность попадания таких технологий и средств в руки террористических организаций.

Военные показатели основных стран региона год от года растут. Динамика военных расходов поддерживается на достаточно высоком уровне, а их доля составляет (за исключением Японии) от 2,5 до 3,5 % от ВВП. При этом и в Японии, где военные расходы конституционно ограничены 1 %, они достаточно высоки, если учитывать абсолютную величину самого ВВП. Динамика военных расходов основных стран Северо-Восточной Азии приведена в табл. 2.

Таким образом, современная обстановка в АТР характеризуется сложным переплетением позитивных и негативных факторов и тенденций, важнейшими из которых являются:

- расширение сотрудничества между государствами с развитой рыночной экономикой (США, Япония, страны АСЕАН) и

Таблица 2. Динамика военных расходов основных стран СВА за 1996—2010 гг.

Страны	Военные расходы (млн долл., за исключением КНДР) по годам*				
	1996	2001	2006	2010	Рост
Китай	15 300	39 500	72 900	119 400	В 7,8 раз
КНДР	н.д.	3,2 млрд вон	67,1 млрд вон	82,6 млрд вон	В 2,7 раза
Россия	9100	28 833	42 317	58 668	В 6,4 раза
Респ. Корея	12 539	16 711	20 778	27 591	В 2,2 раза
США	298 058	378 925	561 555	698 281	В 2,3 раза
Тайвань	9606	8146	7419	9078	—
Япония	45 293	52 314	51 616	54 527	в 1,2 раза

Источник: Оценки за период 2001—2009 гг. приведены на основе данных ежегодника СИПРИ 2010 г., показатели в долларах даны в постоянных ценах и по обменным курсам 2009 г. А за 2010 г. — в текущих ценах (по России данные пересчитаны из национальной валюты по курсам на основе паритета покупательной способности).

Данные по Китаю являются оценкой совокупных расходов, включающих военные расходы, не показанные в военном бюджете.

Данные по Японии включают расходы на деятельность Особого комитета по Окинаве, но не учитывают расходы на выплату военных пенсий.

Данные по Южной Корее не включают расходы на три специальных фонда для передислокации военных объектов, баз США и выплату военных пенсий.

государствами, сохраняющими приверженность ее модернизированной социалистической модели (Китай, Вьетнам, Северная Корея);

- пересечение в этой части мира интересов России, США, Китая и Японии, сопровождающееся нарастающим соперничеством между США и Китаем и ростом конкуренции между Японией и Китаем;

- сохранение в регионе ряда серьезных очагов напряженности, порожденных в одних случаях межгосударственным политическим противостоянием (Корейский полуостров, Тайвань), в других — неурегулированностью проблем территориального размежевания. Здесь и наличие территориальных претензий

(Японии к России, Китая к Японии, Японии и Республики Корея, Китая и Республики Корея), и также споры о принадлежности островов в Южно-Китайском море между Китаем, Вьетнамом, Филиппинами, Малайзией и Брунеем;

- стремление стран создать региональные экономические сообщества и институты типа «АСЕАН + 1» (Россия), «АСЕАН+3» (Япония, Китай, Республика Корея), ВАС, чтобы адаптироваться к процессам глобализации, защититься от ее вызовов.

К этим факторам можно добавить прорыв КНДР, Индии и Пакистана в число ядерных держав и активное перевооружение этих стран, что оказывает существенное влияние на военную политику других государств, в том числе и в АТР.

Какие же выводы можно сделать на основе проведенного анализа?

1. В качестве новых моментов в нынешнем развитии обстановки в АТР следует отметить: усиливающуюся динамику региональных процессов; возрастающую мощь и глобализацию интересов Китая; стратегию наращивания присутствия США в АТР; углубление противоречий между США и КНР и усиление их противостояния в регионе.

2. Прямое военное столкновение между КНР и США в обозримой перспективе маловероятно. Но США будут держать Китай в напряжении, стремясь ограничить активность Пекина путем стратегического окружения КНР и медленного ее «удушения методом Анаконды» за счет:

- укрепления и расширения в регионе военно-политических союзов;

- создания новых «стратегических партнерств» из числа недовольных Китаем стран, оказание им политической поддержки в их притязаниях к КНР, экономического и военно-технического содействия;

- поощрения внутренней смуты и сепаратизма на окраинах Китая, а также протестных настроений среди китайской элиты и общественности.

В то же время вашингтонская политика «кнута и пряника» останется в силе и не исключены новые предложения Пекину со стороны американской столицы в духе «Кимерики».

3. Китай будет наращивать военную мощь, смещая вектор приложения активности ВС с континентального на морское направление.

Описанные выше процессы чреваты наращиванием гонки вооружений в АТР, подрывом региональной стабильности.

4. Для России новая стратегия США несет в себе и позитивные, и негативные моменты. Нарастание противоречий между США и Китаем заставляет Пекин искать более тесных связей с Россией, вплоть до союзнических. Однако усиление соперничества с Китаем делает политику Вашингтона по отношению к России более взвешенной.

5. Китайско-индийские трения невыгодны России из-за неизбежности для нее непростого внешнеполитического выбора. Целесообразно через структуры ШОС и РИК по возможности содействовать решению проблем взаимоотношений Китая и Индии на взаимоприемлемых для обоих государств условиях, устранению подозрительности и укреплению доверия между ними.

6. Важнейшим условием обеспечения мира и безопасности России на восточном направлении являются, с одной стороны, укрепление политических отношений со всеми значимыми региональными «игроками»; активное участие в многосторонней дипломатии в АТР и в совершенствовании региональной системы безопасности, а с другой — укрепление своего оборонного потенциала на Востоке страны. Принцип «хочешь мира — готовься к войне» сохраняет свою актуальность и в XXI веке.

Примечания

¹ *Азроянц Э.А.* Глобализация: катастрофа или путь к развитию. М.: ИД «Новый век», 2002. 416 с.

² Китай в диалоге цивилизаций / гл. ред. С.Л. Тихвинский. М.: ПИМ, 2004. С. 422.

³ Национальные интересы России в АТР: безопасность, сотрудничество, развитие. ИДВ РАН, 1998. С. 6—7.

⁴ *Воскресенский А.Д.* Российско-китайское стратегическое взаимодействие и мировая политика. М.: Восток. Запад, 2004. 125 с.

⁵ *Янь Сюэцун.* Государственная безопасность важнее экономических интересов // Хуанцю жибао on-line. 14.02.2003.

⁶ *Галенович Ю.М.* Войны Нового Китая и его дипломатическая служба. М.: Восточная книга, 2012. С. 6.

⁷ *Титаренко М.Л.* Россия: безопасность через сотрудничество. Восточно-азиатский вектор. М.: ПИМ, 2003. С. 259—260.

⁸ Актуальные задачи развития Вооруженных Сил Российской Федерации. МО РФ, 2003. С. 16.

⁹ База в Дарвине удобна тем, что новые поколения китайских ракет способны поразить американские базы в Японии и Южной Корее, но с трудом долетают до Австралии.

¹⁰ URL: <http://win.ru/geopolitika/1322472702>.

¹¹ *Салин П.Б.* Три пути России в Азии. URL: www.globalaffairs.ru/number/Tri-puti-Rossii-v-Azii-15732; URL: <http://www.bfm.ru/news/182535>; URL: <http://win.ru/geopolitika/1322472702>.

¹² *Галенович Ю.М.* Исторический счет к России и к СССР в «Истории Коммунистической партии Китая». М.: Восточная книга, 2012. 512 с.

¹³ URL: http://nvo.ng.ru/wars/2012-04-27/10_antichina.html.

¹⁴ *Салин П.Б.* Указ. соч.

¹⁵ URL: <http://russian.people.com.cn/95181/7714612.html>.

¹⁶ Там же.

К.К. Меркулов*

РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В СВЕТЕ ОПЫТА РЕФОРМ В КНР

Мир и гармония являются высшими добродетелями
в небе и на земле.

Конфуций

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые итоги и уроки процессов модернизации и реформ в КНР через призму их геостратегического потенциала и возможности использования Россией, а также в плане перспектив со-развития двух стран как мирно-гармоничной парадигмы их стратегических «особых отношений» нового типа.

Ключевые слова: мир и гармония, 60-летие КНР, модернизация и реформы в КНР, «китайская модель» реформ, «Пекинский консенсус», геостратегия мирного и гармоничного со-развития России и Китая, оптимальный геоменеджмент.

Недавно международное сообщество стало свидетелем трех важных событий в истории китайской цивилизации и всего человечества — 60-летия КНР, 30-летия начала проведения в Китае политики «реформ и открытости внешнему

* Меркулов Катенарий Катенарьевич — д.э.н., с.н.с. Центра научной информации и документации ИДВ РАН.

миру» и XVIII съезда КПК (8—14 ноября 2012 г.), наметившего новые цели внутренней и внешней политики КНР. В данном материале эти события рассматриваются с точки зрения геостратегического «взгляда из Москвы» — в плане учета опыта КНР в процессах дальнейших реформ на территории России и Союзного государства (далее — СГ) и с ориентацией на мирное и гармоничное со-развитие наших стран в евразийской и мировой экономике, политике и культуре.

По прогнозам китайских ученых, опубликованным Академией наук Китая 10 июня 2009 г. в виде «Дорожной карты научно-технического развития, разработанной до 2050 г.», к 2050 г. Китай займет 1-е место в мире по общему объему ВВП и встанет в ряды среднеразвитых стран¹ в статусе де-факто «сверхдержавы № 1». Согласно другим авторитетным прогнозам, КНР по объему ВВП опередит США до 2020 г.²

России необходимо сделать все возможное для обеспечения мирного и гармоничного со-развития с Китаем, не останавливаясь — с точки зрения широкой исторической перспективы — на достигнутом к 2012—2013 гг. самом высоком за всю историю уровне российско-китайских отношений, характеризующихся в Совместном заявлении РФ и КНР от 22 марта 2013 г. как отношения всеобъемлющего равноправного доверительного партнерства и стратегического взаимодействия, взаимной поддержки, совместного процветания и дружбы, передающейся из поколения в поколение; ставшими примером гармоничного сосуществования великих держав, играющих важнейшую стабилизирующую роль в современном миропорядке, содействующих укреплению мира и безопасности в регионе и мире в целом³.

Вместе с тем следует иметь в виду появление новых акцентов во внутренней и внешней политике пятого поколения руководителей КПК и КНР во главе с Си Цзиньпином, пришедшего к власти на XVIII съезде КПК (ноябрь 2012 г.) и 1-й сессии ВСНП 12-го созыва (март 2013 г.). Хотя съезд в целом и подтвердил прежнюю стратегию развития КНР и генеральную линию КПК, однако явно ушли в тень лозунги «социальной гармонии» и т. п. Зато в выступлении Си Цзиньпина на съезде около 10 раз прозвучал лозунг «возрождения китайской нации» и

только 1 раз — лозунг «строительство социализма с китайской спецификой»⁴. Немного позднее Си Цзиньпин сформулировал, по сути, новую парадигму цивилизационно-культурного развития Поднебесной в виде «китайской мечты».

В китайской официальной печати участвовали публикации на острые «патриотическо-националистические» темы, некоторые из которых звучат как своего рода проект манифеста «мира по-китайски» (*Pax Sinica*) — взамен устаревающей теории и практики «мира по-американски» (*Pax Americana*). Такова, например, тональность статьи Ван Ивэя в газете «Жэньминь жибао» от 11 января 2013 г. под названием «Китайская модель разрушает гегемонию «общечеловеческих ценностей»⁵.

Все это представляется признаками приближения совершенно нового этапа в политике модернизации и реформ в КНР.

«Китайская модель» реформ: некоторые уроки для России и СГ

Модель современной китайской реформы имеет по существу уникальное значение для всей системы мировой экономики, политики и культуры.

КНР в последние 30 лет была первопроходцем в теоретической разработке и практической реализации совершенно нового социально-экономического феномена, который в ряде авторитетных научных кругов образно характеризуется как «Пекинский консенсус», альтернативный модели «либерально-рыночной демократии» в стиле «Вашингтонского консенсуса» и с той или иной степенью гармонии интегрирующий «азиатский», капиталистический и социалистический способы производства. Китайская модель, по оценке профессора Центрального финансово-экономического университета КНР Ван Гуанцзяня, включает в себя:

1) проведение реформ, начиная с сельского хозяйства (включая переход на семейный подряд и др. — *К.М.*) и с решения наиболее жгучих проблем ликвидации бедности;

2) правильное ранжирование отраслевых приоритетов (сначала легкая промышленность, потом тяжелая промышленность и инфраструктура);

3) первоначальное использование массированных инвестиций, затем — упор на расширение внутреннего спроса;

4) увеличение экспорта и привлечение иностранных инвестиций и техники, полное использование потенциалов внутреннего и внешнего рынков;

5) организация свободных экономических зон (СЭЗ) с последующим перенесением их опыта на другие регионы;

6) постепенная либерализация цен и временное существование «двухколейной системы» цен (плановые и рыночные цены);

7) реформа государственных предприятий, начиная с расширения их хозяйственной самостоятельности и с дальнейшим переходом к акционерной системе (при сохранении особого государственного протекционизма в стратегически важных отраслях экономики — сфере финансов, оборонной промышленности и др. — *К.М.*);

8) финансовая реформа с ориентацией на повышение активности мест при концентрации в центре достаточных средств макроэкономического регулирования;

9) активная монетарная политика (сначала расширение самостоятельности банков, затем — создание целостной системы финансовых институтов и фондового рынка);

10) повышение внимания к развитию образования и науки;

11) следование комплексной экономической политике, объединяющей задачи индустриализации, урбанизации, информатизации и модернизации;

12) стимулирование рыночных механизмов при сохранении государственного макроэкономического регулирования, учитывающего конкретную обстановку⁶.

Наиболее острой проблемой последнего времени для глобальной экономики и ее национально-государственных составляющих стал начавшийся в 2008 г. мировой финансово-экономический кризис. Исследование опыта реагирования на него со стороны руководства КНР, а также вопросов координации соответствующих подходов России и Китая уже проведено в российской научной литературе⁷.

В современном мировом китаеведении сосуществуют две полярные точки зрения на перспективы развития экономики КНР: одни ученые считают, что «китайское чудо» может продолжаться непрерывно и далее, другие китаеведы, напротив, акцентируют

внимание на нарастании (в общем формате глобального финансово-экономического кризиса) комплекса проблем в китайской экономике и проблематичности ее эффективной переориентации с прежней экспортоориентированной модели роста («как мировой фабрики») на модель, нацеленную на стимулирование внутреннего потребления (в качестве «мирового потребителя»)⁸. Причем некоторые видные китаеведы, как, например, британец Дж. Фенби, глубоко убеждены, что в случае неудачи данной «перебалансировки» и нарастания других проблем экономику КНР ждет глубокий кризис⁹. Разделяя последнюю точку зрения, другой британский политолог П.Нолан особо указывает на признаки огромного «финансового пузыря» в экономике КНР (по аналогии с ситуацией в США к 2008 г.) и на возможные крайне негативные последствия вероятной новой волны мирового кризиса для экономики Поднебесной¹⁰.

Помимо чисто «материальных» составляющих процессов модернизации и реформ в КНР все большую значимость в последнее время приобретают морально-политические и духовно-культурные перемены. В связи с этим нельзя обойти молчанием уникальный для КПК и КНР «моральный кодекс», озвученный Ху Цзиньтао в марте 2006 г. Заявив тогда, что необходимо утверждать «социалистический взгляд на славу и позор», Ху Цзиньтао выдвинул 8 взаимосвязанных парных положений, каждое из которых построено согласно традиционной для китайского менталитета схеме, в которой «правильное» противопоставляется «неправильному», а «добро» противопоставляется «злу». Вкратце, речь идет о выдвигании в этом общекитайском моральном кодексе следующих идеалов: Любовь к Отечеству, Народ, Наука, Труд, Сплоченность, Честность, Дисциплина и Закон¹¹.

Новейший исторический опыт модернизации КНР и особенно уроки первых 30 лет проведения политики «реформ и открытости внешнему миру» имеют огромное значение для судеб всей земной цивилизации. Они заслуживают детального научно-практического изучения и должны учитываться при проведении социально-экономических, политико-идеологических и духовно-культурных реформ на территории России и СГ.

Вместе с тем так называемый «Пекинский консенсус» — некий «новый конец истории» (типа антитезы в адрес идей Ф.Фукуямы и др.) и не универсальная догма, а методологическое руководство к творческой разработке и реализации еще более совершенных моделей социальной гармонии, в том числе теории и практики оптимального биоменеджмента (т. е. богоугодного, человеколюбивого, мирно-гармоничного жизнеустройства — «достойной жизни») на уровне эколого-экономического «базиса», политико-идеологической «надстройки» и духовно-культурного «венца» общества¹².

Именно с учетом этих факторов может и должна быть детально теоретически разработана и практически апробирована новая парадигма «особых отношений» России и СГ с Китаем в XXI в. как магистральная геостратегия оптимального со-развития сторон в евразийской и мировой экономике, политике и культуре (в качестве «реалистическо-оптимистического» сценария), несмотря на возможные временные спады развития этих отношений, вызванные теми или иными факторами внутренней и внешней политики.

Концепция «китайской мечты»: некоторые внутренние и внешние аспекты

Далее мы попытаемся тезисно охарактеризовать некоторые особенности концепции-феномена «китайской мечты» на основе контент-анализа официальных заявлений по этому вопросу руководителя КПК и КНР Си Цзиньпина.

Выступая на 1-м пленуме ЦК КПК 18-го созыва (ноябрь 2012 г.), избравшем его на пост генерального секретаря ЦК КПК, Си Цзиньпин отметил, что на нынешнем этапе и в последующий период первостепенной политической задачей нового руководства ЦК КПК станет всестороннее претворение в жизнь духа и решений XVIII съезда КПК. Для ее выполнения необходимо: 1) высоко нести великое знамя социализма с китайской спецификой; 2) усилить изучение и практику теоретической системы социализма с китайской спецификой; 3) приложить максимум усилий для построения среднезажиточного общества; 4) уделять повышенное внимание улучшению жизни населения;

5) всесторонне продвигать вперед партийное строительство; 6) углублять реформы и открытость¹³.

29 ноября 2012 г. во время посещения выставки «Путь к возрождению» в Китайском национальном музее избранный 15 дней назад на пост генерального секретаря ЦК КПК Си Цзиньпин, говоря о великом возрождении китайской нации, впервые ввел в официальный оборот выражение «китайская мечта». По словам Си Цзиньпина, китайская мечта — это квинтэссенция многовековых мыслей и чаяний китайского народа о построении справедливого общества, общества, в котором граждане страны будут жить в достатке, а также о месте Китая на мировой арене, которое бы соответствовало достигнутому этим государством успехам в экономике и политике и отражало бы существенно возросшую военную мощь¹⁴.

«Я уверен, когда КПК исполнится 100 лет, обязательно будет достигнута цель всестороннего формирования среднезажиточного общества, а когда КНР исполнится 100 лет, обязательно будет достигнута цель создания могучего, демократического, цивилизованного и гармоничного модернизированного социалистического государства, мечта о великом возрождении китайской нации обязательно будет реализована». По словам Си Цзиньпина, КПК является руководящим ядром в деле реализации «китайской мечты», социализм с китайской спецификой — неизбежным путем осуществления великого возрождения китайской нации. «Преимущества социалистического строя нашей страны будут все более очевидными, наш путь будет все шире и шире, именно такую уверенность мы должны иметь в нашем пути, нашей теории и нашем строе», — подчеркнул Си Цзиньпин¹⁵.

Средства массовой информации КНР широко освещали заявление Си Цзиньпина, подчеркивая, что современный мир — это мир жестокой конкуренции, в котором нация, у которой не будет своей мечты, служащей для нее своеобразной «дорожной картой», не найдет для себя места и окажется на обочине истории. Начиная с «опиумных войн», Китай неоднократно подвергался агрессии со стороны других стран, поэтому «китайская мечта» не могла сбыться. Однако в настоящее время, благодаря неустанным усилиям трудолюбивого и мудрого китайского на-

рода, Китай поднимается вместе с другими нациями, поэтому возможность осуществления мечты о великом процветании китайской нации кажется как никогда реальной¹⁶.

Более четкие контуры концепции «китайской мечты» Си Цзиньпин обозначил в марте 2013 г., во время проведения сессий ВСНП и ВК НПКС КНР. В своей программной речи на сессии ВСНП, избравшей его на пост председателя КНР и председателя Центрального военного совета КНР (также избравшей Ли Кэцзяна премьером Госсовета КНР и утвердившей новый состав Госсовета КНР), Си Цзиньпин подробно высказался о «китайской мечте» как о главном лозунге воплощения национальной идеи. Фактически, с этого момента «китайская мечта», по оценкам ряда российских наблюдателей, стала официальной идеологией КНР как минимум на ближайшие 10 лет¹⁷.

17 марта 2013 г. в Пекине Си Цзиньпин заявил, что для осуществления «китайской мечты» необходимо следовать по китайскому пути, а именно — по пути «социализма с китайской спецификой». «Нам необходимо умножать свои силы и неуклонно идти вперед для того, чтобы в дальнейшем продвинуть вперед социализм с китайской спецификой и бороться за достижение “китайской мечты” о великом возрождении китайской нации», — подчеркнул он, выступая на заключительном заседании 1-й сессии ВСНП 12-го созыва. При этом Си Цзиньпин отметил, что путь «социализма с китайской спецификой», который имеет глубокие исторические корни и широкую реальную основу, дается нелегко¹⁸.

«Китайская мечта» отныне будет главным лозунгом Поднебесной при построении «социализма с китайской спецификой», заявил в своем программном выступлении новый председатель КНР. «В ходе реализации китайской мечты следует развивать дух Китая. Это национальный дух, в основе которого лежит патриотизм. Это также дух эпохи реализации реформ, исходящий из стремления к национальному возрождению, построению мощного государства», — процитировал слова Си Цзиньпина ИТАР-ТАСС. Глава китайского государства особо подчеркнул, что в претворении в жизнь этой идеи «следует идти по китайскому пути, который, в сущности, и есть путь социализма с ки-

тайской спецификой». «Эта нелегкая дорога, она проистекает из более чем 30-летней практики китайских реформ», — отметил он. При этом он добавил, что китайская нация «обладает беспрецедентной созидательной силой»¹⁹.

В своих заявлениях на посту лидера КПК и КНР Си Цзиньпин уже несколько раз отмечал, что Китай неустанно стремится к миру и усиление Китаем оборонного строительства нацелено на защиту государственного суверенитета, безопасности и территориальной целостности и обеспечение мирного развития государства. Си Цзиньпин неоднократно констатировал, что КНР неизменно выступает твердой силой в защите мира на планете и будет строго соблюдать данные торжественные обещания: «Китай никогда не будет гегемоном, никогда не будет заниматься экспансией». Си Цзиньпин считает, что Китай и мир уже стали сообществом общих интересов, и осуществление «китайской мечты» невозможно без мира и развития на планете. При этом он отмечает, что процветание и стабильность в мире благоприятны для Китая, а развитие самого Китая является шансом для всей планеты; и Китай выступает не только активным инициатором обоюдowych отношений сотрудничества, но и его реальным исполнителем²⁰.

Наряду с этим, Си Цзиньпин указывал, в частности, следующее: «Ни одна страна не должна рассчитывать на то, что мы будем торговаться своими ключевыми интересами, ни у кого не может быть ни малейшей надежды на то, что мы вкусим горькие плоды ущемления суверенитета, безопасности и интересов развития государства». «Его выступления заложили основную мысль китайской дипломатии в будущем», — так прокомментировало слова нового лидера КНР агентство «Синьхуа»²¹.

Таким образом, китайская мечта, как справедливо отметил 4 апреля 2013 г. обозреватель портала «Чита.ру» Т. Куприянов, «является экзаменационной работой для китайского народа и народов всего мира после того, как Китай возвысится. Необходимо ответить на вопросы центральной задачи продвижения вперед, сохранения судеб человечества, продолжить следование делам великих умов прошлого, навеки установить мир. «Китайская мечта» — это очень серьезно, поскольку человек и нация реализуют свои требования к жизни через мечту. Без мечты

смысл существования страны оказывается в современном мире потерян»²².

Китайские стратеги, сконструировавшие само выражение «китайская мечта», по-видимому, отталкивались от выражения «американская мечта». Однако ясно, что Китай не намерен повторять американский или европейский путь. В действительности Поднебесная может и готова смоделировать и реализовать свой собственный специфический путь цивилизационно-культурного развития. Разумеется, императивы спасения и совместного выживания человечества диктуют необходимость признания по сути аналогичного права для каждого другого народа и геоцентра.

С учетом вышеизложенного, представляется чрезвычайно актуальным и для России (и СНГ), и для других прогрессивных геоцентров оперативно доработать и начать реализовывать на практике соответствующие проекты собственной «национально-патриотической мечты».

Думается, что особую, ведущую роль в процессах формирования «всеобщего мирно-гармоничного консенсуса» и его интегрально-системных элементов (в том числе «русской мечты», «российской мечты», «славянской мечты», «православно-христианской мечты», «новоевразийской мечты», «новоевропейской мечты», «новоамериканской мечты» и т. д. и т. п.) по праву может и должна сыграть наша великая возрожденная Россия, ее мудрая и искусная дипломатия и ее главные союзники (начиная с собственных вооруженных сил) и друзья.

Российско-китайские отношения в XXI в.: проблемы и перспективы геостратегической гармонии

Российско-китайские отношения, зародившись в начале XVII в., прошли долгий 4-вековой путь исторической эволюции.

Отношения СССР и КНР пережили в своей истории, образно выражаясь, «четыре десятилетия — четыре политики»: 1) период «особых отношений» двух «коммунистических гигантов» в 1950-е годы; 2) этап конфронтации в 1960—1970-е годы; 3) период «осторожного наведения мостов» в 1980-е годы; 4) этап нормализации и развития отношений после советско-китайской встречи на высшем уровне (М.С. Горбачева и Дэн Сяопина) в Пекине в мае в 1989 г.

Нынешние отношения России и Китая, которые, по оценкам руководителей обеих сторон, являются лучшими за всю их историю, прошли в своем развитии ряд этапов. В 1992 г. стороны подтвердили необходимость рассматривать друг друга как дружественные страны. В 1994 г. было решено установить отношения конструктивного партнерства, а в 1996 г. — равноправные доверительные отношения партнерства, направленные на стратегическое взаимодействие в XXI в.

15 июня 2001 г. в Пекине руководители наших стран (вместе с лидерами Казахстана, Киргизии, Таджикистана и Узбекистана) подписали Декларацию о создании Шанхайской организации сотрудничества как международной организации нового типа (социально гармоничной, миротворчески ориентированной, не направленной против третьих стран). Далее, 16 июля 2001 г. в Москве был подписан Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР со сроком действия 20 лет. В этом договоре зафиксировано намерение сторон «поднять отношения между ними на новый уровень». А в Московской Декларации, подписанной тогда же президентом РФ В.В. Путиным и председателем КНР Цзян Цзэмином, было зафиксировано наличие между нашими странами «межгосударственных отношений нового типа».

Таким образом, между нашими странами ныне развиваются межгосударственные и, шире, международные отношения нового типа, социально гармоничные, миротворчески ориентированные, не направленные против третьих стран и т. д.

Помимо этого высшие руководители России и Китая 23 марта 1997 г. подписали Российско-китайскую совместную Декларацию о многополярном мире и формировании нового международного порядка, а 1 июля 2005 г. — Совместную декларацию о международном порядке в XXI в., в которых указано стремление сторон к формированию «нового справедливого и рационального международного порядка» и «гармоничного мира».

На нынешнем историческом перепутье геостратегическая миссия Новой России и Нового Союзного государства вместе с нашими ближайшими союзниками и друзьями (включая обновляющееся СНГ, гармонизирующийся Китай, возрождающаяся

Индию и др.) — начать созидать ранее не виданный справедливый и рациональный социум, включая формирование двусторонних и многосторонних международных отношений нового типа (МОНТ) и его идеал — новое оптимальное (мирно-гармоничное и т. д.) мироустройство, синтезируя при этом весь положительный опыт человеческой цивилизации.

В силу действия целого ряда факторов одним из первых прообразов МОНТ призваны стать как раз взаимоотношения России и СГ с Китаем — как на уровне оптимального развития двусторонних политико-дипломатических, торгово-экономических, приграничных и межрегиональных, оборонно-стратегических и оборонно-промышленных, духовно-культурных, гуманитарных и других связей, так и в формате оптимального (мирно-гармоничного и т. д.) стратегического партнерства в многосторонней региональной и глобальной дипломатии.

Вместе с тем следует избегать чрезмерной «эйфории» от нынешнего состояния взаимодействия России и СГ с КНР. В связи с этим примечательна, в частности, оценка ряда ученых СИ-ПРИ о том, что определенная часть населения и руководства Китая в своих отношениях с Россией ныне преследует, прежде всего, конкретные прагматические цели техногенного и т. п. характера²³.

И все же — в духе великих пророчеств о светлом будущем прогрессивной части человечества — верится, что будущее внутреннего прогресса и внешних взаимоотношений наших стран (как и всего передового социума) будет характеризоваться оптимальной (мирно-гармоничной и т. д.) моделью развития.

Ключевую роль в процессах умиротворения и гармонизации системы международных и вообще общественных отношений могут и должны по праву сыграть Россия, СГ и КНР и наши «особые отношения» нового (мирно-гармоничного и т. д.) типа как историческая альтернатива «классическим» военно-блоковым «особым отношениям», подобным «англосаксонскому» партнерству США и Великобритании в период «холодной войны» 1946—1989/90 гг.²⁴

При всем этом в практическом организационно-политическом плане речь пойдет, весьма вероятно, о поэтапном формиро-

вании интегрированной системы оптимального (мирно-гармоничного и т. д.) геоменеджмента («зеленого» планетарно-международного управления и самоуправления) и соответствующих геоконфедеративных институтов как исторической альтернативы прежней «рыночно-демократической глобализации» на пути к «эпохе мирно-гармоничной универсализации».

Некоторые выводы и практические рекомендации

На фоне колоссальных успехов КНР и сохраняющихся проблем в проведении реформ в России в нашей стране в последнее время усилились алармистские настроения в государственно-политических, научных и общественных кругах по поводу возможной «китайской угрозы», недружелюбного отношения некоторых китайских политиков, ученых и т. д. к России и россиянам²⁵.

Отметим также, что нам целесообразно не столько «страшиться» КНР²⁶, сколько «дружить и торговать» с Поднебесной путем расширения и наращивания наших равноправных «особых» МОНТ в русле геостратегии мирного и гармоничного со-развития с Китаем (как «реалистическо-оптимистический» сценарий их эволюции) на основе максимально быстрого возрождения внутренней мощи Отечества и его соответствующего международного и регионально-глобального влияния (в том числе с учетом упомянутых выше рекомендаций).

В практическом плане могут заслуживать внимания руководства отечественной дипломатии на ее китайском направлении следующие предложения:

- инициирование разработки проекта Программы дружбы и сотрудничества России и Китая (возможно, с участием Индии и др.) в XXI в.;
- обсуждение возможности заключения двустороннего российско-китайского Договора о международных отношениях нового типа (в дополнение к Договору 2001 г. или на смену ему и его аналогов применительно к другим субъектам международных отношений) и о совместном выживании и устойчивом мирно-гармоничном развитии человечества и других документов дипломатии нового типа;
- проработка и согласование вопроса о создании (под эгидой Российско-китайского комитета дружбы, мира и развития,

ТПП РФ и других заинтересованных инстанций) единой Всероссийской ассоциации делового сотрудничества с Китаем (и ее аналога в КНР) и широкой сети российско-китайских Домов дружбы и сотрудничества;

- создание российско-китайского (и/или международного, например, под эгидой ШОС) НИИ (или исходно — национального Центра в рамках РАН) стратегической системологии нового гармоничного мироустройства;

- доработка и реализация новой парадигмы «внутреннего» оптимального жизнеустройства России, СГ, КНР и других прогрессивных геоцентров и их «внешнего» мирно-гармоничного со-развития;

- зондирование вопроса о провозглашении XXI в. веком дружбы народов России, СГ и Китая (с возможным присоединением к этой инициативе всех других заинтересованных сторон) и всей грядущей новой (верится, — «мирно-гармоничной») исторической эпохи — Эпохой дружбы народов России, СГ и КНР (и, по аналогии, других заинтересованных сторон).

Что же касается фактора подъема «патриотическо-националистической волны» во внутренней и внешней политике Китая и других стран на пути к «миру после рыночно-демократической глобализации», то данный феномен, как представляется, может быть эффективно сгармонизирован на путях геополитики оптимальной «универсализации». Разумеется, при этом речь пойдет не о навязывании нашей великой Родине, великому Китаю и другим моно- и многонациональным государствам внешних искусственных ценностей, а о всеобщем взаимоприемлемом историческом государственно-дипломатическом и общественно-дипломатическом компромиссе-консенсусе (всех) ведущих передовых геоцентров в отношении выбора основных путей, форм и методов оптимизации (гармонизации и т. д.) жизнеустройства по линии «человек—семья—общество» на Земле.

При всем этом наша великая возрожденная Родина, великомученически пострадавшая на Голгофе истории, по-видимому, может и должна выступить в роли инициатора и лидера всенародно-всечеловеческого, по возможности, мирного вселенского миротворческого наступления всех гармоничных сил социума

на пути к торжеству благих идеалов в мировой экономике, политике и культуре, в том числе, возможно, в духе пророчеств о том, что «Восток будет креститься в России»²⁷.

В добрый путь! «Дорогу осилит идущий»!

Примечания

¹ Ван Лэй. Какой будет наша жизнь в 2050 году? // Китай. 2009. № 7. С. 46—47.

² Китай глазами российских друзей / Общество российско-китайской дружбы. М., 2012. С. 21.

³ URL: <http://www.russia.org.cn/rus/2827/31296493.html>.

⁴ Лузянин С.Г. Пекин меняет мир // Российская газета. 23.11.2012.

⁵ См.: URL: www.inosmi.ru/world/20130114/204595110.html.

⁶ Ван Гуанцян. Подъем Китая: «Пекинский консенсус» и «китайская модель» // Цаймао цзинци. 2008. № 2. С. 30. Приводится по: Кондрашова Л.И. 30 лет экономических реформ в КНР. Научный доклад (обсужден на Ученом совете ОМЭПИ РАН 29.05.2008 г. М., 2008. С. 46—47).

⁷ Титаренко М.Л. Россия и ее азиатские партнеры в глобализирующемся мире. Стратегическое сотрудничество: проблемы и перспективы. М., 2012. С. 35—51, 144—150, 263—272.

⁸ Fenby Jonathan. China's domestic economy // Charting China's Future: Domestic and international challenges / Ed. by David Shambaugh. L. & N.-Y. 2011. P. 35.

⁹ Ibid. P. 40—43.

¹⁰ Nolan Peter. China and the Global Economy // Charting China's Future... P. 44—53.

¹¹ См.: Галенович Ю.М. Моральный кодекс от Ху Цзиньтао // КНР перед XVII съездом КПК. Материалы ежегодной конференции Центра современной истории и политики Китая ИДВ РАН, январь 2007 г. Выпуск 22. М., 2008. С. 33—35.

¹² См.: Меркулов К.К. Путь России к постинформационизму. О концепции Спасения и Возрождения России и нового Союзного государства // Обозреватель. 2003. № 9. С. 95—103.

¹³ См.: Жэньминь жибао он-лайн. 17.03.2013. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8170543.html>.

¹⁴ URL: <http://review.chita.ru/48058>.

¹⁵ Жэньминь жибао он-лайн. 17.03.2013.

¹⁶ URL: <http://review.chita.ru/48058>.

¹⁷ Ibidem.

¹⁸ Ibidem.

¹⁹ URL: <http://www.newsru.com/world/17mar2013/chinasi.html>.

²⁰ Жэньминь жибао он-лайн. 17.03.2013. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8170543.html>.

²¹ Там же.

²² URL: <http://review.chita.ru/48058>.

²³ Европейский взгляд на Китай (международный контекст) / Экспресс-информация. М.: ИДВ РАН, 2012. № 5. С. 59—60.

²⁴ Проблематика международных «особых отношений» классического военно-блокового типа была ранее подробно исследована нами в ряде публикаций. См., напр.: Меркулов К.К. Англо-американские отношения в 1980-е гг. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1990; Он же. Геостратегия ведущих индустриальных «центров силы» накануне XXI века. Диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук. М., 1994; и др.

²⁵ Многие факты такого рода приводятся, в частности, в фундаментальном труде патриарха отечественного китаеведения академика РАН С.Л. Тихвинского. См.: Тихвинский С.Л. Восприятие в Китае образа России. М., 2008.

²⁶ См., напр.: Rise of China: Indian Perspectives / Editors: S.Gopal, Nabeel A. Mancheri. — National Institute of Advanced Studies (Indian Institute of Science Campus), Bangalore. Lancer, New Delhi, Frankfurt, IL, 2013. 244 p.

²⁷ См., напр.: Старец иеросхимонах Серафим Вырицкий. М., 1997. С. 56.

В.Е. Петровский*

О ПЕРСПЕКТИВАХ ТРЕХСТОРОННЕГО ДИАЛОГА «КИТАЙ—США—РОССИЯ»

Аннотация. Статья посвящена перспективам формирования трехстороннего переговорно-консультационного механизма с участием России, Китая и США с целью координации политики трех держав в Северо-Восточной Азии, Азиатско-Тихоокеанском регионе и на глобальном уровне. В будущем трехстороннем диалоге могут быть использованы опыт и механизмы взаимодействия в рамках СБСЕ/ОБСЕ по проблемам военно-политической безопасности, экономического и культурно-гуманитарного сотрудничества.

Ключевые слова: Северо-Восточная Азия, Азиатско-Тихоокеанский регион, многостороннее сотрудничество, переговорно-консультационный механизм, трехсторонний диалог, ОБСЕ.

Отношения Китая и США характеризуются сложным и противоречивым сочетанием соперничества и сотрудничества. Выстраивание архитектуры этих отношений определит судьбу мировой политики на десятилетия вперед. Подключение России к американо-китайскому диалогу не только помо-

* Петровский Владимир Евгеньевич — д.п.н., действительный член Академии военных наук, г.н.с. Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений ИДВ РАН.

жет придать ему устойчивый и конструктивный характер, но и укрепит позиции КНР и РФ в региональных и мировых делах.

Экономические и геополитические интересы Китая и США объективно требуют согласования позиций и координации усилий во избежание общих для сторон негативных последствий в мировой экономике и политике. В то же время в Китае убеждены в необходимости создания многостороннего переговорно-консультационного механизма по вопросам безопасности и сотрудничества, который способствовал бы защите и продвижению национальных интересов КНР. Особое внимание в связи с этим уделяется перспективам трехстороннего форума «КНР—США—Россия» для обсуждения региональных и глобальных проблем, причем участие России могло бы сыграть ключевую роль в вовлечении Соединенных Штатов в дискуссию подобного уровня и в сглаживании американо-китайских противоречий по ряду вопросов.

Различные форматы многостороннего сотрудничества, включая возможный переговорно-консультационный механизм «Китай—США—Россия», помогли бы уравновесить американские амбиции и создать более устойчивую систему безопасности и сотрудничества в АТР и мире в целом. В XX в. Америка подарила миру современную концепцию коллективной дипломатии, но все попытки осуществить ее на практике — со времен Вудро Вильсона до формирования системы ООН — были отмечены американским стремлением к доминированию. Провозглашая необходимость равных прав и общих правил игры для всех, американцы совершенно искренне считают себя «первыми среди равных» и просто не представляют себе, что может быть по-другому.

В России исходят из того, что улучшение двусторонних американо-китайских отношений не угрожает российским экономическим и геостратегическим интересам, а, напротив, создает новые (и в перспективе более благоприятные) условия для их защиты и продвижения. Любые многосторонние структуры диалога и сотрудничества с участием КНР и США в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) и за его пределами, которые предполагают российское участие, укрепляют позиции России и

дают новые инструменты ее дипломатии. Любое продвижение к многостороннему диалогу будет объективно означать усиление позиций России в Северо-Восточной Азии (СВА) и АТР, в то время как существующая система международных связей в регионе, основанная на двусторонних отношениях, так или иначе способствует укреплению позиций других влиятельных держав.

Руководители КНР и РФ в сентябре 2010 г. в Пекине выдвинули совместную инициативу об укреплении безопасности и сотрудничества в АТР. Ее суть — подтверждение всеми странами региона приверженности принципу равной и неделимой безопасности, отказ от попыток укрепления собственной безопасности за счет безопасности других и недопущение действий, которые вели бы к возникновению в регионе новых разделительных линий.

Эта инициатива, которая отразила принципиально новый уровень внешнеполитического взаимодействия России и Китая, основана на принципе «сетевой дипломатии» — горизонтального взаимодействия и неиерархической координации усилий двусторонних и многосторонних механизмов безопасности и диалоговых форумов, уже существующих в АТР. По своей сути она не противоречит, а полностью соответствует идее трехстороннего переговорно-консультационного механизма с участием Китая, США и России.

Китайская экономика, демонстрирующая устойчивость и уверенные темпы роста, закрепляет лидирующую роль КПК в политической системе Китая и не дает оснований для прогнозов об эволюции КНР, в обозримой перспективе, в сторону «западной» модели. Поэтому в АТР (хотя «холодная война» там, как и в Европе, уже закончилась) можно предвидеть исторически длительное сосуществование «двух систем» с разными экономическими и политическими моделями (китайской и западной) и альтернативными идеологическими и ценностными установками.

Поэтому при выработке характера и модальности взаимодействия в рамках предполагаемого трехстороннего диалога может оказаться весьма востребованным и уместным опыт Соперничества по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ),

позднее преобразованного в Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ).

Можно понять разочарование в СБСЕ и ОБСЕ тех, кто связывает деятельность этих структур с распадом СССР и исчезновением мировой социалистической системы. Однако опыт Евро-Атлантического региона показывает, что механизм СБСЕ оказался весьма пригодным и эффективным (а также сравнительно долговременным и малозатратным) именно как рамочная структура диалога двух мировых систем, различных по идеологии, и как средство регулирования биполярной конфронтации.

В эпоху после «холодной войны», которая характеризуется диалектической взаимосвязью соперничества и сотрудничества, опыт СБСЕ/ОБСЕ важен для будущей переговорно-консультационной конструкции «США—Китай—Россия» прежде всего с точки зрения принципов диалога, основанного на идеях мирного сосуществования, невмешательства во внутренние дела друг друга и уважения суверенитета и территориальной целостности стран-участниц.

Именно эти принципы являются опорной базой для выработки внешнеполитического курса и Китая, и России. Они лежат в основе российского взгляда на российско-американские отношения и последовательно проводятся китайской стороной в ходе американо-китайского диалога.

Важно, что за последние годы стороны договорились не обострять, по возможности, отношения между собой, подчеркнули важность конструктивного взаимодействия двух стран для поддержания мира и стабильности на мировой арене. Подчеркнута приверженность сторон строительству позитивных, основанных на сотрудничестве и всесторонних, китайско-американских отношений в XXI в. Американская сторона подтвердила, что она «приветствует сильный, процветающий и успешный Китай, играющий еще большую роль в мировых делах»¹. Китайская сторона заявила, что она «приветствует Соединенные Штаты в качестве азиатско-тихоокеанского государства, которое вносит вклад в дело мира, стабильности и процветания региона»².

Полезно опираться на опыт СБСЕ/ОБСЕ и в содержательной части будущего трехстороннего диалога — при обсуждении

проблем военно-политической безопасности, сотрудничества в области экономики и экологии и культурно-гуманитарного сотрудничества в их взаимосвязи (принцип «трех корзин»).

Уникальная особенность ОБСЕ, которая также может быть востребована в современных условиях, — механизм совместного участия в дискуссиях и консультациях официальных представителей государств (дипломатов) и представителей гражданского общества (неправительственных общественных организаций).

В идеале будущий трехсторонний переговорно-консультационный механизм «Китай—США—Россия» мог бы выглядеть как периодические встречи, в разных форматах и на разных уровнях, представителей внешнеполитических ведомств, экспертного сообщества и гражданского общества трех стран, на которых обсуждались бы вопросы политики, безопасности, торгово-экономического, научно-технического и культурно-гуманитарного сотрудничества.

Такой механизм был бы более устойчив и менее подвержен колебаниям в случае возможного обострения двусторонних отношений внутри «треугольника» — даже при соблазне прервать официальные переговоры в качестве дипломатического демарша неформальные контакты сохранялись бы, поддерживая необходимые каналы связи.

Трехсторонний диалог в предлагаемом формате также помог бы укрепить взаимное доверие и транспарентность внутри треугольника «США—Китай—Россия». Ведь опыт прежних лет показывает, что традиционные двусторонние отношения эпохи «холодной войны» всегда могут быть поводом для подозрений: США могут опасаться создания антизападного «российско-китайского альянса», Китай — того, что Соединенные Штаты могут попытаться сделать политику России прозападной и антикитайской, Россия — того, что США и Китай в ходе двустороннего диалога попробуют договориться о чем-то за ее спиной, и прочее.

Поэтому было бы принципиально важно изначально заявить об открытости трехстороннего диалога, в том числе и для других возможных участников, стран и международных организаций. Это ни в коей мере не повлияло бы на конфиденциальность трехсторонних обсуждений, если в этом будет необходи-

мость — гибкий механизм консультаций и переговоров позволил бы использовать разные форматы и уровни коммуникаций.

Важно также понимать, что будущий трехсторонний механизм, в случае его создания, будет характеризоваться отсутствием формальных взаимных обязательств и напоминать не международную организацию, а скорее международный режим. В рамках такого режима страны-участницы вырабатывают согласованные принципы, нормы, правила и процедуры принятия решений, но сами решения принимаются исключительно на добровольной основе и самостоятельно, с учетом интересов других участников. Таким образом, предлагаемый треугольник Китай—Россия—США будет скорее механизмом обмена информацией и координации политики, а не площадкой для централизованного и формального принятия решений.

Вырабатываемые на основе неформальных дискуссий договоренности могут затем ложиться в основу формальных решений, принимаемых правительствами стран-участниц. Содержательная часть трехсторонних переговоров и консультаций может включать следующие вопросы.

Военно-политические проблемы безопасности («первая корзина») являются особенно актуальными для стран-участниц, как на региональном, так и на глобальном уровне. Так, Китай, Россия и США как официальные ядерные державы и постоянные члены Совета Безопасности ООН несут особую ответственность за поддержание режима нераспространения ядерного оружия, другого оружия массового уничтожения (ОМУ) и средств его доставки, а также за поддержание мира и безопасности в АТР и мире в целом. Это определяет необходимость трехстороннего диалога по вопросам глобальной безопасности, включая новые и нетрадиционные вызовы и угрозы безопасности.

Весьма важными были бы также трехсторонние консультации и переговоры в сфере мирного освоения космического пространства, недопущения милитаризации космоса, а также противодействия возможным вызовам и угрозам человеческой цивилизации внеземного происхождения.

Кроме того, американская политика «возвращения в Азию» предусматривает размещение до 60 % военного потенциала

США в АТР и бассейне Тихого океана, что значительно меняет баланс сил в регионе. Эта политика предусматривает опору на традиционных американских союзников (Япония, Южная Корея, Австралия, Новая Зеландия, Таиланд), модернизацию и укрепление расположенных на территории этих стран американских военных баз, сохранение сильной американской военной группировки на Тихом океане, дальнейшее совершенствование стратегической и тактической системы ПРО в Азии.

Возрастающее американское военное присутствие в Азии диктует необходимость обсуждения в трехстороннем формате мер транспарентности, военного доверия и экспортного контроля на региональном уровне:

- разработка предложений по укреплению международно-правовых основ региональной безопасности в АТР на основе принципа неделимой безопасности, развития мер доверия и укрепления механизмов превентивной дипломатии и урегулирования конфликтов;
- изучение позиционирования и стратегии участия трех стран в работе региональных и глобальных международных организаций и институтов (в контексте реформы ООН);
- оценка перспектив создания системы взаимодействия, сотрудничества и мер доверия в Северо-Восточной Азии — концепции «Хельсинкского процесса для СВА»;
- согласование механизмов превентивной дипломатии, урегулирования кризисов и конфликтов в СВА и АТР;
- укрепление основ регионального режима ядерного нераспространения, в контексте наличия ядерного оружия в Индии и Пакистане;
- перспективы работы шестисторонних переговоров по северокорейской ядерной проблеме и дальнейшего перерастания переговоров в субрегиональный механизм многостороннего взаимодействия и сотрудничества;
- обсуждения перспектив создания безъядерных зон в СВА и АТР;
- дискуссия о создании американской системы ПРО в Азии, в контексте интересов региональной и глобальной безопасности КНР и РФ;

- обсуждение региональных аспектов режима контроля за ракетными технологиями, Конвенций о запрещении химического и биологического оружия, а также Договора о запрете противопехотных мин;
- взаимный обмен данными в области оборонных усилий и военного строительства;
- обсуждение региональных аспектов Регистра ООН по обычным вооружениям;
- взаимное уведомление об опасной военной деятельности и масштабной передислокации вооруженных сил;
- взаимное уведомление о военных учениях и приглашение на них военных наблюдателей;
- меры транспарентности и доверия в военно-морской области;
- сотрудничество тихоокеанских флотов трех стран в области обеспечения свободы судоходства и борьбы с морским пиратством;
- координация усилий в области противодействия нетрадиционным вызовам и угрозам безопасности (международный терроризм, сепаратизм и экстремизм, организованная преступность, незаконный оборот наркотиков, нелегальная миграция, торговля людьми, киберпреступность и пр.).

Следует отдельно отметить, что за последнее время возникла опасная «дуга напряженности» в связи с территориальными спорами в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях. США достаточно ясно заняли сторону своих союзников, Японии и Филиппин, в их споре с Китаем о принадлежности островных территорий, а также жестко выступили за свободу судоходства в указанных морях (при том, что Китай никогда не ставил принцип свободы судоходства под сомнение).

США и Россия не вовлечены непосредственно в эти территориальные споры, однако, поскольку многие из них связаны с геополитическим переделом мира после Второй мировой войны, была бы целесообразна трехсторонняя дискуссия с участием историков и экспертов с целью преодоления разногласий и выработки общей трактовки итогов Второй мировой войны в Азии и на Тихом океане, согласованной оценки международных до-

говоров и политических деклараций, которые определили статус спорных территорий в послевоенный период.

Сотрудничество в финансовой, торгово-экономической и экологической сферах («вторая корзина») также является исключительно важным в силу экономического потенциала как минимум двух из трех стран-участниц. Беспрецедентная финансово-экономическая взаимозависимость Китая и США и гигантский объем взаимного товарооборота сопровождаются сохранением противоречий в данной сфере, которые влияют на состояние мировой торговли и финансов. Дискуссии по второй «корзине» можно было бы сосредоточить на следующих темах:

- обсуждение перспектив выработки новых правил глобального экономического регулирования с учетом изменений в мировой экономике и усиления роли в ней Китая;
- координация усилий в области реформирования мировой финансовой архитектуры (Россия могла бы поддержать идею о превращении юаня в мировую резервную валюту);
- координация усилий в сфере реформирования правил международной торговли, ликвидации необоснованных экономических санкций и торговых барьеров;
- изучение опыта трех стран по разработке стратегии преодоления последствий мирового финансово-экономического кризиса;
- координация усилий в области создания экономических и финансовых механизмов кризисного регулирования;
- обсуждение перспектив развития региональных и субрегиональных интеграционных образований — Восточноазиатского форума, Азиатской зоны свободной торговли (АФТА), зоны свободной торговли между Китаем, Японией и Республикой Корея, Банка развития для Северо-Восточной Азии и др.;
- международные аспекты преодоления экономической изоляции КНДР и вовлечения ее в систему мирохозяйственных связей посредством проектов гуманитарной и технической помощи и содействия северокорейским реформам;
- изучение возможностей трех стран по совместному строительству и обновлению межконтинентальных транспортных коридоров (включая перспективы реализации проекта транскон-

тинентальной магистрали Евразия—Америка с тоннелем через Берингов пролив);

- выработка согласованной концепции устойчивого развития в АТР и на глобальном уровне;
- согласование позиций в сфере глобального контроля за изменением климата («постКиото»).

Трехсторонний диалог может помочь также согласованию вопросов, которые обсуждаются в рамках АТЭС (и, в частности, предложенных Россией в рамках ее председательствования в АТЭС в 2012 г.):

- либерализация торговли и инвестиций, региональная экономическая интеграция;
- долгосрочные перспективы интеграции экономик в СВА и АТР;
- предотвращение финансово-экономических кризисов, оптимизация механизмов регулирования экономического развития;
- согласование подходов к управлению рисками продовольственной безопасности в увязке с вопросами экологии и сохранения биологического разнообразия;
- развитие транспортного и логистического потенциала в Азиатско-тихоокеанском регионе: более полное использование возможностей межконтинентальных транспортных коридоров, сокращение издержек и затрат времени при пересечении границы, реализация крупных инфраструктурных проектов;
- координация усилий по продвижению инновационной повестки дня и обеспечению сотрудничества инновационных центров;
- обеспечение эффективных форм взаимодействия науки, бизнеса и государства в продвижении новых технологий;
- обеспечение защиты прав интеллектуальной собственности;
- снижение оборота контрафактной продукции.

Культурно-гуманитарное сотрудничество и координация усилий в области содействия развитию («третья корзина») является не менее важной, чем первые две, и тесно связано с ними. Можно предвидеть интерес США исключительно к проблематике со-

блюдения прав человека и религиозных свобод в их традиционном западном понимании. Не избегая обсуждения этих проблем, в рамках трехстороннего диалога следует прилагать усилия к концентрации дискуссий на более общих проблемах развития человеческого потенциала и содействия развитию, безопасности личности, соблюдения социально-экономических прав, диалога культур и цивилизаций, как то:

- координация усилий в области борьбы с бедностью и содействия развитию, достижения Целей развития тысячелетия ООН;
- перспективы преодоления разницы в развитии глобального Севера и Юга;
- гармонизация стандартов человеческого развития и безопасности личности на региональном и глобальном уровне;
- координация усилий трех стран по содействию проектам гуманитарной и технической помощи и участию в работе международных институтов содействия развитию;
- выработка согласованного видения перспектив мирного воссоединения китайской нации (КНР и Тайваня) на основе принципа «одна страна — две системы»;
- координация усилий в области гуманитарных аспектов межкорейского урегулирования, включая воссоединение семей, в рамках достижения долговременной цели объединения корейской нации;
- изучение возможностей и перспектив «дипломатии второй дорожки» (track-two diplomacy) и других форм воздействия институтов гражданского общества на процессы сотрудничества и развития в СВА и АТР;
- содействие межкультурному и межрелигиозному диалогу в регионе и за его пределами;
- повышение географической мобильности работников научной и образовательной сфер, гармонизация образовательных систем;
- стимулирование межкультурных и образовательных обменов, прежде всего молодежных и студенческих.

США стали более восприимчивыми для обсуждения проблем мира и развития в регионе и за его пределами, выработки

программ обеспечения безопасности и сотрудничества, отвечающих интересам всех заинтересованных стран. Однако эта восприимчивость отнюдь не означает автоматической готовности Соединенных Штатов обсуждать в трехстороннем формате весь спектр проблем, изложенных выше. Можно предвидеть скепсис со стороны консервативной части американского политического истеблишмента, ее неготовность к участию в полномасштабных трехсторонних консультациях. Для того чтобы вызвать интерес американской стороны к предложенному формату и вовлечь ее в трехстороннюю дискуссию, в качестве первой и неотложной темы для консультаций можно было бы предложить ту, в которой администрация Б. Обамы сейчас реально заинтересована — *координация усилий по постконфликтному урегулированию в Афганистане*. Проведение трехсторонних переговоров по Афганистану создаст прецедент и «историю успеха» для дальнейшего развития диалога и взаимодействия между Китаем, США и Россией по всему спектру предложенных проблем.

Примечания

¹ URL: <http://russian.people.com.cn/31520/7268074.html>.

² URL: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/xwfw/fyrth/t1032731.shtml>.

А.В. Болятко*

РОЛЬ США И КИТАЯ В РАЗВИТИИ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В ЗОНЕ ТИХОГО ОКЕАНА

Аннотация. В статье анализируются современное состояние и перспективы развития военно-политической обстановки в зоне Тихого океана, а также перемены в регионе, связанные как с активизацией деятельности США по «возвращению» в АТР, так и наращиванием совокупной мощи Китая. Кроме того, в работе рассматриваются проблемы территориальных претензий в регионе, направления развития региональной структуры безопасности на базе международного права, вопросы углубления и расширения двустороннего и многостороннего партнерства стран АТР.

Ключевые слова: Азиатско-Тихоокеанский регион, военно-политическая обстановка, территориальные проблемы, «возвращение» США в АТР, военно-морская держава.

В последние годы военно-политическая ситуация в зоне Тихого океана осложнилась из-за вновь разгоревшихся споров о принадлежности островов в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях, границах исключительных экономических зон и континентального шельфа. Причины раздоров —

* Болятко Анатолий Викторович — д.воен.н, проф., г.н.с. Центра стратегических проблем США, ШОС и БРИКС ИДВ РАН.

большое стратегическое, геополитическое и экономическое значение указанных акваторий, проходящих здесь коммуникаций, уже открытых и предполагаемых запасов нефти и природного газа, а также богатейших биоресурсов. Фактором большой значимости является и китайско-американское соперничество в регионе, усиливающееся в связи с декларируемым «возвращением» США в АТР. Действия Китая в прибрежной Тихоокеанской зоне в значительной мере продиктованы стремлением устранить стратегическую уязвимость с моря. США в свою очередь пытаются укрепить доминирующее положение в западной части Тихого океана, о чем было заявлено президентом США Б. Обамой в 2011 г. в новой стратегической доктрине «возвращения» в АТР.

В настоящее время США располагают в зоне Тихого океана значительной группировкой вооруженных сил, которая занимает практически преобладающие позиции в регионе. Особенно это касается военно-воздушной и военно-морской составляющей американских ВС, все подразделения которых располагают наиболее современными военной техникой и вооружением, ведут интенсивную боевую и оперативную подготовку часто в тесном взаимодействии с вооруженными силами стран региона, большая часть которых находится с США в союзнических или партнерских отношениях.

По состоянию на июнь 2012 г., командование ВС США в Тихоокеанской зоне (штаб-квартира в г. Гонолулу, шт. Гавайи) включало четыре компонента: ВМС, ВВС, сухопутных войск и морской пехоты, дислоцированных по всему региону. В распоряжении ВС США на Тихом океане находилось 250 тыс. человек личного состава, т. е. около 1/5 от общей численности американских вооруженных сил. Наиболее крупными элементами группировки являлись военно-морские и военно-воздушные силы. Тихоокеанский флот США включал 5 авианосных ударных групп. Силы морской пехоты США на Тихом океане составляли около 2/3 общей численности морских пехотинцев страны. В целом группировка ВМС и морской пехоты США насчитывала более 135 тыс. человек личного состава, 180 кораблей и 1400 самолетов. Военно-воздушные силы США в зоне Тихого океана имели около 39 тыс. человек личного состава и 350 самолетов.

Сухопутные войска располагали группировкой в составе примерно 50 тыс. человек, включая 4 бригады *Striker*. Кроме того, командование ВС США на Тихом океане имеет в своем составе 1200 человек командования специальных операций и более 13 тыс. человек из состава береговой охраны, предназначенной для поддержки американских войск и сил в регионе. Вооружение и военная техника американской группировки постоянно обновляются, чему способствуют военные действия, которые США непрерывно ведут в регионе в последние десятилетия.

Исходя из тенденций изменения военно-политической обстановки в АТР и главным образом факта увеличения оборонного потенциала КНР, США планируют наращивать военные силы в Азии в рамках общих изменений военной стратегии. Однако, как подчеркивают высшие должностные лица в Пентагоне, эти планы недостаточно ясны из-за проблем развития экономики США и связанных с ними неопределенностями в военных расходах.

Бывший министр обороны США Л. Панетта в выступлении на конференции по азиатской безопасности в Сингапуре 2 июня 2012 г., обосновывая смещение акцента американской стратегии при обсуждении характеристики группировки ВС США в АТР, сделал упор на необходимости продолжения сотрудничества со странами региона и, особенно, американо-китайского диалога¹. Он подчеркнул, что в XXI в. процветание и безопасность США все в большей степени будут зависеть от АТР. В регионе находятся Китай, Индия, Индонезия и другие страны с быстроразвивающимися экономиками. Он является самым населенным регионом мира с самыми крупными вооруженными силами. По расчетам специалистов Лондонского института стратегических исследований, общие военные расходы стран Азии в 2012 г. превысили военные расходы стран Европы и в дальнейшем они будут только увеличиваться. Исходя из этих тенденций, военно-политическое руководство США приняло решение об увеличении роли США в регионе в предстоящие десятилетия, имея в виду не просто создание группировки в отдаленном регионе, а рассматривая США как составную часть Тихоокеанского сообщества наций. При этом задача США, по мнению министра обороны, — тесно сотрудничать со всеми

странами региона для противодействия общим вызовам и для обеспечения мира, процветания и безопасности. Исходя из этого, США должны играть основную роль в партнерстве и в деле укрепления способности стран Тихого океана защитить себя и обеспечить безопасность в регионе.

США сейчас находятся на поворотном пункте своей истории после десятилетия войны, в результате которой была значительно ослаблена роль «Аль-Каиды» и ее способность наносить удары по различным объектам на мировой арене. Военная миссия США в Ираке завершена, создана ситуация, когда Ирак может обеспечить свою безопасность и способность к самоуправлению. В Афганистане, где ряд стран АТР играют значительную роль в международной антитеррористической коалиции, началась передача афганцам функций обеспечения безопасности и руководства страной.

Но, несмотря на то, что американцам удалось удачно завершить эти и ряд других войн, США сталкиваются в настоящее время с широким спектром сложных глобальных вызовов. От терроризма, который все еще остается угрозой всему миру, до дестабилизирующих международную обстановку Ирана и Северной Кореи, от ядерного распространения до новых угроз кибератак, от продолжающегося хаоса на Ближнем Востоке до территориальных споров в АТР.

В то же время громадный государственный долг и огромный дефицит бюджета вынуждают руководство США уменьшить планируемый военный бюджет почти на 0,5 трлн долл., а точнее, на 487 млрд долл., о чем свидетельствуют директивы Конгресса США по закону о бюджете на следующее десятилетие. Но в то же время новая финансовая реальность дает возможность создать новую стратегию обороны США на XXI в., способную противостоять угрозам, с которыми сталкивается страна, и позволяющую создать самую сильную военную организацию в мире. По замыслу американских стратегов, военная машина США будет меньше по размерам, компактнее, но одновременно — подвижнее, гибче, станет способной к быстрому развертыванию и будет применять вооружение и военную технику, основанную на передовых научно-технических достижениях и на самых совершенных техноло-

гиях. В то же время становится ясным, что, поскольку ВС США останутся глобальной силой обеспечения безопасности и стабильности, потребуется перенести их «центр тяжести» в Азиатско-Тихоокеанский регион. США будут поддерживать свое присутствие и в АТР, и по всему миру, будут осуществлять развертывание на ротационной основе вооруженных сил инновационного типа с упором на создание новых партнерских отношений и новых союзов. США будут также много инвестировать в кибертехнологии, космические системы, беспилотные летательные аппараты, в силы специальных операций, т. е. будут осуществлять капиталовложения в новейшие технологии и в обеспечение возможности быстро проводить мобилизацию и стратегическое развертывание войск, если это будет необходимо.

По мнению авторов стратегии, подход США к достижению своей долгосрочной цели в АТР заключается в следовании основополагающим общепризнанным принципам, которые способствуют соблюдению международного права и порядка, обеспечивающих мир и безопасность, углублению и расширению двустороннего и многостороннего партнерства США, продвижению и укоренению американского военного присутствия в регионе.

Установление и соблюдение норм и порядков, по которым станут «играть» все страны, будет способствовать миру и процветанию региона. Эти правила «игры» включают открытую и свободную торговлю, справедливый международный порядок, который предусматривает права и обязанности всех стран, верность нормам права, доступ всех в открытые сферы моря, воздуха, космоса и киберпространства, разрешение споров без принуждения или применения силы.

В соответствии с таким подходом к нормам международного права признано необходимым присоединение США уже в ближайшее время к Конвенции ООН по морскому праву.

Принцип партнерства связан с усилиями США модернизировать и укрепить союзнические и партнерские отношения в регионе. Ключевыми союзниками США в регионе являются Япония, Южная Корея, Австралия, Филиппины и Таиланд. Главные партнеры США в АТР — это Индия, Сингапур, Индонезия и др. Вашингтон настойчиво добивается установления бо-

лее тесных отношений с Китаем. США расширяют свои партнерские связи и укрепляют союзы со странами АТР. Союз «США—Япония», по мнению американских стратегов, останется одним из краеугольных камней региональной безопасности и процветания в XXI в. Военные структуры двух стран повышают возможности по совместной боевой подготовке и ведению военных действий, тесно сотрудничают в таких областях, как безопасность на море, стратегическая и оперативная разведка, слежение за морскими ТВД. Две страны совместно разрабатывают военную технику и вооружение на базе высоких технологий, включая следующее поколение перехватчиков ПРО, исследуют новые области сотрудничества в космосе и киберпространстве.

В последние несколько месяцев две страны укрепляли свой союз и понимание общих широких стратегических целей в регионе путем пересмотра плана передислокации подразделений морской пехоты США с о. Окинава на о. Гуам. Этот план сделает американское присутствие на Окинаве политически более приемлемым и будет способствовать дальнейшему развитию Гуама в качестве стратегического военного центра США в западной части Тихого океана, повысив возможности США реагировать на широкий спектр конфликтных ситуаций в АТР.

Еще одним ключевым элементом безопасности в АТР, по мнению американских стратегов, является союз США с Республикой Корея. Постоянные изменения ситуации на Корейском полуострове в последнее время подтвердили всю значимость этого союза и необходимость его дальнейшего укрепления. Несмотря на сокращение общей численности личного состава сухопутных войск, в предстоящий период США будут сохранять присутствие значительных контингентов сухопутных войск в Корее. Расширится обмен между сторонами разведанными и другой информацией, а само укрепление союза США с Республикой Корея открывает новые возможности по отражению глобальных угроз.

Наряду с усилением традиционных альянсов и сохранением своего присутствия в СВА — как меры изменения соотношения сил в свою пользу, США также расширяют присутствие в Юго-Восточной Азии и в регионе Индийского океана. Важным компонентом этих усилий является соглашение, заключенное

осенью 2011 г., о присутствии на ротационной основе подразделений морской пехоты США и развертывании американской авиации в Северной Австралии. Первый отряд морской пехоты прибыл туда в апреле 2012 г. Эта воздушно-наземная группа морской пехоты будет способна к быстрому развертыванию по всему АТР, что позволит США работать более эффективно вместе с партнерами в Юго-Восточной Азии и зоне Индийского океана и противодействовать общим угрозам, в том числе таким, как природные бедствия и угрозы безопасности на море.

Подразделения морской пехоты будут проводить боевую подготовку и учения по всему региону, в том числе и с подразделениями вооруженных сил Австралии, используя десятилетний опыт оперативного взаимодействия в Афганистане. Австралия уже заявила, что в целях обеспечения безопасности в регионе на период до 2014 г. берет на себя руководство объединенной группировкой *Uruzgan*. США также продолжают тесное оперативное взаимодействие с союзным Таиландом, который на ежегодной основе принимает многосторонние военные учения *Cobra Gold*. В 2012 г. страны, участвовавшие в учениях, углубили стратегическое взаимодействие с целью противостояния региональным угрозам.

Кроме того, США активизируют свой союз с Филиппинами. В мае 2012 г. в Вашингтоне впервые было проведено совещание военных и дипломатов США и Филиппин в формате «2+2». Вооруженные силы двух стран успешно взаимодействовали в борьбе против террористических группировок. Также проводятся мероприятия по повышению возможностей ВС двух стран, в том числе и с целью усиления военно-морского потенциала Филиппин.

Еще один пример выполнения США обязательств по повышению оборонных возможностей в регионе — отношения с Сингапуром. Возможности США по взаимодействию с Сингапуром и другими странами региона в предстоящие годы значительно возрастут. Этому будет способствовать вступление в силу американской программы передового развертывания в Сингапуре боевых кораблей береговой зоны.

США принимают меры по развитию существующих союзов и партнерств в новых направлениях, что приведет к укреплению

взаимодействия с Индонезией, Малайзией, Индией, Вьетнамом и Новой Зеландией. С Вьетнамом намечается укрепление двустороннего взаимодействия в оборонной сфере на основе всеобъемлющего Меморандума о взаимопонимании, подписанного двумя странами в 2011 г.

США стремятся укрепить свои отношения с Китаем. Обе страны признают, что отношения США и Китая являются одними из наиболее важных в мире. США четко представляют все вызовы отношений с Китаем, стремятся избегать ошибок. Они ищут новые возможности более тесного взаимодействия, в том числе по линии контактов между военными структурами двух стран. Цель — в продолжении улучшения стратегического взаимодействия, в нахождении общих подходов к решению вопросов вызовов безопасности. США будут стремиться к углублению партнерских отношений с Китаем в области гуманитарной помощи, противодействия наркотрафику, в сфере нераспространения оружия массового поражения. Страны договорились о необходимости ответственного поведения в киберпространстве и в открытом космосе. Теперь надо установить и закрепить согласованные принципы в этих ключевых областях. В кругах мировой общественности существует мнение, что повышенный интерес США к АТР создает некий вызов для Китая. По мнению американских экспертов, в определенном смысле интерес США к АТР и повышение их вовлеченности в дела региона не только полностью совместимо с задачами развития и роста КНР: оно будет приносить выгоду Китаю, а также общей безопасности и процветанию в будущем.

В этом контексте США полностью поддерживают усилия как Пекина, так и Тайбэя, направленные на улучшение отношений в зоне пролива. США заинтересованы в мире и стабильности в этой зоне, твердо привержены политике «одного Китая», основанной на трех коммюнике и законе США об отношениях с Тайванем. Они признают, что Китай играл важную роль в обеспечении безопасности и процветания путем уважения правопорядка, который существовал в регионе в течение 60 лет. США приветствуют подъем сильного, процветающего и успешного Китая, играющего все большую роль в глобальных делах.

Еще один позитивный шаг по дальнейшему укреплению порядка в Азии на основе верховенства закона связан с развитием региональной структуры безопасности. США считают, что для региональных институтов критически важно разработать согласованную «дорожную карту», которая защитит право всех стран на свободный доступ к морям. США поддерживают усилия стран АСЕАН и Китая по разработке обязательного кодекса поведения, который создаст законодательные рамки, регулирующие поведение сторон в Южно-Китайском море, в том числе предотвращение и урегулирование споров.

США выступают за сдержанность и за решение вопросов дипломатическим путем, за предотвращение провокаций, против угрозы силой и использования силы. США не поддерживают ни одну из сторон, выступающих с территориальными требованиями, они хотели бы, чтобы спор разрешился мирным путем в соответствии с международным правом. Они изложили свои взгляды своему союзнику — Филиппинам, довели их до сведения Китая и других стран региона. Как тихоокеанская страна США имеют национальный интерес в свободе навигации, беспрепятственных возможностей в экономическом развитии и торговле, в уважении права закона. Указанные союзы, партнерские отношения и длительное присутствие в АТР способствуют решению этих важных задач. Особое внимание уделяется установлению прочных, стабильных, надежных и длительных отношений с Китаем, в частности в военной области.

Другим позитивным шагом к созданию основанного на законах нового международного порядка в Азии является углубление региональной архитектуры безопасности на основе принятых международных законов и правил. США приветствуют разработанный на встрече министров обороны стран АСЕАН план многостороннего сотрудничества в военной области и решения о более частых встречах и дискуссиях министров обороны государств этой организации и ассоциированных стран.

США уделяют серьезное внимание ситуации в районе мыса Скарборо в Южно-Китайском море, призывают к сдержанности и ее дипломатическому урегулированию, возражают против провокаций, угроз силой или ее применения. В случае возник-

новения территориальных споров США не принимают какую-либо сторону, так как стремятся к мирному разрешению вопроса в духе, совместимом с международным правом.

На ближайшие 5 лет намечен к списанию ряд устаревших кораблей ВМС США, которые заменят на примерно 40 более современных и технически оснащенных боевых кораблей. Будут увеличены количество и размах военных учений на Тихом океане. Будет также увеличено число и расширен спектр визитов кораблей США в порты стран АТР, а также государств в акватории Индийского океана. В итоге ВМС США к 2020 г. планируют изменить соотношение своих сил между Тихоокеанской зоной и Атлантикой от нынешних 50/50 до 60/40². Силы Тихоокеанской зоны будут включать 6 авианосцев, большую часть состоящих на вооружении крейсеров, эсминцев, боевых кораблей прибрежной зоны и подводных лодок.

Силы передового базирования являются сердцевиной американских обязательств в регионе, они будут постоянно совершенствоваться. В частности, создаются истребитель 5-го поколения, усовершенствованная подводная лодка класса *Virginia*, новые образцы оборудования радиоэлектронной борьбы и средств связи, а также более совершенного высокоточного оружия, что позволит ВС США свободно маневрировать и действовать в тех районах, где их свобода действий может подвергаться угрозе.

С учетом одной из главных особенностей Тихоокеанской зоны — ее огромных размеров — в США будут закупаться новые самолеты-танкеры, новые бомбардировщик, а также усовершенствованные самолеты морской патрульной и противолодочной авиации, будут разрабатываться новые принципы и способы действий в АТР.

В январе 2012 г. Министерство обороны США приняло Концепцию объединенного оперативного доступа, которая, наряду с другими документами, такими, как Основы воздушно-морской операции, позволит ответить на вызовы новых и могущественных технологий и систем оружия, которые могут препятствовать доступу вооруженных сил США к ключевым морским магистралям региона и основным линиям связи. Естественно, что для выполнения таких концепций потребуются

годы и большие инвестиции. Но, по оценке американских специалистов, они оправданы, так как Азиатско-Тихоокеанский регион жизненно важен для США.

На практике США далеки от реализации своих кораблестроительных программ. Возможно, им придется урезать планы наращивания авианосных группировок, замедлить модернизацию подводных лодок и оборудование их ракетами дальнего действия в обычном оснащении. Имеются проблемы с модернизацией и эксплуатацией боевой авиации флота, в поставке утвержденного числа истребителей F-35, в реальном финансировании создания и развертывания нового бомбардировщика и в модернизации ключевых систем обеспечения, таких, как самолеты-заправщики³.

Китай считает зону Тихого океана важнейшим регионом в плане обеспечения своей национальной безопасности. В специальном разделе опубликованной в апреле 2013 г. Белой книги по национальной обороне Китая излагается практика использования вооруженных сил страны в области защиты государственных интересов на море. Утверждается, что в настоящее время морские интересы Китая стоят перед суровыми вызовами и их защита является важной задачей НОАК.

Китайские вооруженные силы уже создали постоянный механизм патрулирования морских акваторий, находящихся под юрисдикцией Китая, тесно контактируют и координируют действия с государственными морскими правоохранительными ведомствами, предоставляют гарантии безопасности в ходе проведения правоохранительных операций, рыболовной деятельности и освоения нефтегазовых ресурсов на море.

В Белой книге говорится, что ВМС Китая работают над поиском модели групповой отработки военных операций в открытом море и организуют тренировки разных формирований смешанных сил, состоящих из эсминцев нового типа, фрегатов, кораблей слежения и палубных вертолетов. Наряду с этим они совершенствуют тематические учения и исследования в сложных военных условиях, уделяя особое внимание тренировкам по дальнему радиолокационному обнаружению, комплексному контролю, перехвату в открытом море, внезапным атакам на да-

лекие расстояния, противолодочному столкновению и морскому патрулированию. С 2007 г. ВМС НОАК проводят учения в западной части Тихого океана с участием более 90 кораблей в примерно 20 группах. На этих учениях отрабатываются вопросы реагирования на ведение разведки и на незаконные помехи, создаваемые иностранными военными кораблями и самолетами⁴.

ВМС Китая проводят исследования по формированию ударной группы во главе с авианосцем «Ляонин». АУГ может состоять, кроме «Ляонина», из 4 эсминцев УРО, 2 многоцелевых эсминцев, 2—4 фрегатов, 1—2 атомных подводных лодок и корабля снабжения. Авиагруппа авианосца в полном составе может включать 22 истребителя, 4—6 самолетов раннего предупреждения и 12 противолодочных вертолетов. Основной задачей авианосной группы будет обеспечение противовоздушной обороны на дальних подступах к континентальной части Китая⁵.

В Белой книге отмечается: «Превращение Китая в морскую державу, развитие, использование и защита своих морских территорий являются национальной стратегией. Учения, проводимые военно-морскими силами Национально-освободительной армии Китая, станут более интенсивными. ВМС Китая усложнят задачи во время проведения военно-морских учений, в частности по трудности ведения боя, перехвата на море и противолодочной обороне»⁶.

Примечания

¹ URL: <http://www.defense.gov/speeches/speech.aspx?speechid=1681>

² URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1940213>

³ Congressional Research Service. R42493. 20.04.2012. Р. 20.

⁴ Кузарь В. Диверсификация НОАК // Красная звезда. 18.04.2013.

⁵ URL: ws.hf365.com

⁶ Цит. по: URL: <http://vpk-news.ru/news/15518>

В.И. Трифонов*

КИТАЙ—США: «ПЕРЕЗАГРУЗКА» ОТНОШЕНИЙ?

Аннотация. В статье рассматриваются состояние и перспективы современных китайско-американских отношений, анализируются усилия Вашингтона и Пекина, направленные на устранение возникшей в последние годы напряженности в двусторонних связях и налаживание между ними взаимодействия в решении двусторонних и международных проблем в свете строительства отношений «нового типа». Автор также отмечает серьезные противоречия, имеющиеся между сторонами, в частности, нарастающее противоборство в Азиатско-Тихоокеанском регионе и общее соперничество на международной арене.

Ключевые слова: Китай, США, отношения «нового типа», сохраняющееся противоборство.

Развитие обстановки в мире в XXI в. во многом будет зависеть от того, как станут складываться *взаимоотношения двух крупнейших государств — Соединенных Штатов, сохраняющих позиции наиболее мощной державы мира, и поднимающегося Китая, завоевывающего одну позицию за другой.* Станет ли мир свидетелем нарастающего противоборства между двумя гигантами, либо же эти две страны объединят усилия в построении устраивающего их миропорядка.

* Трифонов Виктор Иванович — Чрезвычайный и Полномочный Посол, с.н.с. Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений ИДВ РАН.

Отношения сторон прошли через много этапов, периоды взлетов и падений, сотрудничества и острой враждебности. Готовность США после образования КНР смириться с новой реальностью сменилась, с началом Корейской войны, периодом длительной конфронтации, нанесшей немалый урон интересам обеих сторон. Затем, в условиях резкого ухудшения отношений Пекина с Советским Союзом, нарастания американско-советского противоборства, стороны пошли на сближение, установив в конце 1970-х годов запоздалые дипломатические отношения. Хотя США и другие западные страны сыграли немалую роль в экономическом подъеме КНР, однако особой близостью отношения сторон не отличались в силу сохраняющегося недоверия Соединенных Штатов к «коммунистическому Китаю», нежелания способствовать его усилению и из-за проводимой китайским руководством достаточно твердой линии на «независимость и самостоятельность». В 1980-е годы Пекин начал постепенно двигаться в сторону нормализации отношений с СССР. В драматические 1990-е годы, годы распада Советского Союза, откровенных попыток Вашингтона побудить Пекин последовать примеру СССР, жесткого давления на него, Китай решительно поддержал новую Россию в исключительно сложный для нее период. В Совместной декларации от 25 апреля 1996 г. стороны заявили, что они будут «развивать отношения равноправного доверительного партнерства, направленного на стратегическое взаимодействие в XXI веке»¹. Связи сторон были скреплены подписанием 16 июля 2001 г. Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР.

Достаточно позитивный и устойчивый характер американо-китайские отношения носили при президенте Дж. Буше (мл.) и в начальный период администрации Б. Обамы. В ходе ноябрьского (2009 г.) визита Б. Обамы в Китай стороны договорились об осуществлении далеко идущих совместных усилий по регулированию мировых проблем, подчеркнули, что они «разделяют широкие общие интересы в Азиатско-Тихоокеанском регионе». Именно в этот период ряд американских политиков, включая таких «тяжеловесов», как Г. Киссинджер и З. Бжезинский, выступили с идеями формирования G-2, «Кимерики», оз-

наменованными попытки договориться с Китаем о совместном управлении мировыми делами, не растрачивая силы и ресурсы на опасное противоборство друг с другом.

В то же время продолжающийся уже три десятилетия *стремительный рост экономической и совокупной мощи Китая*, увеличение его военного потенциала вызывают все большую озабоченность в политических и военных кругах США, в американском конгрессе, у союзников Вашингтона, в первую очередь Японии.

Особое беспокойство США проявляют в связи с заметным усилением позиций Китая в Восточной и Юго-Восточной Азии, где КНР существенно потеснила Соединенные Штаты как в экономическом, так и в политическом плане. КНР заняла место США в качестве главного торгового партнера Японии, Южной Кореи, многих стран АСЕАН, Тайваня, играет активную роль в региональных организациях АТР, в жизни региона в целом. Дальнейшему упрочению позиций КНР в АТР способствует вступление в силу с 1 января 2010 г. зоны свободной торговли между Китаем и АСЕАН, совокупные параметры которой составляют 1,9 млрд населения, примерно 8 трлн долл. ВВП, 4,5 трлн долл. общего внешнеторгового оборота. Пекин развернул эффективную экономическую и политическую экспансию в Центральной Азии, на африканском континенте, в Латинской Америке.

Пекин не проявил особого интереса к идее американо-китайского «дуумвирата», где Китаю, нужно думать, отводилась подчиненная роль. КНР вновь подтвердила свой курс на независимость и самостоятельность, выразила несогласие с «гегемонией» какой либо крупной державы или группы держав. Китай также ясно дал понять, что не намерен подстраиваться под американские и западные воззрения в проведении своей внешней и внутренней политики, будет и дальше выстраивать собственную линию в вопросах прав человека, продвигаясь все дальше и дальше по пути укрепления демократии с «китайской спецификой». В докладе тогдашнего председателя КНР Ху Цзиньтао на XVIII съезде КПК (ноябрь 2012 г.) было прямо заявлено, что «нельзя копировать модель политического строя Запада».

Заметную остроту приобрели *американо-китайские трения в торгово-экономической области*, причем Вашингтон открыто об-

винил Пекин в «недобросовестной практике» в сфере проведения валютно-финансовой политики. В жесткой форме были выдвинуты требования ревальвировать юань, реформировать в сторону либерализации и большей прозрачности китайскую банковскую сферу. Свои не менее жесткие претензии к США предъявила и КНР.

Серьезное беспокойство в США и у азиатских союзников Вашингтона вызывают усиливающиеся военные возможности Китая, укрепление китайских ВМС с приобретением ими способностей выхода в открытый океан. С 2000 по 2012 г. военный бюджет КНР вырос в 7 раз, достигнув в 2012 г., по официальным китайским данным, свыше 106 млрд долл. А в 2013 г., согласно правительственному бюджету, Китай планирует увеличить затраты на оборону на 10,7 %, что составит 720,2 млрд юаней (около 114,3 млрд долл.)². На XVIII съезде КПК было заявлено о планах превращения КНР в «мощную морскую державу». Согласно оценкам западных источников, в действительности военные расходы КНР еще намного больше указываемых. Так, по данным СИПРИ, в 2011 г. затраты Китая на оборону составили 143 млрд долл. (у США — 711 млрд долл., у Японии — 59,3 млрд)³. Причем китайские военные расходы растут опережающими темпами по сравнению с расходами соперников КНР.

Все это побудило Соединенные Штаты довольно круто *поменять стратегию*, взять курс на противодействие дальнейшему усилению Китая, его «сдерживание». Провозглашена линия на «возвращение США в Азию» в опоре на традиционных союзников (выступление 12 января 2010 г. в Гонолулу госсекретаря США Х. Клинтон)⁴. Заявлено, что XXI век будет тихоокеанским веком в политике США. Существенно активизировалась роль Вашингтона в региональных организациях АТР, США присоединились к тем из них, где они до последнего времени не участвовали. Задачи подкрепления позиций США в ряде ключевых стран региона преследовали ноябрьский (2010 г.) визит в Индию, Индонезию, Южную Корею и Японию президента Б. Обамы (по оценкам как американских, так и китайских экспертов, во всех этих поездках незримо присутствовала «тень Китая»), заявления президента Б. Обамы в рамках последних саммитов АТЭС, АСЕ-

АН, Восточноазиатского саммита, визитов президента в Индонезию и Австралию, а госсекретаря — на Филиппины.

Дальнейшее развитие американская линия на сохранение и упрочение лидирующего положения США в мировых делах и в Азии получила в послании Б. Обамы конгрессу «О положении страны» от 24 января 2012 г. и в докладе президента в Пентагоне «Сохранение глобального лидерства. Приоритеты обороны в XXI веке» (опубликован 5 января 2012 г.). Объявив о свертывании американских военных операций в ряде районов мира и о сокращении военных расходов США, Б. Обама указал, что эти меры никак не затронут Азиатско-Тихоокеанский регион⁵.

Политические декларации сопровождаются осуществляемыми Соединенными Штатами в последнее время масштабными шагами *по дальнейшему укреплению своего военного присутствия в АТР*. В частности, предусматривается дальнейшее усиление американской военной группировки на Тихом океане с упором на военно-морские и военно-воздушные компоненты; дальнейшее развертывание широкомасштабной глобальной и нацеленной на Восточную Азию региональной системы ПРО; укрепление военных баз на о. Гуам и на Окинаве с выделением для этого крупных денежных средств; увеличение военной помощи американским союзникам в АТР. Создается новый мощный военный комплекс в юго-западной части Тихого океана — размещение 2500 морских пехотинцев в Дарвине (Австралия) с определенным количеством флотских и авиационных соединений⁶. По заявлению 2 июня 2012 г. на конференции «Шангри-Ла Диалог» в Сингапуре министра обороны США Л. Панетты, если сейчас ВМС США разделены примерно поровну между Атлантическим и Тихим океанами, то постепенно соотношение будет изменено в пропорции 40/60. Через 8 лет США разместят в Азии 6 авианосных групп из 11⁷.

США фактически заняли сторону Японии и стран ЮВА в их споре с Китаем из-за островов в акватории Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей.

Как противовес имеющимся в АТР региональным организациям — в целях обеспечения для США лидирующего положения — расценивается многими, в том числе китайскими анали-

тиками, активно продвигаемая Соединенными Штатами в последнее время *идея Транстихоокеанского партнерства (ТТП)*⁸.

Указанные шаги Соединенных Штатов, судя по оценкам китайских политологов и печати, *рассматриваются в Китае как серьезный вызов*, требующий адекватного ответа с китайской стороны.

Однако официальный Пекин, будучи пока не готовым к открытой схватке с США, *предпочел занять сдержанную позицию*, продолжая курс на постепенное наращивание сил и следуя заветам Дэн Сяопина — без особой нужды «не высовываться». В заявлениях высших китайских лидеров, представителей МИД с неизменным постоянством проводится мысль об отсутствии у КНР каких-либо экспансионистских устремлений, подчеркивается заинтересованность Пекина в укреплении и развитии отношений с США, «надлежащем урегулировании разногласий между сторонами».

Стремление КНР добиться взаимопонимания с Вашингтоном, в частности, наглядно проявилось в ходе визита в США в феврале 2012 г. Си Цзиньпина, бывшего в то время заместителем председателя КНР. При встрече с президентом Б. Обамой Си Цзиньпин выразил надежду, что его нынешняя поездка «окажет содействие непрерывному продвижению китайско-американских отношений сотрудничества и партнерства в правильном направлении», а в интервью газете «Вашингтон пост» 12 февраля он подчеркнул, что «китайско-американские отношения стали одними из самых важных, самых жизнеспособных и самых потенциально значимых двусторонних связей в мире»⁹.

Миролюбивые жесты со стороны КНР в адрес США еще больше участились после избрания президента Б. Обамы на второй срок, с появлением в американской администрации новых людей (особое удовлетворение в Китае вызвал уход с поста госсекретаря Х. Клинтон, жесткие высказывания которой, как отмечалось в китайских СМИ, «нанесли большой вред двустороннему сотрудничеству»¹⁰).

Ряд важных заявлений, адресованных США, Си Цзиньпин сделал уже в качестве нового лидера Китая. В частности, в ходе встречи 19 марта 2013 г. с министром финансов США Д. Лью Си Цзиньпин заявил: «Китайская сторона готова продолжить

совместно с США усилия, исходя из стратегических интересов и долгосрочной перспективы, твердо придерживаясь основного курса на развитие отношений двух стран, неуклонно наращивать диалог, взаимодоверие и сотрудничество, уважать и учитывать ключевые интересы, важнейшие озабоченности друг друга, надлежащим образом урегулировать разногласия, общими усилиями построить основанные на сотрудничестве отношения партнерства и найти новую форму отношений между державами»¹¹.

На специальной пресс-конференции по вопросам внешней политики 9 марта 2013 г. во время 1-й сессии ВСНП 12-го созыва министр иностранных дел КНР Ян Цзечи призвал США «искать общее при сохранении расхождений и работать над созданием путей отношений между крупными державами нового типа». Он выразил надежду, что «США будут вместе с Китаем прилагать усилия к наращиванию диалога и сотрудничества двух стран в АТР»¹².

Понимание того, что настало время «договариваться» с Пекином, очевидно, пришло и к Вашингтону. Дальнейшее усиление напряженности с Китаем, обостряющиеся территориальные конфликты между странами АТР, грозящие перерасти в прямые столкновения, явно не входят в американские планы. Необходимо также учитывать созданную сторонами за последние десятилетия серьезную базу отношений, сложившуюся между ними тесную экономическую взаимозависимость, чем ни США, ни Китай рисковать не могут: объем китайско-американской торговли приближается к 500 млрд долл., КНР является крупнейшим держателем американского долга (закупки Пекином облигаций государственного займа США составили 1,265 трлн долл. и продолжают расти), Китай лидирует по числу обучающихся в США студентов — 194 тыс. человек из материковой части КНР (на конец 2012 г.), вместе же с Гонконгом, Макао и Тайванем — 226 тыс. человек и др.

Как следствие, *сторонами предприняты заметные усилия, направленные на устранение возникшей в последние годы напряженности в китайско-американских отношениях*, налаживание между ними взаимопонимания в решении двусторонних и международных проблем.

На заседании Азиатского общества США 11 марта 2013 г. в Нью-Йорке помощник американского президента по национальной безопасности Т. Донилен подчеркнул, что одной из главных целей США является «построение стабильных, продуктивных и конструктивных отношений с Китаем». Приход к власти в Китае нового руководства и переизбрание президента Б. Обамы на новый срок, сказал он, «знаменуют собой новый этап в американо-китайских отношениях», которые Т. Донилен охарактеризовал как «сочетание сотрудничества и соперничества». Особое внимание, по его словам, необходимо уделить налаживанию диалога между военными двух стран, что «является центральным в подходе ко многим источникам нестабильности и потенциального соперничества между сторонами»¹³.

Принципиальное значение имел состоявшийся 14 марта 2013 г. разговор по телефону между Б. Обамой и Си Цзиньпином, носивший исключительно теплый характер. Поздравив последнего с избранием на пост председателя КНР, Б. Обама заявил, что США намерены упрочить сотрудничество с Китаем, принять во внимание озабоченности другой стороны, содействовать развитию двусторонних торговых связей, обеспечить безопасность, стабильность и процветание в АТР¹⁴. Позднее излагая содержание своего разговора с американским президентом, Си Цзиньпин сказал: «Китайско-американские отношения переживают новый исторический период. В недавнем разговоре с президентом Б. Обамой мы договорились совместно стремиться к созданию отношений сотрудничества и партнерства, поиску путей к установлению отношений между крупными державами нового типа и определили стратегическое направление развития межгосударственных связей». Китайский лидер подчеркнул особое значение поддержания стратегических контактов на высшем уровне, выразил готовность сохранять обмены и связи с президентом Б. Обамой¹⁵ (с 2003 г. руководители двух стран встречались около 30 раз).

Последовали другие заявления подобного рода, лейтмотивом которых стал тезис о *построении отношений между КНР и США «нового типа»*. По словам нового министра иностранных дел КНР Ван И (3 апреля 2013 г.), теперь необходимо «перевес-

ти достигнутые лидерами двух стран важные договоренности в конкретные действия»¹⁶. В свою очередь на приеме в Вашингтоне 17 апреля по поводу прибытия нового посла КНР в США Цуй Тянькая первый зам. госсекретаря США У. Бернс отметил, что «в американско-китайских отношениях наступил решающий этап развития»¹⁷. Американская сторона, сказал он, намерена совместно с китайской стороной «установить открытую, инклюзивную международную систему, основывающуюся на совместной безопасности и общем процветании». Достигнута договоренность о расширении «позитивного взаимодействия» сторон в АТР — в рамках созданного ранее двустороннего механизма на уровне заместителей министров иностранных дел.

В марте—апреле 2013 г. Китай посетил целый ряд высокопоставленных американских представителей: госсекретарь Д. Керри; министр финансов Д. Лью; первый заместитель госсекретаря США У. Бернс; бывший госсекретарь Г. Киссинджер, бывший министр финансов Г. Полсон. Практически все американские визитеры были приняты председателем КНР Си Цзиньпином, другими высшими китайскими руководителями. Разговоры носили конструктивный характер. Обе стороны выражали заинтересованность в дальнейшем укреплении отношений, расширении координации в региональных и международных делах. 8—12 июля 2013 г. в Вашингтоне был проведен 5-й американско-китайский стратегический и экономический диалог на уровне министров иностранных дел и финансов (прибыла большая делегация с участием представителей крупного бизнеса).

7—8 июня 2012 г. по инициативе американской стороны состоялась встреча в Калифорнии Б. Обамы и Си Цзиньпина (американцы воспользовались прошедшим в начале июня официальным визитом Си Цзиньпина в страны Латинской Америки, включая Мексику). Ранее — 26—28 мая — для ее подготовки Китай посетил помощник президента США по национальной безопасности Т. Донилен. Характеризуя эту встречу, З. Бжезинский назвал ее «своевременной и необходимой» для обоих государств и для всего мира и подчеркнул, что США и КНР «несут огромную историческую ответственность»¹⁸.

Стороны возобновили контакты по военной линии. 12 декабря 2012 г. в США прошел 13-й раунд консультаций между министерствами обороны двух стран (с китайской стороны делегацию возглавлял зам. начальника Генштаба, с американской — зам. министра обороны). 3 апреля 2013 г. состоялся — по инициативе американской стороны — разговор по телефону между министрами обороны США и КНР (Ч. Хейгел и Чан Вэньцюань). Китайский министр призвал своего американского коллегу «расширить практическое сотрудничество между армиями двух стран и активно содействовать установлению отношений нового типа на основе равенства, взаимовыгоды, сотрудничества и обоюдного выигрыша». Ч. Хейгел согласился со словами Чан Вэньцюаня и пригласил его посетить в нынешнем году США¹⁹.

21—25 апреля в Китае находился председатель Объединенного комитета начальников штабов США М. Демпси. При встрече с ним Си Цзиньпин выразил удовлетворение по поводу того, что «отношения между вооруженными силами Китая и США вышли за прошедший год на новый уровень»²⁰.

По некоторым признакам, Вашингтон пытается сейчас оказать содействие сторонам, вовлеченным в территориальные конфликты в АТР, по снижению «накала страстей» и побуждению их решать проблемы путем мирного диалога. Это, в частности, проявилось во время февральского визита в США премьер-министра Японии С. Абэ. Согласно оценкам китайских наблюдателей, американцы на этот раз вели себя намного сдержанней в китайско-японском споре из-за островов Дяоюйдао (Сэнкаку), хотя США вновь подтвердили, что американские обязательства по защите Японии распространяются и на эти острова. По словам официального представителя МИД КНР Хун Лэя, США неоднократно давали обещания воздерживаться от выражения своей позиции относительно споров вокруг территориальной принадлежности островов в Южно-Китайском море. Мы надеемся на то, сказал он, что слова Вашингтона не будут расходиться с делом и что США «предпримут больше шагов, полезных для обеспечения мира и стабильности в регионе»²¹.

Пока трудно сказать, во что выльются отмеченные выше усилия сторон по налаживанию отношений, учитывая *имеющие-*

ся между ними серьезные противоречия, нарастающее противоборство в Азиатско-Тихоокеанском регионе в политической, экономической и военной сфере, соперничество на международной арене. Выступая в ноябре 2012 г. с докладом на XVIII съезде КПК, председатель КНР Ху Цзиньтао заявил, что «Китай будет твердо проводить независимую и самостоятельную внешнюю политику, охранять суверенитет и безопасность государства, интересы его развития и никогда не будет подчиняться какому-либо давлению извне». На мероприятиях в рамках коллективной учебы Политбюро ЦК КПК 28 января 2013 г. Си Цзиньпин подчеркнул: «Мы будем решительно идти по пути мирного развития, но ни в коем случае не станем отказываться от наших законных прав и интересов и не будем жертвовать жизненными интересами страны. Ни одна страна не должна рассчитывать на то, что мы будем вести торговлю своими ключевыми интересами, ни у кого не может быть ни малейшей надежды на то, что мы пожнем горькие плоды ущемления суверенитета, безопасности и интересов развития государства»²².

Пекин жестко отвечает на обвинения США в нарушении прав человека в Китае, публикует собственные развернутые материалы относительно неблагоприятного положения с правами человека в самих США (последний такой документ был выпущен пресс-канцелярией Госсовета КНР 21 апреля 2013 г.).

Серьезные разногласия между США и КНР сохраняются в торгово-экономической сфере. В последние годы стороны не раз подходили к той грани, за которой могла бы начаться торговая война. Хотя тайваньский вопрос сейчас несколько ушел в тень, он остается серьезным раздражителем в отношениях двух стран. Не вызывает сомнений, что США твердо намерены не допустить воссоединения Тайваня с КНР, что резко усилило бы мощь Китая, поставило под угрозу морские и воздушные коммуникации США и их союзников в стратегически важном регионе.

Касаясь *российских интересов в затронутых вопросах*, можно с достаточной уверенностью сказать, что китайско-американское сближение, даже если оно и произойдет, вряд ли серьезно скажется на отношениях РФ с Китаем, учитывая объективную заинтересованность Пекина в поддержании прочных связей с

Россией. Об этом достаточно ясно говорят характер и содержание визита председателя КНР Си Цзиньпина в Россию в марте 2013 г. и достигнутые между сторонами договоренности.

Примечания

¹ Сборник российско-китайских договоров. 1949—1999. М., 1999. С. 333.

² Си Цзиньпин призвал армию к верности и соблюдению дисциплины // Синьхуа. 12.03.2013. URL: http://russian.news.cn/dossiers/2013-03/12/c_132226058.htm.

³ URL: www.sipri.org/yearbook/2012/files/SIPRIYB12summary.pdf.

⁴ URL: www.state.gov/secretary/rm/2010/01/135090.htm.

⁵ URL: http://russian.news.cn/world/2012-01/06/c_131347060.htm.

⁶ URL: http://www.rusphbc.ru/2011/11/blog-post_29.html.

⁷ Коммерсантъ-Власть. 11.06.2012.

⁸ URL: www.russian.china.org.cn 09-04-2012; www.russian.china.org.cn 19-01-2012.

⁹ URL: http://paper.people.com.cn/rmrb/html/2012-02/15/nw.D110000renmrb_20120215_4-01.htm?div=1.

¹⁰ Жэньминь жибао он-лайн. 15.04.2013.

¹¹ URL: http://russian.news.cn/china/2013-03/19/c_132246410.htm.

¹² http://russian.news.cn/china/2013-03/09/c_132220735.htm.

¹³ URL: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2013/03/11/remarks-tom-donilon>.

¹⁴ Агентство Синьхуа. 15.03.2013.

¹⁵ URL: http://russian.news.cn/china/2013-04/14/c_132306656.htm.

¹⁶ Синьхуа. 15.04.2013.

¹⁷ Синьхуа. 18.04.2013.

¹⁸ Синьхуа. 23.05.2013.

¹⁹ URL: <http://russian.news.cn> 2013-04-03.

²⁰ Синьхуа. 23.04.2013.

²¹ Синьхуа. 05.09.2012.

²² URL: http://russian.news.cn/china/2013-01/29/c_132136224.htm.

О.А. Тимофеев*

СОРОКАЛЕТНИЕ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ КИТАЕМ И США: ПОДТВЕРЖДЕНИЕ ТЕНДЕНЦИЙ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению системных факторов в китайско-американских отношениях. За период, прошедший с 1972 г. — времени нормализации двухсторонних связей, — эти отношения пережили периоды недоверия, стабилизации, прорывов к более позитивной модели развития и к «экономизации» стратегической повестки. Автор анализирует тенденции, превращающие эти отношения в более зрелые и предсказуемые: прежде всего это — повышение роли как многосторонних институтов, так и экономического сотрудничества.

Ключевые слова: китайско-американские отношения, стратегическое партнерство, экономический диалог, «заинтересованный участник».

В 2012 г. США и Китай отметили 40-летие нормализации двусторонних отношений. Один из наиболее авторитетных китайских американистов профессор Юань Пэн для анализа связанных с этой датой итогов использует древнее выражение *сыши бу хо* — «в 40 лет [следует отбросить] сомнения»¹. По мнению ученого, именно 40-летний рубеж может говорить о пере-

* Тимофеев Олег Анатольевич — к.и.н., заместитель декана факультета международных отношений, с.н.с. Центра геополитических исследований Амурского государственного университета (г. Благовещенск).

ходе к определенной стабильности. В связи с этим уместно было бы вспомнить основные события и тенденции в американо-китайских отношениях за последние 40 лет.

Процесс нормализации американо-китайских отношений принято отсчитывать с февраля 1972 г., когда президент США Р. Никсон совершил тайный визит в КНР, в ходе которого провел многочасовые подробные переговоры с Чжоу Эньлаем и краткую беседу с Мао Цзэдуном. В подписанном сторонами совместном коммюнике выражалась приверженность принципу «одного Китая» и готовность американской стороны к постепенному сокращению своих войск и военных объектов на Тайване вплоть до их полного вывода.

1 января 1979 г. между КНР и США были официально установлены дипломатические отношения. С этого момента все более активно стали развиваться торгово-экономические отношения. В 1979 г. был создан Совместный экономический комитет, объединяющий представителей министерств финансов обеих стран. С февраля 1980 г. стороны стали распространять друг на друга режим наибольшего благоприятствования (РНБ). В 1980-е годы в США прошли обучение более 70 тыс. студентов из КНР, а в Китае — 7 тыс. американских студентов.

В апреле 1984 г. в Китай прибыл президент Р. Рейган. В ходе его визита было подписано рамочное соглашение о сотрудничестве в мирном использовании атомной энергии, допускавшее американский бизнес к этому капиталоемкому сегменту китайской экономики.

Роль «спасательного круга» для развития КНР после охлаждения отношений в 1989 г. также сыграло, прежде всего, экономическое взаимодействие. После замораживания межправительственных и международных кредитов Китай активно использовал кредиты иностранных коммерческих банков. С 1992 г. стал резко расти объем американских инвестиций. Президент Буш всеми силами пытался не допустить вступления в силу законов о привязке режима наибольшего благоприятствования к правам человека в КНР (*conditionality bills*). Несколько смягчились и введенные санкции. В 1990 г. был снят запрет на кредитование экономического развития Ки-

тая международными финансовыми организациями, а годом спустя состоялся визит в Пекин госсекретаря Дж. Бейкера.

Приход к власти в Белом доме администрации Б. Клинтона стал неприятным сюрпризом для китайского руководства, надевшегося на победу Дж. Буша, который принадлежал к когорте «старых друзей» Китая. Вместе с тем сразу же после президентских выборов в США Цзян Цзэминь выдвинул так называемый «курс 16 иероглифов», направленный на улучшение двусторонних отношений:

- 1) углублять доверие (*цзэнцзя синьжэнь*);
- 2) уменьшать проблемы (*цзяньшао мафань*);
- 3) развивать сотрудничество (*фачжань хэцзо*);
- 4) избегать противостояния (*бу гао дуйкан*).

Для закрепления своих внутривластных позиций Цзян Цзэминь, избранный в марте 1993 г. председателем КНР, нуждался в установлении доверительных отношений с мировыми лидерами, и прежде всего с новым президентом США. Настойчивое стремление лидера Китая к посещению Америки в течение 10-летия стало обычной практикой в двусторонних отношениях.

Несмотря на то, что тема Китая в предвыборной кампании Клинтона поднималась, главным образом, в связи с обвинениями в нарушении прав человека, после своего прихода к власти новая команда была вынуждена считаться с тем, что Китай стал оказывать существенное влияние на экономическую ситуацию в США. Уже в середине 1990-х годов объем американского экспорта в Китай перевалил за 10 млрд долл. В течение 10-летия китайский экспорт в США вырос более чем в 5 раз, достигнув уровня в 100 млрд долл. Подобный дисбаланс сокращал рабочие места в Америке, но одновременно приводил к снижению уровня потребительских цен. За 10 лет американские потребители смогли сэкономить до 600 млрд долл. за счет приобретения дешевых китайских товаров. Другим плюсом роста китайского экспорта явилось то, что основную часть своих валютных доходов Китай стал вкладывать в долговые обязательства правительства США. К 2000 г. их объем превысил 60 млрд долл., а в настоящее время составляет около 1200 млрд (рис. 1).

Рис. 1. Валютные запасы КНР и средства в казначейских обязательствах США, млрд долл.

Источник: Craig Elwell, Marc Labonte, Wayne Morrison. Is China a Threat to the U.S. Economy? // China-U.S. economic and geopolitical relations / Ed. by Jerald D. Finn. New York: Nova Science Publishers, 2007. P. 66; Louis Kuijjs. China's Economic Prospects: Outlook and Policy Challenges. Report for Carnegie Endowment for International Peace. April 29, 2009; Wayne M. Morrison, Marc Labonte. China's Currency: A Summary of the Economic Issues. Report for Congress. Washington: Congressional Research Service, 2009. P. 8.

В этих условиях Клинтон был вынужден учитывать экономические интересы как американского бизнеса, так и американских избирателей. В случае лишения РНБ Китай неизбежно ввел бы ответные санкции в отношении американских товаров. К примеру, если бы Пекин в начале 1990-х годов прекратил в административном порядке закупать в США зерновые, потери американских фермеров составили бы до 1 млрд долл. При этом перспективы были еще более заманчивыми. Так, согласно данным, опубликованным в 1992 г. американо-китайским советом по экономическому сотрудничеству, в предстоящие два десятилетия Китай планировал израсходовать на импорт аэрокосмической техники до 40 млрд долл., телекоммуникационного оборудования — 30, энергетического оборудования — 100, компьютерной техники — 40 млрд².

Администрация Клинтона, таким образом, столкнулась с проблемой выбора из двух вариантов стратегии «вовлечения» (*engagement*):

1. Вовлечение, основанное на принципах, предусматривавшее увязку шагов навстречу Китаю с ситуацией с правами человека.

2. Коммерческое вовлечение, основанное на рекомендациях американского бизнес-сообщества.

В конечном итоге экономическая составляющая постепенно стала оттеснять на второй план проблемы, связанные с гуманитарными правами. В конце 1990-х годов в Белом доме предпочитали говорить об экономической либерализации в Китае, важными вехами на пути к которой должны были стать согласие на членство в ВТО и вступление в силу закона о нормальных торговых отношениях, заменивших ежегодную процедуру продления режима наибольшего благоприятствования.

Экономическая взаимозависимость обусловила высокую степень устойчивости американо-китайских отношений к воздействию кризисных ситуаций, которые продолжались и в 1990-х годах. Даже наиболее острые из них — визит тайваньского президента Ли Дэньхуэя в Корнуэльский университет в 1995 г., президентские выборы на Тайване в 1996 г. и атака на танковских войск на посольство КНР в Белграде 7 мая 1999 г., в ходе которой погибли граждане КНР, — не привели к сворачиванию контрактов.

Приход в 2001 г. к власти в США республиканской администрации достаточно негативно сказался на американо-китайских отношениях. Во-первых, основной кандидат на пост президента Дж. Буш, выступая 19 ноября 1999 г. в Библиотеке им. Р. Рейгана, заявил: «Китай — это соперник (*competitor*), а не стратегический партнер. Мы должны относиться к нему без злой воли, но и без иллюзий»³. Во-вторых, отношения осложнил произошедший через 2 месяца после инаугурации нового президента США инцидент с американским разведывательным самолетом EP-3. В-третьих, в апреле—мае 2001 г. Буш предпринял ряд серьезных шагов в направлении ужесточения своей китайской политики. 24 апреля было объявлено о продаже оружия Тайваню на сумму 5 млрд долл. На следующий день, выступая в

радиопередаче *Good Morning, America*, Буш сделал заявление о том, что Соединенные Штаты окажут Тайваню мощную поддержку в случае нападения на него Китая и предпримут «все, что потребуется, чтобы помочь острову защитить себя»⁴. Вскоре новоизбранному президенту Тайваня Чэнь Шуйбяню было позволено сделать транзитную остановку в Нью-Йорке, в ходе которой он встретился с группой конгрессменов, а сам Буш провел в Белом доме свою первую встречу с Далай-ламой⁵.

Вместе с тем лидеры двух стран стремились не допустить неконтролируемого развития кризиса. В ходе состоявшегося в июне 2001 г. саммита Шанхайской организации сотрудничества Цзянь Цзэминь обратился с просьбой к президенту России В.В. Путину передать устное послание Дж. Бушу, с которым российский лидер должен был встретиться в Любляне.

Претерпела заметные изменения и оценка Китая в устах президента и влиятельных членов его внешнеполитической команды. Уже 5 апреля (т. е. в разгар «самолетного» кризиса) в ходе своего выступления в Американском обществе редакторов газет Буш отметил: «экономика — это сфера, где мы можем быть партнерами»⁶.

В июне 2001 г. советник президента США по национальной безопасности К. Райс заявила, что США будут стремиться к установлению конструктивных отношений с Китаем. В течение следующего месяца госсекретарь К. Пауэлл посетил Пекин. В ходе визита он подчеркнул, что Белый дом не намерен характеризовать КНР ни как «стратегического партнера», ни как «стратегического соперника». 30 июля на пресс-конференции в посольстве США в Канберре К. Пауэлл и министр обороны Д. Рамсфелд заявили о том, что не станут использовать термин «стратегический соперник» для характеристики Китая. Позднее родилась выдвинутая К. Пауэллом формула «3 С», определявшая содержание американо-китайских отношений: *candid, constructive, cooperative* (откровенные конструктивные отношения сотрудничества).

В усилении роли новых подходов к внешней политике Китая большую роль сыграли события 11 сентября 2001 г. Пекин сразу же понял, что может много выиграть, поддержав США. В ходе состоявшегося 20—21 сентября визита в Вашингтон ми-

министра иностранных дел КНР Тан Цзясюаня, его встреч с Бушем, госсекретарем К. Пауэллом и помощником президента по нацбезопасности К. Райс стороны достигли ряда важных договоренностей. Китай в обмен на политическую поддержку военной акции США в Афганистане и предоставление разведывательной информацией о террористах (хотя среди специалистов доминирует мнение о том, что эта информация на деле не имела существенного значения для военной операции США) добился исключительно важного для себя решения Вашингтона о включении в список террористических организаций Фронта освобождения Восточного Туркестана, угрожающего стабильности северо-западных районов Китая. Помимо этого была достигнута договоренность о некоторых новых направлениях сотрудничества в осуществлении антитеррористической кампании, например, о проведении консультаций на экспертном уровне, усилении взаимодействия в рамках Совета Безопасности ООН и т. д. Первая встреча экспертов состоялась в американской столице уже 25 сентября и была признана крайне продуктивной⁷.

Несмотря на отмену своего визита в страны Северо-Восточной Азии, Дж. Буш в октябре 2001 г. прибыл на саммит Азиатско-Тихоокеанского сотрудничества в Шанхае. 19 октября состоялась встреча Цзян Цзэминя и Буша, в ходе которой лидеры двух стран высказались за развитие отношений конструктивного сотрудничества. Эти пожелания были подтверждены в ходе рабочего визита президента США в КНР в феврале и его встречи с Цзян Цзэмином в Техасе в октябре 2002 г.

Характерно, что очередная фундаментальная концепция развития двусторонних отношений была предложена через неделю после состоявшейся 13 сентября 2005 г. в Нью-Йорке встречи американского и китайского лидеров. Выступая 21 сентября на заседании Комитета по американо-китайским отношениям, заместитель госсекретаря США Р. Золик предложил строить американскую стратегию в отношении Китая на основе побуждения последнего к тому, чтобы стать «ответственным заинтересованным участником» в системе международных отношений (*responsible stakeholder in international system*)⁸. По его мнению, Китай заинтересован в существующей системе, кото-

рая позволяет ему добиваться значимых целей на пути становления в качестве великой державы.

Концепция «заинтересованного участника» вызвала живой отклик среди китайских политологов, которые, тем не менее, изъяли из своих положительных откликов термин «ответственный». Вместе с тем в выступлении на официальном ланче в Белом доме 20 апреля 2006 г. Ху Цзиньтао заявил: «Китай и США не только являются заинтересованными участниками, они должны еще стать и партнерами по конструктивному сотрудничеству»⁹.

Экономическое взаимодействие во все большей степени превращается в фундамент американо-китайских отношений. В течение уже нескольких лет США являются главным мировым внешнеторговым партнером Пекина. Еще в середине прошлого десятилетия по объему товарооборота с Америкой Китай вышел на 2-е место, опередив Мексику — партнера Вашингтона по НАФТА. В 2008 г. импорт из КНР практически сравнялся с аналогичным показателем другого участника НАФТА — Канады (339 млрд долл.), а через год значительно превысил его (296 и 225 млрд долл. соответственно).

В 2011 г. дефицит США в торговле с Китаем превзошел исторические максимумы, составив гигантскую сумму в 295 млрд долл. КНР по сути превратилась в глобальную фабрику по производству весьма широкого спектра промышленных товаров, доля которых в структуре экспорта увеличилась вдвое в течение последних десятилетий XX в.

Наращивание дефицита было характерно для внешнеторговой политики США в целом. В 2001 г. его показатель превысил 400 млрд, а в 2006 г. — уже 800 млрд долл. За тот же период времени дефицит в торговле с Китаем вырос в 3,2 раза, а доля КНР в данном показателе поднялась с 20 до 32 %. Вместе с тем, поскольку США эмитировали валюту, являющуюся основным глобальным расчетным средством, то они вполне могли позволить себе гигантский дефицит внешней торговли («дефицит без слез», по выражению французского экономиста Жака Рюэффа) и для его покрытия активно пользовались таким инструментом, как эмиссия дополнительной денежной массы. Любая новая порция избыточной долларовой массы всякий раз легко расте-

калась по всему миру и поэтому не вызывала негативных последствий в самих Соединенных Штатах.

По итогам 2009 г. Соединенные Штаты значительно сократили свой суммарный импорт — с 2,1 до 1,6 трлн долл., что позволило на 40 % уменьшить дефицит торгового баланса — с 840 до 500 млрд долл. Однако в торговле с Китаем успех был минимальным, в результате на него пришлось уже 45 % дефицита внешнеторгового баланса США. Положительное сальдо в торговле с США в 2009 г. (226 млрд долл.) было на 15 % выше общего профицита во внешней торговле Китая (196 млрд долл.).

В начале XXI в. ускорились процессы структурной институционализации торгово-экономических связей между двумя странами. После состоявшегося в 2003 г. визита в США премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао было принято решение о переводе на более высокий уровень созданной в 1983 г. комиссии по торговле (Joint Commission on Commerce and Trade, JCCT).

Однако к этому времени двусторонние отношения стали выходить за границы исключительно торговли. Последние годы характеризуются регулярными попытками китайских компаний выйти на североамериканский рынок слияний и поглощений. Так, на приобретение зарубежных компаний Китаем в 2003 г. было потрачено 3 млрд, в 2004 г. — 7 млрд, а в 2005 г. — уже 14 млрд долл.¹⁰

8 декабря 2004 г. китайская компания с преобладанием госкапитала «Ляньсян» (Lenovo) подписала соглашение на 1,75 млрд долл. о приобретении подразделения IBM по производству персональных компьютеров. По мнению бывшего консультанта Всемирного банка по Китаю Н. Хьюза, китайская сторона, заключив столь крупную сделку, преследовала следующие цели:

1) приобретение навыков управления компанией глобального уровня;

2) повышение узнаваемости собственного бренда за рубежом¹¹.

Следует отметить, что эти задачи были блестяще воплощены в реальность. В 2012 г., по данным исследования консалтинговой компании Gartner, Lenovo стала крупнейшим в мире производителем персональных компьютеров, потеснив с 1-го места амери-

канскую Hewlett-Packard (соответственно 15,7 и 15,5 % мирового рынка).

Еще один пример. 23 июня 2005 г. государственная энергетическая корпорация CNOOC (China National Offshore Oil Corporation) сделала предложение о приобретении за 18,5 млрд долл. американской энергетической компании UNOCAL. Под давлением американских законодателей CNOOC вынуждена была снять свою заявку¹², однако 5 лет спустя вновь предложила стратегию бизнес-слияний, заявив об интересе к ряду энергетических мощностей в нескольких американских штатах (табл. 1).

Таблица 1. Крупнейшие (свыше 100 млн долл.) слияния и поглощения китайских компаний на американском рынке

Дата заявки	Покупатель	Объект сделки	Доля, %	Сумма сделки, млн долл.	Сфера деятельности	Состояние сделки
Май 2005 г.	Группа компаний «Ляньсян» (Lenovo Group)	Подразделение IBM по производству персональных компьютеров	100	1400	Производство персональных компьютеров	Завершена
Июнь 2005 г.	Haier	Maytag Corporation	100	1280	Производство бытовых электроприборов	Не состоялась
Июль 2005 г.	CNOOC	Unocal Corporation	100	18 500	Нефтегазовая промышленность	Не состоялась
Июнь 2007 г.	Китайская инвестиционная корпорация (China Investment Corporation)	Blackstone Group	9,9	3000	Частные инвестиции	Завершена
Сентябрь 2007 г.	Huawei Technologies Co.	3Com Corp.	16,5	363	Производство телекоммуникационного оборудования	Не состоялась
Отябрь 2007 г.	China Minsheng Bank	UCBH Holdings Inc.	10	317	Банковские услуги	Завершена

Окончание табл. 1

Дата заявки	Покупатель	Объект сделки	Доля, %	Сумма сделки, млн долл.	Сфера деятельности	Состояние сделки
Декабрь 2007 г.	Китайская инвестиционная корпорация	Morgan Stanley Inc.	9,9	5000	Инвестиции	Завершена
Январь 2008 г.	WuXi PharmaTech Inc.	AppTec Laboratory Services Inc.	100	163	Фармацевтика и медицинские приборы	Завершена
Март 2008 г.	China Life Insurance Co.	Visa Inc.	50	300	Обслуживание кредитных карт	Завершена
Март 2008 г.	Mindray Medical International	Datascope-Patient Monitoring Business	100	209	Производство медицинского оборудования	Завершена
Март 2008 г.	Международная трастовая и инвестиционная корпорация Китая (CITIC Securities)	Bear Stearns Companies	9,9	1000	Инвестиции	Не состоялась
Июнь 2009 г.	Sichuan Tengzhong Heavy Industrial Machinery Co.	Подразделение General Motors по производству автомобилей Hummer	100	150	Производство автомобилей	Не состоялась
Ноябрь 2009 г.	Китайская инвестиционная корпорация	AES Corp.	15,8	1581	Производство электрооборудования	Завершена
2010—2011	CNOOC	Нефтегазовые мощности Chesapeake Energy Corp. в Техасе, Колорадо и Вайоминге	33,3	2300	Нефтегазовая промышленность	Завершена

Источник: Clarence Kwan and Karl P. Sauvant. Chinese Direct Investment in the U.S. — The Challenges Ahead. — Vale Columbia Center of Sustainable International Investment Report. October 2008. URL: <http://www.locatio nusa.com/foreignDirectInvestmentUnitedStates/aug10/Chinese-direct-investment-united-states4990.shtml>; David Winning. CNOOC, Chesapeake Agree on Deal // Wall Street Journal. January 30, 2011.

Вместе с тем повышение appetites Китая к выходу своей экономики на международные рынки («выход вовне» — *цзоучу-цзюй*) способствует наращиванию не только конкуренции, но и сотрудничества в американо-китайских отношениях. Согласно данным, опубликованным в 1992 г. американо-китайским советом по экономическому сотрудничеству, в предстоящие 2 десятилетия Китай планировал израсходовать на импорт энергетического оборудования 100 млрд долл. (для сравнения: аэрокосмической техники — до 40 млрд, телекоммуникационного оборудования — 30 млрд, компьютерной техники — 40 млрд долл.)¹³. Спустя 20 лет американские политологи все еще не утратили былой оптимизм. Так, например, З. Бжезинский отмечает: «Вовлечение Китая в диалог по вопросам региональной стабильности не только снижает опасность конфликта с США, но и устраняет непонимание между Китаем и Японией, Китаем и Индией, а также в некоторой степени и между Китаем и Россией, по поводу ресурсов и независимого статуса государств Центральной Азии»¹⁴.

В 2006 г. был создан механизм стратегического экономического диалога (СЭД), сопредседателями которого стали министр финансов США и профильный вице-премьер Госсовета КНР. В Китае новый формат был воспринят с большой долей оптимизма. Один из наиболее известных американистов Пань Жуй подчеркивал, что создание этого механизма свидетельствует об обретении экономическим взаимодействием глобального и стратегического влияния, а значение диалога уже достигло стратегического уровня¹⁵.

В ходе первой личной встречи между Б. Обамой и Ху Цзиньтао в Лондоне 1 апреля 2009 г. была достигнута договоренность о том, что на основе объединения стратегического общеполитического¹⁶ и стратегического экономического диалогов будет создан стратегический и экономический диалог (S&ED), определяемый администрацией США как часть усилий по развитию отношений позитивного всестороннего сотрудничества с Пекином¹⁷.

Новый двусторонний диалог получил высокую оценку со стороны лидеров двух стран в ходе состоявшегося в ноябре того

же года визита Б. Обамы в Китай. Уже в первых строках подписанного ими совместного заявления отмечается: «Соединенные Штаты и Китай детально обсудили важную роль, которую играет американо-китайский стратегический и экономический диалог, и признают, что данный диалог явился уникальным форумом для обеспечения взаимопонимания, расширения доверия, уменьшения разногласий и поиска решения общих проблем»¹⁸.

Возможно также, что процесс централизации институциональных механизмов американо-китайского диалога будет продолжен. Еще в марте 2009 г. на подготовительном этапе работы над организацией диалога один из наиболее активных сторонников американо-китайского сближения З. Бжезински в ходе встречи с министром иностранных дел КНР Ян Цзечи предложил проводить ежегодные саммиты руководителей государств, наподобие тех, которые США проводят со своими ближайшими союзниками — ЕС и Японией¹⁹. Более того, по его мнению, лишь укрепившийся после визита Б. Обамы в Китай в ноябре 2009 г. подобный механизм будет означать фактическое создание геополитической «большой двойки» между двумя странами²⁰. Научные сотрудники Совета по внешней политике Э. Экономи и А. Сегал полагают, что идеальным было бы привлечение к курированию диалога вице-президента США. Повышение уровня диалога в Вашингтоне, по мнению авторов, помогло бы и китайской стороне правильно расставить собственные «бюрократические приоритеты»²¹.

Основной же проблемой двусторонних отношений в настоящее время стал начавшийся в середине 2007 г. финансовый кризис. Уже летом обанкротилось несколько ипотечных компаний, после чего проблемы перекинулись на другие секторы финансового рынка, спровоцировав, в частности, острую ситуацию с ликвидностью сначала в США, а затем и в мировой банковской системе. Мультипликатор кризиса оказался столь значительным по причине того, что доля ипотечных ценных бумаг, обращающихся на американском фондовом рынке, очень велика. Одним из мощных факторов расширения рискованного ипотечного кредитования стало бурное развитие в последнее десятилетие процессов секьюритизации банковских активов в сфере ипотеки. Пре-

кращение платежей по ипотечным обязательствам, с лета 2007 г. нарастающее как снежный ком, стало сильным ударом по экономике и финансовой системе США. В ипотечный кризис оказались вовлечены крупнейшие американские и европейские банки, потери которых, по разным оценкам, приблизились к середине 2008 г. до 1 трлн долл., что повлекло за собой развертывание кризиса ликвидности мировых масштабов.

Утрата доверия к одному из основных факторов стабильности финансовой системы США, по мнению большинства экспертов, неизбежно приведет к тектоническим изменениям, которые затронут финансовую плоскость «многоуровневой шахматной доски» современной мировой политики (термин Дж. Ная).

Эти изменения, скорее всего, затронут статус США как системообразующего глобального финансового рынка. До кризиса основные потоки капитала перераспределялись между США и мировыми финансовыми центрами, имеющими свою региональную специализацию. В свою очередь, мировые финансовые центры связаны с национальными финансовыми рынками, которые могут иметь связи и напрямую друг с другом. США доминировали в мировых финансах, поэтому правомерным и принципиальным представлялось придание этой стране центрального положения на мировом финансовом рынке.

По мнению У Синьбо, высказанному в одной из бесед с автором, в рамках фокусирования внимания на данных проблемах впервые создалась такая благоприятная ситуация, когда Китай вполне может сравниться с США по своему глобальному влиянию.

В связи с этим в последние годы значительный отклик вызвали проекты формирования обновленных механизмов глобального управления, основанных на американо-китайском стратегическом партнерстве, развивающемся, по мнению ряда экспертов, по модели не только роста уровня взаимозависимости, но и сплава (*fusion*) между двумя сверхдержавами²².

Один из наиболее авторитетных специалистов в области макроэкономики Шарль Дюма, предлагая собственную метафору китайско-американской синергии (*synergy*), настаивает на ее описании не как официального или даже гражданского брака,

но как на установлении взаимоотношений между хозяином дома и живущим в подвале слугой, предоставляющем услуги данному хозяину, в свою очередь попадающему во все большую зависимость от слуги²³.

Ш. Дюма указывает на три критические точки в китайско-американской «синергии»:

1) рост задолженности домашних хозяйств в США, превосходящий разумные пределы;

2) снижение реальных доходов социальных слоев с наиболее низкими доходами, чей консьюмеристский потенциал стал еще более очевидным в эпоху глобализации;

3) обострение конкуренции на рынках нефти и других сырьевых ресурсов²⁴.

Профессор Гарвардского университета Н. Фергюсон облек идею разделения глобальной ответственности между США и Китаем в довольно провокационную для Запада форму «Чаймерики» (*Chimerica*)²⁵. По его мнению, подобный симбиоз воплощает две критические характеристики современной глобальной экономики:

- ускоренная глобализация производства, вызванная наличием огромной массы дешевой рабочей силы;
- накопление резервов иностранной валюты, передаваемых правительству США, что способствует повсеместному снижению ставки рефинансирования во всем мире.

Сплав между двумя странами (у Фергюсона — это уже целые миры — Западная и Восточная Чаймерики) дополняется так называемыми «линкиджами» — связками, выводящими на международную арену внутренние, прежде всего, макроэкономические факторы.

Другой, гораздо более «раскрученной» идеей, применяемой при определении глобальных аспектов американо-китайского взаимодействия, стала формула «Большой Двойки» (*G-2*). К этой теме обратились два американских политика, считающихся наиболее авторитетными специалистами по Китаю, — Р. Золик и З. Бжезински²⁶. По мнению бывшего руководителя Всемирного Банка Р. Золика, крупнейший глобальный потребитель (США) и крупнейший резерв свободных валютных средств

(Китай) должны, прежде всего, объединить усилия с тем, чтобы предотвратить длительный глобальный спад. В опубликованной в «Вашингтон пост» статье он недвусмысленно восклицает: «Если не будет сильной G-2, то G-20 принесет лишь разочаровывающие результаты»²⁷. Обе страны уже объявили о пакетных мерах, стимулирующих развитие национальных экономик. Так, в КНР было принято решение о выделении стимулирующего пакета размером более 580 млрд долл., нацеленного на реализацию инфраструктурных проектов и социальных программ. В целом, выделенные китайским руководством средства равнялись приблизительно 12 % ВВП. Основной путь противодействия кризису, по заявлению экономических и монетарных властей в Пекине, видится в активном стимулировании внутреннего спроса.

Вместе с тем Р. Золик считает, что Соединенные Штаты вновь полагаются на повышение потребления, а Китай снова наращивает инвестиционные фонды, что создает новые угрозы для глобальной экономики, так как сам нынешний мировой финансовый и экономический кризис, видимая часть которого (в другой интерпретации — «первое дно») пришлась на 2008—2009 гг., был вызван дисбалансом между долей личного потребления и сбережений в США и Китае. С одной стороны, доля личного потребления в американском ВВП интенсивно росла в сочетании с нуллификацией доли сбережений в совокупном доходе домохозяйств, с другой — Китай был охвачен прямо противоположными тенденциями.

Сотрудник Фонда Карнеги М. Петтис считает, что в анализ внутренних факторов, влияющих на состояние американо-китайских экономических отношений, должны быть введены все три основных макроэкономические переменные (накопление, потребление и инвестирование), лишь в своей совокупности стерилизующие излишнюю долю «горячей» денежной массы. Внутренние факторы в нынешних условиях играют куда большую роль, нежели такой экстенсивный критерий, как объем торгового дефицита между США и Китаем. Снижение последнего может происходить как в соответствии с позитивными, так и негативными сценариями, обусловленными гораздо более фундаментальными причинами.

Позитивные сценарии:

1. Инвестиции растут одновременно с ростом сбережений в США. Если инвестиции растут в США, американский внешне-торговый дефицит не уменьшается, поскольку страна вынуждена импортировать разницу между объемом инвестиций и сбережений. Торговый дефицит уменьшается лишь в том случае, если объем инвестиций увеличивается в Китае.

2. Объем потребления в Китае растет по мере роста уровня сбережений в США, что приводит к снижению отрицательного сальдо последних в двусторонней торговле. Рост потребления формирует дополнительный прирост ВВП в КНР, а снижение торгового дефицита — в США.

Негативные сценарии:

1. В связи со снижением американского ВВП уровень сбережений не растет, несмотря на рост процентных ставок. Снижение объема инвестиций ведет к снижению дефицита в торговле с Китаем.

2. Рост потребления в Китае снижается ниже уровня 8—9 %, характерного для последних лет. Меры по снижению объема сбережений приводят к замедлению прироста ВВП и снижению положительного сальдо в торговле с США²⁸.

По мнению Р. Золика, следует провести «перезагрузку» повестки стратегического экономического диалога между Китаем и США. Его рецепты для обеих сторон носят традиционный характер. Соединенные Штаты должны сократить масштабы потребления финансовых ресурсов. Одновременно Китаю следует предпринять безотлагательные меры по стимулированию импорта, без чего он стоит перед риском исключительно острого и болезненного падения экспорта.

Следует отметить тот факт, что Китай становится одним из потенциально наиболее перспективных источников роста американского экспорта. Уже сейчас он занимает 3-е место в рейтинге импортеров американских товаров, уступая лишь партнерам США по НАФТА. По прогнозам американского министерства финансов, в 2010 г. объем экспорта США в Китай на 36 % превысит уровень 2009 г. и на 16 % — 2008 г.²⁹ Многие американские эксперты полагают, что меры правительства КНР по расшире-

нию внутреннего спроса (*кода нэйской*) означают в том числе и увеличение продаж американских товаров, что благотворно скажется на процессе реализации экспортной инициативы Обамы и поможет создать в Америке дополнительные рабочие места. Согласно планам его администрации, объем американского экспорта должен в 2009—2014 гг. увеличиться с 1,5 до 3 трлн долл.

В 2010 г. объем американского экспорта в Китай вырос на рекордные 32 % (темпы, вдвое превышающие общенациональный показатель), в то время как китайского в США — на 23 %. Накануне состоявшегося в январе 2011 г. вашингтонского саммита Б. Обамы и Ху Цзиньтао Белым домом было объявлено о намерении подписать с китайской стороной новые контракты общей стоимостью 45 млрд долл., что дополнительно создаст в США 235 тыс. рабочих мест. Крупнейшей из парафированных в ходе визита сделок стала покупка 200 самолетов Boeing на сумму 19 млрд долл.

Приведенный на рис. 2 график со всей очевидностью демонстрирует, что уже начиная с 2006 г. ежегодные темпы роста объемов американского экспорта стабильно превосходят аналогичный китайский показатель, а в кризисном 2009 г. их падение было более плавным.

Планы китайской стороны отличаются еще большей радикальностью. Как объявил на состоявшемся в январе 2011 г. Американо-китайском форуме по торгово-экономическому сотрудничеству министр коммерции КНР Чэнь Дэмин, по прогнозам китайской стороны, к 2015 г. объем двусторонней торговли увеличится более чем на 30 %, превысив сумму в 500 млрд долл. (согласно китайским статистическим методикам, не учитывающим торговлю через Сянган), а импорт из США — в 2 раза³⁰.

Указанные тенденции способны не только самым положительным образом сказаться на общем состоянии торгового баланса США, но и расширить влияние «прокитайского» лобби среди экономической элиты. При этом подобная группа политического давления может формироваться на основе как отраслевого, так и географического принципа. Так, например, Китай является крупнейшим рынком сбыта для американской сои, объем экспорта которой в 2009 г. превысил 9 млрд долл. В том

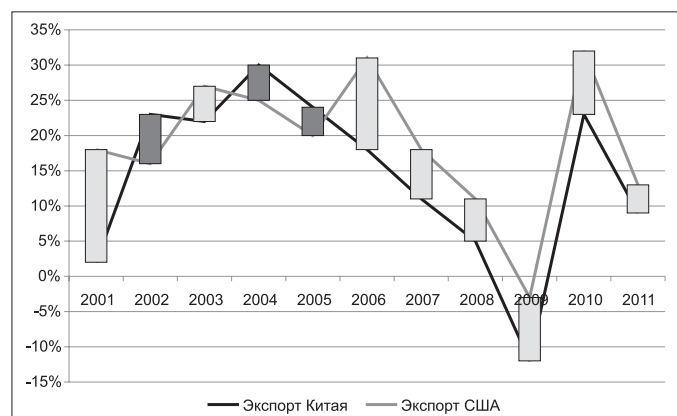

Рис. 2. Ежегодные темпы прироста экспорта США и КНР в двусторонней торговле.

Источник: U.S. Trade with China. Census Bureau. URL: www.census.gov

же году экспорт самолетов составил 3,5 млрд долл., а экспорт автомобилей и запасных частей увеличился на 200 %.

Со своей стороны З. Бжезински полагает, что на нынешнем этапе отношения между двумя странами не могут быть статичными — они могут либо расширяться, либо сужаться. Мир извлечет только пользу, если эти отношения будут расширяться. При этом, по мнению одного из корифеев современной американской геополитики, основой этих отношений должны быть не только меры, предпринимаемые для преодоления глобального кризиса, но и геостратегическое сотрудничество, наиболее очевидными региональными проявлениями которого могли бы стать усилия по свертыванию ракетно-ядерных программ КНДР и Ирана, налаживание диалога между Индией и Пакистаном, включение Китая в процесс урегулирования израильско-палестинского конфликта³¹. Однако для решения всех этих задач США и Китай нуждаются в постоянно действующем механизме в формате G-2. Лишь в этом случае отношения между двумя странами выйдут на тот же глобальный уровень, на котором в настоящее время находятся отношения США с Европой и Японией.

Американо-китайская синергия, по мнению ее сторонников, должна иметь и явный идеологический базис, включающий в себя взаимодополняющие глобальные концепции обеих сторон:

- «великое единство» (*датун*) как альтернатива модели глобальной гегемонии, приходящая на смену американской концепции «демократического мира» (У. Каллахэн)³²;
- миротворческие инициативы Б. Обамы и предложенные Ху Цзиньтао идеи «гармоничного мира» (З. Бжезински)³³.

Последний тезис, в свою очередь, объясняется не только данью уважения к идеям руководителя КНР, но и поиском способов реанимировать так и не реализованные идеи Римской декларации о гармонизации 2003 г., касающейся взаимоотношений между странами-донорами и получателями международной экономической помощи³⁴.

Следует признать, что концепция «Чаймерики» с ее акцентом на экономическую взаимозависимость имеет определенные перспективы для развития двусторонних отношений. В КНР со значительным оптимизмом воспринимают идеи, нацеленные на разделение ответственности за состояние глобальных финансов, правил международной торговли, что подтверждается активным участием Китая в деятельности формальных и неформальных международных режимов и институтов — как традиционных, *id est* находящихся под американским влиянием (Всемирный Банк, МВФ, ВТО, Давосский форум), так и новых, в которых Пекин выступает в числе основных учредителей или соучредителей («Большая двадцатка»³⁵, «Группа 77 + Китай», БРИКС, ВАС, форумы Боао и «Летний Давос»). Кроме того, значительным международным успехом Китая можно считать решения о повышении его доли в уставном капитале Всемирного банка с 2,78 до 4,42 %³⁶ и МВФ с 2,98 до 4 % (а после вступления в силу решений 2010 г. о новом реформировании квот — до 6,39 %)³⁷.

Что касается «Большой двойки», то даже несмотря на тот факт, что данная концепция была предложена такими «старыми друзьями» (*лао пэнью*) Китая, как Г. Киссинджер и З. Бжезински, она в целом, а в особенности ее геополитическая составляющая, были встречены с гораздо большим скепсисом. В Пекине понимают, что при сохранении статуса США как моно-

польного глобального центра силы ни о каком равенстве с Соединенными Штатами не может быть и речи. По мнению китайских ученых, для КНР объективно существуют и внутренние, и международные препятствия на пути к реализации концепции «двойки». Первые сводятся, главным образом к тому, что ответственность участника G-2 в формировании мировой экономики и системы международных отношений далеко выходит за пределы как реальных возможностей, так и амбиций Китая. Кроме того, как считает профессор Фуданьского университета Цзянь Цзюньбо, предполагаемый формат G-2 статус мирового лидера повлечет пересмотр принципов внутреннего управления, что неизбежно вызовет в стране опасения по поводу вмешательства Запада в соответствующие процессы³⁸.

Кроме того, идея G-2 может вызвать обеспокоенность среди большинства стран мира и нанести вред отношениям КНР с основными стратегическими партнерами. Так, например, профессор У Цян (Университет Цинхуа) полагает, что укрепление американо-китайского двустороннего партнерства уже провоцирует трения в диалоге между КНР и Европейским союзом³⁹. Все это идет вразрез со стратегическим курсом Пекина на политическую многополярность в мире, отмечает политический обозреватель Бай Яньсун⁴⁰.

Вместе с тем последние события в американо-китайских отношениях свидетельствуют об их достаточной устойчивости к различным раздражителям как внутреннего, так и системного происхождения. Практически синхронизированные в 2012 г. смена власти в Пекине и президентские выборы в США, хоть и внесли известную широко освещаемую СМИ нервозность в двустороннюю повестку, однако не привели к фундаментальному регрессу. Не случаен в связи с этим тот факт, что сразу же после своего возвращения из двухнедельного «политического исчезновения» в сентябре 2012 г. тогда еще будущий лидер КНР Си Цзиньпин встретился с министром обороны США Л. Панеттой для обсуждения развития ситуации в АТР и перспектив межгосударственного взаимодействия в сфере международной безопасности⁴¹.

Примечания

¹ Юань Пэн. Цун «саньши эр ли» дао «сыши бу хо»: [От тридцатилетия установления к сорокалетию стабильности] // Гоцзи вэньти яньцзю. 2009. № 1. С. 5—6.

² См.: Котляров Н.Н. Экономические отношения КНР с США. М.: ЗАО Центрполиграф, 2003; Он же. Экономические и политические факторы развития китайско-американских отношений во время президентства У. Клинтона // Северо-Восточная и Центральная Азия: динамика международных и межгосударственных взаимодействий. М., 2004. С. 333—363.

³ URL: <http://www.mtholyoke.edu/acad/intrel/bush/wspeech.htm>.

⁴ Цит. по: URL: <http://www.political.narod.ru/ARCHIVE/USCHIAUS.htm>.

⁵ Levin M. The next great clash: China and Russia vs. the United States. — Westport: Praeger Security International, 2008. P. 117—118.

⁶ Public Papers of the Presidents of the United States. George W. Bush. 2001. Book 1. Washington: US Government Printing Office, 2003. P. 369.

⁷ Жэньминь жибао. 21.09.2001.

⁸ Существуют и иные варианты перевода термина stakeholder, например «держатель акций миропорядка» (Зевелев И., Троицкий М. Россия и Китай в зеркале американской политики // Россия в глобальной политике. 2007. № 5. С. 35), а также «акционер» (Бергер Я. Китай — глобальная держава XXI века? // Азия и Африка сегодня. 2006. № 8. С. 10).

⁹ Цюаньмянь туйцзинь 21 шицзи чжун-мэй цзяншэсин хэцзо гуаньси — Ху Цзиньтао чжуси дуй мэйго цзиньсин гоши фанвэнь (Всестороннее продвижение китайско-американских отношений конструктивного сотрудничества в XXI в. — Государственный визит председателя Ху Цзиньтао в США) / под ред. Чжун Цзяньхэ. Пекин, 2007. С. 14.

¹⁰ Хьюз Н. Торговая война с Китаем? // Россия в глобальной политике. 2005. № 5. С. 102.

¹¹ Там же. С. 101—102.

¹² См.: Hufbauer G. US-China trade disputes: rising tide, rising stakes. Washington: Institute for International Economics, 2006. P. 47—55.

¹³ См.: Котляров Н.Н. Экономические отношения КНР с США; Он же. Экономические и политические факторы развития. С. 333—363.

¹⁴ Brzezinski Z. Balancing the East, Upgrading the West: U.S. Grand Strategy in an Age of Upheaval // Foreign Affairs. Vol. 91, № 1 (January/February 2012). P. 101.

¹⁵ Пань Жуй. Чжун-мэй чжаньлюэ цзинцзи дуйхуа юй чжун-мэй гуаньси (Стратегический экономический диалог и китайско-американские отношения) // Мэйго вэньти яньцзю. № 6 (2007). С. 240.

¹⁶ По предложению председателя КНР Ху Цзиньтао, высказанного им президенту США Дж. Бушу на саммите АТЭС в 2004 г., был также запущен механизм общеполитического диалога на высоком уровне. В ходе состоявшегося в 2005 г. первого стратегического диалога китайская сторона предложила определить его как высокий стратегический диалог (*гаоцэн чжаньлюэ дуйхуа*), однако Вашингтон отклонил идею, сославшись на то, что подобный формат характеризует отношения США лишь с ближайшими союзниками. В результате название данного контактного механизма получило два альтернатива: senior dialogue в американской и чжаньлюэ дуйхуа, т. е. стратегический диалог, в китайской версии.

¹⁷ *Hillary Clinton and Timothy Geithner*. A New Strategic and Economic Dialogue with China // Wall Street Journal. 27.07.2009.

¹⁸ URL: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/us-china-joint-statement>

¹⁹ *Zbigniew Brzezinski*. Introduction at the Luncheon Honoring China's Minister of Foreign Affairs Yang Jiechi in the Center for Strategic and International Studies. March 12, 2009. URL: http://www.csis.org/media/csis/events/090312_china_foreign_minister.pdf.

²⁰ *Brzezinski Z.* From Hope to Audacity: Appraising Obama's Foreign Policy // Foreign Affairs. Vol. 89. № 6 (January/February 2010). P. 27.

²¹ *Economy E., Segal A.* The G-2 Mirage: Why the United States and China Are Not Ready to Upgrade Ties // Foreign Affairs. Vol. 89, № 6 (May/June 2009). P. 23.

²² *Karabell Z.* Superfusion: How China and America Became One Economy and Why the World's Prosperity Depends on It. — New York: Simon & Schuster, 2009.

²³ *Dumas Ch.* China and America: A time of Reckoning. London: Profile Books, 2008. P. 196.

²⁴ Ibid. P. 197.

²⁵ *Ferguson N., Schularick M.* 'Chimerica' and the Global Asset Market Boom // International Finance. 2007. № 3. P. 215—239.

²⁶ См. также: *Bergsten F.* A Partnership of Equals: How Washington Should Respond to China's Economic Challenge // Foreign Affairs. Vol. 87, № 4 (July-August 2008). P. 57—69.

²⁷ *Zoellick Z. and Justin Yifu Lin.* Recovery Rides on The 'G-2' // Washington Post. 06.03.2009. P. A15.

²⁸ *Pettis M.* Sharing the Pain: The Global Struggle Over Savings // Carnegie Policy Brief. 2009. № 84. P. 6—7.

²⁹ *Geithner T.* China's Currency Policies and the U.S.-China Economic Relationship. Testimony before the Senate Banking, Housing, and Urban Affairs and House Ways and Means Committees. 16.09.2010. URL: <http://www.treas.gov/press/releases/tg858.htm>.

³⁰ Бэйцзин шанбао. 25.01.2011. С. 2.

³¹ *Brzezinski Z.* The Group of Two That Could Change the World. Financial Times. 13.01.2009. URL: <http://www.ft.com/cms/s/0/d99369b8-e178-11dd-afa0-0000779fd2ac.html>; Daniel Dombey. Brzezinski calls for better US-China co-operation // Financial Times. 19.01.2011. URL: <http://www.ft.com/cms/s/0/070a6d44-23f6-11e0-bef0-00144feab49a.html#axzz1BdqFfi7c>.

³² *Callahan W.* Contingent states: greater China and transnational relations. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2004. P. 37.

³³ *Brzezinski Z.* The Group of Two That Could Change the World // Financial Times. 13.01.2009. URL: <http://www.ft.com/cms/s/0/d99369b8-e178-11dd-afa0-0000779fd2ac.html>.

³⁴ Rome Declaration on Harmonization. February 25, 2003. URL: www.aidharmonization.org/ah-overview/secondary-pages/why-RomeDeclaration.

³⁵ Следует при этом отметить, что лидерские позиции Китая в рамках «Большой двадцатки» представляются более противоречивыми. С одной стороны, именно на саммитах G-20 были приняты решения о значительном увеличении доли Китая в уставном капитале ВБ и МВФ, с другой — несмотря на свои экономические габариты, Китай как минимум до 2016 г. не получит право провести саммит глав государств и правительств «Большой двадцатки» (для сравнения: США принимали подобные саммиты 2 раза, кроме того, они уже проходили в Англии, Канаде, Южной Корее, Франции и Мексике, а в 2013—2015 гг. пройдут в России, Австралии и Турции).

³⁶ World Bank Group. Voice Reform: Enhancing Voice and Participation in Developing and Transition Countries in 2010 and Beyond. URL: <http://siteresources.worldbank.org/NEWS/Resources/IBRD2010VotingPowerRealignmentFINAL.pdf>

³⁷ International Monetary Fund. Quota and Voting Shares Before and After Implementation of Reforms Agreed in 2008 and 2010. URL: http://www.imf.org/external/np/sec/pr/2011/pdfs/quota_tbl.pdf

³⁸ URL: <http://www.atimes.com/atimes/China/KE29Ad01.html>.

³⁹ URL: <http://carnegieendowment.org/events/?fa=eventDetail&id=2961>.

⁴⁰ URL: <http://news.cctv.com/world/20090403/111311.shtml>.

⁴¹ Wall Street Journal. 19.09.2012. P. A11.

А.О. Виноградов*

ЕВРОПА И РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ ПРОТИВОСТОЯНИИ США И КИТАЯ

Аннотация. Несмотря на кажущуюся второстепенность европейского направления во внешней политике КНР, Европа в последнее время приобретает все большее значение в глобальном противостоянии Китая с США. Страны Южной Европы, в последнее время испытывающие серьезные финансовые трудности, а также страны Восточной Европы и бывшего СССР становятся объектом активного проникновения со стороны КНР, осуществляемого, прежде всего, экономическими методами.

Ключевые слова: Китай, ЕС, США, Россия, международные отношения, глобальный миропорядок.

30 января 2012 г. орган ЦК КПК газета «Жэньминь жибао» на своем русскоязычном сайте опубликовала статью некоего Дай Сюя, научного сотрудника Центра стратегических исследований Китая Пекинского университета «Китаю и России следует создать Евразийский альянс»¹. В статье, вызвавшей большой резонанс, наряду с предложением в адрес России объединиться в борьбе с гегемонизмом США, говорилось и о том, что Китаю «необходимо постепенно завоевывать западную

* Виноградов Андрей Олегович — к.и.н., в.н.с. Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений ИДВ РАН.

часть Евразии». Большинство комментаторов тогда сочли, что указанные слова относятся, прежде всего, к Ближнему Востоку и богатым нефтью странам Персидского залива. Однако реальная политика Пекина свидетельствует, что и Европа также остается в фокусе внимания Китая.

Что касается предложения о союзе с Китаем, сделанного в адрес России, то оно вполне соответствует китайским традициям геополитики, восходящим еще к знаменитому трактату Сунь Цзы — «объединяться со слабым в борьбе против сильного». Причем эти традиции активно используются и в наше время. Вспомним, к примеру, широко рекламировавшийся руководством КНР в конце 1970 — 1980-х годах «Единый фронт борьбы с советским гегемонизмом», позволивший Китаю преодолеть международную изоляцию и перейти к масштабным реформам в экономике в опоре на «политику открытости» и помощь ведущих западных стран во главе с США. Сегодня Китай формирует альянс тех, кто противостоит западному (и американскому в первую очередь) диктату. И в этом альянсе, помимо лидирующей роли, КНР приобретает и экономические дивиденды.

Дело в том, что китайская политика практически никогда (за исключением середины 1960-х годов) не опиралась исключительно на идеологические постулаты. И в этом ее отличие от внешней политики Советского Союза, в которой прагматизм, пожалуй, наблюдался только во время правления И. Сталина (кстати, не исключено, что именно чрезмерная идеологизация внешней политики Советского Союза явилась одной из причин поражения в «холодной войне»). Можно вполне согласиться с мнением экспертов² о том, что и сегодняшняя концепция «достижения гармонии в мире» несет скорее пропагандистскую, чем идеологическую нагрузку. Во внешней политике нынешнего китайского руководства многие действия и сегодня, на наш взгляд, определяются постулатами Дэн Сяопина, заслуженно считающегося создателем современного Китая (так же как Мао Цзэдун является создателем КНР первых 30 лет ее существования). В соответствии с этими постулатами именно прагматические соображения и экономические интересы страны являются

определяющими («неважно, какого цвета кошка...»). И в этом контексте России и странам ЕС уделяется весьма серьезное внимание.

Если попытаться кратко сформулировать отношение нынешнего китайского руководства к РФ, то Россия, на наш взгляд, рассматривается Пекином как:

1) важный союзник в борьбе с диктатом Запада, хоть и серьезно ослабленный, но сохранивший рычаги влияния в мире (место в СБ ООН, ядерные силы, определенное влияние на постсоветском пространстве и в некоторых других регионах мира);

2) страна, способная проводить относительно независимую от США и стран Запада политику (что значительно повышает роль России как союзника);

3) источник сырья и других ресурсов, стратегически важный с точки зрения возможного противостояния в мире (в том числе по причине меньшей доступности логистических путей для вероятного противника);

4) источник современных технологий в тех областях, в которых невозможно или затруднено сотрудничество со странами Запада.

Можно отметить также и тот факт, что Россия испытывает сегодня огромную зависимость от импорта самых различных товаров (начиная от товаров легкой промышленности и электроники и кончая продовольствием) и является для Китая серьезным рынком сбыта и источником валютных поступлений (даже несмотря на относительно небольшой объем двусторонней торговли по сравнению с торговлей Китая с такими основными партнерами, как США, Япония, ЕС и соседние азиатские страны³). При этом нельзя забывать о том, что Россия традиционно (с начала 1990-х годов) — рынок сбыта товаров нижней ценовой гаммы и соответствующего качества. То есть тех, которые не востребованы на Западе.

Кстати, по глубокому убеждению автора, одна из причин ускорения экономического роста КНР в 1990-х годах — это активное участие Китая (как на государственном уровне, так и путем поддерживаемого государством «частного» челночного бизнеса)

в разворывании и эксплуатации оставшегося в России советского наследия (начиная от металлолома и кончая технологиями). А также выкачивания из России валюты в обмен на ширпотреб (валюта в дальнейшем использовалась для закупки на Западе передовых технологий и оборудования).

Похоже, что сегодня эта роль — основного рынка сбыта товаров и источника валютных поступлений и технологий — перешла к странам Европейского союза. Недаром именно ЕС занимает 1-е место по объему товарооборота во внешней торговле КНР (и 1-е место по абсолютному объему двустороннего товарооборота в мире — по официальной статистике, с июля 2011 г.), причем при значительном положительном сальдо (в 1,5—2 раза) в пользу Китая⁴.

Страны ЕС занимают также одно из первых мест по объему инвестиций в Китай. Впрочем, и КНР в последнее время стремительно увеличивает объем инвестиций в экономику европейских стран (только за 2011 г. китайские капиталовложения в страны ЕС выросли почти на 94 %). Как подчеркивает в статье «Использование возможностей, углубление торгово-экономического сотрудничества между Китаем и ЕС» заместитель министра коммерции КНР Чжун Шань, «к концу 2011 г. ЕС вложил 73,3 млрд долл прямых инвестиций в обрабатывающую промышленность, финансы, логистику и другие китайские отрасли. В то же время сумма прямых инвестиций китайских предприятий в 27 странах ЕС достигла 4,28 млрд долл., что почти в 2 раза больше, чем в предыдущем году»⁵. Однако КНР, в свою очередь, является держателем еврооблигаций на сумму в 650 млрд евро⁶.

Для Китая ЕС представляет интерес не только как крупнейший торговый партнер, один из основных инвесторов и источник высоких технологий, но также как важнейший плацдарм для дальнейшей экономической экспансии в западных странах. ЕС также может рассматриваться в Пекине как один из инструментов в продвижении глобальных интересов Китая и его позиции по международным вопросам. Однако заметим, что в результате непрекращающегося финансового кризиса и занятости собственными проблемами, ЕС эту роль стремительно теряет

(даже в рамках таких структур, как G8 и G20), уступая ее другим, например, странам БРИКС.

Кроме того, нельзя не отметить, что, по мнению экспертов, ЕС в последнее время представляет собой довольно сложного партнера для всех, кто с ним имеет дело (достаточно вспомнить известную дилемму Киссинджера⁷). В первую очередь из-за бюрократизации и неповоротливости общеевропейских структур, очень часто не способных принять конкретные решения. Именно поэтому Китай (как и Россия, впрочем) предпочитает решать конкретные проблемы с конкретными странами и их руководством.

Ведущим партнером КНР среди стран ЕС является Германия — крупнейший торгово-экономический партнер КНР в Европе и локомотив европейской экономики. На 2-м и 3-м местах — Голландия и Бельгия. Кроме того, Китай активно вербует новых союзников среди стран, испытывающих наиболее сильные финансовые и экономические трудности, предоставляя займы и инвестиции и активно скупая промышленные предприятия в проблемных государствах (Греция, Португалия, Испания, Венгрия и др.) Сюда же можно добавить и европейские страны бывшего СССР — Украину, Беларусь, Молдову, государства Прибалтики. Эти страны, испытывающие серьезные проблемы в экономике, готовы пойти на большие уступки и в том, что касается вопросов глобальной и европейской политики, поддержать Китай (за определенную «плату», разумеется) в тех вопросах, которые имеют для него значение.

Проблемы двусторонних отношений по линии «КНР—ЕС» на сегодня — практически те же, что имели место и на протяжении последних 5—6 лет (в начале 2000-х годов наблюдалась некоторая эйфория, но в середине 2000-х годов начался спад в отношениях, который усугубился с началом общеэкономического кризиса 2008 г. и последующего кризиса еврозоны). Это:

1) несбалансированность торговли (отрицательное сальдо у Европы);

2) эмбарго на поставки оружия и других соответствующих товаров и технологий, введенное еще в 1989 г. и до сих пор не отмененное;

3) непризнание КНР страной с рыночной экономикой (Китай имеет статус страны с неполной рыночной экономикой). Это непризнание, выглядящее сегодня абсурдным, тем не менее, позволяет ЕС проводить антидемпинговые расследования в отношении самых разных импортируемых из Китая товаров (прежде всего, текстиля и кожаной обуви). Вопрос ставится китайской стороной на каждом саммите, однако пока так и не решен. Похоже, что эта проблема не получит своего решения до 2016 г., когда предоставление Китаю такого статуса последует автоматически по условиям вступления КНР в ВТО.

В последнее время Китай, особенно в связи с продолжающимся финансовым кризисом в зоне евро, все более склонен ставить партнерам со стороны ЕС свои условия, причем зачастую достаточно жесткие. При этом стоит отметить, что европейские чиновники новое соотношение сил, которое уже давно не в их пользу, оценивают неадекватно. Впрочем, кое-что постепенно меняется. Например, одним из показателей изменения соотношения сил в пользу Китая можно считать решение комиссии ВТО о неправомерности европейских антидемпинговых мер против импорта китайской кожаной обуви. Это новый аспект в тянущейся несколько лет истории, когда европейские производители (в первую очередь итальянские) ежегодно возбуждают антидемпинговые расследования по китайской обуви.

Еще один пример — известный скандал в начале 2012 г., связанный с нормами авиационных выбросов в ЕС. Китайская сторона посоветовала своим авиакомпаниям не поддаваться на давление и не выполнять требования европейцев⁸.

Важным показателем изменения соотношения сил является прошедшая в конце апреля 2012 г. встреча руководителей Китая и стран Центральной и Восточной Европы⁹.

Прошедший в столице Польши Варшаве так называемый саммит Китая и стран Центральной и Восточной Европы положил начало, по сути, новому формату в отношениях КНР со странами ЕС. В нем приняли участие премьер-министры Польши, Боснии и Герцеговины, Хорватии, Чехии, Эстонии, Венгрии, Латвии, Литвы, Македонии, Черногории, Румынии, Сербии, Словакии, Словении, Албании, а также вице-премьер Бол-

гории. С каждым из них тогдашний премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао провел отдельные переговоры.

Выступая на Торгово-экономическом форуме сторон (втором по счету), организованном в рамках саммита перед премьер-министрами стран-участниц, Вэнь Цзябао сообщил, что китайская сторона вместе со странами Центральной и Восточной Европы намерена приложить усилия по повышению открытости рынка и увеличению двустороннего товарооборота до 100 млрд долл. в 2015 г. Китай предложил также создать консультативный комитет экспертов по вопросам строительства транспортной сети, Союз Китая и стран Центральной и Восточной Европы по содействию туризму и сообщил о намерении создать Секретариат сотрудничества Китая и стран Центральной и Восточной Европы. По словам Вэнь Цзябао, в 2013 г. в Китае будут организованы форум культурного сотрудничества Китая и стран Центральной и Восточной Европы и форум молодых политиков Китая и стран Центральной и Восточной Европы.

Заметим, что 6 сентября 2012 г. в Пекине состоялись учредительное собрание Секретариата по сотрудничеству Китая и стран Центральной и Восточной Европы и первое заседание государственных координаторов, на котором присутствовали представители китайских учреждений, входящих в Секретариат (практически всех министерств, имеющих отношение к данным вопросам — Минкоммерции, Минсельхоза, Минобразования, Минкультуры, МИД и др.), а также государственные координаторы, представители и дипломаты 16 стран Центральной и Восточной Европы. Возглавил Секретариат заместитель министра иностранных дел КНР Сун Тао. Он же и провел первое заседание государственных координаторов, которые затем были приняты премьером Вэнь Цзябао¹⁰.

Помимо этого, Вэнь Цзябао в своей речи в Варшаве сообщил, что для содействия сотрудничеству между Китаем и странами Центральной и Восточной Европы правительство Китая решило учредить специальный кредитный фонд в размере 10 млрд долл., в котором определенная часть средств будет предназначена для льготного кредитования проектов двустороннего сотрудничества в области развития инфраструктуры,

высоких технологий, «зеленой экономики» и др. Кроме того, Китай намерен инициировать учреждение Фонда инвестиционного сотрудничества с государствами Центральной и Восточной Европы. Правительство КНР также планирует содействовать тому, чтобы китайские предприятия в течение ближайших 5 лет построили по одному экономико-технологическому парку в этих странах. В течение ближайших 5 лет китайское правительство предоставит стипендии 5 тыс. студентов из стран Центральной и Восточной Европы, пригласит тысячу учащихся из этого региона в Китай для изучения китайского языка, а также отправит тысячу китайских студентов и ученых в страны Центральной и Восточной Европы на стажировку¹¹.

Отметим, что данная встреча (как и отсутствие заметной реакции на нее в руководстве ЕС) вносит объективно существенные коррективы и в арсенал политики Китая по отношению к европейским странам и в формат его связей со странами Центральной и Восточной Европы. По сути, Пекин формирует независимый от ЕС центр отношений с его членами. А если добавить сюда активное налаживание тесных контактов КНР с Украиной, Беларусью и Молдовой, то мы имеем создание в центре Европы своего рода прокитайского лобби, предназначенного для продвижения интересов КНР в этом регионе мира.

При этом нельзя не обратить внимания на ряд фраз, прозвучавших в выступлении Вэнь Цзябао. Глава китайского правительства отметил, что Китай, Польша, страны Центральной и Восточной Европы находятся на решающем этапе своего развития: этим странам предстоит решить непростые задачи экономического и национального возрождения. И в случае, если стороны будут осуществлять друг с другом взаимодействие, опирающееся на принципы взаимного доверия, поддержки, укрепления существующих контактов, развитию их не сможет воспрепятствовать никакая враждебная сила. А Китай всегда выступал в качестве доброго друга и надежного партнера стран Центральной и Восточной Европы. И, несмотря на присутствовавшие здесь же слова о том, что «Китай поддерживает процесс интеграции данных стран в рамках ЕС», посыл данных пассажей, как нам кажется, более чем очевиден.

И, конечно, еще один показатель изменения соотношения сил — постоянно озвучиваемые на саммитах «КНР—ЕС» и двусторонних встречах просьбы европейцев к Китаю оказать финансовую помощь для спасения еврозоны. Пекин в ответ обусловливает оказание этой помощи решением перечисленных выше вопросов — снятием эмбарго и признанием КНР страной с рыночной экономикой. Об этом недвусмысленно и неоднократно заявлялось китайской стороной, в том числе в достаточно жесткой форме.

Таким образом, европейское направление китайской внешней политики, при всей его кажущейся второстепенности, на самом деле видится китайской стороной одним из важнейших в ее глобальной многовекторной стратегии. При этом КНР, не надеясь исключительно на традиционные формы международной политики, старается задействовать весь арсенал доступных ей средств, включая элементы «мягкой силы» (активное создание так называемых Институтов Конфуция, культурная экспансия, пропаганда опыта экономического строительства КНР как альтернативного пути развития — так называемый «пекинский консенсус»)¹².

Однако ведущей формой наращивания влияния Китая по всему спектру отношений со странами Европейского региона в последнее время становится использование финансовой мощи и монетарных инструментов (кредитов, помощи, инвестиций и т. п.). Прежде всего, в тех странах, которые испытывают серьезные финансовые трудности и готовы лоббировать китайские интересы в обмен на помощь в решении проблем и в ускорении собственного развития. К ним в Европейском регионе следует отнести страны Южной Европы (страны PIIGS — Греция, Испания, Португалия, отчасти Италия), Восточной Европы (в данном случае можно смело перечислять все страны этого региона, но преимущественное внимание на сегодня уделяется Венгрии и Польше) и бывшие страны СССР (Украина, Беларусь, страны Балтии, отчасти Молдова). Объем сотрудничества КНР с данными странами постоянно растет, создавая вполне определенную зависимость их от Китая и привязку их к КНР на правах младших партнеров. В целом постепенно складывается ситуа-

ция, которую можно сравнить с политикой Китая в отношениях со странами Центральной Азии — формально оставаясь в зоне влияния РФ (через участие в ЕврАзЭС, ОДКБ и т. д.), эти страны в экономическом отношении все больше и больше оказываются в зоне влияния Китая и все более готовы учитывать интересы последнего. Отчасти это касается и России. Впрочем, РФ старается сохранять роль независимого субъекта международных отношений, используя традиционные связи с Европой, свое геополитическое положение «евроазиатского моста», а также наличие ядерных сил и вооружений, позволяющее вести относительно равноправный диалог с США и другими крупными мировыми «игроками».

В целом можно сказать, что изменение отношений КНР с ЕС и другими странами Европейского региона является не только следствием, но и вполне зримым доказательством постепенного смещения баланса сил в пользу Китая и формирования новой структуры международных отношений в мире. Фактически, складывающуюся ситуацию можно назвать возвратом к биполярности, только вместо СССР в глобальном противостоянии с США на правах полноценного лидера начинает выступать Китай, как бы ни пыталось китайское руководство (по крайней мере, на словах) уклониться от этой роли.

Примечания

¹ URL: <http://russian.people.com.cn/95181/7714612.html>.

² См., напр.: URL: <http://www.terra-america.ru/kitau-ugrojaet-tihookean-skaya-os-obami.aspx>.

³ См.: *Портяков В.Я.* Российско-китайская торговля: политико-экономический дискурс // КНР: политика, экономика, культура. 2010—2011. С. 298—303.

⁴ Синьхуа. 04.01.12.

⁵ Синьхуа. 03.05.2012.

⁶ Московские новости. 15.02.2012.

⁷ Комментируя итоги саммита 19 ноября (2009 г. — А.В.), глава Еврокомиссии Жозе Мануэл Баррозу отметил, что саммит «однозначно и окончательно» решил дилемму Киссинджера. Речь идет об известном изрече-

нии госсекретаря США Генри Киссинджера: «Я хочу позвонить в Европу. Какой телефонный номер?»

Киссинджер намекал на чрезвычайно сложную систему управления Евросоюзом, в котором страны-председатели менялись каждые полгода и, соответственно, постоянно менялись лица внешнеполитических представителей ЕС.

«Киссинджер был министром иностранных дел. Сегодня ему бы пришлось набирать только один номер — номер заместителя председателя Еврокомиссии, высокого представителя ЕС по внешней политике и безопасности, которым стала Кэтрин Эштон», — подчеркнул Баррозу». URL: <http://www.rodop.org/polit-091126110721>.

От себя добавим, что даже с избранием нового руководства ЕС пресловутую «дилемму Киссинджера» окончательно решить, вопреки уверениям г-на Баррозу, все же не удалось.

⁸ РИА Новости. 06.02.2012.

⁹ Синьхуа, 26.04.2012.

¹⁰ Синьхуа. 07.09.12.

¹¹ Синьхуа. 26.04.12.

¹² Подробнее см.: *Виноградов А.* Брендинг в эпоху фазового перехода // Отечественные записки. 2008. № 3.

*Е.И. Сафронова**

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ КИТАЯ И СТРАТЕГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В АТР

Аннотация. В статье рассматривается экономическая дипломатия (ЭД) Китая и конкурентные преимущества страны как факторы поддержания стратегической безопасности в АТР. Автор приходит к выводу, что потенциал китайской ЭД в этом направлении весьма значителен, хотя и не свободен от определенных рисков и противоречий, которые, однако, могут быть взяты под контроль и посему — до определенной степени нивелированы.

Ключевые слова: Китай, АТР, безопасность, экономика, сотрудничество, конкурентные преимущества, территориальные споры.

В самом общем виде под экономической дипломатией международного актора понимается специфическое направление его дипломатической активности, при котором экономические проблемы двустороннего или многостороннего уровня используются в качестве объекта и средства давления или сотрудничества в международных отношениях¹.

Автор понимает под экономической дипломатией способность государства посредством несиловых дипломатических ме-

* Сафронова Елена Ильинична — к.э.н., в.н.с. Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений ИДВ РАН.

тодов максимально эффективным образом задействовать на практике свои сравнительные (конкурентные) хозяйственные преимущества для достижения внешнеэкономических и/или внешнеполитических целей. В свете этого утверждения в статье и будет рассмотрена экономическая дипломатия Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), и в частности в Северо-Восточной Азии (СВА).

Обстановка и угрозы безопасности в АТР

Как известно, инициирование курса Вашингтона на «возвращение США в АТР» связывается с речью тогдашнего госсекретаря США Х. Клинтон 10 ноября 2011 г. на саммите АТЭС в Гонолулу. В выступлении госсекретаря несколько раз подчеркивала мысль о необходимости для США взять на себя роль лидера в АТР, идя навстречу пожеланиям их партнеров и союзников в Азии². В свете того, что США, в принципе, никогда не оставляли без внимания Азиатско-Тихоокеанский регион, очевидно, что акцентирование данной установки обусловлено новыми реалиями в Азии. Автор поддерживает ту точку зрения, что во многом обострение интереса Вашингтона к АТР и СВА вызвано ростом государственной мощи и влияния в АТР Китая, а также и Индии. Перед вступлением Б. Обамы в должность президента некоторые американские эксперты прямо заявляли о том, что из-за недостаточного внимания, которое США уделяли АТР, и неучастия Соединенных Штатов в многосторонних региональных структурах в этом регионе влияние Вашингтона заметно сократилось. США, таким образом, вытесняются из Азии новыми «игроками», что-де необходимо остановить и вернуть стране былой статус³.

За 2011–2012 гг. Вашингтон по нескольким направлениям предпринял усилия по восстановлению своих позиций: активизируются политические контакты с руководством государств АТР; наращиваются инвестиции в «интересные» для американской администрации страны; предпринимаются усилия по про-

ведению целевой многовекторной дипломатии, сочетающей оборону, внешнюю политику, программы развития; уделяется большее внимание НПО. Кроме того, стремясь идеологически «привязать» к себе государства-партнеры, США заявляют о необходимости «разделения ответственности» через согласование позиций и международное сотрудничество⁴.

Естественно, что наращивание активности США в АТР не может быть оставлено Китаем без внимания: КНР вынуждена вступить в борьбу за верховенство в СВА и АТР или, по крайней мере, за сохранение там достигнутых позиций. Это уже само по себе чревато рисками стабильности в регионе и являет собой новый «пазл» для разгадки в будущем. Военно-силовой метод противления США в АТР для КНР неприемлем, посему экономический поход остается для Пекина не только единственно возможным, но и довольно эффективным способом закрепить на территории региона и тем самым сузить там маневр США. К настоящему времени экономические отношения с государствами АТР уже стали для КНР фактором стратегической безопасности, поскольку без их развития Китаю вряд ли удастся консолидировать свои позиции в этой части света.

Будучи стремительно развивающейся страной, осознавшей свое влияние и силу на мировой арене, Китай стремится обустроить окружающее пространство «эргономичным» для себя образом. И здесь тоже заложены риски для безопасности АТР и СВА. Это связано с тем, что инструментарий экономической дипломатии включает не только набор поощрений для более слабых или «интересных» партнеров, но и набор средств давления на оппонентов. Страна, национальное хозяйство которой находится в высокой зависимости от итогов внешней торговли (а доля внешней торговли КНР в ее ВВП, по подсчетам, составляет от 50 до 60 % в различные годы⁵), чаще всего вынуждена вести именно наступательную ЭД, а КНР — особенно, ибо внешнеэкономические связи для нее критически важны в плане получения доступа к ресурсам и рынкам, необходимого для обеспечения прироста экономики. Не только повышение качества жизни, но и само выживание быстро воспроизводящегося населения страны зависят от того, насколько динамично разви-

вается ее экономика. Зависимость КНР от ее внешней торговли можно продемонстрировать с помощью одного, но показательного факта — в 2012 г. Китай стал крупнейшей торговой державой мира с объемом товарооборота в 3,87 трлн долл.⁶

Кроме того, для КНР ЭД — средство придания динамики и политическим проблемам. Так, в ноябре 2012 г. в Пномпене прошел 21-й саммит АСЕАН. В результате работы форума совместное коммюнике так и не было принято. Многие эксперты усмотрели причину этого в неспособности Камбоджи — страны-хозяйки саммита — организационно обеспечить консенсус при разработке документа. Однако другие исследователи увидели причину в том, что Пномпень просто пошел навстречу интересам Пекина, требовавшего исключить из коммюнике какое-либо упоминание о территориальных конфликтах в Южно-Китайском море, в частности, о споре КНР с Филиппинами из-за рифа Скарборо в апреле 2012 г. Успех данной китайской задумки аргументируется тем, что КНР направляет Камбодже инвестиции и финансовое содействие на миллиарды долларов. Только в 2011 г. объем капиталовложений, обещанных КНР Камбодже, в 10 раз превысил обещанные инвестиции от США⁷.

Уже более 10 лет Китай предпочитает придерживаться политики «пряника» в отношении большинства государств АТР, стремясь расширить там круг своих друзей и партнеров. Этой цели послужили создание зоны свободной торговли «Китай—АСЕАН», китайское прямое инвестирование в экономику ряда стран АТР, оказание Китаем финансовой помощи, расширение торговли на двустороннем уровне. Все это призвано побудить страны региона учитывать интересы Пекина при проведении их внешней политики и отказаться от действий, которые могли бы быть расценены Китаем как нежелательные. Тенденция к использованию Китаем экономических рычагов воздействия на страны-«мишени» для корректирования их международного курса прослеживается и набирает обороты именно в последние несколько лет⁸.

Китайский экономический «задел», несомненно, способен служить делу экономического сотрудничества и развития по всему миру. Однако очевидно, что чрезмерная зависимость от хо-

зяйственных связей с КНР несет в себе и определенные риски. Так, упомянутый выше китайско-филиппинский инцидент из-за рифа Скарборо, поначалу развивавшийся остро — с задействованием военизированных средств, разрешился через месяц благодаря использованию экономического давления. Видя нежелание Манилы отвести от рифа суда береговой охраны, Пекин дал указание китайским карантинным службам не допускать в порты КНР сотни контейнеров с филиппинскими фруктами под предлогом зараженности плодов насекомыми-вредителями. Эта акция нанесла Филиппинам значительный финансовый ущерб, ибо страна поставляет в Китай более 30 % выращенных в ней бананов, не говоря уже о других агропродуктах — папайе, манго, кокосовых орехах и ананасах. Кроме того, китайские турагентства перестали направлять туристические группы на Филиппины под предлогом опасений за безопасность граждан КНР. Эта акция также возымела определенный эффект, поскольку к 2012 г. КНР, опередив Японию, стала страной, третьей по количеству туристов, посещающих Филиппины. В итоге филиппинские бизнес-круги вынудили правительство страны отказаться от конфронтационного подхода в диалоге с КНР по проблеме Скарборо, чего и добивался Китай. В июне 2012 г. Пекин и Манила достигли соглашения об одновременном выводе своих судов из лагуны Скарборо, что филиппинцы и сделали к концу месяца. Однако, по сообщениям из Манилы, китайские рыболовецкие суда остаются в водах рифа даже в нарушение соглашения. Утверждается, что китайские корабли заблокировали вход в лагуну, препятствуя любым филиппинским кораблям вновь проникнуть в акваторию Скарборо.

Еще более яркий пример использования проблем в экономических отношениях в качестве средства давления — это прекращение в сентябре 2010 г. китайских поставок редкоземельных элементов в Японию. Эта акция была предпринята в ответ на задержание капитана китайского рыболовецкого судна в водах спорных островов Дяоюйдао (Сенкаку), находящихся под контролем Японии, но рассматриваемых КНР и Тайванем в качестве их суверенной территории. Чуть позже, Китай сократил поставки редкоземельных элементов и в США, и в ряд европей-

ских стран. Действия Пекина вызвали немалую озабоченность Токио и в итоге побудили его освободить китайского капитана. Отказ от экспорта редкоземельных элементов был расценен многими аналитиками как еще одно свидетельство готовности КНР использовать экономические рычаги для защиты своих интересов в международных спорах⁹.

В 2012 г. усилилась напряженность между КНР и Японией в связи с решением японских властей «купить» часть спорных островов Сенкаку (Дяоюйдао) у частного лица — гражданина Японии. В ответ по Китаю прокатилась волна антияпонских протестов, населением был объявлен бойкот японских товаров. А ведь Япония является одним из главных источников прямых иностранных инвестиций в Китай и его ведущим торговым партнером. По утверждению премьер-министра Японии С. Абэ, благодаря японским ПИИ в Китае уже создано 10 млн рабочих мест¹⁰. Таким образом, если из-за обострения межгосударственных отношений японские компании массированным образом станут переводить свои производства в страны ЮВА (Филиппины, Малайзию, Вьетнам и Индонезию), то социальная обстановка в Китае может заметно усложниться. В 2012 г. товарооборот между Китаем и Японией сократился почти на 4 %, и это было его первое снижение после кризиса 2008—2009 гг.¹¹ В ответ на антияпонские выступления Страна восходящего солнца обещала ускорить свое вхождение в Транстихоокеанское партнерство (ТТП), что тоже способно ввергнуть обстановку в АТР (и СВА, в частности) в состояние новой неопределенности. Создателями ТТП эта структура задумывалась в качестве альтернативы Азиатско-Тихоокеанскому экономическому сотрудничеству (АТЭС), но уже без участия России и Китая. В апреле 2012 г. США заявили о поддержке намерения Японии вступить в ТТП¹².

Итак, можно сказать, что ЭД — это оружие обоюдоострое. Оно может быть опасным даже для той страны, которая полагает, что сама умеет успешно с ним обращаться. ЭД как средство борьбы сопоставимых по потенциалу партнеров, несмотря на свой «мирный» характер, при непродуманном использовании может привести к нежелательным последствиям для двусторонних и многосторонних отношений.

В АТР и за его пределами внимательно наблюдают за ходом становления Китая как великой державы. Многие страны региона надеются, что по мере своего прогресса КНР не откажется от международных и региональных норм и стандартов, уже принятых в сложившейся системе международных отношений, от которых Китай и сам немало выиграл в последние десятилетия. Однако растущую склонность КНР использовать экономические средства для побуждения стран-партнеров следовать в русле китайской политики также не стоит сбрасывать со счетов¹³. Особенно если они будут применяться «нестандартным» образом.

С «возвращением» США в АТР для государств региона обострилась проблема выбора стороны-союзника. Или же это будут США, сохраняющие позиции признанного глобального лидера, или же больший смысл обретет наращивание сотрудничества с новой региональной и мировой силой — Китаем, территориально и, в ряде случаев, цивилизационно более близкой. В любом случае такой выбор — процесс небезболезненный, способный привести к поляризации сил в регионе и тем пошатнуть стабильность в нем, что само по себе является еще одной угрозой безопасности в АТР. Оптимальным решением для государств региона видится лавирование между американским и китайским «берегами». При таком развитии событий США и КНР будут вынуждены «торговаться» с третьими странами за свое партнерство. Однако ввиду того, что ныне союзников у США в АТР все же больше, чем у Китая, то можно утверждать, что и в этом обстоятельстве тоже кроется угроза безопасности региона: США более, чем Китай, склонны демонстрировать на практике свои военные возможности. В таких условиях экономическая дипломатия для Китая остается важным средством борьбы за поддержание своих позиций в АТР, и он вынужден ее активизировать.

В процессах экономической глобализации происходит не только извлечение выгод от нее рядом экономически сильных стран, но и дальнейшая маргинализация менее хозяйственно успешных государств, таких, как, например, Лаос, Мьянма и Камбоджа. Обострение неравномерности развития в АТР тоже таит в себе угрозу безопасности региона, несмотря на много-

миллиардные разнонаправленные вспомоществования, получаемые этими странами и с Востока, и с Запада.

Что касается нетрадиционных угроз в АТР (терроризм, контрабанда наркотиков, инфекционные заболевания, морское пиратство, нелегальная миграция, а также факторы, угрожающие окружающей среде, экономической, финансовой и информационной безопасности¹⁴), то роль ЭД как средства их нивелирования может быть весьма действенной и значимой. Ибо эти угрозы во многом имеют выраженную социально-экономическую базу и подоплеку.

Какими же сравнительными преимуществами обладает Китай в СВА? На какие факторы и обстоятельства он может опираться для обеспечения действенности своей ЭД в регионе?

Во-первых, в Китае существует пусть не монополия, но все же немалый государственный контроль над внешнеэкономическими связями (ВЭС), что обеспечивает тесное взаимодействие между национальными субъектами внешней торговли и бизнеса и политическими и управленческими структурами страны. В условиях глобализации и ужесточения внешней конкурентной среды национальным производителям и коммерческим агентам особо необходима государственная поддержка. А создание для национального бизнеса благоприятного внешнего климата прямо и положительно влияет на экономическую безопасность страны и, следовательно, — на ее стабильность. Понятно, что внутренняя стабильность субъекта МО вносит позитивный вклад в картину стабильности и безопасности на общерегиональном уровне.

Во-вторых, государство в Китае держит в своих руках контрольный пакет акций практически всех значимых предприятий с частным капиталом. Это создает определенные государственные гарантии деятельности таких предприятий за рубежом и страхует и их самих, и их партнеров от многих рисков экономического и неэкономического плана. Данный фактор также благоприятствует устойчивости хозяйственной активности бизнес-единиц и внутри страны, и за рубежом.

В-третьих, в КНР существует последовательный свод правительственных документов, в которых поэтапно зафиксирована

государственная стратегия развития внешнеэкономических связей страны. Так, в 1997 г. на правительственном уровне была выдвинута стратегия активного выхода китайских производителей на внешние рынки под девизом «Идти вовне». А в 2006 г. Госсоветом КНР была утверждена «Концепция внешнеэкономической политики по 2010 г.». Еще одним знаковым документом стала «Средне- и долгосрочная концепция Китая по экспорту машино-технической продукции на период до 2020 г.» (Утверждена Госсоветом КНР в 2007 г.)¹⁵. Благодаря документальному оформлению направлений, целей и задач своих ВЭС, страна получила возможность четко отслеживать и корректировать заложенные на высоком уровне ориентиры и приоритеты своей внешнеэкономической стратегии. И что немаловажно — Китай обладает постоянным административным механизмом контроля над выполнением правительственных установок. Достижение заявленных в документах целей становится отправным этапом для развития на новом витке внешнеэкономической спирали, логично опирающегося на подготовленную до этого материально-техническую базу.

В-четвертых, в Китае осуществляется курс на поддержку частного, пусть даже небольшого предпринимательства, действующего в обозначенных государством направлениях. Благодаря этому, государство имеет возможность мобилизовать на выполнение своих экономических задач широкий круг ресурсов, не оставляя без внимания потенциал малого и среднего бизнеса.

В-пятых, сравнительным преимуществом является и продуманная валютно-финансовая политика, проводимая КНР. Ее особенностью является оперативное реагирование на изменения во внутренней экономике и на мировых финансово-экономических рынках при неуклонной защите позиций национальной валюты, недопущение непредсказуемости ее котировок, совершенствование системы формирования процентных ставок и механизма обменного курса юаня. Все это направлено на снижение зависимости юаня от колебаний курса доллара, обеспечение устойчивости потребительских цен, экономическую стабильность и постепенное превращение жэньминьби в новую мировую резервную валюту.

И, наконец, шестое сравнительное преимущество КНР — это величина ее валютно-финансовых ресурсов, благодаря которой страна имеет возможность направлять инвестиции за рубеж, выдавать займы и кредиты, параллельно обеспечивая техническую и монетарную поддержку национальному бизнесу и благоприятствуемым внешним партнерам.

ЭД Китая в АТР ставит перед собой задачи:

1. Обеспечить благоприятную внешнюю среду для внутренних преобразований, в том числе повысить эффективность программ развития Северо-Запада КНР.

2. По возможности не допустить сначала в СВА, а затем и во всем АТР безусловного хозяйственного доминирования какой-либо политико-экономической и/или идеологической силы, включая США, Японию (и, может быть, даже Россию).

3. Поддержать и совершенствовать международный имидж и стратегическую репутацию КНР в регионе, особенно сейчас, когда Китай становится супердержавой и глобальным центром силы, что скрыть уже невозможно, особенно в глазах стран «третьего мира». Экономическая дипломатия выполняет и функцию нейтрализации концепции «желтой угрозы», и определенные успехи на этом пути у Китая в АТР уже есть. Так, например, по опросам Гэллопа, свое позитивное отношение к КНР высказали более 50 % населения АСЕАН, против 30 % 10 лет назад¹⁶.

4. Укоренить в регионе выгодный Китаю поведенческий код в отношении ведения коммерческих и иных внешнеэкономических операций, продвигая в качестве примера свою модель социально-экономического развития.

5. Теснее привязать к себе в стратегическом отношении Россию и, по возможности, другие страны АТР, а также АСЕАН, другие региональные образования через установление устойчивых, долгосрочных и тесных экономических связей. В условиях «возвращения» США в АТР успех энергетических проектов с РФ выполняют особую безопасосберегающую функцию, ибо, с одной стороны, он немного, но снижает вероятность потерь от гипотетической военной блокады Малаккского пролива силами ВМФ США, а с другой — позволяет более полно раскрыться антиамериканским настроениям в некоторых российских элитах,

связанных с нефтегазовыми «естественными монополиями» РФ. Таким образом, можно сказать, что для Китая ЭД — это средство ослабления партнерских предпочтений в отношении США и, следовательно, — механизм сужения политико-экономического и репутационного маневра Вашингтона.

6. Как известно, сначала Китай предпочитал просто присоединяться к существующим в АТР организациям (АРЕС, «АСЕАН+3»), а сейчас он сам инициирует создание региональных структур, рассчитывая играть в них ведущую роль (Шанхайская организация сотрудничества, зона свободной торговли КНР с АСЕАН, Соглашение об инвестиционном сотрудничестве (подписано в мае 2012 г.) — предвестник создания зоны свободной торговли Китая, Японии и Южной Кореи).

Понятно, что любая международная структура функционирует более эффективно, если между лидирующими в ней странами сложились если не союзнические, то хотя бы конструктивные партнерские отношения. Например, ШОС уникальна тем, что в ней существует глубокая взаимная заинтересованность «стержнеобразующих» стран — Китая и РФ — в расширении сотрудничества, замешанная на общности долгосрочных государственных политических и экономических интересов. Думается, что ШОС являет собой наиболее яркий пример успеха КНР в деле формирования одного из сегментов будущего Рак Синца. Другие структуры, созданные в АТР при инициативе КНР, похоже, потребуют более длительного времени для доказательства их практической полезности Китаю. Во многом это объясняется осторожным отношением к КНР ряда участвующих стран и их «оглядкой» на США. Так или иначе, но через создание «своих» международных образований Китай проявляет новое качество: он выступает уже не просто как «игрок», следующий правилам, принятым до него, но сам приступает к изменению правил международной «игры». Об этом свидетельствует и его активность в ШОС, и *modus operandi* при вступлении в ВТО, и политика в отношении интернационализации собственной валютной единицы.

Успех кооперационной («мягкой»), а не императивно-наступательной («жесткой») экономической дипломатии, как ничто

другое, является чутким индикатором позитивности климата отношений государств-партнеров¹⁷. Он также служит показателем их взаимозависимости, ибо политические контакты могут эродировать за считанные годы, а отлаженные обоюдовыгодные экономические отношения длятся десятилетиями, а то и веками, сплетая ткань общей хозяйственной жизни партнерствующих сторон.

Однако это не значит, что даже у дружественной экономической дипломатии не существует пределов успешности. В условиях АТР такой предел — интересы защиты национального суверенитета. В обозримой перспективе любая — и «мягкая», и весьма агрессивная, рестрикционная ЭД будет бессильна в кардинальном решении вопроса о принадлежности спорных островов.

Прогноз

1. Поскольку союзников у США в АТР пока больше, чем у КНР и России, то в обозримой перспективе Китай не станет поддерживать РФ в той ее активности в регионе, которая могла бы противоречить его интересам в отношениях с США. РФ повезло, что до сих пор история не ставила Китай перед испытанием таким выбором. По этой же причине КНР пока не станет форсировать вопрос о создании системы коллективной безопасности в АТР, ибо осознает невыполнимость данной задачи на ближайшую перспективу.

2. Пока в Китае не будет достигнута надежная стабилизация внутреннего социально-экономического положения, не стоит опасаться применения КНР военной силы, даже для разрешения ситуации со спорными территориями. Силовое решение «островного спора» может быть использовано в качестве отвлекающего средства и механизма консолидации китайской нации на патриотической волне только в исключительном случае — при таком ЧП во внутренней жизни КНР, которое могло бы поколебать сложившийся государственный порядок и угрожать деструкцией китайскому обществу изнутри.

3. Со стороны КНР не стоит исключать нового водружения на щит политики «опоры на собственные силы». Для этого у Китая есть многое: его разведанные запасы урана, вольфрама, цинка, лития, титана, ванадия и тантала — крупнейшие на планете. А по запасам меди, редкоземельных и рассеянных элементов, серы, бора и фтора КНР занимает 1—2-е места в мире¹⁸. Просто до поры до времени стране было выгоднее покупать, чем добывать. Однако сейчас, когда Китаем накоплены средства для импорта технологий и ведения сложных технических работ, а конъюнктура мировых сырьевых рынков весьма аритмична, наличие обширных пулов полезных ископаемых способно стать еще одним активно используемым сравнительным преимуществом страны. И кто знает, может быть, прекращение Китаем поставок в Японию редкоземельных элементов после «островных событий» лета 2012 г. было не просто акцией «жесткой» ЭД, но частью продуманной линии на сокращение экспорта этого товара в принципе. Возможно, это был знак того, что КНР «предчувствует» скорую необходимость более широкого задействования собственных ресурсов.

Рекомендации

1. Российским авторитетным структурам стоит учитывать, что потенциал двустороннего экономического сотрудничества не может сохраняться вечно. Когда российская сторона проявляла нерасторопность в вопросах поставки в КНР нефти и газа, то Китай всегда умудрялся получать требуемые им ресурсы из других мест. Не об этом ли говорит тот факт, что доля российской нефти в китайском импорте этого углеводорода со всплесками, но сокращается? Так, в 2005—2006 гг. она составляла 10—11 %, а в 2011 г. — 7 %¹⁹. Китай активно ищет и всегда находит новых поставщиков углеводородов (и не только их) по всему миру. Это усложняет вопрос о том, кто более заинтересован в закупках российского сырья — КНР или же сама Россия?

2. Кроме того, экономическая взаимозависимость государств, катализатором которой может выступать чрезмерно энер-

гичная ЭД, при прохождении определенного предела способна привести к несбалансированности развития страны-«младшего» партнера и в итоге — повысить конфликтогенный потенциал в межгосударственных отношениях. Надо находить меру этой взаимозависимости, а главное — иметь механизмы ее соблюдения. Поэтому РФ необходима четкая внешнеэкономическая стратегия, которая уже есть у КНР.

3. Целесообразно продумать меры по оптимизации добычи редкоземельных элементов в Мурманской области РФ, дабы полностью не отдавать «на откуп» Китаю, Австралии, Казахстану и Индии рынок этого дефицитного товара.

Примечания

¹ См.: Краткий внешнеэкономический словарь-справочник / под ред. В.Е.Рыбалкина. М.: МО, 1996. Приводится по: URL : <http://region.mcnp.ru/modules.php?name=News&file=print&sid=278>

² URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=708#top

³ См.: Жэньминь жибао on-line. URL: <http://russian.people.com.cn/95181/7189879.html>.

⁴ Там же.

⁵ См., в частности: URL: http://www.odnako.org/blogs/show_20277/.

⁶ The Guardian. 11.02.2013.

⁷ Glaser Bonnie S. China's Coercive Economic Diplomacy. URL: <http://thedi diplomat.com/2012/07/25/chinas-coercive-economic-diplomacy/>

⁸ Ibid.

⁹ URL: <http://thedi diplomat.com/2012/07/25/chinas-coercive-economic-diplomacy/>

¹⁰ Baker R. China Tests Japanese and U.S. Patience. URL: http://www.stratfor.com/weekly/china-tests-japanese-and-us-patience?utm_source=feedlist-f&utm_medium=email&utm_campaign=20130226&utm_term=gweekly&utm_content=readmore&elq=4996178115374bb1b1bfefb12002d6c4

¹¹ Ibid.

¹² Транстихоокеанское партнерство (ТТП) — международная торговая-экономическая организация. Инициаторы ее создания — Чили, Новая Зеландия, Сингапур и Бруней, подписавшие в середине 1990-х годов первоначальное соглашение о ТТП. Позже в переговоры о присоединении к Партнерству вступили США, Австралия, Малайзия, Перу и Вьетнам. В со-

став организации ныне входят: Австралия, Бруней, Канада, Чили, Малайзия, Мексика, Новая Зеландия, Перу, Сингапур и Вьетнам (URL: <http://www.kommersant.ru/factbook/417815>).

¹³ Glaser Bonnie S. Op.cit.

¹⁴ Жэньминь жибао on-line. URL: <http://russian.people.com.cn/31519/6239988.html>.

¹⁵ Китай: тенденции развития во внешней торговле. URL: <http://do.gendocs.ru/docs/index-164232.html>.

¹⁶ Qi Haixia, Mao Xiaohua. To Gauge the Limits of Chinese Economic Diplomacy by the Issue of South China Sea. URL: http://www.tiandainstitute.org/en/article/1206_1.html.

¹⁷ Подробнее см.: Баранай П. Современная экономическая дипломатия. URL: http://www.dec.lv/index_ru1.php?id=1867

¹⁸ URL: <http://www.chinastar.ru/rus/1/5/3/>

¹⁹ Жуков С. Сотрудничество России и стран АТР в сфере энергетики: текущее состояние и перспективы. URL: <http://www.apec-center.ru/trends/39/168/604/print/>

А.К. Криворотов*

АРКТИЧЕСКАЯ АКТИВИЗАЦИЯ КИТАЯ: ВЗГЛЯД ИЗ СКАНДИНАВИИ

Аннотация. В статье анализируются процессы многопланового проникновения финансово крепких научных и коммерческих структур КНР в скандинавское Заполярье. Автор отмечает резкое оживление межгосударственного диалога Китая со странами Скандинавии (особенно с Исландией и Данией/Гренландией), главной целью которого является получение КНР статуса постоянного наблюдателя в Арктическом совете. В работе приводится мнение скандинавских политиков и экспертов, полагающих, что Китаем движут в основном экономические мотивы, но в то же время затрудняющихся давать более рельефные прогнозы. Автор приходит к выводу, что диалог с Китаем, с одной стороны, повышает значимость стран региона для их традиционных союзников по НАТО, но с другой — несет в себе риски вовлечения Скандинавии (а заодно и России как страны-транзитера по Севморпути) в новую сферу глобального противоборства КНР с США.

Ключевые слова: Китай, Северная Европа, Арктика, инвестиции, Арктический совет, Севморпуть, угрозы.

* Криворотов Андрей Константинович — к.э.н., специалист по экономическим и политическим проблемам Арктики и нефтегазового комплекса, член Экспертного совета Российско-норвежского научно-образовательного консорциума в области международного энергетического бизнеса.

В современном мире присутствие Китая, без преувеличения, ощущается практически повсеместно. Пожалуй, наиболее заметно это проявляется именно в отдаленных от КНР уголках мира — Африке, Латинской Америке, а в последнее десятилетие и за Полярным кругом.

Проникновение Китая в Арктику совпало по времени с ее собственной глубокой трансформацией, превращением из заснеженной глобальной периферии в новый динамичный регион мировой политики. Из-за важного военно-стратегического положения Арктики, отчетливо проявившегося в годы Второй мировой и особенно «холодной» войн, ей на десятилетия была уготована роль высоко милитаризованного, во многом закрытого района прямого противостояния интересов СССР и НАТО. Лишь с начала 1990-х гг., благодаря снижению уровня военной конфронтации, на Севере стало активно развиваться международное сотрудничество.

Заполярье покрылось сетью многосторонних структур, среди которых особо выделяется межправительственная организация — созданный в 1996 г. Арктический совет (АС). На правах постоянных членов в него входят все 8 государств, имеющих территории к северу от Полярного круга — Россия, США, Канада, Финляндия, Швеция, Норвегия, Дания (в состав которой входит остров Гренландия) и Исландия. Сфера деятельности АС быстро расширяется и на сей момент охватывает практически все вопросы, кроме военных. В январе 2013 г. подписано соглашение об учреждении постоянного Секретариата Арктического совета в заполярном норвежском г. Тромсё.

Позднее оформилась и «арктическая пятерка» — более узкая группа стран, имеющих выход непосредственно к Северному Ледовитому океану (Россия, США, Канада, Норвегия и Дания). Поводом для ее создания послужило резкое обострение внимания к проблемам правового статуса заполярных территорий, подстегнутое известной российской экспедицией «Арктика-2007». Министры иностранных дел этих 5 государств в 2008 г. приняли на встрече в Иллулиссате (Гренландия) декларацию, в которой заявили о намерении решать все вопросы принадлежности арктических вод и шельфа исключительно в своем кругу¹.

Состав АС и тем более «арктической пятерки» немногочислен и включает лишь развитые страны, но, несмотря на это, достаточно неоднороден. Наряду с Россией, США и Канадой — членами «Большой восьмерки» — в Арктике присутствуют и малые страны Северной Европы, несравнимые с ними по экономическому и военному потенциалу. Возможно, это и послужило причиной, по которой китайцы наиболее активно работают именно в государствах Скандинавии, не имеющих геополитических устремлений.

В то же время недооценивать эти страны было бы неверно. Они равноправные члены АС, 3 из них входят в НАТО, 3 — в Евросоюз. Их арктические территории и морские пространства (включая спорные) без разрывов покрывают более четверти всей Арктики — от Полярного круга до Северного полюса, от 38° в.д. до 75° з.д. (рис. 1).

В настоящей статье рассматриваются развитие контактов КНР со странами Северной Европы и реакция на этот процесс их аналитического сообщества и политических кругов.

КНР в арктической Скандинавии

Проникновение Китая в скандинавское Заполярье идет по нескольким параллельным направлениям: научное, экономическое, политическое сотрудничество. Кратко опишем их, тем более что минувший 2012 год был отмечен рядом весьма знаменательных событий.

К регулярным исследованиям в Арктике Китай приступил в октябре 2003 г., создав в поселке Нью-Олесунн на норвежском заполярном архипелаге Шпицберген научную станцию «Желтая река». Сейчас в ее экипаже 18 ученых разного профиля. Кроме того, в «столице» Шпицбергена Лонгьербюене Китай подключается к крупному многостороннему проекту ЭЙСКАТ (EISCAT) — радару для изучения верхних слоев атмосферы, способному потенциально иметь и военные приложения. В качестве «вступительного взноса» Китай за свои средства строит его новый 70-метровый купол². Выбор именно Шпицбергена,

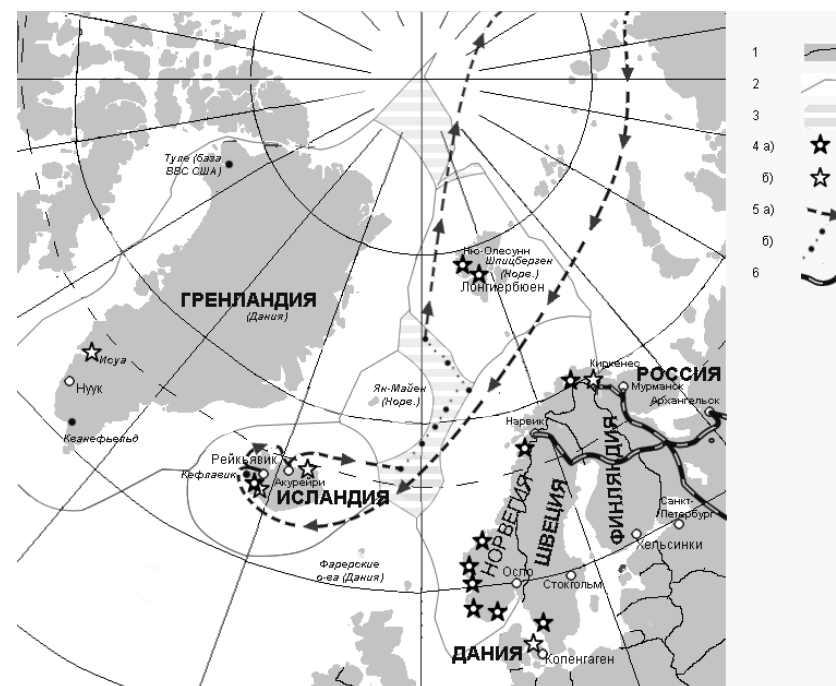

Рис. 1. Присутствие Китая в скандинавской Арктике:

1 — государственные границы; 2 — границы 200-мильных экономических зон стран Скандинавии в Арктике и сопредельных районах, а также рыбоохранной зоны вокруг Шпицбергена (не признана Россией и КНР); 3 — участки континентального шельфа за пределами 200 морских миль, на которые претендуют Норвегия и Дания/Гренландия; 4 — научные и инвестиционные проекты с китайским участием: а) действующие; б) перспективные; 5 — переход ледокола «Сюэлун» в ходе 5-й Китайской арктической экспедиции 2012 г. (по данным официального сайта экспедиции URL: www.chinare5.com): а) общая схема; б) места проведения океанографических исследований различных типов; 6 — действующие и проектируемые железные дороги

очевидно, вызван не только тем, что это самая легкодоступная арктическая территория мира (несколько рейсовых самолетов в неделю из Осло), но и особым режимом архипелага по Парижскому договору о Шпицбергене 1920 г. Архипелаг передан им под суверенитет Норвегии, но граждане любой страны-участни-

цы договора, включая Китай, имеют право туда беспрепятственно въезжать и заниматься любой научной и коммерческой деятельностью. Интернет-связь Шпицбергена с материком установила китайская Huawei.

Для экспедиций в Арктику и Антарктику КНР использует самый мощный в мире неатомный ледокол «Сюэлун» («Снежный дракон») украинской постройки, имеющий 167 м в длину и способный преодолевать лед до 1,2 м толщиной. В 2012 г. китайские организации заказали у финской компании «Акер Арктик» (Aker Arctic) (Хельсинки) проектирование второго ледокола длиной 120 м, способного двигаться в 1,5-метровом льду³.

Китайские научные центры по Арктике наладили практическое сотрудничество с коллегами из Скандинавии. Так, в сентябре 2010 г. Китайский Институт полярных исследований (中国极地研究中心) (г. Шанхай) заключил соглашение о сотрудничестве с Норвежским полярным институтом до 2015 г. Китайская сторона обязалась предоставить норвежцам передовое лабораторное оборудование, построить новый научный центр и ледокольное судно⁴. Исследовательский совет Норвегии в рамках особой программы сотрудничества с Китаем профинансировал уже три программы по изучению таяния снега на Севере, к которым привлечено полтора десятка институтов двух стран⁵.

Успешно развиваются экономические отношения. КНР уже несколько лет является для каждой северной страны крупнейшим торговым партнером в Азии, с некоторыми заключены либо готовятся соглашения о свободной торговле.

Среди промышленных проектов в Скандинавии китайцев, прежде всего, привлекают крупные предприятия по производству минерального сырья. Инвесторами обычно выступают государственные гиганты индустрии. В частности, компания China National Bluestar, 80 % акций которой принадлежат Китайской национальной химической корпорации (China National Chemical Corporation, ChemChina), в 2011 г. более чем за 2 млрд долл. купила норвежскую «Элкем» (Elkem) — крупнейшего производителя ферросплавов (1-е место в мире), кремния и углеродных продуктов, имеющего металлургические заводы в Норвегии, Исландии и Канаде.

Высокий интерес китайских инвесторов, прежде всего металлургов, вызывает Гренландия. Практически готовы к реализации планы строительства китайцами мощной железнорудной шахты «Исукасия» (она же «Исуа»). Две компании из пров. Цзянси — «Цзянси Чжунжунь Майнинг» (Jiangxi Zhongrun Mining) и «Цзянси Юнион Майнинг» (Jiangxi Union Mining) совместно с британской «Нордик Майнинг» (Nordic Mining) — вели разведку на медь соответственно в южной и центральной частях острова⁶.

Несмотря на свою высокую заграничную активность, китайские нефтяники, в отличие от японских, не работают на норвежском или гренландском шельфе. Однако в Норвегию проникли компании-поставщики нефтяного сервиса: шанхайская частная Sinopacific (строительство судов снабжения для шельфа) и буровой подрядчик China Oilfield Services Limited, сокр. COSL — дочернее предприятие известной China National Offshore Oil Corporation, сокр. CNOOC⁷. Кроме того, на рубеже 2012—2013 гг. власти Канады и США, пусть и с рядом политических оговорок, дали разрешение на покупку китайцами нефтяной компании «Нексен» (Nexen), имеющей допуск на работу на шельфе Норвегии (правда, свернувшей там свои проекты)⁸.

Повышенное внимание и в Исландии, и в Китае вызвал проект пекинской девелоперской «Чжункунь Инвестмент Груп», которую возглавляет эксцентричный миллиардер Хуан Нубо. «Чжункунь» собиралась выкупить объявленный к продаже земельный участок примерно в 300 кв. км (0,3 % территории Исландии) близ г. Гримстадир ау Фьёдлум и создать там парк элитного экотуризма с отелем, гольфовыми полями и заповедником. Стоимость проекта, включая покупку земли, оценивалась примерно в 100 млн долл.

В смысловой увязке с инвестиционными проектами китайцы активно прорабатывают и возможности арктического транзита, прежде всего через Северный Ледовитый океан. Практический интерес у них вызывают и планы создания нового железнодорожного транзитного коридора через Россию — по Транссибу до Урала, затем по новой магистрали «Белкомур» к побережью Белого моря и далее на запад, до дороги Москва—Мурманск и,

через север Финляндии и Швеции, в норвежский заполярный порт Нарвик. В Нарвике строится контейнерный терминал, который планируется связать регулярным сообщением с портами Бостон (США) и Галифакс (Канада)⁹. В случае реализации этих замыслов Китай через территорию России получит выход непосредственно в незамерзающие порты Норвежского и Баренцева морей.

Опираясь на свое практическое присутствие в Арктике, китайская сторона активно продвигает эту тематику и в политическом диалоге со скандинавами. За последние годы он весьма расширился, в том числе на высоком уровне. Похоже, приоритетной задачей КНР в регионе стала поддержка северянами ее заявки на статус постоянного наблюдателя в Арктическом совете (аналогичные заявки подали также ЕС, Италия, Япония и Южная Корея).

Все эти аспекты отразились в программе 5-й китайской арктической экспедиции 2012 г., которая имела отчетливо прикладной и демонстративный характер, привлекая пристальное внимание в Скандинавии. «Сюэлун» прошел на запад по трассе Северного морского пути, нанес официальный визит в Исландию (порты Рейкьявик и Акурейри), с участием исландских ученых провел океанографические исследования в Норвежском море, а обратно направился напрямую через район Северного полюса, поднимаясь до 87° с.ш. — по трассе, которая на сайте экспедиции названа «будущим судоходным маршрутом через Центральную Арктику». Все эти элементы программы выполнены впервые в китайской истории. Выйдя из порта Циндао 2 июля 2012 г., ледокол вернулся в Шанхай 29 сентября, покрыв за это время расстояние в 18,5 тыс. морских миль, из них 5,4 тыс. — во льдах¹⁰. В Рейкьявике на его борт поднимались президент Исландии Олаур Рагнар Гримссон и другие официальные лица¹¹.

После этой экспедиции скандинавы, как и все приарктические государства, по справедливому замечанию В.И. Балакина, окончательно «осознали, что в вяло протекавшем процессе освоения Арктики у них появился серьезный конкурент, обладающий существенными инвестиционными ресурсами и уже замахнувшийся на фундаментальное освоение региона»¹².

Аналитические и официальные оценки

Осмысление процесса в странах Скандинавии очевидно запаздывает. Так, в недавнем (2011 г.) докладе Датского института международных исследований, посвященном проблемам безопасности в Арктике, Китай не упомянут¹³. «Мозговые центры» Норвегии, внимательно отслеживая отдельные аспекты китайской политики (в отношении климата, прав человека, Центральной Азии), долго обходили вниманием его проникновение в зону интересов собственной страны. Лишь в июле 2012 г. Институт Фритьофа Нансена и Норвежский институт оборонных исследований по согласованию с МИД страны развернули крупную трехлетнюю программу «Азия в Арктике» по изучению полярной политики Китая, Японии, Южной Кореи и Индии. Ощущался налет поспешности: проект запущен в середине года, средства на него «перекинуты» с другой важной программы — по энергоресурсам Каспия¹⁴.

Единственное научное учреждение Северной Европы, изучавшее проникновение Китая в Арктику, расположено в Швеции, которая «впрямую» мало затронута процессом. Это известный Стокгольмский международный институт проблем мира (СИПРИ), где в 2010 г. вышел получивший широкую огласку доклад Линды Якобсон «Китай готовится к Арктике, свободной ото льда»¹⁵. В его развитие Л. Якобсон и китаец Пэн Цзинчао выпустили в 2012 г. уже второй доклад «Арктические ожидания (или, если угодно, «амбиции». — А.К.) Китая»¹⁶.

В официальных скандинавских документах КНР если и упоминается, то бегло, в ряду других стран, проявляющих интерес к Северу. Выступая в январе 2013 г. с сообщением о делах Арктического совета на «правительственном часе» в стортинге (парламенте), министр иностранных дел Норвегии Эспен Барт Эйде уклонился от ответа на прямой вопрос о его отношении к проникновению китайского капитала в Заполярье¹⁷.

Такое умолчание, однако, свидетельствует скорее о дипломатической осторожности в отсутствие четко сформированной позиции, нежели о невнимании к процессу. В тезисах выступле-

ния того же Э. Барта Эйде перед сотрудниками норвежской разведки¹⁸ (21 ноября 2012 г.) содержится характерный пассаж: «Переход “Снежного дракона” через Ледовитый океан. Стратегическая картина меняется... Необходимо знать и понимать... интересы и мотивы игроков, а также потенциальные конфликты интересов. Вклад разведки неоценим»¹⁹.

Сами же норвежские, равно как и датские, военные разведчики в своих несекретных оценках внешних угроз за 2012 г. уже отметили с некоторой озабоченностью нарастание активности Китая в Арктике²⁰. Их выводы тесно перекликаются между собой, с докладами СИПРИ и с высказываниями ученых из Института Фритьофа Нансена²¹.

Скандинавские эксперты (в отличие от некоторых авторов из крупных стран НАТО²²) считают, что базовые интересы Китая в Заполярье имеют — во всяком случае, пока — экономический характер: обеспечение доступа к природным ресурсам и судоходным маршрутам Арктики, особенно в свете ее прогрессирующего освобождения ото льда. Потенциал для военных операций на Севере у КНР отсутствует и в близком будущем не появится.

В то же время действия Китая в Арктике рассматриваются в свете его превращения в одну из крупнейших экономик мира и глобальную державу. Видимо, именно по этой причине Япония и Южная Корея, также активно проникающие на Север, не вызывают столь озабоченной реакции.

Норвежские разведчики и особенно СИПРИ подчеркивают стремление КНР играть более заметную роль в политических процессах Заполярья, включая развитие двусторонних отношений со странами Северной Европы и закрепление в Арктическом совете. Все эксперты отмечают скептическое отношение Пекина к попыткам «арктической пятерки» монополизировать управление ресурсами и водными путями региона. Китайцы всемерно продвигают альтернативную идею многостороннего сотрудничества, заявляя, что проблемы арктической экологии выходят далеко за рамки Полярного круга, а его ресурсы должны использоваться на благо всего человечества. Л. Якобсон и Пэн Цзинчао упоминают в связи с этим неологизмы, постепен-

Таблица 1. Основные макроэкономические характеристики КНР и арктических стран Скандинавии

Страна, территория	Площадь, тыс. кв. км	Население, тыс. чел. (начало 2012 г.)	Экономический рост (в пост. ценах, в % к предыдущему году)*					
			2007	2008	2009	2010	2011	2012 ²
КНР	9597	1 339 450	13,0	9,6	9,2	10,3	9,2	7,8
Дания (континентальная)	43	5585	2,5	-0,7	-5,3	1,8	1,1	-0,5
Гренландия	2166	56	2,4**	2,3**	1,4**	1,2**	3,0**	
Норвегия	386	4986	2,7	0,1	-1,6	0,5	1,2	3,2
Исландия	103	320	6,0	1,2	-6,6	-4,1	2,9	1,6
ЕС (27 стран)	4325	503 663	3,2	0,3	-4,3	2,1	1,5	-0,3

* По КНР, Исландии и ЕС приведены темпы прироста ВВП, по Норвегии, Дании и Гренландии — ВВП.

** Предварительные данные.

Источник: данные национальных статистических ведомств и Евростата.

но закрепляющиеся в китайской официальной риторике — КНР обозначается как «участник освоения Арктики» и «приарктическое государство»²³.

Отмечается, однако, отсутствие у Китая четко сформулированной «на бумаге» арктической политики. Авторитетные китайские ученые, военные и политики выступают по проблемам Севера с весьма разноречивыми заявлениями. Это может, помимо прочего, означать, что власти страны еще не вполне определились в данном вопросе, хотя сам их интерес к региону сомнения не вызывает.

В итоге, все эксперты сходятся на мнении, что Китай будет и далее наращивать присутствие в Заполярье, но затрудняются дать четкий прогноз в отношении масштабов этого процесса и способов, которыми КНР будет защищать свои интересы. Ожидается, что многое здесь будет определяться подходами самих арктических государств. В первую очередь — США и России, настороженно относящихся к появлению китайцев в традиционной зоне их стратегических интересов (включая претензии на

свободу судоходства по Севморпути). Датские разведчики обращают особое внимание на китайские инвестиции в Гренландии, отмечая «большой скепсис» США и России к попыткам КНР получить контроль над природными ресурсами Арктики²⁴.

При сходстве общих тенденций и оценок взаимодействие Китая на Севере с каждым скандинавским государством имеет свою специфику, которая заслуживает более подробного анализа.

Исландия

Наиболее быстрыми темпами развиваются отношения КНР с Исландией. Они обрели мощный рывок в 2008 г., когда экономика острова с трудом избежала дефолта: три крупнейших банка одновременно оказались на грани банкротства. Китай, как и Россия, оказался тогда в числе немногих стран, кто отозвался на просьбу руководства Исландии и оказали ей практическую финансовую помощь. Президент островной республики Олавур Рагнар Гримссон, неоднократно посещавший Пекин, характеризовал подходы китайской стороны как «конструктивные, взвешенные, позитивные и определенно неагрессивные»²⁵.

Посольство КНР в Рейкьявике сегодня — не только самое многочисленное, но и имеет возможности дальнейшего расширения до нескольких сот человек. По числу государственных визитов в Исландию, по оценке ее президента О. Гримссона, Китай обогнал все крупные страны Запада, вместе взятые²⁶. В апреле 2012 г. остров впервые за четыре десятилетия дипотношений посетил премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао, начавший свой тур по Европе именно с Рейкьявика. В ходе его встречи с президентом О. Гримссоном оба собеседника, цитируя русскоязычную версию газеты «Жэньминь жибао», выражали намерения «усилить взаимодействие в рамках деятельности, осуществляемой в районе Арктики, во имя совместного развития»²⁷.

В состав делегации входили руководители 9 китайских министерств (в том числе иностранных дел и торговли). В ходе визита подписано 6 документов, включая межправительствен-

ное Рамочное соглашение о сотрудничестве в Арктике и декларацию о строительстве в Исландии компанией China National Bluestar 2 новых заводов по производству высококачественного кремния. МИД Исландии и Государственное океанологическое управление Китая заключили Меморандум о взаимопонимании по научно-техническому сотрудничеству в области океанографии и полярных исследований²⁸. Исландский министр иностранных дел Оссур Скарпхединнсон придает контактам с этим ведомством большое значение: годом ранее он особо упоминал их в отчете Альтингу (парламенту) как пример расширения сотрудничества по северной проблематике с неарктическими странами²⁹.

По мнению скандинавских экспертов, Исландия, практически лишенная полезных ископаемых, в долгосрочной перспективе привлекает Китай прежде всего как важный транспортный узел и база для освоения ресурсов арктических морей.

Для Рейкьявика же, очевидно, наиболее важны три обстоятельства.

Во-первых, экономическое положение страны остается сложным. Частные инвестиции в Исландии за 2006—2009 гг. сократились (в постоянных ценах) в 4 раза. В связи с этим руководство страны радо практически любым новым проектам, способным принести экономический подъем, а китайцы — едва ли не самые перспективные инвесторы.

Во-вторых, и президент, и министр иностранных дел Исландии подчеркивали почтительное, равное отношение КНР к их стране³⁰. Для исландцев, с их обостренным национальным самосознанием, выкованным столетиями борьбы маленького народа за выживание в сложных природных условиях, ощущать такое уважение огромной державы особенно ценно, тем более после перенесенных в кризис унижений.

В-третьих, как следует из резолюции Альтинга 2011 г. об арктической политике Исландии (и особенно из комментариев к ней), в Рейкьявике вызывает откровенную озабоченность возможность монополизации всех вопросов региона «арктической пятеркой», куда ее не включили³¹. В результате, Исландия активно поддерживает заявку Китая на статус постоянного наблю-

дателя в Арктическом совете — видимо, в надежде на его ответную помощь в делах региона.

Более того, 15 апреля 2013 г. — в тот же день, когда в Пекине в ходе визита исландского премьер-министра подписывалось двустороннее соглашение о свободной торговле — президент О. Гримссон презентовал в Вашингтоне планы учреждения новой международной организации «Полярный круг» (первое заседание намечено на октябрь 2013 г. в Рейкьявике). Она создается для обсуждения широкого круга арктических проблем, имеющих глобальный характер. При этом, явно в противовес Арктическому совету, открыта для присоединения и азиатских стран (особо названы Индия, Китай и Сингапур), и коммерческих структур-инвесторов³².

Несмотря на этот позитивный политический фон, Министерство внутренних дел Исландии, в ведении которого находятся природные ресурсы, 25 ноября 2011 г. отказало упомянутой «Чжункунь» в ее ходатайстве, ссылаясь на законодательный запрет на продажу земли иностранцам. Министр Эгмундур Йонассон пояснил, что не хотел бы создавать опасного прецедента, тем более столь масштабного.

Местные наблюдатели, однако, увидели за его решением и иные мотивы. Участок земли, который хотел купить Хуан Нубо, расположен на малолюдном северо-востоке острова, причем рядом с удобными бухтами, пригодными для строительства глубоководных портов. Таким образом, в случае реализации планов «Чжункунь» возник бы крупный инфраструктурный объект, практически не контролируемый исландским правительством и могущий служить для Китая хорошей базой для обслуживания судоходства и освоения шельфа Северной Атлантики (а в самом радикальном варианте — даже для захода боевых кораблей). В связи с этим припоминали, в частности, что Хуан Нубо — не простой предприниматель, а бывший функционер КПК, долгое время руководивший отделом пропаганды.

Отказ МВД расколол исландское руководство. Президент О. Гримссон и премьер-министр Йоханна Сигурдуредоттир публично выразили свое сожаление; министр экономики Арни Патль Арнарсон, лоббировавший сделку, прямо заявил, что «не

видит оснований полагать, чтобы данная иностранная инвестиция как-либо угрожала интересам Исландии»³³.

Сам миллиардер расценил решение исландцев как очередное проявление «двойных стандартов» и «несправедливого и предвзятого климата» для китайских инвестиций в странах Запада. Однако от своих планов он не отступился. В последующие месяцы в китайских и зарубежных СМИ была, по сути, развернута пиар-кампания, где Хуан Нубо позиционировался как творчески мыслящий предприниматель нового поколения, автор нескольких стихотворных сборников и меценат (пожертвовавший, в частности, 1 млн долл. в учрежденный им фонд китайско-исландских поэтических обменов).

После визита Вэнь Цзябао исландское правительство предложило компромиссный вариант — аренду земли на 99 лет. Правда, в декабре 2012 г. от «Чжункунь» потребовали предоставить дополнительные сведения и подать заявку заново, но, по сведениям исландской прессы, китайская компания к тому времени уже подписала договоры аренды примерно на 70 % запрошенной площади³⁴.

Говоря о потенциальных политических эффектах сближения двух стран, следует отметить, что членство в НАТО Исландии, не имеющей собственной армии, отличается известной спецификой. Главным ее вкладом в безопасность альянса традиционно было предоставление территории под американскую стратегическую авиабазу в Кефлавике (близ Рейкьявика). Оттуда США контролировали жизненно важные для НАТО коммуникации в Северной Атлантике — маршрут переброски своих войск в Европу — а также исландско-фарерский противолодочный рубеж, созданный для борьбы с подводными силами Северного флота СССР.

В 1970-х гг. исландцы с успехом использовали свою важность для НАТО. В ходе знаменитых «тресковых войн» за рыбные ресурсы с Великобританией, а позднее — спора с Норвегией за разграничение экономзон с о-вом Ян-Майен Исландия добилась, чтобы США надавили на ее более сильных противников, угрожая в противном случае выйти из НАТО и выдворить кефлавикскую базу.

Однако с окончанием «холодной войны» и фактическим уходом ВМФ России из Мирового океана значение Кефлавика заметно снизилось. Осенью 2006 г. американцы в рамках оптимизации военных расходов сами закрыли базу — нанеся, помимо прочего, серьезный удар по исландскому госбюджету, для которого арендная плата США была крупной статьей доходов.

В ноябре 2008 г. СМИ Норвегии, ссылаясь на депешу своего посольства в Рейкьявике, сообщили о весьма нестандартном выступлении президента Исландии О. Гримссона. На обеде в честь иностранных послов он жестко раскритиковал почти все страны Запада за неоказание Исландии экономической помощи в кризисе. Одновременно с этим, поблагодарив Россию, президент предложил ей «опустевшую» базу в Кефлавику. Гримссон при этом произнес знаменательные слова: «Северная Атлантика важна для Скандинавии, США и Великобритании. Это факт, который данные страны сейчас, похоже, игнорируют. Ну, тогда и Исландии лучше найти себе новых друзей»³⁵.

Российский посол вежливо отказался от неожиданного предложения. Исландское руководство более не возвращалось публично к вопросу Кефлавика, где сейчас базируется частная голландская школа пилотов истребителей. Исландско-китайский диалог подчеркнуто касается мирных прагматических вопросов. Но инцидент 2008 г. явно неслучаен и показывает: Исландия, традиционно ставившая собственные интересы выше идей атлантизма, ищет в изменившейся обстановке новые точки опоры. И КНР явно стала едва ли не важнейшей из них.

Швеция и Финляндия

Вэнь Цзябао в ходе своего европейского турне 2012 г. посетил и Стокгольм. Эксперты со ссылкой на китайскую прессу сообщали, что он, в числе прочего, планировал обсудить статус КНР в Арктическом совете, где Швеция в то время председательствовала³⁶. Возможно, по итогам этих переговоров шведский министр иностранных дел Карл Бильдт в январе 2013 г.

официально поддержал заявку Китая на статус постоянного наблюдателя.

Однако, в целом, насколько можно судить по официальным материалам, в достаточно тесных отношениях КНР со Швецией и Финляндией арктическая проблематика не является приоритетной, уступая вопросам сотрудничества в сферах экологии или промышленности (включая покупку завода «Вольво» китайской «Джили»). Это, видимо, связано и с наличием у данных стран технологического задела, и с тем, что Китай как крупнейшую морскую и торговую державу в Арктике прежде всего привлекают страны, имеющие выход к Северному Ледовитому океану.

Стратегия Финляндии для региона Арктики не упоминает о Китае, а План действий Финляндии по Китаю — о Севере, при этом что оба документа приняты совсем недавно, в 2010 г.³⁷ Правда, в ноябре 2012 г. спецпредставитель МИД по Арктике Ханну Халинен заявил, что арктическая стратегия будет обновлена и усилена — отражая, в частности, важный для финнов рост интереса азиатских стран к Севморпути. Он отметил, что Финляндия принимает меры к укреплению Арктического совета в нынешнем составе и к допуску в него стран Азии³⁸.

Дания и Гренландия

Отношения Китая с Данией также развиваются весьма активно, но несут отпечаток ее необычного внутреннего устройства.

В состав Датского королевства, именуемого в стране «государственным объединением», входят три территории, крайне разнородные в географическом, социально-экономическом и этническом отношении: собственно Дания, Фарерские острова (расположенные к северу от Британских) и заполярная Гренландия — крупнейший в мире остров площадью 2,1 млн кв.км, почти полностью покрытый льдами и лежащий у берегов Северной Америки. Столица Гренландии Нуук удалена от Копенгагена на 4 тыс. км.

Заморские территории пользуются широкой автономией. В частности, они не входят в Евросоюз, причем Гренландия добровольно вышла из него в 1986 г. (единственный прецедент в истории ЕС). На острове, до середины 1950-х гг. официально являвшемся датской колонией, достаточно сильны сепаратистские настроения. С 21 июня 2009 г. вступил в силу Закон о самоуправлении Гренландии, который передал островному правительству важнейшие государственные полномочия в экономической сфере, включая распоряжение природными ресурсами.

За центральными властями остались, по сути, валютная, оборонная и внешняя политика, но у Гренландии есть право на заключение международных договоров от своего имени³⁹. Островитяне активно развивают внешние связи, считая, что рост мирового внимания к Заполярью открывает для них новые возможности. Бывший (до апреля 2013 г.) премьер-министр Гренландии Куупик Клейст позиционировал ее как опорную точку для развивающихся стран, желающих играть более весомую политическую роль в Арктике⁴⁰. В связи с этим КНР поддерживает тесные отношения и с Копенгагеном, и с Нууком.

Дания, единственной из стран Северной Европы, установила с Китаем стратегическое партнерство (в 2008 г.). С тех пор стороны активно обмениваются визитами, в том числе на высшем уровне. В июне 2012 г. Копенгаген, впервые за 62 года дипотношений, посетил председатель КНР Ху Цзиньтао, что стало единственной его остановкой в Европе по пути в Мехико. Аналитики, связав это с апрельским турне Вэнь Цзябао, сделали вывод об особой значимости Арктики и Северной Европы для КНР. Датчане за одно лишь второе полугодие 2012 г. ответили визитами в Китай премьер-министра Хелле Торнинг-Шмидт, наследного принца Фредерика с супругой и министра иностранных дел Вилли Сёвндаля⁴¹.

Дания энергично поддерживает в Арктическом совете заявку КНР на статус постоянного наблюдателя. При этом в национальной Стратегии для Арктики на 2011—2020 гг., подписанной премьерами всех трех частей королевства, четко заявлено, что Дания намерена в рассмотрении вопросов Заполярья отдавать предпочтение глобальному подходу, включая проблемы изме-

нений климата, охраны природы и четких правил мореплавания⁴² — что весьма близко к взглядам КНР. По свидетельству гренландской прессы, авторитетный китайский профессор Го Пэйцин намекал датчанам: если те будут подходить к Арктике не с региональных, а с глобальных позиций, то смогут существенно поднять свое международное влияние, в том числе в отношениях с США и Россией⁴³.

Кроме политической, у датчан есть и серьезная экономическая мотивация. Сознывая, что усилия США и стран Еврозоны сосредоточены на решении собственных проблем, правительство Дании сделало ставку на привлечение инвестиций из стран БРИК, и прежде всего КНР. В свою очередь, китайские компании в Европе также предпочитают Данию благодаря ее стабильной валюте, развитым технологиям машиностроения, сельского хозяйства и фармацевтики. В ходе визита Ху Цзиньтао китайские и датские компании подписали договоры о промышленном сотрудничестве на общую сумму 3,4 млрд долл.⁴⁴

Еще более серьезные надежды на Китай возлагают в Гренландии, которая получила свою широкую автономию в разгар мирового кризиса. Датский ежегодный бюджетный трансферт острову с 2009 г. заморожен на уровне порядка 3,4 млрд дат. крон, или около 600 млн долл. Экономика страдает от монокультуры: 94 % экспорта приходится на рыбу и морепродукты (в первую очередь, креветки), которые в последние годы упали в цене. Высокий уровень безработицы, в дальних поселках и стойбищах реальной проблемой остается бедность. Для острова, таким образом, крайне актуальна задача экономически «встать на собственные ноги». Премьер К. Клейст откровенно заявлял, что, если не принять скорых мер, Гренландию ждет судьба Греции⁴⁵.

Главный шанс острова — в освоении его богатых недр, содержащих запасы железной, свинцово-цинковой, молибденовой руд, золота, платины, редкоземельных металлов, рубинов. Их разработка облегчается постепенным отступлением ледникового щита. Но к крупным вложениям сейчас готовы лишь китайцы, которые активно приобретают по всему миру источники промышленного сырья и уже с 2005 г. наладили прямые контакты с администрацией Гренландии. Об интенсивности этих свя-

зей и значении, которое им придают обе стороны, свидетельствуют такие факты.

Гренландия уже дважды, в ноябре 2011 и 2012 гг., участвовала отдельным стендом в горной выставке в китайском г. Тяньцзинь. Оба раза делегации возглавлял министр промышленности и минеральных ресурсов Гренландии Ове Карл Бертельсен, причем его поездки носили статус официальных визитов по приглашению министра земельных и природных ресурсов Китая Сюй Шаоши. В 2011 г. Бертельсена в Пекине принимал для беседы и бывший тогда вице-премьером Госсовета КНР Ли Кэцян — честь, которой удостаивались не все министры стран «большой восьмерки». Сам Сюй Шаоши уже в апреле 2012 г. нанес ответный визит на Гренландию, где имел беседу с К. Клейстом⁴⁶. В январе 2012 г. в Китай также выезжала министр зверобойного, рыболовного промыслов и сельского хозяйства Ане Хансен⁴⁷.

Наиболее масштабный и близкий к реализации китайский инвестпроект на Гренландии — упомянутая шахта «Исуа» в 150 км севернее Нуука, недалеко от незамерзающего участка побережья (что позволяет вести круглогодичную отгрузку). Лицензией на данное месторождение, с запасами высококачественной железной руды свыше 1 млрд т, обладает английская компания London Mining, известная тесными связями с Sichuan Xinye Mining Investment Co. Кредит под проект предоставляет государственный Китайский банк развития, технико-экономические расчеты вели китайские Sinosteel и China Communications Construction Company⁴⁸.

Суммарный объем инвестиций в шахту, обоганительную фабрику, порт и электростанцию составит 2,3 млрд долл. (что заметно превышает годовой ВВП Гренландии), при сроке окупаемости всего 3,5 года. London Mining планирует в течение минимум 15 (а потенциально 30 и более) лет добывать по 30 млн т руды и после обогащения вывозить 15 млн т концентрата, причем китайский инвестор настаивает на его поставках именно в КНР⁴⁹. Отметим, что если этот грузопоток хотя бы частично пойдет кратчайшим, северным маршрутом, то он уже существенно изменит транспортную ситуацию в Арктике. Для сравне-

ния, в рекордную навигацию 2012 г. по трассе Севморпути было перевезено 1,034 млн т транзитных грузов, а его полный грузооборот в 2020 г. прогнозируется в объеме 40 млн т⁵⁰.

Власти Гренландии стремятся создать для китайцев благоприятный инвестиционный климат. Налоги на острове достаточно низкие (35 % с прибыли) и взимаются лишь по достижении окупаемости капвложений. Несмотря на волну критики, 7 декабря 2012 г. островной парламент принял Закон о строительстве-монтажных работах на крупномасштабных проектах, который позволяет инвесторам ввозить иностранную рабочую силу на худших условиях, чем предусмотрены датским трудовым законодательством. Фактически речь идет именно о китайцах, которых лишь на два на первоочередных проекта — «Исуа» и алюминиевый завод американской компании «Алкоа» (Alcoa) — планируется ввезти соответственно 2 тыс. и 3 тыс. человек. При обсуждении с London Mining ее социальной программы правительство по сути помешало формированию единой твердой позиции всех островитян, что вызвало критику и профсоюзов, и предпринимателей. Опасения высказывала и местная природоохранная НКО, ссылаясь на порой негативную экологическую практику китайских предприятий в Африке⁵¹.

За пределами Гренландии (в том числе у прежнего госсекретаря США Х. Клинтон) вызвало особую озабоченность то, что власти острова начали зондаж возможностей поставки в Китай своих редкоземельных металлов, незаменимых в электронике и электротехнике. В настоящее время 97 % их мировой добычи приходится на КНР, которая в основном потребляет их внутри страны. В Гренландии имеются 4 месторождения редкоземельных элементов, наиболее подготовлено к разработке Кванефельд на юге острова, где планируется добыча 43 тыс. т ежегодно в течение 25 лет. Проект не запускали лишь из-за попутной добычи урановой руды, принципиально запрещенной в Дании по экологическим мотивам⁵². Но на рубеже 2012—2013 гг. правительство и парламент королевства заявили о готовности сделать для Гренландии исключение — что заодно может сделать остров и крупным экспортером ядерного сырья.

По оценкам ЕС, грeнландские запасы редкоземельных металлов превышают 9 % мировых, и начало их эксплуатации позволило бы покончить с китайской монополией на рынке. Однако, несмотря на наличие у Гренландии соглашения о партнерстве с Евросоюзом, К. Клейст твердо заявил, что инвесторам или торговым партнерам из стран ЕС (включая Данию) преференций предоставляться не будет, добавив, что несправедливо «защищать интересы других стран в большей степени, чем, например, Китая»⁵³.

В связи с этим аналитики различного толка в Дании и за ее рубежами все громче высказывают опасения, что китайцы, пользуясь неопытностью и трудным экономическим положением Гренландии, «скупят» ее, экспортируя крупный капитал и дешевую рабочую силу. Тем самым КНР фактически колонизирует остров и упрочит свое положение на рынках стратегического сырья. Такое беспокойство, в частности, выражали бывший датский министр иностранных дел Уффе Эллеманн-Йенсен, начальник Военной академии Дании контр-адмирал Нильс Ванг, ветеран норвежской политики и журналистики Иван Кристофферсен и французский исследователь Дамьен Дежорж, долго работавший на Гренландии и имеющий тесные связи с МИД и Франции, и Дании⁵⁴. Д. Дежорж в интервью датской прессе прямо заявил: «Страна, у которой лишь 57 тыс. жителей, а вся политическая элита, включая членов кабинета, парламента и мэров, состоит из 44 человек, весьма уязвима. На свою сторону достаточно склонить всего 25 человек, что для опытных лоббистов никакой сложности не представляет»⁵⁵.

Однако сами правительства Дании и Гренландии не высказывают в связи с этим волнений. Оба премьер-министра также поддержали Закон о крупномасштабных проектах (который для вступления в силу требует поправок и в общенациональное миграционное законодательство)⁵⁶. В январе 2013 г. Дания и Гренландия по инициативе К. Клейста создали межправкомиссию по привлечению датских инвестиций на остров, но обе стороны подчеркивают, что речь в ней идет лишь о частных вложениях⁵⁷.

Правые оппозиционные партии в Копенгагене, напротив, жестко критикуют правительство за пассивность в грeнланд-

ском вопросе. Датчане самокритично признают, что отстали от других арктических стран, поскольку долго вели себя на острове по-колониальному, не занимаясь его развитием даже в период заметного роста глобального интереса к Заполярью. Чтобы наверстать упущенное, оппозиция ратует за создание госкомпании или частно-государственного партнерства для активного датского инвестирования в экономику Гренландии.

Сами китайцы (и официальные лица, и предприниматели), очевидно осознавая чувствительность этой проблематики, строят свою тактику по нескольким линиям:

- ведение отдельного и, видимо, различного по тематике политического диалога с Нууком и Копенгагеном (явно с согласия последнего); несмотря на просьбы грeнландцев, датский премьер Х. Торнинг-Шмидт не взяла их ни на беседу с Ху Цзиньтао, ни с собой в Пекин⁵⁸;
- активная пропаганда Китая как перспективного рынка для датских фирм, а китайских компаний — как надежных и ответственных инвесторов;
- упор на то, что интересы китайцев на Гренландии — сугубо хозяйственные и пока не заходят дальше предварительного обсуждения отдельных проектов⁵⁹.

Эти дискуссии заметно обострились после того, как на 12 марта 2013 г. на Гренландии были назначены досрочные парламентские выборы. В ходе кампании лидер крупнейшей оппозиционной партии «Сиумут» Алека Хэммонд заявила, что намерена добиваться полной политической и финансовой независимости острова, с выходом его из состава королевства⁶⁰. Ведущая датская газета «Политикен» в редакционной статье с серьезным основанием назвала эти выборы судьбоносными для острова, добавив: «Будем надеяться, что наше государственное объединение сможет обновиться, создавая для Гренландии привлекательную альтернативу Китаю»⁶¹.

По итогам выборов, однако, с серьезным отрывом победила «Сиумут», а А. Хэммонд, лично набравшая наибольшее число голосов избирателей, стала премьер-министром. Правда, первые ее шаги в новой должности оказались осторожными. Она нанесла конструктивный визит в Данию (где была принята пре-

мьер-министром, королевой и наследным принцем), приостановила выдачу лицензий нефтяникам на новые шельфовые блоки, к неудовольствию «Лондон Майнинг» (London Mining) затормозила работы по проекту «Исуа». На уровне и премьеров, и частных компаний принимаются меры к активизации датско-гренландского инвестиционного сотрудничества в сырьевых отраслях. На пресс-конференции в Копенгагене А. Хэммонд подтвердила намерение бороться за независимость Гренландии, но после того, как будет преодолена экономическая зависимость острова от рыболовства⁶².

Тем не менее, сепаратистский лозунг был озвучен и всерьез воспринят в обеих частях королевства. Континентальная Дания, будучи сама заинтересована в инвестициях из Китая, намерена энергичнее конкурировать с ним за влияние на остров. В связи с этим можно прогнозировать, что отношения в треугольнике «Нуук—Копенгаген—Пекин» приобретут особую интенсивность и сложность.

Норвегия

Китайско-норвежские отношения представляют особый случай.

Прежде всего, Норвегия, хотя и является малой страной, но в десятки раз превосходит Исландию или Гренландию по экономическому потенциалу и имеет значительно более широкие внешнеполитические амбиции. Не испытывает она и острого «инвестиционного голода»: будучи крупным мировым экспортером нефти и газа, Норвегия легче других пережила глобальную рецессию, в том числе за счет умелого расходования колоссальных ресурсов нефтедолларов. Уровень безработицы в стране с 2007 г. колеблется вокруг 3 % и в пик кризиса даже снижался — против 8—10 % в соседних Швеции и Дании, в США и «старых» членах ЕС⁶³.

Кроме того, правящий «красно-зеленый» кабинет сделал Крайний Север главным приоритетом своей внутренней и внешней политики. Правительство опубликовало уже несколько

концептуальных документов, смысл которых сводится к тому, что Норвегия должна лидировать в изучении и освоении Арктики. Поэтому появление в регионе нового глобального игрока, вполне естественно, было воспринято в Осло с известной настороженностью. Так, норвежский МИД в докладе стортингу о политике в Заполярье (2011 г.) отмечал: «Китай, Япония и Южная Корея — это глобальный центр силы, оказывающий влияние на обстановку в Арктике... Важно поддерживать с этими странами тесный диалог, позиционируя Норвегию в качестве стороны, его задающей, и добиваясь уважения и понимания норвежских подходов и интересов на Севере»⁶⁴.

В частности, поскольку китайские ученые обосновались на Шпицбергене, норвежцев беспокоит позиция КНР по статусу архипелага. Норвежская концепция, основанная на узком толковании Договора 1920 г. (дескать, ограничения норвежского суверенитета касаются лишь сухопутных территорий, а в морских пространствах действует юрисдикция Норвегии), не признана большинством стран, в том числе Китаем.

Как отмечал директор Норвежского полярного института Ян-Гуннар Винтер, в науке «международное сотрудничество желательно, поскольку расширяет наши возможности и повышает качество исследований. В то же время с внешнеполитической точки зрения на Шпицбергене важно защитить норвежский суверенитет и норвежские интересы»⁶⁵. Поэтому, когда «Сюэлун» проходил мимо Шпицбергена, за ним наблюдал корабль Береговой охраны Норвегии⁶⁶.

Эти обстоятельства, однако, не умаляют высокого интереса норвежцев к развитию отношений с Китаем. До октября 2010 г. межправительственный диалог двух стран развивался вполне успешно. В августе 2007 г. в Осло была даже обнародована особая «Стратегия правительства в отношении Китая», определившая пять приоритетов: экономические связи с упором на доступ норвежских производителей на рынок КНР, устойчивое развитие, демократия и права человека, распределение общественных благ (китайцы с интересом изучали норвежский опыт соцобеспечения в условиях рыночной экономики) и международные

проблемы. Характерно, что вопросы Арктики в документе не упоминались⁶⁷.

Большие надежды на Китай возлагают в Северной Норвегии, особенно в Киркенесе, который расположен у самой границы с Россией и активно позиционируется норвежцами как «ворота в Арктику», фактически начальная точка для транзитного плавания по Севморпути. Город намерен не только замкнуть на себя часть транзитных грузов, которые будут поступать из КНР по железной дороге («перехватив» их у Мурманска), но и самостоятельно выходить на китайский рынок. Наибольшую активность проявляет влиятельный городской мультимиллионер Феликс Чуди. Его промышленно-судоходная «Чуди Групп» (Tchudi Group) в 2009 г. выкупила заброшенную шахту «Сюд-Варангер» близ Киркенеса и возобновила добычу на ней железной руды, запасы которой составляют почти 200 млн т, с ориентацией на рынок КНР. Первым иностранным коммерческим рейсом по трассе Севморпути стал переход в Китай в 2010 г. сухогруза с 40 тыс. т руды с этого рудника, организованный «Чуди» (Tchudi) с помощью Росатомфлота⁶⁸.

Следует подчеркнуть, что Ф. Чуди тесно взаимодействовал со своим старым другом Йонасом Гаром Стёре — наиболее перспективным политиком правящей Норвежской рабочей партии, которого многие наблюдатели прочат в будущие премьеры. До осени 2012 г. Й. Гар Стёре был министром иностранных дел Норвегии, главным идеологом и исполнителем правительственной стратегии в Заполярье. По его личному указанию Центр полярной логистики, созданный усилиями Ф. Чуди в Киркенесе, получил от МИД Норвегии грант в 6 млн норв. крон (свыше 1 млн долл.), причем 1 млн крон из них Чуди потратил на экономическое обоснование экспорта руды в Китай⁶⁹.

Отношения двух стран кардинально осложнились после присуждения Нобелевской премии мира за 2010 г. правозащитнику из КНР Лю Сяобо. Китайская сторона сочла это вмешательством в свои внутренние дела и устами своего посла потребовала от правительства Норвегии извинений⁷⁰. Объяснения, что Норвежский нобелевский комитет — негосударственная ор-

ганизация, успеха не имели: китайцы ссылались на то, что членов комитета назначает стортинг.

Реакция китайской стороны, судя по всему, ошеломила Осло. Решения Норвежского нобелевского комитета нередко бывают неочевидными и вызывают международную полемику. Не раз премия присуждалась и лицам, преследуемым в своих странах за политические убеждения (например, А.Д. Сахарову и Л. Валенсе). Однако, насколько известно, в случае с Лю Сяобо гнев впервые оказался обращен непосредственно на Норвегию как государство. Поэтому для норвежцев пойти на поводу у КНР означало бы создать весьма опасный прецедент.

В изложении СМИ последующие события выглядели достаточно драматично: КНР ввела против Норвегии политический бойкот и торговые санкции, а та, в свою очередь, устами главы МИД угрожала в качестве ответной меры блокировать заявку Китая на статус постоянного наблюдателя в АС⁷¹.

Однако картина событий более нюансирована. Китай действительно свернул политический диалог с Норвегией, но не отозвал своего посла из Осло. Более того, в апреле 2012 г. на этот пост был направлен опытный дипломат Чжао Цзюнь, ранее служивший послом в Израиле. В норвежских госучреждениях посла не принимали, но он продолжал активные контакты с бизнесменами, особенно на Севере.

Связи китайских и норвежских ученых-полярников не пострадали. Так, в конце января 2013 г. в Тромсё прошел 3-дневный семинар о перспективах их дальнейшего расширения⁷².

Для торговых отношений эффект оказался избирательным. Часть контактов нормально продолжалась, часть была свернута. Норвегия стала единственной страной Западной Европы, которой Китай в конце 2012 г. не либерализовал визовый режим. В целом, однако, из крупных позиций норвежского экспорта в КНР после 2009 г. сократились только поставки продукции специализированного машиностроения (включая шельфовое оборудование). По остальным — рыба и морепродукты, химическая продукция, пластмассовое сырье, научная аппаратура — экспорт был стабильным либо активно рос. Тем не менее, проблемы делового сотрудничества с Китаем стали предметом и депутатских

запросов, и закрытого совещания с бизнесменами в Министерстве экономики Норвегии. Политическое руководство открыто признавало, что проблема оказалась масштабнее и сложнее, чем ожидалось⁷³.

Сам Й. Гар Стёре, вопреки публикациям в СМИ, все это время продолжал поддерживать заявку КНР в Арктический совет⁷⁴. Скорее всего, с норвежской стороны имел место дипломатический маневр, сочетание примирительных официальных высказываний и попыток неформального давления на Китай через прессу. При этом обе стороны, не будучи заинтересованными в конфликте, пытались его сгладить, «не потеряв лица».

В конце января 2013 г. уже новый министр иностранных дел Э. Барт Эйде четко выступил в поддержку китайской заявки, добавив, что, если пустить в АС побольше наблюдателей, «то они окажутся в нашем клубе, и опасность, что они создадут “собственный клуб”, снизится»⁷⁵. Выступая 12 февраля 2013 г. в Стортинге с отчетом по внешней политике, министр заявил, что нормализация отношений отвечала бы интересам обеих сторон. Он сообщил, что в ноябре 2012 г. в рамках форума «Азия—Европа» норвежский премьер-министр Й. Столтенберг имел на этот предмет краткую встречу с Вэнь Цзябао, и выразил надежду на урегулирование инцидента⁷⁶.

В сентябре 2013 г. в Норвегии состоятся парламентские выборы. Многие эксперты полагают, что к власти придет правоцентристская коалиция. Судя по заявлениям норвежских консерваторов, они намерены отдавать не меньший приоритет Заполярию, но жестче критиковать положение с правами человека в КНР. Однако в любом случае доминирующие линии в норвежской политике, особенно внешней, сохраняются независимо от партийного состава правительства.

Выводы

Менее чем за 10-летие КНР превратилась в зримого арктического «игрока» и наладила интенсивные связи со Скандинавией. Для всех 5 стран Северной Европы Китай стал важным

политическим и торговым партнером, желанным инвестором и, в свою очередь, заручился их поддержкой в вопросе о статусе постоянного наблюдателя в Арктическом совете (где они составляют большинство членов). Как показал инцидент с Лю Сяобо, в добрых отношениях объективно заинтересована даже благополучная Норвегия, которая не без скепсиса воспринимает активизацию КНР на Севере.

Таким образом, Китай исподволь, но энергично проникает в регион, который десятилетиями входил в зону безраздельного политического влияния США. Китайцы подчеркивают мирный характер своих интересов, делая акцент на экономические, научные и культурные аспекты процесса, но очевидно, что США и НАТО не могут не рассматривать его через призму глобального «сдерживания Китая». Проблема обретет особую актуальность в случае, если Гренландия, обеспечив себе экономический подъем с помощью китайских инвестиций, возьмет курс на полное государственное самоопределение.

С точки зрения самих скандинавских стран, это открывает для них некие новые возможности. Северяне хорошо научились извлекать выгоду из противостояния сверхдержав в годы «холодной войны», а после ее окончания не без сожаления отмечали снижение своей стратегической ценности для США и НАТО. Перспектива, что в «оставшейся без присмотра» Северной Атлантике, в глубоком тылу НАТО, может постепенно обосноваться новая великая держава, существенно меняет обстановку. Возникает основа для политической «игры», которая, при всех отличиях, может оказаться чем-то аналогичной происходящему в Центральной Азии.

США и их крупные западноевропейские союзники, действуя в условиях объективной ограниченности собственного финансового потенциала (КНР и для них де-факто выступает важным гарантом экономического выживания), очевидно, будут делать особый упор на неэкономические аргументы. Прежде всего, призывать к «атлантической солидарности», еще более переводя вопрос в политическую плоскость.

Это заставит скандинавов в среднесрочной перспективе делать достаточно жесткий и болезненный политический выбор.

«Китайский фактор», наслаиваясь на внутривнутриполитическую борьбу, уже сейчас расшатывает правящие круги этих стран, а для Дании грозит и территориальным расколом. Ситуация дополнительно осложняется тем, что, как признают сами скандинавы, мышление китайцев существенно отличается от их собственного и зачастую не вполне для них понятно.

Для нашей страны наращивание китайских инвестиций на скандинавском Севере может привести к довольно неожиданной ситуации, при которой «на обоих концах» Севморпути оказались бы представлены интересы Китая. Вдохновленные успешным плаванием «Снежного дракона», китайцы обещают провести свой первый коммерческий рейс по этой трассе уже в 2013 г.⁷⁷ (По состоянию на 25 апреля 2013 г., на сайте Администрации Севморпути китайские заявки не числятся.)

С узких позиций России как транзитного государства это было бы положительным фактором, обеспечивающим стабильную грузовую базу для сквозных перевозок по трассе Севморпути. В то же время в более широком аспекте вполне очевидно, что КНР при этом станет активным участником практического хозяйственного освоения Арктики. И, в конечном итоге, будет добиваться большей роли в региональных многосторонних институтах и уважения своих экономических интересов, прежде всего по транзиту через Севморпуть. Это, в свою очередь, потребует от России четко определить и позиции по спорным международно-правовым вопросам, и собственное место на еще одной площадке глобального американо-китайского противостояния. В связи с этим процесс развития отношений КНР с Севером Европы заслуживает, а наш взгляд, пристального прикладного анализа.

Примечания

¹ The Ilulissat Declaration. URL: http://www.oceanlaw.org/downloads/arctic/Ilulissat_Declaration.pdf.

² Overn K. Kina forsker og smigrer seg til innflytelse i Arktis // Aftenposten. 28.12.2012.

³ Aker Arctic to Design the First Chinese Polar Research Icebreaker. URL: [http://www.akerarctic.fi/Chinese %20Polar.pdf](http://www.akerarctic.fi/Chinese%20Polar.pdf).

⁴ Internasjonalt forskningssamarbeid. URL: <http://www.npolar.no/no/forskning/internasjonalt-samarbeid>; Conley H. et al. A New Security Architecture for the Arctic. An American Perspective. A Report of the CSIS Europe Program. Wash., 2012. P. 40.

⁵ Norwegian Programme for Research Cooperation with China (CHINOR). URL: http://www.forskningssradet.no/prognostikk-chinor/Programme_description/1253952407084.

⁶ Pu Jun. Greenland Lures China's Miners with Cold Gold. URL: <http://english.caixin.com/2011-12-07/100335609.html>.

⁷ Nordstrand L. Kineserne kommer for full fart // Stavanger Aftenblad. 12.09.2012.

⁸ Fekete J. Government approves CNOOC-Nexen and Petronas-Progress takeover bids. URL: <http://www.canada.com/news/national/Government+approves+CNOOC+Nexen+Petronas+Progress+takeover+bids/7668195/story.html>; The Harper Doctrine // Oil&Gas Journal. 24.12.2012. P. 13; Nexen-CNOOC deal receives US approval // Oil&Gas Journal. 18.02.2013. P. 7.

⁹ Project «Barents Link Forum». URL: <http://www.barentslink.com/eng/index.php>.

¹⁰ Xuelong taking the future central Arctic shipping route. URL: <http://www.chinare5.com/news/31-xuelong-taking-the-future-central-arctic-shipping-route>; Chinese icebreaker concludes Arctic voyage. URL: <http://barentsobserver.com/en/arctic/chinese-icebreaker-concludes-arctic-voyage-27-09>.

¹¹ Китайская научная арктическая экспедиция завершила визит в Исландию. URL: <http://www.cntv.ru/2012/08/22/ART11345598596464992.shtml#>.

¹² Балакин В.И. Стратегия Китая в Арктике и Антарктике // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XVII. М.: ИДВ РАН, 2012. С. 233.

¹³ Bergman Rosamond A. Perspectives on Security in the Arctic Area // DIIS Report 2011:09. Copenhagen, 2011. 78 pp.

¹⁴ Asian Countries' Interest in the Arctic: What Will It Mean for Norway? URL: <http://www.fni.no/news/120706.html>; Barth Eide E. The Arctic — the New Crossroads between Asia and the West. URL: http://www.regjeringen.no/nb/dep/ud/aktuelt/taler_artikler/eide_taler/2012/arktis_asia.html?id=707621.

¹⁵ Jakobson L. China Prepares for an Ice-Free Arctic // SIPRI Insights on Peace and Security. No. 2010/2. Stockholm, 2010. 16 pp.

¹⁶ Jakobson L., Jingchao Peng. China's Arctic Aspirations // SIPRI Policy Paper No. 34. Stockholm, 2012. 24 pp.

¹⁷ Barth Eide E. Innlegg under interpellasjonsdebatt om Arktisk råd. Stortinget, 17. januar 2013 URL: http://www.regjeringen.no/nb/dep/ud/aktuelt/taler_artikler/eide_taler/2013/eide_arktiskraad.html?id=712316.

¹⁸ В отличие от большинства стран, в Норвегии существует единственная разведслужба (в составе вооруженных сил), выполняющая функции и военной, и политической разведки.

¹⁹ Barth Eide E. Etterretning som bidrag til norsk utenrikspolitikk. URL: http://www.regjeringen.no/nb/dep/ud/aktuelt/taler_artikler/eide_taler/2012/etjeneste_jubileum.html?id=708659.

²⁰ Fokus 2012. Etterretningstjenestens vurdering. Oslo, 2012. S. 16; Efterretningsmæssig Risikovurdering 2012. En aktuel vurdering af forhold i udlandet af betydning for Danmarks sikkerhed. København, 2012. S. 12.

²¹ Jaklin A. Kommende supermakter ser mot nord: Som Kina, så India // Nordlys. 18.01.2013; Ulfstein K. Interesser og mulige konflikter i Arktis. URL: http://www.forskningssradet.no/no/Nyheter/Interesser_og_mulige_konflikter_i_Arktis/1253981861619.

²² Например, директор вашингтонского Арктического института М. Хамперт и его немецкий соавтор А. Распотник заявили на конференции «Арктические рубежи» в Норвегии в январе 2013 г., что Китай прежде всего преследует в Арктике геополитические интересы. См.: Humpert M., Raspotnik A. From 'Great Wall' to 'Great White North': Explaining China's politics in the Arctic. URL: http://www.arcticfrontiers.com/index.php?option=com_docman&task=cat_view&gid=312&Itemid=306&lang=en.

²³ Jakobson L., Jingchao Peng. Op. cit. P. 22.

²⁴ Efterretningsmæssig Risikovurdering 2012... S. 12.

²⁵ Staalesen A. China strengthens Arctic cooperation with Iceland. URL: <http://barentsobserver.com/en/arctic/china-strengthens-arctic-cooperation-iceland>.

²⁶ Overn K. Op. cit.

²⁷ Вэнь Цзябао встретился с президентом Исландии. URL: <http://russian.people.com.cn/31520/7794643.html>.

²⁸ Agreements and declarations signed following a meeting between Prime Minister Jóhanna Sigurðardóttir and Premier Wen Jiabao in Reykjavik today. Press release from Prime Minister's Office, 20.4.2012. URL: <http://eng.forsaetisraduneyti.is/news-and-articles/nr/7144>.

²⁹ Skýrsla Össurar Skarphéðinssonar utanríkisráðherra um utanríkis-og alþjóðamál. (Lögð fyrir Alþingi á 139. löggjafarþingi 2010–2011). Reykjavík, 2011. S. 11.

³⁰ China, Iceland agree to expand ties. URL: <http://english.people.com.cn/90001/90776/90883/7020584.html>; Icelandic and Chinese leaders hail 40 years of diplomatic relations. URL: <http://www.mfa.is/news-and-publications/nr/6832>.

³¹ A Parliamentary Resolution on Iceland's Arctic Policy (Approved by Althingi at the 139th legislative session March 28 2011). URL: <http://www.mfa.is/media/nordurlandaskrifstofa/A-Parliamentary-Resolution-on-ICE-Arctic-Policy-approved-by-Althingi.pdf>.

³² Knight S. Ólafur Ragnar Grímsson Finds The Arctic Circle. URL: <http://www.grapevine.is/Features/ReadArticle/Olafur-Ragnar-Grimson-Finds-The-Arctic-Circle>.

³³ Ford P. Iceland blocks Chinese businessman from buying land // Christian Science Monitor. 28.11.2011; Iceland says no to Chinese tycoon's land purchase: ministry. URL: http://www.spacedaily.com/reports/Iceland_says_no_to_Chinese_tycoons_land_purchase_ministry_999.html; Iceland rejection of land purchase criticized. URL: http://www.china.org.cn/business/2011-11/27/content_24016467.htm.

³⁴ Huang Nubo þarf að sækja aftur um. URL: <http://www.ruv.is/frett/huang-nubo-tharf-ad-saekja-aftur-um>; Chinese investor must re-apply for Iceland resort project. URL: <http://www.icenews.is/2012/12/07/chinese-investor-must-re-apply-for-iceland-resort-project/>.

³⁵ Islands president skjeller ut Sverige og Danmark // Dagbladet. 12.11.2008; Кондрашов А. Нужны ли России военные базы за границей? URL: <http://svpressa.ru/all/article/1189>.

³⁶ Европейское турне Вэнь Цзябао: весомые экономические аргументы Китая. URL: <http://www.rondon.org/polit-120514092207>.

³⁷ Finland's Strategy for the Arctic Region // Prime Minister's Office Publications. No. 8/2010. Helsinki, 2010. 94 pp.; Finland's China Action Plan // Publications of the Ministry of Foreign Affairs. No. 6/2010. [Helsinki, 2010]. 21 p.

³⁸ Finland updates its Arctic strategy. URL: http://www.energy-enviro.fi/index.php?PAGE=3&NODE_ID=5&LANG=1&ID=4442.

³⁹ Lov om Grønlands Selvstyre // Lovtidend A. 13.07.2009.

⁴⁰ Great Expectations Fill Greenland as China Eyes Riches. URL: http://www.ocnus.net/artman2/publish/Business_1/Great-Expectations-Fill-Greenland-as-China-Eyes-Riches.shtml.

⁴¹ Danmark fortsætter Kina-flirt. URL: <http://sermitsiaq.ag/node/142679>.

⁴² Denmark, Greenland and the Faroe Islands: Kingdom of Denmark Strategy for the Arctic 2011–2020. Copenhagen, 2011. P. 49.

⁴³ China's interest in Greenland. URL: <http://www.arcticpeoples.org/news/item/487-chinas-interest-in-greenland>.

⁴⁴ Chinese investors choose Denmark. URL: <http://www.investindk.com/News-and-events/News/2012/Chinese-investors-choose-Denmark>; China, Denmark high-tech cooperation promising. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2012-10/17/content_15824121_2.htm.

⁴⁵ *Trier Mogensen L.* Grønlanderne afpresses i stor skala. // Politiken. 01.02.2013; *Nyvold M.* Another Greece? // Greenland Oil & Minerals. 2012. № 4. P. 20.

⁴⁶ *Degeorges D.* Denmark, Greenland and the Arctic. Challenges and opportunities of becoming the meeting place of global powers. Copenhagen, 2013. P. 10; Vellykket Kina-besøg. URL: <http://sermitsiaq.ag/node/111738>; *Duran Duus S.* Ove Karl igen til Kina. URL: <http://sermitsiaq.ag/node/139618>; Besøg fra Kina. URL: http://dk.nanoq.gl/emner/landsstyre/departementer/landsstyreformandens%20departement/nyhedsforside/nyheder_fra_dep_formand/2012/04/besoeg_fra_kina.aspx.

⁴⁷ Turen til Kina 21.01.2012. URL: http://dk.nanoq.gl/emner/nyheder/podcasts/apnn_21_01_2012.aspx.

⁴⁸ *Højgaard Sørensen B., Hyltoft V.* Den første kineser i Grønland. URL: <http://www.business.dk/green/den-foerste-kineser-i-groenland>; Kinas statsbank går efter Isua. URL: <http://sermitsiaq.ag/node/139671>; Greenland. URL: <http://www.londonmining.co.uk/greenland.aspx>.

⁴⁹ *Schultz-Lorentzen C.* Billions poured into Isukasia iron mine // Greenland Oil & Minerals. 2012. № 3. Pp. 34–35.

⁵⁰ Атомходы провели по СМП более 1 млн т транзитных грузов. URL: <http://www.rosatomflot.ru/index.php?menuid=49&date=2012-10-0&newsid=480>; Развитие Севморпути невозможно без модернизации всей его инфраструктуры. URL: <http://severnash.ru/economics/sevmorput/6389-razvitie-sevmorputi-nevozm-ozhno-bez-moderni-zacii-vsey-ego-infrast-ruktury.html>.

⁵¹ *Højgaard Sørensen B., Hyltoft V.* Op. cit.

⁵² *Bach Madsen M.* Rare earths trigger trade wars // Greenland Oil & Minerals. 2012. № 3. P. 4–5.

⁵³ Greenland rare earths: No special favours for EU. URL: <http://www.bbc.co.uk/news/world-europe-21025658>.

⁵⁴ *Wang N.* Råstoffer, rigdom og realpolitik // Politiken. 12.06.2012; *Kristofersen I.* Sosial dumping inn i Arktis // Nordlys, 21.01.2013; *Trier Morgensen L.* Ny kold krig brudt ut om Grønland // Politiken. 15.12.2012; *Ellemann-Jensen U.* Danmarks og Grønlands fælles ansvar // Berlingske tidende. 14.02.2013; *Degeorges D.* The Role of Greenland in the Arctic // Laboratoire de l'IRSEM. [Paris]. 2012. P. 49–51.

⁵⁵ Greenland's resources a target // Greenland Oil & Minerals. 2012. № 5. P. 13.

⁵⁶ Kleist: Undergrund kan frigøre Grønland fra bloktilskud. // Politiken. 14.01.2013. Frygter ikke kinesisk invasion af Grønland. URL: <http://sermitsiaq.ag/node/146995>.

⁵⁷ Greenland looks to Denmark for mineral investment. URL: <http://www.icenews.is/2012/11/29/greenland-looks-to-denmark-for-mineral-investment>.

⁵⁸ *Duran Duus S.* Grønland er lukket land i Kina. URL: <http://sermitsiaq.ag/node/135305>; Grønland kræver plads ved bordet i Kina. URL: <http://jyllands-posten.dk/politik/article4831144.ece>.

⁵⁹ *Li Ruiyu.* Det dansk-kinesiske forhold bør styrkes. // Berlingske tidende. 09.02.2013.

⁶⁰ Siumut-partiet vil forlade rigsfællesskabet. URL: <http://www.b.dk/politiko/siumut-partiet-vil-forlade-rigsfaellesskabet>; Grønlandsk (u)afhængighed. URL: <http://www.b.dk/berlingske-mener/groenlandskuaafhængighed-0>.

⁶¹ Grønlanderne står ved et skæbnsvangert valg // Politiken. 03.02.2013.

⁶² *Blem Larsen J.* Thorning accepterer Grønlands uran-udvinding. URL: <http://www.b.dk/politiko/thorning-accepterer-groenlands-uran-udvinding>; *Duran Duus S.* Nyt grønlandsk-dansk råstofsamarbejde. URL: <http://sermitsiaq.ag/node/152544>; *Thorsen R.* International presse kredsede om uran. URL: <http://sermitsiaq.ag/node/152301>.

⁶³ Auke i sysselsetjinga. URL: <http://www.ssb.no/emner/06/01/akumnd>.

⁶⁴ Meld. St. 7 (2011–2012). Nordområdene. Visjon og virkemidler. Oslo, 2011. S. 31–32.

⁶⁵ *Overn K.* Op. cit.

⁶⁶ Norway shadowed the Snow Dragon. URL: <http://barentsobserver.com/en/arctic/norway-shadowed-snow-dragon-10-09>.

⁶⁷ Regjeringens Kina-strategi. Oslo, 2007. 19 pp.

⁶⁸ Historic sea route opens through the Arctic to China. URL: http://www.tschudiartctic.com/page/208/Northern_Sea_Route_Project_2010.

⁶⁹ *Sørenes K.M., Kristiansen B.S., Aurdal M.* Dette er en god mann. Det må dere få med // Dagbladet. 20.03.2012.

⁷⁰ *Morison O.* China wants Norway to say sorry. URL: <http://barentsobserver.com/en/norway/china-wants-norway-say-sorry>.

⁷¹ *Денисов И., Гарибов К.* Норвегия встала на пути Китая в Арктику. URL: <http://rus.ruvr.ru/2012/01/30/64943406.html>; *Rønneberg K.* Norge vil stenge Kina ute fra Arktisk Råd // Aftenposten. 24.01.2012.

⁷² Norway-China Research Collaboration In Sea Ice, Snow, and Climate. URL: <http://climate-cryosphere.org/index.php/meetings/norway-china-2013>.

⁷³ *Gahr Støre J.* Svar på spørsmål om norske næringslivsaktører i Kina. URL: http://www.regjeringen.no/nb/dep/ud/aktuelt/svar_stortinget/sporretime/2012/svar_kina.html?id=681863.

⁷⁴ *Tunsjø Ø.* Storm i et vannglass // Aftenposten. 28.01.2013.

⁷⁵ *Alexandersen R.S.* Avklarte grenser den viktigste oppgaven // Nordlys. 22.01.2013.

⁷⁶ *Barth Eide E.* Utenrikspolitisk redegjørelse. Stortinget, 12. februar 2013. URL: http://www.regjeringen.no/nb/dep/ud/aktuelt/taler_artikler/eide_taler/2013/redegjorelse1302.html?id=714380.

⁷⁷ China plans first commercial trip through Arctic shortcut in 2013. URL: http://www.reuters.com/article/2013/03/12/shipping-chinaidUSL6N0C4F9720130312?goback=%2Egde_2822649_member_222402753

*А.Г. Ларин**

МИРОВАЯ КИТАЙСКАЯ ДИАСПОРА И НОВАЯ МИГРАЦИОННАЯ КОНЦЕПЦИЯ РОССИИ

Аннотация. В статье отмечается, что китайские мигранты благодаря своим личным качествам и эффективной организации отношений внутри общин сыграли выдающуюся роль в экономическом развитии стран ЮВА, а в США и некоторых других развитых странах этнические китайцы заняли видное место в экономике и в научно-технической сфере. Однако в России использование созидательного потенциала китайских мигрантов лимитируется плохим инвестиционным климатом, непривлекательными условиями для проживания квалифицированных специалистов, а также атмосферой мигрантофобии, подогреваемой боязнью китайской демографической экспансии. Вместе с тем в РФ пока нет условий для безболезненной интеграции массовых потоков мигрантов. Автор приходит к выводу, что в перспективе китайцы могут шире привлекаться в Россию в качестве гастарбайтеров, но не в качестве постоянных жителей.

Ключевые слова: мировая китайская диаспора, экономическая деятельность зарубежных китайцев, китайцы в России.

Угрожающий самому существованию России процесс ее депопуляции вызвал к жизни новую Концепцию государственной миграционной политики¹, утвержденную прези-

* Ларин Александр Георгиевич — к.филол.н., в.н.с. Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений ИДВ РАН.

дентом В.В. Путиным в июне 2012 г. В числе основных целей этой политики названы «стабилизация и увеличение численности постоянного населения Российской Федерации», а также «содействие обеспечению потребности экономики Российской Федерации в рабочей силе, модернизации, инновационном развитии и повышении конкурентоспособности ее отраслей» (п. 21, б, в). В предлагаемой статье мы хотим рассмотреть вопрос о том, в какой мере и в каких формах такая политика может быть распространена на китайских мигрантов в нашей стране, иными словами, могут ли они послужить резервом для ее экономического и демографического развития.

Доля приезжих из Китая в общем миграционном притоке в Россию не так уж мала (наивысшая в 2004 г. — 20,4 %, самая низкая в 2010 г. — 11,4 %, если считать по количеству зарегистрированных в ФМС трудовых мигрантов²) и примерно равна доле гастарбайтеров с Украины. Хотя едва ли не все китайские мигранты находятся в России на временной основе, их сообщество уже приобрело определенные черты, присущие полноценной диаспоре, т. е. национальному меньшинству, постоянно проживающему вне своей этнической родины. Достаточно большое «ядро» сообщества — группа мигрантов, подолгу (5 лет и более) живущих в России; сеть земляческих и других организаций и китаеязычных СМИ — все это обеспечивает передачу опыта новичкам, способствует сплочению общины, помогает лучше адаптироваться к окружающей среде. При этом численность общины со временем увеличивается. Можно сказать, что в России постепенно складывается китайская диаспора, и именно так в обиходе все чаще называют сообщество китайских мигрантов.

При всем том роль китайской общины в экономике России хотя и заметна, но невелика и ограничена несколькими узкими секторами. Между тем в целом ряде стран вклад китайских диаспор в экономическое развитие намного превосходит их удельный вес в численности населения. Китайский труд с успехом применяется в таких сферах экономики, в которые Россия без особого результата стремится привлечь зарубежные кадры. Поэтому предварительно мы хотим произвести краткий анализ хо-

зяйственной деятельности мировой китайской диаспоры, с тем чтобы получить материал для сравнения, из которого мы могли бы черпать если не опыт для прямого заимствования, то хотя бы примеры, на которые можно равняться.

Хозяйственная деятельность мировой китайской диаспоры

Китайская диаспора является крупнейшей в мире (по последним оценкам экспертов КНР, около 50 млн человек³), ее представители проживают едва ли не во всех странах мира, она считается «четвертой экономикой мира» после США, КНР и Японии. Суммарный капитал диаспоры в начале XXI в. оценивался в 1500 млрд долл. С годами он возрастает: список транснациональных компаний высшего уровня, принадлежащих эмигрантам — этническим китайцам, в 2008 г. составил 111 % по сравнению с 2001 г.⁴

Различным сторонам жизни китайской эмиграции посвящен буквально океан литературы, однако ее хозяйственная активность исследована крайне слабо, что объясняется как скрытой природой многих экономических процессов, так и деликатным характером самой темы, препятствующим проведению разного рода опросов и сбору статистических данных. С другой стороны, охватить сколько-нибудь полно массив опубликованных материалов, чтобы извлечь оттуда зерна полезной информации, не представляется возможным. Поэтому мы ограничились наше исследование наиболее важными и характерными местами сосредоточения китайских эмигрантов: группой стран Юго-Восточной Азии и США, слегка затронув также Европу и Австралию.

Диаспора в странах ЮВА

Наибольшая часть диаспоры — свыше 70 % — приходится на страны АСЕАН, и именно в этих странах воздействие китайского меньшинства на национальную экономику особенно значительно. Об этом свидетельствует приведенная ниже таблица⁵.

Отдельные отрасли экономики тех или иных стран АСЕАН почти полностью находятся в руках китайской диаспоры. Так, в

Таблица

Страна	Доля в численности населения, %	Доля в экономике, %
Таиланд	3	60
Индонезия	4	70
Филиппины	3	70
Малайзия	30	50
Сингапур	75	90

Таиланде на ее долю приходится 90 % инвестиций в сфере торговли и столько же в промышленности.

Основные сферы деятельности китайского меньшинства — это разные виды торговли, от мелкой розничной до операций с недвижимостью, гостиничный бизнес, финансы и банковское дело. Разнообразные отрасли промышленности: металлургическая, химическая, легкая и пищевая, производство электронного и телекоммуникационного оборудования, фармацевтика. А также строительство, агробизнес с высокой добавленной стоимостью, труд в добывающей промышленности. Наряду с мелкими и средними фирмами китайский бизнес представлен крупными финансово-промышленными группами, которые могут быть не только чисто китайскими, но и совместными с представителями местного этнического бизнеса, что характерно, в частности, для Индонезии.

Исторически деятельность китайского меньшинства протекала в крайне непростых условиях, самой неблагоприятной особенностью которых были трения в отношениях с коренным населением, временами доходившие до острых конфликтов. В основе межэтнической напряженности лежал экономический фактор — конкуренция в сфере предпринимательства и наемного труда, которую создавали китайские иммигранты местному населению, а также недовольство местных жителей тем, что иммигранты вывозили на этническую родину свои сбережения. Такая ситуация зачастую толкала власти на принятие в отношении китайцев дис-

криминационных мер, а это, в свою очередь, вынуждало китайский бизнес в поисках защиты идти на сотрудничество с местной бюрократией, результатом чего было формирование системы клиентских отношений, «кумовского» (*crony*) капитализма и всеохватывающих коррупционных связей. Характерным примером здесь может служить, опять-таки, Индонезия.

Сверх того, до обретения странами АСЕАН независимости китайцы подвергались колониальной эксплуатации, а после крушения колониальной системы жесткие меры против них вызывались также представлением о них как о проводниках политики коммунистического Китая. Политические деятели в ЮВА нередко использовали межэтническую рознь как инструмент борьбы за власть, превращая китайское меньшинство в «козла отпущения».

Вместе с тем в истории стран АСЕАН имели место и толерантные межэтнические отношения, и поощрительные шаги со стороны властей (особенно в Таиланде, Сингапуре).

Несмотря на столь сложные исторические условия, китайская диаспора еще в доколониальный период органически вписалась в хозяйственную жизнь стран АСЕАН, и в дальнейшем на всех этапах китайский капитал, труд, предпринимательский опыт сделались важнейшей составной частью их экономик.

Специалисты Запада, Китая и самих стран ЮВА приложили немало сил для изучения причин столь впечатляющих экономических достижений китайской диаспоры⁶. В основном выделяемые ими факторы сводятся к следующему:

- личностные качества китайцев: трудолюбие, мудрость, бережливость, способность быстро обучаться, предпринимательские способности;
- семейная форма ведения бизнеса;
- наличие сети неформальных связей, позволяющих членам диаспоры оперативно снабжать друг друга неофициальной деловой информацией, заключать сделки и строить бизнес на доверии в обход громоздких и не всегда надежных формальных процедур. Семейные, клановые, земляческие связи, переплетенные с деловыми отношениями, сплачивают китайские общины и облегчают им выход на внутренние и международные рынки. (В то

же время представления о мировой «бамбуковой сети», которая функционирует как единый организм — «глобальная империя китайцев» — следует считать преувеличенными.);

- осознание принадлежности к великой конфуцианской культуре, которое придает китайцам ощущение единства, чувство гордости за свою нацию и уверенность в себе, а также подкрепляет идеологически семейную форму бизнеса и иерархические отношения в сообществе.

Однако в оценке значимости названных факторов в экспертной среде царит разноречие.

Так, некоторые специалисты не видят в китайском бизнесе ничего «отчетливо конфуцианского» и полагают, что все решают законы рынка. Другие считают, что семейная организация предпринимательства, при которой глава семьи единолично принимает решения, изжила себя, и для диаспоры настала пора перейти к современному менеджменту. Отдельные ученые включают названные выше факторы в некое единое качество — «китайский дух», или «китайскость», секрет особой успешности его обладателей. Однако, по мнению их оппонентов, «китайскость» дает конкурентные преимущества лишь в условиях несовершенного рынка, в переходной стадии развития поднимающихся экономик ЮВА, а по мере их модернизации ее эффект будет сходиться на нет⁷.

Последние два с половиной десятилетия на жизнь китайской диаспоры стал оказывать огромное влияние Китай, чей переход к политике реформ и открытости и впечатляющий подъем резко изменили облик диаспоры, придали новый импульс ее деятельности, упрочили ее положение в принимающих обществах. Возникла новая волна эмиграции из Китая, вследствие чего скачкообразно увеличилась численность диаспоры. С конца 1970-х годов страну покинули, по подсчетам ученых КНР, более 10 млн человек, большинство которых (7 млн) направилось в развитые страны, а приблизительно 3 млн — в развивающиеся, главным образом в ЮВА⁸. Новые мигранты существенно отличаются от китайцев-«старожилов» в развивающихся странах:

- они хорошо образованы, значительная часть их окончила средние школы или университеты у себя на родине, немало мо-

лодых людей обучалось за границей и после учебы осело там с семьями;

- они эмигрировали не ради заработка на пропитание, а в поисках более высокого качества жизни;

- они мобильны и легко перемещаются по миру, в том числе из развивающихся стран в развитые.

Новые мигранты в странах ЮВА дополнили собой прежде всего ряды разного рода коммерсантов, предпринимателей из сферы услуг. Среди них имеются также небольшие контингенты инженерно-технических специалистов, наемных рабочих, сельскохозяйственных рабочих, учителей, творческих работников. Особый отряд мигрантов составляют рабочие и служащие китайских компаний, осуществляющих за рубежом по контрактам строительные проекты и завозящих для этого рабочую силу из КНР.

В результате интенсивной интеграции с Китаем в странах АСЕАН появилась масса импортных товаров из КНР, пришли инвестиции, хотя и не столь большие, возникли новые рабочие места, словом, образовалось новое поле хозяйственной деятельности, первыми претендентами на освоение которого стали местные этнические китайцы, включая и новых мигрантов. Радикальным образом изменилась политика правительств АСЕАН в отношении китайского меньшинства, которое получило новые возможности развития: были отменены или смягчены введенные ранее дискриминационные законы; капитал китайской диаспоры стал рассматриваться как важная сила национального строительства; возобновилось запрещенное прежде обучение на китайском языке, особенно востребованном в новых условиях, и т. д.

В историческом плане вклад китайского меньшинства в экономику стран ЮВА оценивается в экспертной среде неоднозначно, некоторые специалисты считают невозможным дать четкий ответ на вопрос: ускорила или замедлила его деятельность экономическое развитие стран его проживания? Все согласны с тем, что экономика стран ЮВА получила несомненные выгоды от присутствия китайского труда, капитала и предпринимательского опыта. Деятельность китайского меньшинства

способствовала росту таких показателей, как ВВП, объем экспорта, средние доходы населения. Благодаря своим международным деловым связям китайцы помогли странам ЮВА интегрироваться в глобальный рынок. Не будучи создателями новых современных технологий, они, тем не менее, стали переносчиками уже обкатанных технологий из развитых государств на местную почву.

Вместе с тем в ряде других аспектов воздействие китайской диаспоры на экономику принимающих стран имело негативный характер:

- исторически сложившееся разделение труда привело к сосредоточению китайского меньшинства в наиболее доходных секторах экономики, тогда как на долю коренного населения остались низкопроизводительные и малодоходные отрасли, такие, как сельское хозяйство и добывающая промышленность. А это послужило одной из причин, в силу которых в странах ЮВА затянулся переход к высокопроизводительной индустриальной экономике;

- обогащение китайской диаспоры в колониальный период происходило в известной мере за счет ее участия в колониальной эксплуатации природных ресурсов и труда местного населения в качестве посредника между колониальными державами и местным рынком;

- не способствовал развитию экономики и перевод накопленных, сделанных китайцами, на их этническую родину. Последние годы утечка капиталов через китайскую диаспору стало особенно значительной: инвестиции зарубежных китайцев в КНР в 2 раза с лишним превосходят инвестиции Китая в страны АСЕАН. (В 2010 г. объем прямых инвестиций зарубежных китайцев — а это в основном капиталовложения из ЮВА — в экономику КНР составил 77 млрд долл.)

Стоит отметить, что в перспективе некоторые политологи считают возможным превращение стран АСЕАН в сырьевой придаток Китая и, как повторение особенностей колониальной эпохи, неравное распределение благ, полученных благодаря экономическому росту, между китайским меньшинством и коренным большинством. С тем, однако, отличием, что в предпо-

лагаемом будущем члены диаспоры будут выполнять компраторские функции не столько для западных компаний, сколько для компаний КНР. Одновременно прогнозируется дальнейшее ослабление дискриминационного отношения к этническим китайцам, увеличение доли некитайских и смешанных предприятий в общем объеме национального бизнеса, более активное участие этнических китайцев в политической жизни⁹.

В других развивающихся странах (за исключением Перу) китайские диаспоры существенно меньше по численности, чем в государствах ЮВА, и не играют столь значительной роли в развитии их национальных экономик. Однако там они также концентрируются главным образом в сфере торговли и услуг и по характеру хозяйственной деятельности во многом сходны с диаспорами в ЮВА.

Диаспора в развитых странах

Иной облик имеют китайские меньшинства в развитых странах. Для них наиболее показательным примером служат США, чья китайская община насчитывает 3,8 млн человек¹⁰ и является крупнейшей среди развитых стран и четвертой по численности в мире (после Таиланда, Индонезии и Малайзии).

Китайская диаспора в США отличается высоким образовательным и материальным уровнем: китайцы являются самыми образованными среди всех этнических меньшинств в США и имеют наивысшие доходы. Они обладают также непропорционально большим количеством дипломов о высшем образовании, ученых степеней и наград за достижения в учебе.

Хотя значительная часть общины занята в мелком и среднем бизнесе в традиционных отраслях экономики, более 50 % ее экономически активной части — это квалифицированные профессионалы, работающие в индустрии высоких технологий, в исследовательских центрах, в системе образования, в медицине, банковской сфере, юриспруденции¹¹. Многие китайцы трудятся в научных кластерах, прежде всего в Силиконовой долине, где они составляют примерно 10 % всех занятых. Они зарекомендовали себя успешными создателями новых компаний (стартапов), особенно в области информационных технологий. Работая в качестве предпринимателей, исследователей, инженерно-техниче-

ского персонала, менеджеров, они вносят существенный вклад и в разработку, и в производство инновационной продукции.

Трудясь в фирмах, экспортирующих в Китай современные технологии, представители китайской диаспоры способствуют развитию американо-китайского экономического и научно-технического сотрудничества. В ряде случаев для этого создаются компании в США с отделениями в материковом Китае или на Тайване.

Среди новых мигрантов особое место занимает молодежь, приезжающая на учебу или (если это — молодые ученые) на стажировку в американские университеты. Большинство иностранных студентов в США (194 тыс., или 25 % в 2011/2012 уч. г.) — приезжие из КНР¹². По окончании учебы часть их оседает в США, пополняя собой ряды «белых воротничков». Доля остающихся со временем сокращается, особенно заметно — в последние кризисные годы, когда она уменьшилась до 40 %. Однако это — наиболее талантливый, элитный контингент. Те же, кто возвращается в Китай, представляют собой кадровый резерв для работы в системе двусторонних деловых, да и политических связей. (Кстати сказать, более 40 % из них обладают некитайским гражданством, или «зеленой картой»¹³.) Поэтому американские образовательные ведомства и бизнес чрезвычайно заинтересованы в «притоке мозгов» из КНР и прилагают серьезные усилия, чтобы привлечь в страну китайских студентов, предоставляя им льготы и оказывая материальную помощь, в том числе через международные организации.

В миграционном потоке из Китая обращает на себя внимание растущая инвестиционная иммиграция, порожденная недовольством состоятельных граждан КНР ухудшением экологической обстановки в стране, коррупцией, ограничениями на количество детей, идеологическим контролем и т. д. Для привлечения инвестиционных мигрантов в США существует специальная программа EB-5, согласно которой иностранцы, вложившие в экономику страны не менее 500 тыс. долл., получают «грин-карту» и право на постоянное проживание. Среди обладателей этой карты, китайцы занимают 1-е место, и их количество неуклонно растет (в 2011 г. — 87 тыс. человек¹⁴). Согласно некоторым опросам,

50—60 % китайцев, владеющих состоянием в 10 млн юаней (1,6 млн долл.), хотели бы уехать из КНР в какую-либо из развитых стран, большинство — в США¹⁵.

Китайская диаспора гармонично интегрирована в американское общество, антикитайские настроения слабы и проявляются лишь на бытовом уровне в виде «стеклянного потолка», нередко препятствующего служебному росту работников китайского происхождения.

В других развитых странах китайские диаспоры значительно меньше, чем в США, но их доля в общей численности населения может быть гораздо выше, например, в Канаде — 4,3 % против 1,2 % в США; при этом в отдельных городах доля китайцев превышает 30—40 % (Большой Ванкувер, Ричмонд)¹⁶. В любом случае состав и положение китайских общин в принимающем обществе в общих чертах сходны с тем, что имеет место в Соединенных Штатах. Для всех развитых стран характерен перманентный рост числа китайских мигрантов, в том числе, как считается, и нелегальных. Быстро увеличивается число мигрантов, обладающих капиталами или высокой квалификацией. В Канаде программа привлечения инвестиционных мигрантов действует настолько успешно, что правительство несколько раз повышало инвестиционный порог, пока он не вырос вдвое — до 0,5 млн долл., а в 2012 г. временно заморозило и ее, и Федеральную программу привлечения квалифицированных работников. В том же году Австралия приняла новую Форму отбора квалифицированных мигрантов, предъявляющую к иммигрантам повышенные требования, касающиеся образования, владения языком и опыта работы в бизнесе¹⁷.

Из особенностей, присущих китайским диаспорам в различных развитых странах, отметим одну, наиболее, нам кажется, примечательную. В Европе китайцы лишь в небольших количествах присутствуют в современных отраслях экономики, что объясняется политикой европейских правительств, ограничиваясь в основном мелким и средним бизнесом в традиционных сферах: торговле, общественном питании, а также производством одежды и обуви. Следует отметить, что экспансия китайских коммерсантов на местные рынки не обходится без сопро-

тивления местного бизнеса, что подчас приводило к конфликтам в Испании и Италии (как и в некоторых развивающихся странах), впрочем, быстро разрешавшимся.

Успехи китайской диаспоры в разных странах, в разнообразных условиях, умение утвердиться в различных сферах деятельности, побеждая в конкурентной борьбе, невозможно объяснить одной лишь дешевизной китайских товаров и труда. Другим решающим фактором здесь является упоминавшийся выше «китайский дух», выработанный в результате долгого исторического опыта.

Экономический потенциал китайских мигрантов в России

О хозяйственной деятельности китайцев в РФ, как и во многих других странах, известно очень мало. Это в царской России собирали и публиковали статистику: сколько имеется в городах Дальнего Востока принадлежащих китайцам предприятий, каковы их профиль, численность персонала, оборот и т. д. В наше время общественность довольствуется скудными и подчас противоречивыми данными Роскомстата, крохами информации других ведомств и зыбким отражением реальности в итогах нечастых опросов.

В экспертном сообществе наиболее достоверной оценкой численности китайской общины считается 200—400 тыс., максимум 500 тыс. человек¹⁸. Достоинство этой оценки состоит в том, что она выведена в результате анализа как сумма оценок количества китайцев в различных городах и регионах страны. На Дальнем Востоке, по данным Ассоциации китайских граждан Владивостока, работает около 200 тыс. граждан КНР¹⁹, и это, кажется, максимальная из опубликованных более или менее реалистичных цифр, предлагаемых специалистами (нереалистичные достигают миллионов). В названные реалистичные числа мы включаем и нелегальных мигрантов, т. е. тех, у кого не в порядке документы (паспорт, виза, разрешение на работу и т. д.).

Количество китайских мигрантов, если судить по разнице между числом их въездов и выездов, до последнего времени по-

немногу возрастало, однако после 2008 г. пошло на спад, что очевидно связано с экономическим кризисом в стране. Суммарный миграционный прирост, понимаемый указанным образом, за 2000—2008 гг. составил 199,1 тыс. человек, а за 2009—2011 гг. он уменьшился до 180,5 тыс. человек²⁰. Аналогичная динамика наблюдается и в отношении китайских граждан, зарегистрированных в ФМС в качестве трудовых мигрантов: их численность достигла пика в 2008 г. (281,7 тыс.), а затем снизилась до 269,9 тыс. в 2009 г. и 186,5 тыс. в 2010 г.²¹

Поток из Китая едва ли не целиком состоит из временных трудовых мигрантов, разновидности гастарбайтеров. Это подтверждается тем, что за 2000—2011 гг. на постоянное место жительства прибыло из КНР всего 4,03 тыс. человек, прирост же мигрантов по данной категории оказался отрицательным: — 9,32 тыс.²² (за 2000—2008 г.; за 2009—2011 гг. данные о выбытии по категории ПМЖ не опубликованы). В 2006 г. из въехавших в РФ 794 509 граждан КНР документы на более или менее длительное проживание имели: вид на жительство — 2440 человек (0,3 %); дополнительно получили его 261 человек (0,03 %); разрешений на временное проживание — еще меньше, чем видов на жительство, — 997 человек (0,12 %); сверх того получил его 301 человек (0,04 %)²³.

Большая часть китайских трудовых мигрантов сконцентрирована в Центральном федеральном округе (в основном в Москве) и в южной части Дальневосточного и Сибирского федеральных округов. В 2008 г. в 10 субъектах Федерации — лидерах по количеству китайских трудовых мигрантов находилось 81,2 % от их общего числа, в том числе в Москве — 25,3 %, в Сибирском ФО — 25,3, в Дальневосточном ФО — 18,0 %²⁴.

На 2009 г. большинство китайцев (33,4 %) работало в сфере торговли (включая небольшое число занятых бытовым ремонтом), за нею почти без отрыва следовало строительство (31,5 %), затем с большим отрывом сельское хозяйство (17,7 %), обрабатывающие производства (6,5 %)²⁵.

Если преобладающая часть китайских мигрантов — это коммерсанты, то, в свою очередь, среди них подавляющее большинство составляют участники так называемой «народной торгов-

ли». Этим термином с не слишком четким значением в Китае именуют «неофициальную» (*фэйгуаньфан*, букв. «не-чиновную») торговлю, массовую, которую ведут не компании, созданные властями того или иного уровня, а индивидуальные предприниматели или «народные организации» (иными словами, частные фирмы). По смыслу данный термин близок к нашему понятию «мелкий и средний бизнес».

С начала 1990-х годов народная торговля Китая с Россией продвинулась далеко вперед. Первоначальный бартерный обмен заменила обычная товарная форма торговли. Тащивших на себе свой товар «челноков» стала заменять сеть посредников, а затем производители сами занялись сбытом своей продукции. Повысилось качество китайских товаров, стал намного более разнообразным их ассортимент: прежде это были одежда, обувь, головные уборы; теперь — едва ли не любые предметы быта, в том числе сложные электронные изделия.

Имеются данные о доле китайских коммерсантов на российских рынках. Согласно результатам обширного мониторинга (объемом в 8639 проверок), проведенного Роспотребнадзором в январе 2007 г., доля иностранцев на рынках страны значительно варьировалась в зависимости от региона. В Москве она составила 53,4 %, в Московской области — 27,12, в Свердловской — 39,1, в Приморье — 37,9 %. В глубинке удельный вес иностранных торговцев на рынках не превышал статистически значимого 5%-ного порога. Граждане КНР заняли среди иностранцев, торгующих на рынках, лидирующее положение: 61 % в среднем по стране, на порядок опередив мигрантов из всех остальных стран; 42 % — на Урале, 83 % — на Дальнем Востоке и 76 % — в Центральном Федеральном округе²⁶. Доля китайцев в общей массе торговцев на московских рынках, по данным московской администрации, в 2007 г. равнялась 23 %²⁷.

Вторая крупная категория китайских трудовых мигрантов в России — это строители, выступающие и в качестве подрядчиков, и застройщиков, и просто наемных рабочих. Значительную часть их составляют рабочие, приезжающие в организованном порядке по контрактам на срок до 3 лет. По китайским данным,

на конец 2007 г. в стране трудились около 31 тыс. контрактных рабочих из КНР²⁸.

Доля китайцев в общем балансе иностранной рабочей силы особенно заметна в Дальневосточном регионе России, страдающем от сокращения населения и нехватки рабочих рук не только вследствие общенационального демографического спада, но и из-за миграции жителей в более благополучные районы страны. Так, в Хабаровском крае на конец 2007 г. численность иностранных рабочих, прибывших почти из 30 стран, составила 25,1 тыс. человек, или 3,4 % от общего числа занятых. А среди иностранных рабочих 1-е место на 2007 г. принадлежало гражданам КНР (37,3 %), за ними вплотную следовали мигранты из стран СНГ (32,3 %)²⁹. В Приморском крае в 2008 г. из 32 575 иностранных рабочих граждан КНР было 16 016 человек, т. е. 49 %³⁰.

Главный ареал деятельности китайских сельскохозяйственных рабочих, как и строителей — Дальний Восток и Восточная Сибирь, но постепенно они добираются и до европейской части России. По китайской статистике, в 2006 г. крестьяне одной только пров. Хэйлунцзян, являющейся главным поставщиком трудовых ресурсов в Россию, обработали на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири более 2,1 млн му (более 130 тыс. га) земли, совершив для этого 35 тыс. человеко-выездов в Россию³¹. Специализация китайских крестьян — это выращивание овощей, бахчевых культур и сои. Часть сои (в 2008 г. свыше 400 тыс. т) экспортируется в Китай³².

Интересное наблюдение сделал красноярский ученый В.Г. Дацышен: в связи с развалом в 1990-е годы высокотехнологичного пригородного сельского хозяйства (выход из строя оросительных систем, рост цен на отопление теплиц и горючее для техники) освободилось пространство для ручного труда китайских крестьян, обходящихся подручными средствами, отапливающих теплицы дровами и т. д.³³

Последние годы структура занятости китайских мигрантов стала меняться: удельный вес торговли в ней сокращается (в 2006 г. она составляла 59 % — сравнить с приведенными выше цифрами за 2009 г.)³⁴, доли же строительства, сельского хозяйства, обрабатывающей промышленности, наоборот, увеличивают-

ся (в 2006 г. они составляли соответственно 17; 7,5 и 2 %)³⁵. Это связано прежде всего с переменами в миграционной политике российского правительства, с 2007 г. взявшего курс на вытеснение иностранных коммерсантов из розничной рыночной торговли. Будучи поначалу малоэффективной, такая политика с течением времени оказала заметное влияние на отраслевое распределение иностранного труда. В этих условиях китайская сторона, стремясь не допустить свертывания товарного потока в Россию, перестраивает характер торговли, развивая ее оптовые формы и иницируя создание крупных торгово-деловых комплексов, таких, как бизнес-центр «Гринвуд» под Москвой.

Можно ли с большей пользой использовать созидательный потенциал китайской диаспоры в России, где подавляющее большинство из составляющих ее 400—500 тыс. человек занято низкоквалифицированным трудом в строительстве, торговле и, в гораздо меньших пропорциях, в лесном и сельском хозяйстве?

Процветанию китайской общины в России и получению наибольшей отдачи от нее препятствуют, во-первых, плохой инвестиционный климат вкупе с нежеланием китайской стороны вкладываться в обработку природных ресурсов (леса, полезных ископаемых), которые ей выгоднее получать в сыром виде. Во-вторых, широко распространенное в нашем обществе, в том числе во властных структурах, недоверчивое отношение к мигрантам, включая и опасения относительно «китайской демографической экспансии» (вернее бы сказать, «эконом-демографической») — опасения сильно преувеличенные, если судить по сегодняшнему состоянию дел, но едва ли поддающиеся устранению. Потому что обусловлены они огромным демографическим потенциалом Китая рядом с пустеющим Дальним Востоком России, могуществом КНР и ее интересом к природным ресурсам Сибири и Дальнего Востока, т. е., фундаментальными геополитическими и геоэкономическими обстоятельствами.

Опасения эти подогреваются демонстрируемой китайскими мигрантами высокой конкурентоспособностью, их умением завоевывать монопольное положение в тех или иных хозяйственных нишах, вытесняя оттуда хозяев. Ситуация на дальневосточных овощных рынках, где российские производители не в

состоянии конкурировать с дешевой китайской продукцией, подтверждает справедливость беспокойства на этот счет.

Боязнь допустить оседание китайцев и получить в их лице опасных конкурентов побуждают нас отвергать инициативы китайской стороны, предусматривающие увеличение числа мигрантов из КНР на российской земле. К таким инициативам относятся:

- требование устранения барьеров для доступа на рынок услуг и свободного допуска в Россию китайской рабочей силы. Оно было выдвинуто китайской стороной в 2002 г. при обсуждении приема России в ВТО, а после отказа российской стороны включено в Хартию ШОС в виде пожелания относительно «свободного передвижения товаров и услуг». Принятие этого предложения могло бы привести к выходу разросшейся китайской общины из-под контроля российских властей, как это было в 1991 г. после нормализации межгосударственных отношений и открытия российско-китайской границы;

- стандартные предложения об инвестициях в строительство в такой-то стране предприятий при условии, что на них будет работать китайский персонал;

- предложения о сдаче в аренду китайским крестьянам на 50 лет пустующей земли, в том числе в центральных районах России.

По составу миграционных потоков извне Россия напоминает европейские страны тем, что принимает большие количества неквалифицированной рабочей силы, но гораздо более значимо ее сходство с развивающимися государствами в том отношении, что она не привлекательна для появившихся в КНР квалифицированных кадров. В современном Китае квалифицированные специалисты имеют лучшие условия, чем в России, а их миграционные устремления направлены на Запад — туда, где они могут обрести более высокое качество жизни и полнее реализовать свой творческий потенциал. Туда же направляется из Китая и студенческий поток, от которого в сторону России ответвляется лишь узкий ручеек — приблизительно 20 тыс. учащихся против 194 тыс. в США в 2011/2012 уч. г. при общем числе 339,7 тыс. выехавших из КНР на учебу³⁶.

Из сказанного выше следует, что китайские временные мигранты могут быть использованы в России более широко, но не в современных секторах экономики, а в строительстве, сельском и лесном хозяйстве, т. е. там, где они трудятся и сейчас; а также в промышленности в качестве фабрично-заводских рабочих, наподобие приглашавшихся в СССР рабочих из Вьетнама. Однако при более или менее значительном расширении масштабов и форм китайского труда может возникнуть необходимость в определенной перестройке работы с мигрантами на основе следующих принципов:

- четкий приоритет трудоустройства местной рабочей силы перед приглашением мигрантов;
- жесткий контроль за работой мигрантов с тем, чтобы не допускать безответственного отношения к природе (применения ядохимикатов при выращивании сельскохозяйственной продукции, браконьерской вырубке леса);
- открытость для общественности всей работы местных властей с мигрантами, прозрачное использование доходов от труда мигрантов на местные нужды в интересах развития социальной сферы и производства;
- интенсивная пропагандистско-воспитательная работа с населением, обсуждение общественностью итогов деятельности властей и самих мигрантов;
- в экспериментальном порядке — такая организация труда, при которой россияне и мигранты трудились бы бок о бок, что наилучшим образом способствует гармонизации межнациональных отношений.

Могут ли китайские мигранты стать демографическим резервом России?

Привлечение мигрантов для пополнения тающего населения России, т. е. на постоянное проживание, — идея заманчивая, ряд ведущих специалистов страны давно уже развивает и пропагандирует ее, однако возможности ее реализации отнюдь не очевидны, и в экспертной среде их оценивают по-разному.

Разумеется, в первую очередь все предложения на этот счет, так же как и разработанная на их основе новая Концепция миграционной политики, по умолчанию ориентированы на мигрантов из стран СНГ, но никто не исключает из рассмотрения и представителей дальнего зарубежья. В любом случае — о каких бы мигрантах извне ни шла речь — успех или неуспех планов пополнения населения за счет внешних резервов определяется глубинными факторами социального, социально-экономического, социально-политического, социально-психологического характера.

Какие именно условия жизни и работы требуются для добровольного оседания массы мигрантов, превращения их в лояльных граждан, полноценных членов принимающего общества (другие граждане нам не нужны)? Есть ли в России в настоящее время такие условия, а если нет — каковы перспективы их создания? Минимальный перечень таких условий мы и рассмотрим ниже — он един для всех мигрантов, из какой бы страны они ни прибывали — а затем выскажем некоторые соображения относительно китайских мигрантов. (Понятно, что постановка принципиально новой задачи — увеличения за счет мигрантов численности постоянного населения — предъявляет к принимающему обществу гораздо более сильные требования, чем решение упомянутой выше более простой задачи — расширения сферы деятельности временных мигрантов, и, поэтому первая группа требований перекрывает вторую.)

Условие 1. Привлечение мигрантов на постоянное жительство должно быть подкреплено солидным материальным (экономическим) обеспечением. В отношении высококвалифицированных работников это очевидно. Возьмем теперь обыкновенных работников, людей массовых профессий, кого мы хотели бы поставить на непопулярные у россиян рабочие места (те места, которые «невозможно заменить российскими работниками» — цитата из Концепции). В настоящее время великое множество таких мест у нас занимают временные трудовые мигранты. Многие из них стремятся остаться в России навсегда. Чтобы увеличить количество постоянных жителей, достаточно удовлетворить их желание, а нежелающих заменить теми, кто хотел бы к нам переселиться.

Однако для постоянных жителей необходимы, по сравнению с гастарбайтерами, лучшие жилищные условия, дополнительная сеть социальных учреждений, пенсии, более высокая зарплата и/или рабочие места для членов семьи. И даже если первое время они согласны мириться с разного рода неудобствами, то с течением времени они чувствуют себя вправе претендовать на жизненные стандарты не ниже, чем у россиян в том же статусе.

То же самое касается и квалифицированных работников, скажем, заводских рабочих. При этом нужно иметь в виду, что ячейки в экономике, высвобождающиеся в результате убыли населения, не переходят автоматически к мигрантам хотя бы потому, что рабочие места частично «схлопываются», жилье уходит к родственникам или продается и т. д.

Между тем уже сейчас малая доступность жилья, нехватка учреждений здравоохранения являются реальностью российской жизни, дефицит рабочих рук сосуществует с дефицитом рабочих мест, ощущаемым едва ли не по всей стране. Серьезного прогресса в решении этих проблем уже давно не наблюдается. (Можно только надеяться, что провозглашенный президентом В.В. Путиным впечатляющий план создания 25 млн новых высококвалифицированных рабочих мест³⁷ не останется красивой мечтой. Тогда, очевидно, найдется место и для массы новых мигрантов.) Нерешенность этих проблем провоцирует развитие конкуренции между новыми гражданами и коренным населением.

Что же касается степени готовности власти заниматься обустройством новых граждан — она хорошо видна на примере ее нежелания или неспособности выполнять свои обязательства в отношении вынужденных переселенцев. В новой Концепции миграционной политики задача жилищного обустройства поставлена прямо лишь в отношении вынужденных переселенцев и внутренних мигрантов. Создается впечатление, что объем и важность огромной работы по экономическому обеспечению массовой иммиграции пока не оценены в полной мере.

Условие 2. Принимающее общество должно быть заведомо толерантно к своим новым гражданам. Невозможно воспитать у прибывших чувства сопричастности и уважения к новой родине, если они постоянно ощущают враждебное отношение к себе

со стороны местного населения и скрытую недоброжелательность властей. Массовый же прием иммигрантов, как показывает опыт и России, и Европы, неминуемо ведет к возрастанию напряженности между старыми и новыми жителями: по мере увеличения своего числа мигранты держатся все более обособленно и независимо, утрачивают желание приспосабливаться к чужим социокультурным традициям, повышают уровень претензий к принимающему обществу, начинают агрессивно относиться к его порядкам.

Вместе с тем коренное население получает все больше поводов воспринимать приезжих как нарушителей его жизненного пространства, конкурентов на рынке труда и в потреблении дефицитных социальных благ, источник угрозы для привычного этнодемографического уклада. Оба процесса подстегивают друг друга. Рано или поздно исходный запас толерантности заканчивается, «абсорбционная способность» общества истощается — и тогда мультикультурализм, даже вполне действенный изначально, терпит крах. Начинается эпоха раздоров и конфликтов. При этом противоречия могут долго копиться под спудом, не привлекая должного внимания властей, прежде чем привести к взрывам.

В многоэтнической, многоконфессиональной России, в отличие от европейских государств, ситуация усугубляется тем обстоятельством, что мигранты из соседних мусульманских стран в своей конфронтации с «неверными» — православным или атеистическим коренным населением могут соединяться с местными представителями своей религии. А активизация мусульманских фундаменталистов-россиян, в свою очередь, может перекинуться и на новых российских граждан. Между тем уже сегодня в России мигрантофобия, агрессивный национализм, религиозный фундаментализм развиваются по восходящей линии, создавая угрозу общественной стабильности и целостности страны.

В новой миграционной концепции зафиксировано «противодействие социальной исключенности мигрантов, пространственной сегрегации и формированию этнических анклавов» (п. 24.е). Однако предотвратить локальные сдвиги этнодемографи-

ческого дисбаланса в местах сосредоточения рабочих мест невозможно.

В этой ситуации воспитание толерантности приобретает особенно важное значение. Государство должно развернуть в этом направлении интенсивную и разнообразную по форме воспитательно-пропагандистскую работу интернационального содержания, которая включала бы в себя школьные программы, выступления в СМИ и т. д. Здесь неплохо бы вспомнить опыт СССР, разумеется, на другой идеологической основе и не копируя тупо-назойливые формы советской пропаганды.

И, безусловно, никакая воспитательная работа не снимает необходимости расширения экономической базы, которая позволила бы избежать конкуренции между мигрантами и коренными жителями.

В настоящее время усилия по «формированию конструктивного взаимодействия между мигрантами и принимающим сообществом» (формула из новой Концепции) — надо сказать, весьма скромные — направлены главным образом на адаптацию мигрантов. Такой крен сохраняется и в Концепции. Положительные примеры работы с принимающим обществом, вроде программы «Толерантность», по которой обучаются 20 тыс. школьников в Петербурге³⁸ — капля в море того, что требуется. А прозвучавшее не так давно из окол властных кругов Москвы предложение: создать позитивный имидж мигранта, размещая на билбордах изображения симпатичных молодых людей неславянской внешности, на что ассигновать несколько миллионов рублей — иначе как карикатурным не назовешь. Можно сделать вывод, что задача воспитания толерантности у принимающего сообщества осознана слабо и, как следствие, выполняется между делом.

Условие 3. В государстве должна торжествовать сила закона, способная

- защищать права новых граждан;
- останавливать нелегальную миграцию;
- пресекать националистический/религиозный экстремизм с обеих сторон;

- не позволять мигрантам разворачивать теневую деятельность, в том числе трансграничную, использующую связи с этнической родиной.

Все это необходимо для достижения поставленной в новой Концепции цели — «обеспечения национальной безопасности» (п. 21.а). Не случайно президент В.В. Путин, говоря о необходимости «на порядок повысить качество миграционной политики государства», обратил особое внимание на «укрепление судебной системы и строительство эффективных правоохранительных органов»³⁹.

Едва ли нужно доказывать, что в настоящее время российский правопорядок буксует во всех сферах работы с мигрантами — и отнюдь не только в этих сферах.

Разумеется, можно было бы назвать и другие условия «мигрантопривлекательной достаточности» принимающего общества, но для того, чтобы обрисовать контуры проблемы в рамках небольшой статьи, достаточно и названных выше.

В отсутствие этих условий привлечение мигрантов в масштабах, сравнимых с темпами депопуляции, сопряжено с величайшими рисками: оно чревато массовыми протестами, разрушением общественной стабильности и параличом всей созидательной деятельности общества. (Я уж не говорю о возможности на более далекую перспективу такого сценария, как значительное изменение этнодемографического баланса в стране. Без постепенного формирования соответствующих условий это — вариант апокалиптический.)

Возможен и другой неблагоприятный сценарий: вслед за насыщением абсорбционного потенциала принимающего общества — сокращение миграционного притока, и без того, как считается, в перспективе лимитированного объемом свободной рабочей силы в странах-реципиентах.

Возможно также сочетание обоих сценариев.

Теперь несколько общих оценок.

1. В настоящее время в России нет должных условий для безболезненного приема массовой иммиграции на постоянное проживание. Задачи создания таких условий в том или ином виде ставятся в новой миграционной Концепции или, по край-

ней мере, неявно содержатся в более общих задачах, и это служит подтверждением того, что в сегодняшней России данные условия отсутствуют.

2. Эти условия невозможно создать в авральном порядке, кавалерийской атакой: они представляют собой частные проявления в миграционной сфере более общих и глубоких дефектов российского общества, таких, как тотальная коррумпированность, нарастающая ксенофобия и дисгармония в национальных отношениях, небывалое разрастание теневой экономики, повышенная агрессивность общественной атмосферы. Плохой инвестиционный климат препятствует иммиграции предпринимателей и инвесторов, в том числе соотечественников (каковая также является одним из направлений новой миграционной политики — см. п. 24.а новой Концепции) — пока что российский капитал активно утекает за рубеж. В свою очередь, из существования этих коренных пороков вытекают императивы коренной модернизации общества, включая механизмы управления обществом.

Не похоже, чтобы власти были действительно готовы взяться за нее. Об этом ясно говорит хотя бы их пассивное отношение к многолетнему обезлюживанию российского Дальнего Востока под бесконечные разговоры о необходимости остановить этот процесс. Или даже слабые успехи в более скромном деле: создании условий для возвращения соотечественников.

А на нынешней экономической и политической основе возможны лишь частичные, неглубокие улучшения условий приема мигрантов на постоянное проживание.

3. Это означает, что политика привлечения мигрантов как средство стабилизации и увеличения численности населения будет сталкиваться с нарастающими трудностями. В конечном счете, миграционному приросту препятствуют и будут препятствовать дальше те же самые фундаментальные социальные и экономические факторы, которые вызывают убыль российского населения. Такое предположение вполне согласуется с опытом прошлого: когда мы жмемся в расходах на обустройство мигрантов, то получаем стагнацию с вынужденными переселенцами; когда не жалеем средств — имеем столь же неутешительные

результаты с дорогостоящим сколковским экспериментом. Российская реальность не привлекает соотечественников. Станет ли она привлекательной для представителей иных этносов? А если нет — задача «стабилизации и увеличения численности постоянного населения Российской Федерации» едва ли будет выполнена до конца.

Не стоит обольщаться тем, что до сих пор вселение сотен тысяч мигрантов, о котором говорит нам государственная статистика, проходило без эксцессов государственного масштаба, провоцируя «лишь» рост мигрантофобии в массовом сознании и учащение локальных инцидентов. Не стоит уповать и на желание значительного процента временных мигрантов переселиться в Россию, выраженное ими в ходе социологических исследований. Между «да» на опросном листе и действительным переселением — дистанция огромного размера. При отсутствии необходимых материальных, социальных и социально-психологических условий первоначальный миграционный поток может превратиться в тонкий ручеек и даже повернуть вспять. Или спровоцировать деструктивные процессы.

Приток мигрантов на постоянное жительство должен регулироваться в соответствии с абсорбционными способностями общества, которые определяются уровнем развития экономики, качеством социальных отношений, состоянием массового сознания, соображениями национальной безопасности. Увеличение численности населения должно быть не отдельной целью, а побочным результатом привлечения из-за рубежа человеческого капитала и его интеграции в российское общество.

Изложенное выше относится к миграции в целом. Стоит отдельно сказать о китайской миграции, обладающей рядом специфических черт.

Начинающийся сейчас разворот России на Восток вряд ли можно совершить без серьезного увеличения количества китайских мигрантов — строителей и земледельцев, особенно если учесть наши планы развития сельского хозяйства на Дальнем Востоке и экспорта продовольствия, в том числе сои, которая уже сейчас возделывается у нас силами китайских арендаторов и экспортируется в КНР.

Интересам Китая отвечает расширение его диаспоры⁴⁰. Правительство КНР проводит политику содействия экспорту рабочей силы. Оно считает своим долгом укреплять связи с зарубежной китайской общиной и активно привлекает ее к модернизации страны. Китайские ученые доказывают, что китайская диаспора на всем протяжении своей истории вносила вклад, зачастую немалый, в развитие экономики принимающих стран и что у Китая есть своего рода моральное право на увеличение численности своей диаспоры, поскольку в процентном отношении к численности населения метрополии она далеко уступает европейской диаспоре (3 % против 40 %).

Если бы Россия решила принимать китайских мигрантов на переселение, правительство КНР, мне кажется, не отказалось бы кредитовать их первоначальное обустройство, будь то жилищное строительство, создание социальной инфраструктуры или даже возведение экономических объектов, где новые граждане России стали бы трудиться. Тем самым проблема материального сопровождения миграции из Китая была бы решена облегченным способом.

В противовес этому немаловажному плюсу серьезным минусом для китайцев является их противоправная трансграничная деятельность на российском Дальнем Востоке в смычке с отечественным криминалом: незаконная скупка и контрабандный вывоз леса и других сырьевых товаров, а также применение запрещенных в России химикатов для сельскохозяйственных работ. Вселение мигрантов из КНР в качестве российских граждан может привести к дальнейшей активизации этой деятельности. Другой потенциальный минус: китайская диаспора в странах Восточной Азии охотно инвестирует свои средства в экономику КНР, что расценивается местными сообществами как утечка капиталов, созданных трудом всего народа. Не возникнет ли подобное явление и в России?

Однако главными тормозящими факторами служат, как мы уже отмечали, неблагоприятный инвестиционный климат и присущее сознанию всех слоев российского общества, имеющее глубокие экономические, политические и социально-психологические корни алармистское отношение к мигрантам. Среди

разновидностей такого отношения тревога по поводу «китайской демографической экспансии» является одной из наиболее сильных. Опыт показывает, что недоверие к китайским мигрантам становится препятствием при попытках их вселения — хотя бы не навсегда, а на длительный срок — даже в европейской части России. Алармистские настроения, вероятно, можно было бы смягчить, но для этого российские власти должны прежде всего вывести из затяжного кризиса Дальний Восток.

В КНР, кстати сказать, прекрасно понимают всю сложность нашего отношения к мигрантам и тщательно учитывают его, стремясь не давать поводов для тревог насчет «китайской демографической угрозы».

По всей видимости, Китай, при всем его огромном эмиграционном потенциале, не сможет служить крупным источником постоянной миграции в Россию. А потребность Дальнего Востока в рабочей силе будет удовлетворяться, помимо внутренней миграции, за счет временных мигрантов. В том числе, надо полагать, и из Китая.

Примечания

¹ Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года. URL: <http://президент.рф/acts/15635>.

² Труд и занятость в России / Федеральная служба государственной статистики. 2011. Табл. 5.14. URL: <http://www.gks.ru>.

³ Впервые получены точные данные о количестве проживающих за рубежом китайцев и китайских эмигрантов // Жэньминь жибао он-лайн. 02.12.2011. URL.

⁴ Лун Давэй, Чжан Хунъюнь, Дэн Гао. Цун юаньбянь цзоу сянь чжулю: [Из маргиналов — к мейнстриму] // Хуацяо хуажэнь лиши яньцзю. (Пекин). 2011. № 2. С. 7.

⁵ Overseas Chinese influence in Asian business world page 1. URL: <http://www2.amk.fi/digma.fi/www.amk.fi/opintojaksot/030806/1080816489346/1107280087252/1107280151840/1107280213930.html>.

⁶ См. напр.: неоднократно переиздававшуюся капитальную работу Haley, George T., Tan, Chin Tiong, and Haley, Usha C. V. *New Asian Emperors. The Overseas Chinese, Their Strategies and Competitive Advantages* Butterworth

Heinemann, 1998; см. также: Чуань Жэнь. Хай вай хуажэнь дэ лилян. Иминь дэ лиши хэ сянькуан : [Сила зарубежных китайцев. История и современное положение эмигрантов]. Пекин, 2007.

⁷ Подробнее см.: Linda Y.C. Lim. Southeast Asian Chinese business and regional economic development // Routledge Handbook of the Chinese Diaspora / Tan Chee-Beng ed. L., N.Y. 2013. P. 249 и далее.

⁸ Впервые получены сравнительно точные данные о количестве проживающих за рубежом китайцев и китайских эмигрантов // Жэньминь жибао он-лайн 02.12.2011. URL: <http://russian.people.com.cn/31516/7663300.html>.

⁹ Linda Y.C. Lim. Southeast Asian Chinese business and regional economic development // Routledge Handbook of the Chinese Diaspora / Tan Chee-Beng ed. L., N.Y. 2013. P. 256—260.

¹⁰ Race Reporting for the Asian Population by Selected Categories: 2010. U.S. Census Bureau. URL: http://factfinder2.census.gov/faces/tableservices/jsf/pages/productview.xhtml?pid=DEC_10_SF1_QTP8&prodType=table. Retrieved 17 January 2012.

¹¹ Bernard P. Wong. Globalization and location of the Chinese diaspora in the USA // Routledge Handbook of the Chinese Diaspora / Tan Chee-Beng ed. L., N.Y. 2013. P. 302.

¹² Open Doors Data. International Students: Leading Place of Origin // Institute of International Education. URL: <http://www.iie.org/Research-and-Publications/Open-Doors/Data/International-Students/Leading-Places-of->

¹³ Более 40 % возвращающихся в Китай талантов имеют иностранное гражданство или «зеленую карту» // Жэньминь жибао он-лайн. 24.07.2012. URL: <http://russian.people.com.cn/31516/7885368.html>.

¹⁴ Ian Jonson. Wary of Futurer, Professionals leave China in record Numbers // The New York Times. 31.10.2012.

¹⁵ USA Immigration News. 14.11.2011. Immigration to the U.S. is a Trend of Rich Chinese. URL: http://www.migrationexpert.com/visa/us_immigration_news/2011/nov/0/443/immigration_to_the_u.s._is_...

¹⁶ «Ethnocultural Portrait of Canada — Data table». 2.statcan.ca. 2010-06-10. URL: <http://www12.statcan.ca/census-recensement/2006/dp-pd/hlt/97-562/pages/page.cfm?Lang=E&Geo=PR&Code=01&Table=2&Data=Count&StartRec=1&Sort=3&Display=All&CSDFilter=5000>. Retrieved 2012-05-02.

¹⁷ Cheng Guanjin, Li Xiang. Chinese continue to seek residency overseas. Chinadaily.com.cn. 22.08.2012. URL: http://www.chinadaily.com.cn/china/2012-08/22/content_15694717.htm.

¹⁸ Насколько нам известно, первым оценил численность китайских мигрантов в России в 200 — 450 тыс. чел. В.Г. Гельбрас. См.: Гельбрас В.Г. Китайская реальность России. М., 2001. С. 39—40.

¹⁹ Новости Владивостока. 04.05.2007. URL: <http://news.vl.ru/vlad/2007/04/05/kitaitsy/>.

²⁰ Численность и миграция населения в 2009 г. (статистический бюллетень) / Федеральная служба государственной статистики, Москва, 2010; аналогичные выпуски за 2010 и 2011 гг., опубликованные соответственно в 2011 и 2012 гг. URL: <http://www.gks.ru>.

²¹ Труд и занятость в России в 2011 г. Статистический сборник / Росстат. М., 2012. Табл. 5.14. URL: <http://www.gks.ru>.

²² Численность и миграция населения в 2009 году (статистический бюллетень) / Федеральная служба государственной статистики, Москва, 2010; аналогичные выпуски за 2010 и 2011 гг., опубликованные соответственно в 2011 и 2012 гг. URL: <http://www.gks.ru>.

²³ Антонова Л., Яковлев В. Российско-китайское сотрудничество в области миграционной политики // Россия—Китай. XXI век. 2007. Апрель. С. 44.

²⁴ Зайончковская Ж.А. Россия и Китай: партнерство на рынке труда. Виноградово, 2011. URL: <http://www.baroming.ru/library/Zaionchkovskaya.a.ppt#1>.

²⁵ Там же.

²⁶ Коммерсантъ. 31.01.2007.

²⁷ URL: http://www.mr-msk.ru/news/2007/03/39/news_U95.html?template=28.

²⁸ Жэньминь жибао. 19.06.2008.

²⁹ Там же. 19.06.2008.

³⁰ Приморский край: социально-экономические показатели / Федеральная служба государственной статистики. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Приморскому краю. Владивосток, 2009. С. 68.

³¹ Жухэ цзяцян Чжун Э лаоу цзо хэ цзо : [Как укрепить китайско-российское сотрудничество по трудовым услугам]. URL: http://www.crc.mofcom.gov.cn/crweb/crc/info/Article.jsp?ano=39064&col_no=18U...

³² Низкая стоимость аренды земли и высокая урожайность привлекают китайских крестьян в Россию. 04.07.2009. URL: <http://www.idk.ru/news/34986>.

³³ Дацышен В.Г. Китайская миграция на Востоке России и связь ее с внутрироссийскими проблемами в начале XXI в. // Мост через Амур. Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 7. С. 135.

³⁴ Зайончковская Ж.А. Указ. соч.

³⁵ Антонова Л., Яковлев В. Указ. соч.

³⁶ Боровская Н. КНРЖ охота за умами // Бюллетень РСМД. 03.07.2012. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=569.

³⁷ В России будет создано 25 миллионов рабочих мест // Российская газета. 03.09.2012.

³⁸ Интервью директора ФМС России К.О. Ромодановского на радиостанции «Эхо Москвы». 22 марта 2012 г. URL: http://www.fms.gov.ru/press/publications/news_detail.php?ID=51383.

³⁹ Путин В. Россия и национальный вопрос. URL: www.putin2012.ru/events/95.

⁴⁰ Подробнее см.: Ларин А.Г. Китайские мигранты в России и политика Пекина // Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 1. С. 100—111.

В.И. Балакин*

ТАЙВАНЬ В СИСТЕМЕ ВОСТОЧНОАЗИАТСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ КНР

Аннотация. Китай приступил к формированию системы восточноазиатской региональной интеграции. Помимо решения экономических проблем в отношениях с Тайванем, правительство КНР стремится создать почву для политического взаимопонимания с действующей тайваньской администрацией. И Пекин, и Тайбэй по сути дела солидарны в вопросе о китайском цивилизационном приоритете в строительстве восточноазиатского сообщества.

Ключевые слова: Китай, Тайвань, Восточная Азия, интеграция, регионализм.

В последние годы мы можем наблюдать активное формирование интеграционной среды в Восточно-Азиатском регионе при явном экономическом и отчасти политическом доминировании Китая. В данной связи обращают на себя внимание место и роль Тайваня в стратегии КНР по превращению Восточной Азии в структурированное международное сообщество. Стремительный рост внутрирегиональной торговли и взаимных инвестиций постепенно подводит Восточно-Азиатский регион к объективной необходимости консолидации перед ли-

* Балакин Вячеслав Иванович — к.ю.н., в.н.с. Центра стратегических проблем США, ШОС и БРИКС ИДВ РАН.

цом обостряющегося соперничества с другими регионами мира. В Восточной Азии последовательно увеличивается число подписанных межправительственных соглашений о свободной торговле, что приводит к очевидному объединению регионального экономического пространства. Тайвань также присоединился к известному рамочному соглашению об экономическом сотрудничестве с КНР, которое страны АСЕАН заключили в 2009 г. При этом примечательно, что тайваньское правительство выступило в данном конкретном случае в качестве полномочного представителя как бы независимого государственного образования, не встретив никакого противодействия со стороны китайских властей¹.

КНР явно спешит превратить Восточно-Азиатский регион в зону своего исключительного влияния и готов для этого пойти на реальное, пусть и тактическое, переформатирование многолетних конфликтных отношений с Тайванем. Со стороны острова можно заметить сложную реакцию на рост совокупной региональной мощи КНР, что выражается в попытках диверсифицировать свои международные экономические связи из опасения попасть в критическую зависимость от китайского рынка. Тайвань с возрастающим беспокойством следит за резким увеличением прямых инвестиций своих компаний на материке. В то же время в Тайбэе осознают, что без экономического сотрудничества с КНР будет весьма сложно преодолеть серьезные последствия финансового кризиса 2008 г. Объективной реальностью остается ключевая роль Китая в стимулировании восточноазиатских экономик в условиях, когда традиционные экспортные рынки США и Евросоюза переживают длительный период стагнации.

На этом фоне сохранение рычагов влияния в Восточной Азии становится одним из главных геополитических приоритетов Вашингтона. США традиционно использовали «тайваньский фактор» для недопущения превращения КНР в своего главного стратегического соперника. Однако нарастающий прогресс в отношениях Пекина и Тайбэя в значительной степени меняет нынешнюю американскую позицию, в рамках которой Тайвань в среднесрочной перспективе, скорее всего, уже не бу-

дет рассматриваться в качестве надежного оплота внешней политики США в Восточно-Азиатском регионе. Со своей стороны Тайвань также не может игнорировать существенные объективные выгоды, которые ему гарантирует экономическое сотрудничество с КНР. Более того, ведущая роль Китая в формировании восточноазиатского сообщества несет тайваньской экономике возможность реального устойчивого развития, что явно не могут обеспечить Соединенные Штаты Америки, сами находящиеся в финансовой зависимости от Пекина.

Тайваньская администрация прекрасно осознает, что позитивному воздействию интеграционных процессов в Восточной Азии на стабильное экономическое развитие острова сегодня практически нет реальной альтернативы². Уже в 2007 г. КНР стала для Тайваня крупнейшим торговым партнером, и это нельзя не учитывать при существующем риске маргинализации экономики острова. Китай, как ни одна другая страна в мире, обеспечивает Тайваню возможность прямых инвестиций. Последнее играет существенную роль для тайваньских торговых отношений и с другими восточноазиатскими государствами. Тайвань не имеет ни достаточной территории, ни соответствующих природных ресурсов, и потому он с трудом может рассчитывать стать достаточно конкурентным международным актором даже на рынках стран из своего ближайшего окружения.

Анализируя роль Китая в создании восточноазиатского сообщества, все участники данного процесса, и, конечно, сам Тайвань, должны будут дать себе ясный ответ на вопрос: что будет в перспективе — «китайская Азия или азиатский Китай»? Именно эту дилемму придется решать для себя Тайваню, когда он станет рассматривать три возможных варианта развития событий: реалистический, либеральный и конструктивистский. В первом случае тайваньской администрации следует учитывать тот факт, что КНР неизбежно будет ориентироваться на глубокую регионализацию всего комплекса экономических связей с соседними государствами и государственными образованиями, в качестве одного из которых сегодня международным сообществом рассматривается Тайвань. Регионализация, по сути дела, несет острову дальнейшее втягивание в логику формирования

«Большого Китая» и постепенное превращение Восточной Азии в этот самый наднациональный «Большой Китай». В таком случае обеспокоенности восточноазиатских государств в отношении «китайской угрозы» отпадут сами собой, поскольку названная «угроза» будет уже везде — на всем пространстве восточноазиатского сообщества; Тайвань также будет восприниматься как часть этой самой повсеместной «китайской угрозы»³.

Либеральный вариант носит все же несколько более гипотетический характер, ибо так называемое мирное возвышение Китая предоставляет Тайбэю некую свободу выбора, хотя и очень ограниченную. На первый план выходят два комплекса взаимоотношений, которые тайваньские власти вынуждены будут выстраивать на новой основе (имеются в виду отношения с США и Японией). Тайваньско-американские отношения на настоящий момент являются главным стержнем тайбэйской внешней политики, и выстроены они в жестких рамках экономической взаимозависимости, включая политическую конвергенцию, т. е. переплетение политических интересов на всех уровнях — государственном и общественном. В то же время отношения с Японией отягчены для Тайваня глубоким историческим контекстом, во многом аналогичным тому, с которым японский фактор воспринимают в континентальном Китае. Индикаторами экономической взаимозависимости выступают объемы внутрирегиональной торговли, а также уровни инвестиционного и инновационного взаимодействия. Что же касается политической конвергенции, то здесь индикатором является состояние региональной безопасности при развитии процесса регионализации.

Касаясь конструктивистского варианта, необходимо подчеркнуть, что он весьма отличается от двух приведенных выше. Разница заметна сразу, особенно, когда, с одной стороны, акцент делается на общности решаемых региональных проблем в рамках совпадающей региональной идентичности, а с другой — когда сама эта идентичность имеет существенные пострановые различия. Сторонники конструктивистского подхода верят в единство «регионального духа» и полагают, что регионализм может иметь лишь естественные межгосударственные и форми-

руемые психологические границы. Подчеркивается стремление стран восточноазиатского региона к внутрирегиональной социализации, понимаемой как идентичное восприятие основных региональных проблем. В связи с этим необходимо отметить, что последние территориальные конфликты в Восточной Азии наглядно продемонстрировали общность позиций Китая и Тайваня, а также (с оговорками) Республики Корея, но никак не Японии, оставляющей за собой право на собственную трактовку диалектики развития исторических процессов в регионе.

Видимо, будущему восточноазиатскому сообществу еще предстоит во многом определиться с нормами поведения своих членов. Тот же Тайвань, как представляется, должен будет предварительно в полном объеме согласовать с материковым Китаем статус своего присоединения к интеграционной системе Восточной Азии. Любое вмешательство в отношения между Пекином и Тайбэем может возвести непреодолимые преграды на пути создания региональной организации. По оценке международных экспертов, сегодняшняя и будущая интеграционная модель в Восточной Азии всегда останется зависимой от того, на каких условиях произойдет воссоединение материкового Китая и Тайваня⁴. Вряд ли можно сомневаться, что юридические нормы и принципы названного воссоединения определяют жизнеспособность восточноазиатской интеграции.

Волна двусторонних соглашений о свободной торговле между странами Восточной Азии стимулировала Тайвань внимательнее присмотреться к развивающемуся восточноазиатскому регионализму. С населением в 23 млн человек остров показывает ВВП в объеме, превышающем 470 млрд долл., т. е. более чем 20,4 тыс. долл. на душу населения, занимая 19-е место среди ведущих постиндустриальных экономик мира. По доходу на душу населения более чем 36 тыс. долл. в год Тайвань опережает такие державы, как Япония и Великобритания, и лишь немного отстает от ФРГ. Тайбэй аккумулировал 4-е по объему золотовалютные резервы в мире, уступая по этому показателю Китаю, Японии и России. Крупнейшими торговыми партнерами Тайваня остаются КНР (включая Сянган) — 42 %, США — 11,5, Япония — 6,6 и Сингапур — 4,4 %⁵.

Несмотря на довольно приличные показатели, конкурентоспособность экономики Тайваня сегодня начинает сталкиваться с довольно серьезными вызовами. Наблюдается заметное старение тайваньского населения. Тайваньские компании явно проигрывают своим конкурентам из Восточной Азии (Сингапур, Сянган) в производстве современных ИТ-услуг. По данным специализированного издания Мирового банка *Doing Business Report*, деловой климат на Тайване заметно уступает по многим показателям японскому, южнокорейскому, малайзийскому и даже тайландскому. Рост благосостояния тайваньского населения существенно снижает конкурентоспособность условий для иностранных инвестиций на острове, поскольку повышается стоимость рабочей силы. Инвесторы из США, Японии и Евросоюза ищут для своих капиталовложений более благоприятные возможности в других странах Восточной Азии.

Сегодня Тайвань вынужден делать для себя определенные выводы, связанные с заметным снижением роли и влияния таких региональных организаций, как АПЕС и ТРП (*TransPacific Partnership*). Основным трендом в развитии восточноазиатского сообщества становится стремление не допустить в него внерегиональных игроков. После азиатского финансового кризиса 1997—1998 гг. тайваньское правительство сделало ставку на сотрудничество с восточноазиатской программой в формате «ASEAN+3» (Китай, Япония, Республика Корея). Важным привлекающим элементом в формате «ASEAN+3» стал финансовый сектор, послуживший в посткризисный период объединяющим фактором для восточноазиатских государств. Возможное присоединение Тайваня к названному формату создает благоприятные экономические условия для развития восточноазиатской интеграции, но одновременно генерирует серьезные политические проблемы, смысл которых — обязательность предварительного китайско-тайваньского воссоединения.

По оценкам международных экспертов, восточноазиатская интеграция находится в самой начальной фазе своего развития. Многопрофильную роль в нынешних интеграционных процессах в Восточной Азии играет Китай. Фактически по китайским «лекалам» проводится реструктуризация региональной про-

мышленности и повышение ее технологического потенциала. С одной стороны, названные процессы выгодны Тайваню, поскольку дают ему возможность осуществлять масштабные прямые инвестиции в модернизацию восточноазиатских экономик, а с другой — участвуя в региональных интеграционных программах КНР, тайваньские компании естественным образом распространяют свои капиталовложения и на отдельные провинции материкового Китая, становясь для них важнейшими поставщиками высоких технологий⁶. В результате тайваньских инноваций, ряд трудозатратных производств был успешно передислоцирован на территорию таких стран, как Вьетнам, Камбоджа, Лаос и Мьянма (Бирма).

Азиатский финансовый кризис 1997—1998 гг. стимулировал усилия восточноазиатских стран в направлении создания региональных зон свободной торговли. Сегодня уже понятно, что названный тренд послужил мощным побудительным мотивом для формирования в Восточной Азии единого интегрированного экономического пространства. Началось последовательное сближение устоявшихся экономик Северо-Восточной Азии и хорошо структурированных экономик Юго-Восточной Азии. Это привело к тому, что Тайвань оказался в уникальной ситуации, когда его торговля со странами Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии заставила сместить приоритет с отношений с США и Евросоюзом на отношения с государствами Восточной Азии. Тайвань по сути дела перестал быть экономически маргинальным образованием, поскольку КНР фактически, по умолчанию, включила его в свои восточноазиатские интеграционные программы.

Последнее до некоторой степени облегчило судьбу на рынке АСЕАН тайваньского экспорта, который постоянно сталкивался там с серьезной дискриминацией. Еще более улучшило условия тайваньской торговли со странами Юго-Восточной Азии вступление в силу 1 января 2010 г. соглашения между Китаем и АСЕАН о единой таможенной зоне. С этого момента тайваньские компании, зарегистрированные на территории КНР, получили полную «свободу рук» для резкого расширения своего экспорта на асеановский рынок. Все произошло крайне своевре-

менно, так как в том же 2010 г. соглашения о зонах свободной торговли подписали США и Республика Корея, а также Евросоюз и Индия, что привело к существенному ослаблению тайваньских конкурентных позиций в каждой из названных стран. На Тайване не исключают, что сокращение объемов американо-тайваньской и европейско-тайваньской торговли приведет в итоге к ослаблению политической поддержки Тайбэя со стороны Запада в его непростых отношениях с Пекином.

Китай по мере улучшения ситуации на «переговорах через пролив» не высказал возражений против получения Тайванем статуса наблюдателя в АСЕАН. Однако в этом качестве Тайвань выступает не как государство и даже не как государственное образование, а как «региональная экономика». Названный неполитический статус, тем не менее, позволяет Тайваню быть членом АТЭС и ВТО, а также входить в состав учредителей Азиатского банка развития. Помимо экономического регионального сотрудничества, тайваньское правительство старается участвовать в отдельных политических мероприятиях восточноазиатских международных организаций, как то: проблемы защиты окружающей среды, трансграничной преступности и борьбы с пиратством. Активность Тайваня в рамках восточноазиатских интеграционных процессов воспринимается в Китае достаточно благожелательно: в Пекине считают, что расширение экономического сотрудничества материкового Китая с Тайванем послужит консолидации усилий государств Восточной Азии в их стремлении к построению единого экономического пространства.

Нарастающий процесс становления интеграционной схемы КНР для Восточной Азии оказался в последние годы по-настоящему «спасательным кругом», брошенным Пекином тайваньской экономике⁷. В рамках этой интеграционной схемы тайваньские компании не только увеличивают свой реальный экспорт практически во все восточноазиатские страны, но и вместе с материковыми партнерами инвестируют в постиндустриальные экономики Японии и Республики Корея. Многие крупные тайваньские корпорации в интересах сокращения местного налогового бремени учреждают независимые филиалы на территории КНР и уже оттуда ведут инвестиционную экспансию на

рынки практически всех стран Восточной Азии. Стимулируя тайваньских предпринимателей как своих собственных, китайское правительство фактически встраивает их капиталовложения в общекайтайскую инвестиционную систему и предоставляет таким фирмам существенные налоговые льготы. Данная тенденция с юридической точки зрения имеет чрезвычайно большое значение для кайтайско-тайваньского экономического сотрудничества, поскольку фактически подводит компании с Тайваня под национальную юрисдикцию КНР⁸.

Примечания

¹ *Tung, Chen-yuan.* Dongya jingji zhenghe yu Taiwan de zhanlue (Экономическая интеграция в Восточной Азии и стратегия Тайваня) // *Wenti yu yangjiu*. 45. № 2. March/April, 2012. P. 25.

² *Tung, Chen-yuan.* The Impact of the East Asian Economic Integration Regime on Taiwan's Attractiveness for International Investment // *Graduate Institute of Development Studies, National Chengchi University. Taipei*. 12.06.2012. P. 41.

³ *Waldkirch Andreas.* The "New Regionalism": Integration as a Commitment Device for Developing Countries // *Manuskript. Berlin*. November 2012. P. 23.

⁴ *Zhang, Tiejun.* China's Role in East Asia Community Building // *China College of Foreign Affairs. Singapore*. 21.04.2012. P. 15.

⁵ *Sambaugh, David.* China Engages Asia: Reshaping the Regional Order // *International Security*, Vol.29, No.3, Winter 2012/5. P.61.

⁶ *Zhao, Hong.* Taiwan-ASEAN Economic Relations in the Context of East Asian Regional Integration // *International Journal of China Studies*. Vol. 2. № 1. April 2011. P. 50.

⁷ *Kim, Jung Sik.* Determinants of Intra-FDI Inflows in East Asia // *Korea Institute for International Economic Policy. Working Paper*. № 07-01. June 2012. P. 19.

⁸ *Каваи, Масасиро.* Тиикисюги : [Регионализм] // *Тиикисюги кэнкю*. Токио. 2011. С. 11.

А. Ч. Мокрецкий*

КИТАЙСКО-УКРАИНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В СВЕТЕ КОНЦЕПЦИИ «СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАВНОВЕСИЯ» УКРАИНЫ

Аннотация. В статье дается оценка потенциала стратегического сотрудничества двух государств, проводится системный анализ ключевых перспектив взаимодействия Украины и КНР.

Ключевые слова: Украина, Китай, стратегическое партнерство, стратегическое равновесие, интеграция.

Введение

Украина занимает важное геополитическое положение на Евроазиатском континенте. Развитие ситуации в этой стране, по словам сотрудника Института России, стран Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук (ИРВЕЦА КАОН) У Эньюаня, непосредственно повлияет на стратегические интересы многих государств. Поэтому изучение этой ситуации в политическом, экономическом, внешнеполитическом, историческом и социальном планах имеет огромную научную ценность¹. Сянганская газета «Вэньхуэй-

* Мокрецкий Александр Чеславович — м.н.с. Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений ИДВ РАН.

бао» отмечает, что Украина становится «изюминкой» в новой евроазиатской стратегии Китая. Она унаследовала от СССР развитую авиацию, космонавтику, военную промышленность, новые и высокие технологии, машиностроение, судостроение и сельское хозяйство². Украинская сторона рассматривает Китай в качестве успешного образца экономического и социального развития, считает, что сотрудничество с КНР является одним из определяющих факторов в успешной реализации экономической модернизации Украины³. Вместе с тем на Украине среди либеральных прозападнических кругов существует и другое мнение. «Сегодняшний Китай, — пишет информационное агентство УНИАН, — дает нам повод задуматься: какой же опыт мы действительно хотим перенять? Если речь идет об опыте ... по совершенствованию коррупционных схем, подавлению свободы веры, свободы выражения и разгону народных протестов, то КПК — несомненно, лучший пример для подражания. Прогнозы, предрекающие Китаю стать новым мировым лидером, остаются под сомнением. Раздираемая внутренними противоречиями страна похожа на пороховую бочку, которая в любой момент может взорваться»⁴.

Результаты исследования

І. Стратегическое партнерство

Украинско-китайские отношения выходят на высокий этап развития — на *уровень стратегического партнерства*. Китайское руководство называет Украину надежным другом и партнером Китая. В частности, во время визита премьер-министра Украины Н.Я. Азарова в КНР в апреле 2011 г. (визита украинского чиновника такого ранга в Китай не было 14 лет) бывший премьер Госсовета Вэнь Цзябао отметил, что китайская сторона дорожит дружбой и сотрудничеством с Украиной, готова приложить совместные с украинской стороной усилия для установления и развития стратегического партнерства⁵.

С 18 по 20 июня 2011 г. состоялся государственный визит Ху Цзиньтао на Украину. Н. Зубаиров, украинский аналитик, ре-

дактор Первого национального канала заявил, что для Украины визит председателя КНР Ху Цзиньтао (первый за 10 лет визит китайского главы на Украину) очень значим. «Он касается жизненно важной сферы — украинской экономики». Кроме того, налаживание отношений с такой сильной и могучей державой, как Китай, будет очень полезным для Киева в целом. «Китаю интересны украинское сырье, научная база и разработки в космической и военной областях, а также украинский рынок сбыта продукции, такой, как автомобили, электроника и другие товары»⁶.

20 июня 2011 г. руководители двух стран подписали Совместную декларацию об установлении и развитии отношений стратегического партнерства. По мнению обеих сторон, взаимодействие в торгово-экономической, инвестиционной, научно-технической, авиационной, космической, сельскохозяйственной сферах и в области строительства инфраструктуры является приоритетом развития двусторонних отношений⁷. В ходе визита Ху Цзиньтао выдвинул 4 предложения: 1) укрепить политическое взаимодоверие и взаимную поддержку, упрочить политическую основу китайско-украинских отношений стратегического партнерства; 2) всесторонне содействовать прагматическому сотрудничеству, укреплять материальную основу отношений стратегического партнерства. Следует расширить и углубить прагматическое сотрудничество в области торговли, экономики, инвестиций, новых высоких технологий, полезных ископаемых, энергетики и сельского хозяйства, всесторонне повысить уровень китайско-украинского делового сотрудничества, сделав приоритетом крупные проекты; 3) расширить гуманитарные обмены, укрепить социальную основу китайско-украинских отношений; 4) активизировать сотрудничество между двумя сторонами в международных и региональных делах, расширить многостороннюю основу китайско-украинских связей⁸. В ответ президент Украины В.Ф. Янукович заявил, что украинская сторона приветствует вложение китайскими предприятиями инвестиций в украинскую экономику⁹.

После избрания Си Цзиньпина на пост генерального секретаря ЦК КПК В.Ф. Янукович отправил новому китайскому лидеру поздравительную телеграмму, в которой отметил, что «на

Украине Вас хорошо знают как дальновидного политика, опытного руководителя и искреннего друга нашей страны». Президент Украины выразил надежду на дальнейшее динамичное развитие двусторонних отношений стратегического партнерства, подчеркнув, что «верит, что на новой ответственной должности Вы будете поддерживать добрую традицию дружеского взаимодействия и конструктивного сотрудничества между Китаем и Украиной»¹⁰.

Новое качество отношений с Китаем дает Украине возможность приобщиться к политико-экономической жизни всего Азиатского региона. «В этом контексте интерес для нас представляет Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), роль которой в вопросах международной политики, экономики, безопасности на протяжении последних лет вышла далеко за региональные рамки, превращая организацию в структуру евразийского масштаба. Сейчас мы работаем над перспективой получения Украиной в ШОС официального статуса наблюдателя или партнера по диалогу», — отметил заместитель главы МИД Украины В.А. Майко. Кроме того, украинский МИД отмечает, что взаимодействие с ШОС поможет Украине обеспечить усиление ее позиций в Азиатском регионе и, в перспективе, расширить присутствие украинских производителей на рынках стран, сотрудничающих с этой структурой в статусах наблюдателя и партнера по диалогу¹¹.

Украина поддерживает позицию Китая по вопросам Тайваня, Тибета и другим проблемам, подтверждает приверженность принципу «одного Китая». В ходе встречи с заместителем главы ПК ВСНП КНР Чэнь Чжили 6 сентября 2012 г. Н.Я. Азаров заявил: «Мы стоим принципиально на позиции одного Китая. И Украина имеет дело только с одним правительством — это правительство КНР»¹².

Китай и Украина укрепляют развитие *регионального сотрудничества*. В частности, во время встречи Н.Я. Азарова с губернатором пров. Гуандун Чжу Сяодань 17 сентября 2012 г. было подписано соглашение о взаимодействии между Киевской областью и пров. Гуандун. В рамках данного соглашения стороны намерены поддерживать все формы кооперации: от создания

совместных предприятий и реализации совместных проектов до обмена делегациями и развития культурных связей¹³.

II. Финансово-инвестиционная кооперация

По данным 2012 г., торговый оборот между двумя государствами превысил 10 млрд долл. Таким образом, Украина стала 3-м торговым партнером Китая в СНГ¹⁴. Вместе с тем стороны не намерены останавливаться на достигнутом и планируют кардинально интенсифицировать двусторонние связи, доведя объемы торговли к 2015 г. до 20 млрд долл¹⁵. С 2011 г. действует Китайско-украинский комитет по двустороннему сотрудничеству на уровне заместителей глав правительств. По замыслу бывшего премьера Госсовета Вэнь Цзябао, этот механизм направлен на укрепление координации и взаимодействия в целях обеспечения успешной реализации крупных проектов двустороннего сотрудничества¹⁶.

Наиболее крупными действующими совместными проектами являются:

- строительство железной дороги Киев — международный аэропорт «Борисполь» для пассажирского сообщения;
- строительство Международного инновационного комплекса «Донецк»;
- совместная разработка большого и среднего транспортных самолетов, реактивного транспортного самолета, а также совместное производство самолетов Ан-70, Ан-148, Ан-158;
- реконструкция Одесского морского торгового порта и строительство новых причалов и терминалов в Днепро-Бугском лимане;
- строительство новых автомобильных дорог Львов—Краковец и Одесса—Рени, а также большой кольцевой дороги вокруг Киева;
- лизинг Украиной китайской буровой установки стоимостью 200 млн долл. для добычи углеводородов на шельфе Черного моря;
- добыча урановой руды в Кировоградской области;
- программа сотрудничества в авиакосмической сфере на 2011—2015 гг.;

- создание на базе ПО «Южмаш» совместного предприятия по выпуску сельскохозяйственной техники;
- строительство на Украине современных зерновых элеваторов¹⁷.

Президент Украины В.Ф. Янукович в марте 2012 г. обновил перечень национальных проектов и расширил полномочия Государственного агентства по инвестициям и управлению национальными проектами Украины, а также разделил национальный проект «Воздушный экспресс» на несколько стратегических инфраструктурных подпроектов: строительство железнодорожного пассажирского сообщения Киев — международный аэропорт «Борисполь», строительство городской кольцевой дороги вокруг Киева от Столичного шоссе до автомобильной дороги М-03 Киев—Харьков—Довжанский на участке Киев—Борисполь, строительство дороги от Подольского мостового перехода через Днепр до проспекта Ватутина с транспортной развязкой на пересечении урочища Горбачиха с Подольским мостовым переходом через Днепр в Киеве. Данный шаг главы украинского государства позволил Китайской машиностроительной компании и Госинвестпроекту 30 ноября 2012 г. подписать техническое соглашение о получении кредитного финансирования в объеме до 1 млрд долл. Оно предусматривает строительство железной дороги протяженностью 8 км от Киева до аэропорта «Борисполь», строительство 4 вокзалов и обеспечение железной дороги электропоездами¹⁸.

Украинская сторона предлагает руководству Государственного банка развития КНР открыть свое представительство на Украине. Об этом заявил премьер-министр Украины Н.Я. Азаров 7 августа 2013 г. во время встречи с заместителем председателя правления Государственного банка развития Китая Ли Ципином. Он отметил, что кредитная линия Госбанка КНР для Украины суммарно превышает годовые кредитные портфели Всемирного банка, Европейского банка реконструкции и развития и Европейского инвестиционного банка¹⁹.

28 июня 2012 г. во время официального визита украинского министра аграрной политики и продовольствия Н.В. Присяжнюка в КНР был подписан Меморандум о сотрудничестве в об-

ласти поддержки приоритетных проектов агропромышленного комплекса Украины. Планируется привлечь кредитные средства объемом 3 млрд долл. По данным Министерства финансов Украины, Экспортно-импортный банк Китая готов предоставлять кредиты по ставке 6-мес.Libor+4,5 % на срок 15 лет с 5-летним льготным периодом. Средства планируется направить на реализацию проектов строительства завода по производству средств защиты растений, переработки органико-минеральных удобрений, культивации земель, создания оросительных систем, а также на закупку средств защиты растений и сельхозтехники, другого агрооборудования. По данным Минагрополитики, кредитное соглашение было подписано в обмен на ежегодный экспорт Китая около 3 млн т украинской кукурузы по рыночным ценам, устанавливаемым на момент поставки²⁰.

В этом же месяце Национальный банк Украины (НБУ) и Народный банк Китая (НБК) в Пекине заключили 3-летнюю валютную сделку СВОП на общую сумму 15 млрд юаней (2,36 млрд долл.). Согласно сообщению китайской стороны, эта сделка призвана улучшить двустороннюю финансовую кооперацию и будет способствовать развитию торговли и инвестициям, поддержит региональную финансовую стабильность²¹. В свою очередь, по мнению главного экономиста инвестиционной компании Dragon Capital Е. Белан, для Украины это удачная сделка, особенно в текущих условиях, когда из-за неблагоприятной ситуации на мировых финансовых рынках доступ к внешнему финансированию чрезвычайно затруднен. «НБУ обменивает гривню на китайские юани. Таким образом, Национальный банк получает во временное, но длительное пользование (как минимум на 3 года) крупный объем иностранной валюты. В результате свопа НБУ пополнит свои золотовалютные запасы, которые начали сокращаться из-за выплат по кредитам МВФ, интервенций в поддержку курса гривни и выплат по долгам правительства»²².

25 декабря 2012 г. состоялось подписание кредитного соглашения между НАК «Нафтогаз Украины» и Государственным банком развития КНР о финансировании программы замещения природного газа украинским углем на общую сумму более 3,6 млрд долл. под государственные гарантии правительства

Украины²³. Срок действия кредитной линии — 19 лет (2012—2031 гг.). В том числе 4 года — для подготовки и согласования утвержденных проектов и подписания индивидуальных кредитных соглашений. Срок действия индивидуальных кредитных соглашений — 15 лет. Протокол о сотрудничестве по замещению потребления природного газа углем был подписан 13 июля 2012 г. Министерством энергетики и угольной промышленности Украины и Государственным банком развития Китая. Кредит КНР пойдет на реализацию 5 инновационных проектов. Планируется реализовать проект по замещению потребления природного газа украинским углем. Для этого намечается строительство 4 заводов газификации каменного (в Донецкой, Луганской областях) и бурого (в Кировоградской области) угля, а также реконструкция Северодонецкой ТЭЦ²⁴.

Украинский политолог М. Витебский полагает, что Пекин заинтересован в кооперации с Украиной, поскольку он получает рынок сбыта машиностроительной продукции. М. Витебский обозначил два направления сотрудничества, планируемого в области энергетики: 1) модернизация украинских угольных предприятий; как ожидается, китайские инвесторы будут поставлять свое оборудование на шахты Донбасса. (Примечательно, что активное двустороннее взаимодействие в угольной сфере развивается с 2011 г. Например, в августе 2011 г. Украина и Китай заключили договор о запуске совместного пилотного проекта по модернизации шахты им. Мельникова в Луганской области); 2) модернизация изношенного оборудования украинских ТЭС с последующей заменой газового оборудования на оборудование, работающее на твердом топливе²⁵.

Лето—осень 2012 г. ознаменовались резкой активизацией контактов между Киевом и Пекином. По мнению политолога, главного редактора газеты «Цена вопроса» С. Стремидловского, интенсивность контактов между сторонами и сделанные заявления позволяют сделать вывод о вероятном масштабном проникновении Китая на украинские рынки. Но если в области энергетики китайскому бизнесу придется столкнуться со многими внешними игроками — Москвой, Брюсселем, Вашингтоном, Анкарой, то на аграрном рынке такой конкуренции практиче-

ски не будет. Вместе с тем надо понимать, что, куда бы ни приходил Пекин, он старался получить контрольный пакет, обезопасив себя от возможного произвола местных властей. И в этом случае вопрос, кому в итоге достанется украинская земля, остается пока без ответа²⁶.

III. Военно-техническое сотрудничество

Безусловно, Пекин глубоко заинтересован в оборонно-промышленной продукции Украины. Помимо партнерства в авиационной промышленности, в КНР реализуются поставки газотурбинных установок для китайского авианесущего крейсера «Ляонин», двигателей АИ-222 для китайских учебно-тренировочных самолетов L-15, осуществляется контракт на поставку вертолетных двигателей и др. К 2013 г. Украина и Китай планировали довести объем товарооборота продукции военного назначения до 2 млрд долл., что эквивалентно общему обороту двустороннего военно-технического сотрудничества за предыдущие 8 лет²⁷.

14 января 2013 г. состоялась встреча министров обороны Украины и КНР, в ходе которой китайский министр, генерал-полковник Лян Гуанле отметил высокий потенциал и широкие перспективы взаимодействия с ВС Украины. «Сотрудничество наших стран в оборонной сфере стабильно развивается. Мы активно обмениваемся опытом подготовки войск, ведем военно-техническое сотрудничество, сотрудничаем в области военного образования. С 1999 г. в военных учебных заведениях Украины прошли подготовку свыше 200 китайских офицеров. Уверен, что наша встреча открывает новую страницу в развитии двустороннего партнерства»²⁸. Кроме того, по словам премьер-министра Н.Я. Азарова, «хорошим примером двустороннего взаимодействия в военной сфере является построение Украиной кораблей на воздушной подушке для китайской армии»²⁹. «Перспективным является и сотрудничество в аэрокосмической отрасли»³⁰.

В издании «Зеркало недели. Украина» замечают, что высокая доверительность в отношениях Киева и Пекина была достигнута благодаря сотрудничеству в сфере ВПК. Китай заинтересован в Украине как источнике «ноу-хау», хотя на самой Ук-

раине очень мало делается для вложения средств в то, что действительно может принести деньги при мудром построении отношений с КНР. Совместные проекты могли бы стать не только прибыльными, но и взаимовыгодными. В Китае визиты руководящих политиков КПК на Украину всегда рассматриваются как сигнал китайскому бизнесу активизировать деятельность на данном направлении, в этой конкретной стране. Для Киева сегодня важно не упустить этот новый шанс³¹.

IV. Научно-технологическое взаимодействие

С 2011 г. проходят диалоги между украинско-китайскими «мозговыми центрами». 18 апреля состоялся первый диалог, организованный ИРВЕЦА КАОН. Заместитель генерального директора департамента внешних связей и сотрудничества КАОН Ван Лэй в своем выступлении отметил, что «данный диалог является важной площадкой для сотрудничества между учеными и специалистами двух стран, который будет играть позитивную роль в укреплении взаимного понимания, углублении традиционной дружбы и поощрении сотрудничества и контактов между «мозговыми центрами» и научными институтами двух стран»³².

Китайский Экспортно-импортный банк (Эксимбанк) проявил заинтересованность в реализации украинского национального проекта (НП) «Открытый мир», который имеет социальную направленность. По словам главы Госинвестпроекта В.В. Касьякива, «он должен охватить 500 школ и 20 тыс. учащихся. Это означает, что каждый из учеников получит персональный «электронный учитель», а каждая из школ будет обеспечена мобильным интернетом». Кроме того, разрабатывается мощный веб-портал, на котором будут размещены мультимедийные интерактивные уроки. В 2012 г. проект будет опробован на уровне 7-х классов, а в дальнейшем — расширен как на другие школы, так и на другие классы.

В свою очередь заместитель генерального директора по корпоративным операциям Эксимбанка КНР Вэнь Хун заявила, что в Китае «много компаний, которые способны воплощать подобные проекты, и мы готовы к сотрудничеству в рамках таких инициатив». Планировалось, что до конца августа 2012 г. будет подписано соответствующее трехстороннее соглашение

между Госинвестпроектом, Эксимбанком Китая и китайским партнером проекта.

Кроме того, стороны обсудили перспективы сотрудничества по реализации других НП Украины, в частности, «Теплый дом» и «Олимпийская надежда — 2022». При помощи реализации НП «Теплый дом» украинская сторона планирует сократить потребление газа в коммунальном секторе на 9 млрд куб. м в течение 3—5 последующих лет. «Это должно быть достигнуто путем утепления жилых домов, модернизации коммуникаций и котельных. Пилотный проект мы планируем реализовать уже в 2012 г. до начала отопительного сезона — в городе Тернополе. Компания, которая примет участие в пилотном проекте, может претендовать на лидерство в проекте, который охватит всю страну», — сообщил В.В. Каськив³³.

V. Межпартийные контакты

В апреле 2011 г. было подписано Соглашение о сотрудничестве между КПК и Партией регионов (ПР) Украины. Китайская сторона выразила уверенность, что данный документ придаст огромный импульс всестороннему развитию межпартийных и межгосударственных отношений в целом³⁴.

В поздравительном письме съезду ПР, состоявшемуся 30 июля 2012 г., генеральный секретарь ЦК КПК Ху Цзиньтао отметил, что «с момента установления дипломатических отношений между государствами двусторонние отношения стабильно развиваются по здоровому пути. В последние годы политическое доверие между нашими странами непрерывно укрепляется, день от дня углубляется сотрудничество в торгово-экономических, научно-технических, аграрных, авиационных и гуманитарных областях, сотрудничество в многосторонних рамках. И Партия регионов как правящая партия Украины играет важную роль в защите государственной стабильности, стимулировании развития экономики и улучшении уровня жизни народа Украины»³⁵.

30 июля 2012 г. состоялась встреча представителей ПР с делегацией КПК. Согласно официальной информации, стороны обсудили вопросы стратегического двустороннего сотрудничества и укрепления дружественных партнерских отношений как

на уровне партий, так и на уровне государств. Кроме того, украинская сторона призвала представителей КНР перенести добрые политические отношения в экономическую плоскость³⁶.

VI. Гуманитарные связи

По случаю 20-летия установления дипломатических отношений между Китаем и Украиной в 2012 г., а также в преддверие государственного визита председателя КНР Ху Цзиньтао на Украину 10 июня 2011 г. в посольстве Украины в Пекине прошла презентация первого номера книги «Изучение Украины», который был составлен Центром украиноведения при Чжэцзянском педагогическом университете³⁷.

В китайском обществе повышается интерес к изучению украинского языка и культуры. По официальным данным Государственной канцелярии КНР по распространению китайского языка за рубежом, на Украине открылись 4 института Конфуция, в которых изучают китайский язык и культуру³⁸. Были успешно проведены Дни культуры Украины в Китае в 2010 г. и Китая на Украине — в 2011-м. По словам замминистра иностранных дел Украины В.А. Майко, «полные концертные залы в КНР собирали гастрольные балетные труппы Национальной оперы Украины им. Т. Шевченко, Национального симфонического оркестра Украины и других творческих коллективов»³⁹. Намечается интересный общий проект по созданию художественно-документального сериала о дружбе народов Украины и Китая, истории и настоящем двусторонних отношений. Кроме того, большие ожидания возлагаются на сотрудничество между Украиной и КНР в области образования. Согласно недавно подписанному соглашению, уже с 2013 г. сотня украинских студентов будет учиться в лучших китайских университетах на стипендии правительства КНР. При этом речь идет и о специалистах по техническим дисциплинам⁴⁰.

В связи с увеличением интереса на Украине к изучению китайского языка Н.Я. Азаров предложил совместно разработать учебник для изучения китайского языка и создать на Украине специализированную школу с преподаванием всех предметов на китайском языке⁴¹. Всекитайский благотворительный Фонд им. Сун Цинлин оказывал всестороннее содействие в реализа-

ции проекта по оздоровлению в Китае 200 украинских детей-чернобыльцев в 2012 г.⁴²

VII. Три модели интеграции: российская, китайская и украинская

В постсоветской системе международных отношений Россия играет роль стержневого элемента, с изъятием которого система перестала бы существовать. Вместе с тем страны СНГ представляют для России двуединый политико-экономический ресурс. С одной стороны, государства Содружества это реальные и потенциальные рынки для реализации как сырьевых, так и промышленных товаров, а с другой — дополнительный внешний фактор, благоприятствующий осуществлению глобальных задач⁴³.

А. Российская модель

Об интеграционных процессах на пространстве СНГ В.В. Путин размышляет в статье «Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня», опубликованной в газете Известия. Говоря о создании Евразийского союза, Президент РФ указывает на следующие перспективы:

Во-первых, речь идет не о воссоздании СССР, но о тесной интеграции на новой ценностной, политической, экономической основе. Это модель мощного наднационального объединения, способного стать одним из полюсов современного мира и при этом играть роль эффективной «связки» между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом.

Во-вторых, Евразийский союз послужит своего рода центром дальнейших интеграционных процессов. То есть будет формироваться путем постепенного слияния существующих структур — Таможенного союза, Единого экономического пространства.

В-третьих, Евразийский союз и Содружество независимых государств не будут противоречить друг другу. У каждой из этих структур есть свое место и своя роль на постсоветском пространстве. Тем более, что нам досталось большое наследство от Советского Союза — это и инфраструктура, и сложившаяся производственная специализация, и общее языковое, научно-культурное пространство. Поэтому совместное использование этого ресурса для развития — в наших общих интересах.

В-четвертых, Евразийский союз — это открытый проект, который приветствует присоединение к нему других партнеров, и прежде всего стран Содружества. При этом никто не собирается кого-либо торопить или подталкивать. Это должно быть суверенное решение государства, продиктованное собственными долгосрочными национальными интересами.

Таким образом, создание Евразийского союза, эффективная интеграция — это тот путь, который позволит его участникам занять достойное место в сложном мире XXI века. Только вместе наши страны способны войти в число лидеров глобального роста и цивилизационного прогресса, добиться успеха и процветания (рис. 1)⁴⁴.

Рис. 1. Модель Евразийского союза России

По мнению китайских экспертов из ИРВЕЦА КАОН Чэнь Ицзюня и Чжан Хунся, одной из трудноразрешимых проблем на пути создания Россией единого экономического пространства является позиция Украины. Украина играет важную роль в СНГ; без ее участия Евразийский союз будет неполным, разрозненным. В каком-то смысле успех или неудача Евразийского Союза будет зависеть от того, вступит Украина в него или нет.

Аналитики отмечают, что население 10 стран-участниц СНГ без России составляет 130 млн человек, из которых 50 млн живут на Украине. Она является второй экономикой и рынком на пространстве СНГ, ее совокупные экономические показатели, уровень аграрно-промышленного производства, научно-технологический потенциал уступают только России и далеко опере-

жают остальных участников Содружества. В этом смысле Украина имеет не только политическое, но и экономическое значение для РФ. Украина является 4-м торговым партнером России в мире, в 2011 г. объемы двусторонней торговли достигли 50,6 млрд долл. (6,2 % от всего торгового оборота РФ) и крупнейшим торговым партнером в СНГ. Ее доля — 41,31 %, что составляет примерно половину от всей торговли РФ на пространстве Содружества. Авторы подчеркивают, что в первые годы после распада СССР страны Балтики ускоренными темпами отдалялись от России, в конечном итоге вступив в ЕС и НАТО, российско-грузинский конфликт в 2008 г. отдалил Грузию от России. И если в будущем Евразийском союзе не найдется места Украине, то российское влияние и ее международное положение без сомнения существенно ослабеют⁴⁵.

Сотрудник Центра исследований российской внешней политики при ИРВЕЦА КАОН Лю Дань замечает, что изменчивый внешнеполитический курс Киева (или курс стратегического равновесия в украинской интерпретации) вносит фактор нестабильности и неопределенности в интеграционные процессы на пространстве СНГ. С 2011 г. Украина активно ведет переговоры с ЕС о создании зоны свободной торговли, что вызывает недовольство и тревогу РФ. Если Украина вступит в Евросоюз, она окончательно освободится от российского влияния и станет частью Европы. При таком развитии событий этот шаг Украины может вызвать «эффект домино» и стать примером для подражания для других членов СНГ. Без Украины, заключает автор, у интеграционных процессов Содружества не будет перспектив⁴⁶.

Б. Китайская модель

Заместитель генерального директора Департамента международных отношений газеты «Жэньминь жибао» Инь Шугуан полагает, что к числу стран, которым Китай отводит первостепенную роль на пространстве СНГ, относятся РФ, Казахстан и Украина. В новой региональной стратегии КНР рассматривает Россию как *осевое государство*, а Казахстан и Украину в качестве *важных опорных стран*. Таким образом, в формуле «одна ось — две опоры» закладывается идея достижения равновесия сил на западном стратегическом направлении Китая, которое

позволит ему сконцентрировать внимание на вызовах в южном и восточном направлениях, главными из которых Пекин считает кризис вокруг Тайваньского пролива и коллизии в Южно-Китайском море (рис. 2).

Рис. 2. Новая евразийская стратегия Китая

В. Украинская модель

В ежегодном послании Верховной Раде президент Украины В.Ф. Янукович отметил, что «Украина формирует систему своих стратегических отношений, исходя из провозглашенного курса на модернизацию страны в современном глобализованном мире. Особенное значение приобретает взаимодействие с РФ, США и КНР... В то же время сотрудничество с каждым из стратегических партнеров имеет свою специфику и приоритетные направления»⁴⁷. Вместе с тем в статье «Двадцать лет Украины: Наш путь только начинается» глава украинского государства отметил 4 стратегических направления внешней политики: Европу, РФ, США и Китай, подчеркнув, что Украина открыта для диалога и не отступит от своих принципов, главный из которых — служение интересам украинского общества и демократического государства⁴⁸.

Говоря о создании Евразийского союза и присоединении Украины к евразийским интеграционным процессам во время интервью «Российской газете», президент Украины отметил, что «мы присматриваемся сейчас к этому экономическому образованию, ... но дать конкретный ответ на сегодняшний день не готовы. Из этого интеграционного процесса Украина выпала почти на пять лет, ... и поскольку мы очень сильно отстали, мы пока не понимаем, как нам процедурно войти в этот процесс Возможно, после того как увидим хотя бы первоначальные ре-

зультаты, по которым можно будет дать оценку, ... мы поймем, что это дает государствам, как это влияет на суверенитет»⁴⁹.

По мнению бывшего министра иностранных дел Украины К.И. Грищенко, Украине нужен стратегический баланс: чем больше точек опоры будет иметь украинская внешняя политика за пределами линии ЕС—РФ, тем более стабильной, уверенной она станет (рис. 3). Он подчеркнул, что в многополярном мире необходимо искать партнеров, заинтересованных в экономических дивидендах и политической выгоде, которую принесет сотрудничество с Украиной, но готовых принимать ее такой, какая она есть. То есть независимой, демократической, с собственным, украинским, набором приоритетов, в чем-то пророссийской, в чем-то проевропейской, а частично — «вещью в себе». И таким перспективным партнером является Китай. Тем более, что КНР, по словам К.И. Грищенко, заинтересована в Украине. Поэтому «приход китайского инвестиционного капитала — дело позитивное. Его не только не надо бояться, но и нужно всячески приветствовать — как фактор, который даст нашей экономике дополнительную стабильность и уверенность в завтрашнем дне»⁵⁰.

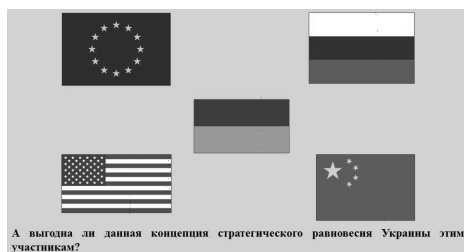

Рис. 3. Модель стратегического равновесия Украины

Как полагают авторы монографии «Россия в полицентричном мире», внешнеполитическое позиционирование Украины⁵¹ определяется не ее региональной принадлежностью, а самостоятельно устанавливаемой дистанцией по отношению к влиятельным внешним центрам силы. Здесь авторы отмечают уникальность промежуточного — географического, экономического, идеологического — положения между двумя внешними центра-

ми притяжения — РФ и ЕС, которое предоставляет возможность Украине использовать демарш сближения с одним из внешних игроков для воздействия на позицию другого⁵². На наш взгляд, подобные конъюнктурные, узконаправленные (ради получения сиюминутной выгоды) политические амбиции быстрее приведут к кризису, который уже можно наблюдать на Украине, чем к поступательному и долгосрочному развитию.

Комментарий. Очень сложно просчитать вероятность событий, но очевидно, что каждый из участников данной схемы желает перетянуть большую часть «одеяла» на себя. Другая же позиция более дальновидных политиков заключается в том, что общая интеграция принесет большие плоды, чем индивидуальные усилия.

Выводы

Трудно не согласиться с тезисом К.И. Грищенко, что «Украина, как и большинство стран мира, стоит на пороге новой международной реальности, которая будет или с выраженным знаком 'плюс' или с таким же выраженным знаком 'минус'»⁵³. Вместе с тем, очевидно, что самостоятельно решать глобальные стратегические задачи Украина как независимое государство еще не в состоянии. Политические спекуляции руководства страны ориентированы на интеграцию с ЕС, но уже 20 лет результата все нет. Украина — это еще не Евросоюз; кризисной Европе хватает проблем с Кипром, Грецией, Португалией и т. д.; а что даст позитивного Украина Европе? Дешевую низкоквалифицированную рабочую силу, мотивированную на высокие зарплаты и уровень жизни в Западной Европе. Понятно, что во многом выходом для Украины является ее интеграция с Востоком. Фобии украинской политической элиты заключаются в непонимании роли России как ускорителя мировых интеграционных процессов.

Трудно надеяться, что в одночасье менталитет украинского руководства сменится, и Киев выберет ориентацию на Восток (а ведь есть много примеров позитивного влияния Востока на Ук-

раину: например, корейская радиоэлектроника, железнодорожный транспорт⁵⁴, машиностроение; товары народного потребления китайского производства; российские энергоносители). По-видимому, повторяется историческая ошибка, допущенная при попытке разрешения кризисной ситуации во времена Золотой Орды. Тогда политическая элита была ориентирована на Ватикан; князь Даниил Романович (Галицкий) даже получил титул короля (в 1253 г.), но решать проблемы все равно пришлось с Золотой Ордой и ехать туда с «низким-низким поклоном» (крестовый поход против Орды, объявленный Ватиканом, остался только декларацией)⁵⁵.

Исторический опыт свидетельствует о том, что только в тесном и братском содружестве с Россией Украине удавалось сохранить себя от полного уничтожения (физического — противостояние с Османской империей и фашистской Германией; социального и национального — с Речью Посполитой; суверенного — с Австро-Венгрией). Исходя из этого факта и нужно строить стратегию развития на будущее.

Говоря о украинско-китайских отношениях, можно согласиться с мнением, что ни по качественным, ни по количественным показателям они не дотягивают до уровня российско-китайских. Со стороны КНР стратегическое партнерство с РФ — это планомерная и постоянная координация⁵⁶. Изучение и хотя бы теоретическая экстраполяция опыта российско-китайских отношений стратегического партнерства и взаимодействия на украинскую почву, возможно, позволит Киеву понять, что позволило этим связям развиваться до нынешнего уровня, как обе страны позиционируют себя по отношению друг к другу, как пытаются отстаивать собственные интересы.

Примечания

¹ См.: Жэньминь жибао. 19.04.2011.

² Китайский информационный Интернет-центр. URL: russian.china.org.cn. 28-06-2011. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2011-06/28/content_22876871.htm.

³ Жэньминь жибао. 20.06.2011.

⁴ URL: <http://www.inosmi.ru/fareast/20110621/170963678.html>.

⁵ Синьхуа. 19.04.2011.

⁶ Синьхуа. 08.06.2011.

⁷ Синьхуа. 21.06.2011.

⁸ Синьхуа. 20.06.2011.

⁹ Там же.

¹⁰ URL: <http://www.regnum.ru/news/1593735.html>.

¹¹ Китай поможет Украине получить статус наблюдателя в Шанхайской организации сотрудничества // Зеркало недели. Украина. 16.11.2012. URL: http://zn.ua/ECONOMICS/kitay_pomozhet_ukraine_poluchit_status_na_blyudatelya_v_shanhayskoy_organizatsii_sotrudnichestva.html.

¹² Азаров предложил открыть на Украине школу с обучением на китайском языке // Зеркало недели. Украина. 06.09.2012. URL: http://zn.ua/SOCIETY/azarov_predlozhit_otkryt_v_ukraine_shkolu_s_obucheniem_na_kitayskom_yazyke.html.

¹³ ИА REGNUM. 18.09.2012. URL: <http://www.regnum.ru/news/1572125.html>.

¹⁴ URL: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_chn/gjhdq_603914/gj_603916/oz_606480/1206_607496/sbgx_607500/.

¹⁵ Украина планирует до 2015 г. удвоить товарооборот с Китаем // Зеркало недели. Украина. 16.11.2012. URL: http://zn.ua/ECONOMICS/ukraina_planiruet_do_2015_goda_udvoit_tovarooborot_s_kitaem.html.

¹⁶ Синьхуа. 19.04.2011.

¹⁷ См.: Проблемы национальной стратегии. 2012. № 1. URL: <http://www.riss.ru/images/pdf/journal/2012/1/Strategy2012-1.pdf>.

¹⁸ Интерфакс. Украина. 03.12.2012. URL: <http://interfax.com.ua/news/economic/129900.html>.

¹⁹ URL: <http://www.regnum.ru/news/1559059.html>.

²⁰ Интерфакс. Украина. 06.02.2013. URL: <http://interfax.com.ua/news/economic/139259.html>.

²¹ URL: http://economics.unian.net/rus/news/132112-tsentrobanki-ukrainy-i-i-kitaya-podpisali-valyutnyiy-svop-na-15-mlrd-yua_nan.html.

²² Там же.

²³ URL: <http://www.regnum.ru/news/1612876.html>.

²⁴ Зеркало недели. Украина. 14.09.2012. URL: http://zn.ua/ECONOMICS/kitayskiy_kredit_pomozhet_ukraine_sokratit_ezhagodnoe_potreb_lenie_gaza_na_3_mlrd_kubometrov2.html; см. также: Зеркало недели. Украина. 10.12.2012. URL: http://zn.ua/ECONOMICS/naftogaz_privlekaet_u_gosbanka_kitaya_3,656_mlrd_dlya_perehoda_s_gaza_na_ugol.html.

²⁵ Эксперт: Китай использует Украину для подрыва позиций «Газпрома» в Европе. ИА REGNUM. 17.07.2012. URL: <http://www.regnum.ru/news/1552128.html>.

²⁶ Станислав Стремиловский: Украинский чернозем достанется Китаю? URL: <http://www.regnum.ru/news/1579301.html>.

²⁷ Проблемы национальной стратегии. 2012. № 1. URL: <http://www.riss.ru/images/pdf/journal/2012/1/Strategy2012-1.pdf>.

²⁸ URL: <http://regnum.ru/news/1613074.html>.

²⁹ Речь идет о малом десантном корабле на воздушной подушке (МДКВП). В 2009 г. Украина заключила контракт с КНР на строительство и поставку МДКВП. Объем контракта оценивается в 350 млн долл. Это строительство и поставка 4 кораблей. Из них 2 корабля должны быть построены на Украине, 2 — в КНР с участием украинских специалистов. Более подробно см.: Интерфакс. Украина. 17.04.2013. URL: <http://interfax.com.ua/news/economic/149835.html>.

³⁰ URL: <http://www.regnum.ru/news/1613316.html>.

³¹ Коваль А. Все будет Китай! // Зеркало недели. Украина. 17.06.2011. URL: http://gazeta.zn.ua/POLITICS/vse_budet_kitay.html.

³² Жэньминь жибао. 19.04.2011.

³³ ИА REGNUM. 16.08.2012. URL: <http://www.regnum.ru/news/156209.html> В апреле 2013 г. глава Госинвестпроекта отметил, что 17 нацпроектов находятся в сфере управления его ведомства, 9 из которых перешли в фазу практической реализации. В частности, это «Воздушный экспресс», «LNG-терминал», «Открытый мир», «Качественная вода», «Олимпийская надежда», «Новая жизнь», «Технополис», «Чистый город» и «Своевременная помощь». По словам чиновника, юридически зафиксирован объем инвестиций более 3 млрд гривен. URL: <http://www.segodnya.ua/economics/enews/Vlast-ne-daet-deneg-na-nacproekty-Kaskiv.html>. Вместе с тем стоит отметить, что более подробной информацией о том, как на практике реализуются указанные проекты, кроме декларативных замечаний главы украинского ведомства В.В. Каськива, у автора данной статьи нет.

³⁴ Синьхуа. 19.04.2011.

³⁵ URL: <http://www.regnum.ru/news/1557409.html>.

³⁶ ИА REGNUM. 31.07.2012. URL: <http://www.regnum.ru/news/1556747.html>.

³⁷ Жэньминь жибао. 13.06.2011.

³⁸ URL: http://www.hanban.edu.cn/confuciousinstitutes/node_10961.htm.

³⁹ Зеркало недели. Украина. 16.11.2012. URL: http://zn.ua/CULTURE/ukraina_i_kitay_snimut_teserial_o_druzhbe_narodov.html.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ URL: <http://www.regnum.ru/news/1569011.html>.

⁴² URL: <http://www.regnum.ru/news/1569281.html>.

⁴³ Россия в полицентричном мире / под ред. А.А. Дынкина, Н.И. Ивановой. М.: Весь мир. 2011. С.401.

⁴⁴ Известия. 03.10.2011. URL: <http://izvestia.ru/news/502761>.

⁴⁵ Элосы хуан пишу. Элосы фачжань баогао, 2012 : [Желтая книга о России. Доклад о развитии России, 2012] / под ред. Ли Юнцюаня. Пекин, 2012. С. 112—113.

⁴⁶ Там же. С. 236.

⁴⁷ РФ, США и Китай являются приоритетными для стратегического партнерства — послание Януковича. Интерфакс. Украина. 03.07.2012. URL: <http://interfax.com.ua/news/economic/109738.html>.

⁴⁸ Янукович В.Ф. Двадцать лет Украины: Наш путь только начинается // Зеркало недели. Украина. 19. 08.2011. URL: http://gazeta.zn.ua/POLITICS/dvadtsat_let_ukrainy_nash_put_tolko_nachinaetsya.html.

⁴⁹ Российская газета. 19.03.2012. URL: <http://www.president.gov.ua/ru/news/23428.html>.

⁵⁰ Грищенко К.И. Стратегическое равновесие как шанс Украины в многополярном мире // Зеркало недели. Украина. 9 марта 2012. URL: http://gazeta.zn.ua/POLITICS/strategicheskoe_ravnovesie_kak_shans_ukrainy_v_mnogopolyarnom_mire.html.

⁵¹ Россия в полицентричном мире... С. 378. В монографии этот тезис распространяется на постсоветские страны Новой Восточной Европы, куда кроме Украины входят Беларусь и Молдова.

⁵² Там же.

⁵³ Грищенко К.И. Стратегическое равновесие как шанс Украины в многополярном мире.

⁵⁴ Скоростные поезда для Украины будут поставлять корейцы. URL: http://www.biletasapsan.ru/news/id_31896.

⁵⁵ Даниил Романович // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 86 томах (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890—1907. См. также: Россия между Ордой и Западом. URL: http://www.bbc.co.uk/russian/russia/2012/12/121212_russia_yoke.shtml.

⁵⁶ Коваль А. Указ. соч.

Р.К. Алимов*

К ВОПРОСУ О ТАДЖИКСКО-КИТАЙСКОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Учиться и, когда придет время, прикладывать
усвоенное к делу — разве это не прекрасно!

Конфуций

Аннотация. Статья посвящена состоянию и перспективам таджикско-китайского сотрудничества в сфере образования. Отмечается большое значение изучения китайского языка — языка великого соседа Республики Таджикистан (РТ), который выступает не только средством общения, инструментом экономических и культурно-гуманитарных связей, но и носителем духовных ценностей, накопленных за всю историю китайской цивилизации. На базе конкретных примеров и статистических данных сделан вывод о том, что создание в Таджикистане дополнительных условий и возможностей для изучения китайского языка будет способствовать укреплению добрососедства, дружбы и сотрудничества между РТ и КНР.

Ключевые слова: Таджикистан, Китай, китайский язык, Институт Конфуция, добрососедство.

* Алимов Рашид Кутбиддинович, к.социол.н., Чрезвычайный и Полномочный Посол РТ в КНР, почетный профессор Китайского университета международных отношений.

І. Язык международного общения XXI века?

Взаимопонимание, установление доверительных отношений между партнерами начинается с языка общения — моста, дающего возможность различным культурам и цивилизациям налаживать связи между собой. На границе двух тысячелетий ведущим языком международного общения на планете являлся английский¹. Однако начиная с первого десятилетия XXI в. ситуация постепенно меняется. *Китайский язык, являющийся одним из шести официальных языков ООН, стремительно завоевывает мировое лингвистическое пространство.* Сегодня его можно смело назвать языком международного общения в обширном Азиатско-Тихоокеанском регионе, а в ближайшие годы — и самым популярным языком на планете. Объективным фактором повышенного интереса к Китаю и китайскому языку является и процесс глобализации, стремительное развитие транспорта и связи, которые превратили нашу планету в одну «глобальную деревню», где каждый пятый житель говорит на китайском языке. Стоит также отметить, что в Шанхайской организации сотрудничества — одном из влиятельных региональных объединений на евразийском пространстве, включающем 6 государств-членов (Казахстан, Китай, Кыргызстан, Россия, Таджикистан и Узбекистан) и 5 государств-наблюдателей (Афганистан, Индия, Иран, Монголия, Пакистан), — китайский язык наряду с русским является официальным языком. С учетом тесного сотрудничества государств, входящих в Организацию, и перспектив экономической интеграции *знание китайского языка открывает самые широкие возможности для молодых людей на обширном пространстве ШОС.*

Стремление изучать китайский язык, получить диплом о высшем образовании в Китае, прикоснуться к китайской культуре — не дань моде, а веление времени. Сегодня китайский стал вторым языком в сфере бизнеса и тем иностранным языком, количество изучающих который растет самыми быстрыми темпами. В настоящее время в мире по данным из разных источников китайский язык изучают свыше 40 млн иностранцев. Особое внима-

ние изучению китайского языка уделяют в Соединенных Штатах Америки², Европе и Юго-Восточной Азии. Многие образовательные учреждения вводят китайский язык в свою программу как основной для изучения. Свыше 2500 университетов, 800 из которых находятся в США, в учебном расписании имеют дисциплину «китайский язык». В Республике Корея и Японии почти во всех вузах открыты курсы китайского языка³. В 2009 г. во время визита в Китай президент США Барак Обама выступил с инициативой, названной им «100 тысяч сильных» (100 000 Strong Initiative). Ее цель — значительное увеличение числа американцев, обучающихся в Китае. Для ее достижения США до 2014 г. направят на учебу в Китай 100 000 американских студентов⁴. Одна из главных задач, которую предстоит решить в рамках инициативы Барака Обамы, — подготовить следующее поколение американских экспертов по Китаю, которое будет заниматься развитием политических, экономических и культурных отношений между США и КНР и создавать новые возможности для учебы в КНР для школьников и студентов.

Большое значение вопросам изучения китайского языка уделяется в России. Вслед за проведением в 2009 г. Года русского языка в Китае успешно прошел Год китайского языка в РФ (2010 г.). По оценке В.В. Путина, «Год китайского языка в России — это новый, яркий проект, отражающий особый, уникальный характер отношений, которые сложились на сегодняшний день между Россией и Китаем»⁵. В течение тематического Года в России прошло свыше 200 мероприятий, охвативших 23 российских региона; они внесли новые семена дружбы и сотрудничества, укрепили духовную связь между двумя соседними народами, открыли для россиян новые грани китайской культуры. Но главное, они дали мощный толчок изучению китайского языка на всей территории РФ. В настоящее время в России функционирует 17 Институтов Конфуция (только во время Года китайского языка в России было открыто 5 новых Институтов). Сегодня язык «великого соседа» изучается более чем в 130 российских вузах; в 20 средних школах он преподается как первый, основной иностранный язык⁶. Расчет число молодых людей из России, стремящихся получить китайский диплом о высшем

образовании: в 2012/2013 уч. г. в Китай прибыло и учится в различных университетах 13 340 российских студентов, причем подавляющее большинство из них — за свой счет⁷. По оценкам обеих сторон, проведение Года русского языка в Китае и Года китайского языка в России дало дополнительный импульс не только развитию двустороннего сотрудничества в области языкознания, но и в сфере образования в целом, а также в области культуры, театра, кинематографии, средств массовой информации, науки и техники.

Молодые люди из соседних с Китаем Казахстана и Кыргызстана также стремятся учиться в университетах КНР: в 2012/2013 уч. г. число молодых людей, обучающихся в высших учебных заведениях Китая из этих стран, достигло соответственно 8972 и 2825 человек⁸.

Масштабы увлечения китайским языком и стремление учиться в Китае — объективная реакция на рост геополитического влияния КНР, превращение ее в один из крупнейших факторов мирового развития и роста экономического потенциала планеты. Немаловажно и то, что для России и США, ЕС, Японии и Кореи, равно как и для Таджикистана, Казахстана и Кыргызстана, Китай в последние годы является ведущим торговым партнером. По мере «мирного возвышения» Китая в мире объективно будет расти как тяга к китайскому языку, к богатейшей китайской цивилизации, так и стремление овладеть языком ключевого делового партнера в мире⁹. Особое значение это имеет для стран-соседей Китая.

II. Китайский язык в Таджикистане — язык дружбы и сотрудничества

С начала XXI в. в Республике Таджикистан отмечается все возрастающий интерес к Китаю и изучению китайского языка. Это связано с глубинными изменениями позитивного характера, произошедшими в двусторонних отношениях благодаря совместным усилиям сторон после установления в 1992 г. дипломатических отношений между РТ и КНР. За истекший период Тад-

жикистан и Китай стали добрыми соседями, верными друзьями и надежными партнерами. Бурное развитие таджикско-китайских отношений в последнее десятилетие углубило дружеские связи и двустороннее взаимодействие в деле сохранения регионального мира и безопасности, укрепило экономическое сотрудничество, обеспечило условия для уверенного продвижения двух стран по пути соразвития с учетом национальных особенностей. *Благоприятный «ветер с Востока» не только вывел РТ из транспортного тупика, дал новые шансы и возможности для устойчивого роста, помог широко «расправить паруса» таджикской экономики, но и увлек за собой вступающих в жизнь молодых людей, стремящихся получить высшее образование в Китае, обеспечивающее уверенность в условиях непредсказуемого будущего.*

Основа таджикско-китайского сотрудничества в сфере образования была заложена в марте 1993 г. во время первой в истории встречи руководителей Таджикистана и Китая. По ее итогам была подписана Совместная декларация об основных принципах взаимоотношений между Республикой Таджикистан и Китайской Народной Республикой. В ней было отражено стремление сторон «содействовать расширению сотрудничества между двумя странами в таких областях, как наука и техника, образование...»¹⁰. В 1996 г. между Министерством образования РТ и Государственным комитетом КНР по делам образования было подписано Соглашение о сотрудничестве в области образования. Начиная с 1993 г. правительство Китая ежегодно предоставляет таджикской стороне государственные стипендии, число которых в 2013/2014 учебном году достигло 92, причем 60 из них предоставлены лучшим студентам Таджикского государственного института языков им. Сотима Улугзода и Российско-Таджикского Славянского университета для прохождения годичного курса по изучению китайского языка¹¹.

После провозглашения независимости молодые люди из РТ больше стремились в открывшиеся для них страны Европы и Америку, а также в знакомую и близкую Россию, где в период СССР высшее образование получили несколько поколений таджикских специалистов. В первое десятилетие после установления дипломатических отношений между РТ и КНР¹² у тад-

жикских юношей и девушек не вызвала большого энтузиазма возможность получать образование в Китае. Причины были очевидными: отсутствие прямого воздушного, железнодорожного и автомобильного сообщения между Таджикистаном и Китаем, низкая экономическая и инвестиционная активность китайских компаний в РТ, информационный вакуум, а также отрицательный опыт первых выпускников китайских вузов, возвратившихся в РТ и не нашедших применения своим знаниям на родине. *В период с 1993 по 2005 г. в университеты Китая поступили лишь 265 молодых людей из РТ¹³.*

Открытие в 2005 г. регулярных авиарейсов между городами РТ и КНР, контрольно-пропускного пункта «Кульма-Карасу», через который началось движение людей и товаров в обе стороны, запуск в 2006 г. общенациональных инфраструктурных проектов, осуществляемых в РТ при финансовой поддержке правительства КНР; приход на таджикский рынок крупных китайских компаний, развернувших долгосрочную деятельность в горнодобывающей отрасли, энергетике и в сфере телекоммуникаций и ставших, по сути, «локомотивами» таджикско-китайского экономического сотрудничества, обнаружили острую нехватку таджикских специалистов со знанием китайского языка. Эти и другие факторы, к которым, в первую очередь, стоит отнести *сформировавшийся высокий уровень взаимного доверия между руководителями РТ и КНР, ежегодные двусторонние контакты на высшем и высоком уровнях, отсутствие «раздражителей» в таджикско-китайских отношениях, а главное — впечатляющие результаты, которых Китай добился за годы реформ, явились своеобразным «путеводным маяком» для молодых людей из Таджикистана. За период 2006—2011 гг. уже 3677 юношей и девушек из РТ стали студентами университетов Китая. Таким образом, число таджикских студентов, получивших образование в Китае, за период с 1993 по 2011 г. возросло почти в 300 раз, а с 2005 по 2011 г. — почти в 20 раз¹⁴. При этом, что следует отметить особо, подавляющее большинство таджикских студентов обучается за свой счет. Эта тенденция сохраняется и сегодня: согласно данным Министерства образования КНР в 2012/2013 уч. г. общее количество таджикских студентов, обучающихся в высших учеб-*

ных заведениях Китая, достигло 1389 человек, из них только 285 юношей и девушек учатся по стипендиям, предоставленным правительством Китая, Азиатским фондом образования, ШОС и самими университетами.

III. Почему таджикская молодежь стремится изучить язык Конфуция?

Какие основные причины и факторы являются ключевыми при принятии молодыми людьми непростого решения о необходимости изучать китайский язык и получить образование в Китае? Их несколько. Во-первых, динамично развивающееся многовекторное сотрудничество и партнерство между РТ и КНР; во-вторых, то, что *Китай входит в лидирующую тройку внешнеторговых партнеров Таджикистана*¹⁵; в-третьих, исторически, начиная со времен Великого шелкового пути, и географически Таджикистан и Китай тесно связаны между собой. В последние годы наблюдается также постоянно растущий интерес обеих сторон не только к развитию торгово-экономических связей, но и к укреплению культурно-гуманитарного сотрудничества, к взаимопознанию, гарантирующим прочную связь между двумя странами¹⁶.

Динамичное развитие торгово-экономического сотрудничества между РТ и КНР и высокий уровень инвестиционной активности китайских компаний в Таджикистане, характерные для последних лет, явились побудительным мотивом для молодых людей, мечтающих стать частью многообещающего и долговременного процесса экономического присутствия Китая в РТ. Из приведенного ниже рисунка видно, что *стремительный рост числа молодых людей, желающих изучить китайский язык и получить диплом о высшем образовании в Китае, прямо пропорционален динамике развития внешнеторгового обмена между РТ и КНР*. Однако, как было указано выше, это далеко не единственная причина, побуждающая молодых людей изучать китайский язык.

Как известно, язык выступает главным носителем культуры, выполняет функцию духовно связующей нити для разных наро-

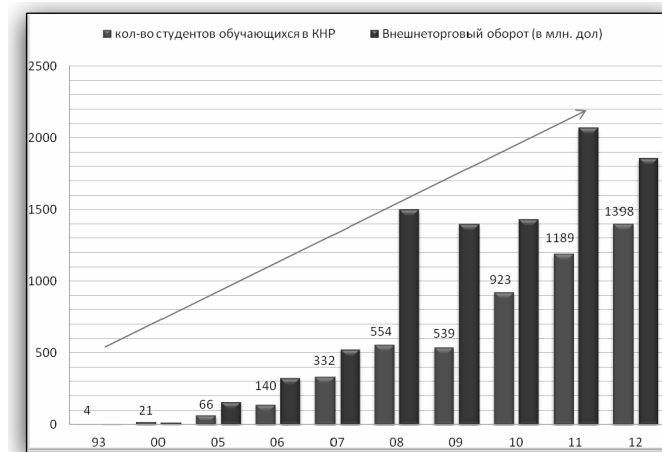

Рис. 1. Сравнительная динамика роста числа студентов из Республики Таджикистан, обучающихся в высших учебных заведениях Китая, и увеличения товарооборота между РТ и КНР (1993—2012 гг.). Диаграмма составлена на основе авторских оценок и данных Китайской государственной таможни и Министерства образования КНР

дов. Опрос таджикских студентов¹⁷, обучающихся в Китае, показал, что для многих из них знание китайского языка помогло сформировать собственное независимое восприятие китайской культуры и событий, которые происходят в Китае. Овладев китайской письменностью, они открыли для себя дверь в новый мир, прикоснулись к истокам одной из древнейших цивилизаций, принесшей миру порох, бумагу, компас и множество других невероятных открытий. Таджикские студенты отмечают также то, что, несмотря на глобальный финансово-экономический кризис, Китай демонстрирует самые быстрые темпы развития экономики в мире и является крупнейшим поставщиком различной продукции на глобальный рынок. По утверждению большинства таджикских студентов, *профессиональное владение китайским языком дает возможность успешно проявить себя во многих сферах деятельности в РТ*, таких, как дипломатия, международные экономические отношения, информационные тех-

нологии, образование и здравоохранение, наука и туризм, частный бизнес и т. д.

По мнению большинства таджикских студентов, в процессе изучения китайского языка — *одного из самых сложных языков в мире* — приобретаются большой жизненный опыт, закаляется воля и характер человека, развивается образное мышление, вырабатываются усидчивость, настойчивость и трудолюбие. Таджикские студенты видят, с каким почтением, заложенным со времен Конфуция, в Китае относятся к родному языку, который является не только средством общения, инструментом экономического и культурно-гуманитарного взаимодействия, но и носителем духовных ценностей, накопленных за многотысячелетнюю историю китайской цивилизации.

IV. Что делать, чтобы идти в ногу со временем?

Руководители РТ и КНР уделяют большое внимание двустороннему сотрудничеству в сфере образования. Данная тема звучит в ходе каждой встречи на высшем уровне, что способствует решению практических задач на этом важном направлении партнерских связей. В августе 2008 г., в ходе официального визита председателя КНР Ху Цзиньтао в Республику Таджикистан, было подписано Соглашение между Таджикским государственным национальным университетом и Главным офисом Института Конфуция о сотрудничестве в создании «Культурно-образовательного центра Конфуций при Таджикском государственном национальном университете»¹⁸. Начиная с марта 2009 г. Центр открыл двери для многочисленных слушателей. За истекший период в рамках учебного процесса было проведено около 6 тыс. уроков китайского языка; 202 слушателя стали стипендиатами Института Конфуция, из них — 71 аспирант, 34 — студенты основного (четырёхгодичного) курса, 95 слушателей прошли годовичную языковую стажировку в университетах Китая¹⁹. Однако время диктует необходимость расширения деятельности Института Конфуция в качестве важной платформы для изучения языка и богатой китайской культуры. Видимо, следует рас-

смотреть возможность открытия его филиалов в областных центрах РТ — в городах Курган-Тюбе, Худжанте и Хороге. Это приблизит Институт Конфуция к тем, кто стремится овладеть языком великого соседа и больше узнать о своеобразной и богатой китайской культуре.

Назрела также необходимость создания условий для непрерывного обучения китайскому языку, начиная со средней школы. В настоящее время в общеобразовательных школах РТ китайский язык не преподаётся. Отсутствует в Таджикистане и специализированная школа с углубленным изучением китайского языка²⁰. «Отстает» китайский язык и по числу студентов в высших учебных заведениях: его преподавание ведется только в Таджикском государственном национальном университете, Российско-Таджикском (Славянском) университете и Институте языков. В определенной степени это связано с проблемой нехватки педагогических кадров — носителей языка, отсутствием апробированной и адаптированной к условиям РТ методики преподавания китайского языка в общеобразовательных школах Таджикистана, китайско-таджикских словарей и пр. Безусловно, эта задача комплексная и требует не только времени и финансового сопровождения, но и активных усилий сторон.

Однако стоит отметить, что в последнее время множится число примеров, связанных с расширением межвузовского партнерства, когда таджикские университеты устанавливают прямые связи с высшими учебными заведениями Китая. Это дает возможность таджикским студентам не только пройти в КНР языковую стажировку (полугодовую/годовую), но и получить диплом о высшем образовании китайских университетов. Такая практика, безусловно, самым положительным образом сказывается на подготовке будущих дипломированных специалистов для РТ. Отрадно, что расширяется обоюдный обмен студентами: в последние годы китайские университеты все чаще используют возможности таджикских партнеров для организации стажировок своих студентов. К примеру, Синьцзянский педагогический университет ежегодно направляет студентов-филологов на шестимесячную практику в Таджикский государственный национальный университет для закрепления полученных знаний по

русскому и таджикскому языкам. В то же время, в отличие от российских образовательных учреждений, открывших в Таджикистане 5 своих филиалов²¹, китайские университеты не торопятся идти в РТ. Велением времени является создание в обозримом будущем таджикско-китайского университета.

Как подчеркнул в своем выступлении перед дипломатическими работниками Президент РТ Эмомали Рахмон, «дальнейшее развитие отношений добрососедства, дружбы и взаимовыгодного сотрудничества с нашим великим соседом — Китайской Народной Республикой — является одной из важнейших задач внешней политики Республики Таджикистан»²². Очевидно, что для реализации масштабных инициатив динамично развивающегося таджикско-китайского сотрудничества, вывода двусторонних отношений на уровень стратегического партнерства подготовка национальных кадров со знанием китайского языка имеет очень большое значение. Поэтапная реализация этих планов отвечает национальным интересам РТ и может дать большое преимущество в решении целого ряда задач устойчивого развития Таджикистана в средне- и долгосрочной перспективе.

Примечания

¹ Сегодня английский язык — один из самых распространенных языков мира: на нем, по разным оценкам, говорит 1,5 млрд человек в мире, и его признают языком международного общения. В то же время по количеству носителей английский язык является 3-м, на 1-м месте — китайский, на 2-м — испанский. URL: http://www.english-globe.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=946&Itemid=5.

² Согласно опросу социологической службы Gallup, опубликованному в начале 2012 г., китайский язык стал 3-м по изучаемости иностранным языком в американских общеобразовательных школах. URL: <http://emergingmoney.com/china/chinese-is-third-most-offered-foreign-language-in-us-schools/>.

³ URL: <http://russian.people.com.cn/31517/6557758.html>.

⁴ Инициатива «100 тысяч сильных» (100.000 Strong Initiative) была озвучена президентом США Бараком Обамой в 2009 г. во время посещения г. Шанхай (КНР). Правительство Китая поддержало данную инициативу и

обязалось предоставить американским студентам 10 000 стипендий («Bridge Scholarships»). 25 мая 2010 г. государственный секретарь США Хиллари Клинтон и госсотрудник КНР Лю Яндон (Liu Yandong) подписали соответствующее Соглашение (people-to-people agreement) и дали официальный старт этой инициативе. Координацию работы по ее практической реализации осуществляет Государственный департамент США. URL: http://www.state.gov/p/eap/regional/100000_strong/index.htm.

⁵ URL: <http://russian.people.com.cn/31521/6930088.html>.

⁶ URL: <http://russian.people.com.cn/31517/7212092.html>.

⁷ URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8063132.html>.

⁸ По данным посольств Казахстана и Кыргызстана в КНР.

⁹ Бажанов Е. Триумфальное шествие китайской грамоты // Китай (Пекин). 2013. № 3(89). С. 32—33.

¹⁰ Таджикистан—Китай. Сборник основных документов (1992—2002 гг.). Пекин, 2008. С. 50. П. 6.

¹¹ URL: <http://news.tj.ru/news/v-tadzhikistane-obyavlen-konkurs-na-poluc-henie-kvot-dlya-obucheniya-v-kitayskikh-universitetakh>.

¹² Дипломатические отношения между Республикой Таджикистан и Китайской Народной Республикой были установлены 4 января 1992 г.

¹³ Данные Министерства образования КНР.

¹⁴ Рассчитано автором.

¹⁵ Данные Агентства по статистике Республики Таджикистан.

¹⁶ Алимов Р. Таджикистан—Китай: на пути друг к другу. М.: ИДВ РАН, 2012.

¹⁷ Опрос был проведен 2 ноября 2012 г. в посольстве РТ в КНР во время ежегодной встречи таджикских студентов, обучающихся в университетах г. Пекин.

¹⁸ URL: http://www.tajikembassychina.com/Ru_06_03.asp.

¹⁹ Данные Института Конфуция при Таджикском национальном университете.

²⁰ В РТ существует 5 специализированных школ с английским «уклоном» обучения и 4 лицея с углубленным изучением турецкого языка.

²¹ В РТ действует Российско-Таджикский Славянский университет, открыты филиалы МГУ им. Ломоносова, Российского горно-металлургического университета, Российского Гуманитарного университета и Российского института стали и сплавов.

²² URL: http://www.tajikembassychina.com/news_detail_183.asp.

В.Б. Кашин*

РОЛЬ НОАК В ЗАЩИТЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ КНР ЗА РУБЕЖОМ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению эволюции подходов руководства Китая к использованию НОАК для обеспечения экономических и политических интересов КНР в удаленных частях мира. В работе анализируются заявления китайского руководства, в которых все чаще даются указания на возможности использования армии за рубежом, а также деятельность китайских ВС, в частности, по эвакуации своих граждан из зон конфликтов и по созданию в будущем системы зарубежных военных баз КНР. Автор приходит к выводу, что характер военного строительства указывает на стремление Китая приобрести в долгосрочной перспективе те же возможности для использования военной силы в глобальном масштабе, которыми уже обладают США.

Ключевые слова: НОАК, задачи, проецирование силы, зарубежные инвестиции Китая.

Официальные взгляды КНР на роль НОАК в обеспечении национальных интересов претерпели несколько этапов изменений на протяжении истории страны. Переход к политике реформ и открытости, последующий за этим быстрый

* Кашин Василий Борисович — к.полит.н., с.н.с. Центра стратегических проблем СВА, ШОС и БРИКС ИДВ РАН.

рост экономического и военного потенциала Китая, его авторитета в мире привели к постепенному переосмыслению руководством страны роли военной силы в защите китайских интересов сначала в рамках Азиатско-Тихоокеанского региона, а затем и в глобальных масштабах. Его практическим результатом уже стало ускоренное наращивание возможностей китайской армии по обеспечению стратегической мобильности.

К соответствующим мероприятиям можно отнести: осуществляемую в настоящее время форсированную закупку бывших в употреблении тяжелых транспортных самолетов Ил-76 из наличия ВВС России и других постсоветских стран; реализацию масштабной программы разработки собственного стратегического транспортного самолета Y-20; развитие амфибийного потенциала военно-морских сил НОАК, в частности серийное строительство десантно-вертолетных кораблей-доков проекта 071, создание проекта универсального десантного корабля типа 081. Китайский флот наращивает присутствие за рубежом, совершая походы в отдаленные районы мира. Военнослужащие НОАК получают дополнительный опыт службы на других континентах за счет более широкого участия Китая в миротворческих операциях ООН.

Постепенное расширение КНР рамок использования НОАК

Постепенное расширение круга задач НОАК было связано с этапами развития политической системы КНР. Китайские военные ученые рассматривают 4 периода военного строительства КНР с 1949 г. по настоящее время, из которых 1-й продолжался с 1949 г. до первой половины 1980-х годов, 2-й — с середины 1980-х годов по 1993 г., 3-й — с 1993 по 2004 г.¹, 4-й — с 2004 г. по настоящее время.

При этом для раннего периода истории КНР был характерен взгляд на армию как на «боевой отряд, рабочий отряд, производственный отряд» («战斗队, 工作队, 生产队»), выдвинутый Мао Цзэдуном еще на Гутяньской конференции в декабре 1929 г. и сохранявшийся вплоть до 1980-х. В рамках предложенной Мао концепции «трех больших задач» (三大任务) НОАК армия продолжала сосредотачивать в своих руках боевые, административные и производственные функции. Новое понимание

задач вооруженных сил было сформулировано Дэн Сяопином в 19 сентября 1981 г. в его выступлении перед представителями военного руководства после крупных учений на севере Китая. Дэн заявил о том, что НОАК должна «защищать социалистическую родину, защищать великолепное будущее политики «четырёх модернизаций» (так называемая концепция «двух защит», 两个保卫).

Следующий китайский лидер, Цзян Цзэминь, в выступлении на XIV съезде КПК в 1992 г. выдвинул новую концепцию, так называемую концепцию «четырёх защит и двух бережений», в рамках которой армии следовало защищать суверенитет над территорией, воздушным пространством и территориальными водами, а также морские интересы, оберегать единство и безопасность родины. Таким образом, впервые помимо задач, связанных с защитой суверенитета и территориальной целостности, была поставлена задача защиты интересов страны на море. Наконец, действующая сейчас формулировка, определяющая рамки использования НОАК, была выдвинута Ху Цзиньтао на расширенном заседании Центрального военного совета КНР в конце 2004 г. Тогда китайский лидер отметил, что армия должна обеспечить поддержку «укреплению руководящей роли партии», а также «обеспечить гарантию безопасности в важный период благоприятных возможностей для развития страны» и, что еще более существенно, «предоставить мощную стратегическую поддержку расширению [сферы] интересов государства» (为国家利益的拓展提供有力的战略支撑). Таким образом, в выступлении Ху Цзиньтао впервые прямо ставилась задача НОАК стать важным фактором укрепления политического влияния КНР в мире. Схожие цели преследовала и последняя задача, поставленная китайским лидером перед военными, — «играть важную роль в защите мира во всем мире и поддержке общего развития»².

Как можно увидеть, каждое новое поколение китайских лидеров выступало с собственными видением целей и задач вооруженных сил, причем это видение отражало растущую мощь китайского государства. Обычно такие программные выступления происходили спустя некоторое время (иногда — спустя несколько лет)

после смены власти в Пекине, иногда — следовали за изменениями в руководстве Центрального военного совета. Можно предположить, что изложения нового видения задач НОАК мы можем ожидать в недалеком будущем и от нового председателя Центрального военного совета, генерального секретаря ЦК КПК, председателя КНР Си Цзиньпина. Си уделяет большое внимание своей роли верховного главнокомандующего НОАК и уже сделал ряд заявлений о принципах военного строительства, призвав, в частности, к созданию сильной армии, которая «слушается партийного руководства, может выигрывать войны и имеет хороший стиль работы» (支听党指挥、能打胜仗、作风优良的人民军队)³. В то же время программное выступление о задачах армии, очевидно, будет увязано с корректировкой внешнеполитической линии КНР, которая продолжает оставаться предметом дискуссий.

В Белой книге по национальной обороне КНР в 2012 г. отмечаются в числе прочих тенденций нарастающие риски для зарубежных интересов КНР. В документе указывается, что наряду со способностью одерживать победы в локальных войнах в условиях применения информационных технологий вооруженные силы должны быть готовы к проведению операций, не носящих характера войны, и выполнять взятые на себя Китаем международные обязательства. В документе также констатируется общий рост напряженности в Азиатско-Тихоокеанском регионе и прямо указывается на политику США как на основной фактор, негативно влияющий на развитие ситуации⁴.

В настоящее время китайские вооруженные силы уже в полной мере вовлечены в операции за пределами Азиатско-Тихоокеанского региона. На протяжении нескольких лет поддерживается постоянное присутствие китайского флота в Аденском заливе, где китайцы присоединились к международной борьбе с сомалийским пиратством. Участие Китая в миротворческих операциях ООН началось лишь в 1990 г. с направления 5 офицеров-наблюдателей в миссию ООН на Ближнем Востоке. По состоянию на 2012 г., около 2 тыс. китайских военнослужащих были задействованы в различных миротворческих операциях ООН, главным образом в Африке. Китайский флот постепенно расширяет географию зарубежных визитов, например, в 2012 г.

были впервые посещены такие удаленные страны, как Израиль и Болгария.

Китайский флот принимает участие в международных гуманитарных операциях и миссиях оказания помощи слаборазвитым странам, призванных укрепить международный авторитет КНР. Крупнейшее и наиболее современное госпитальное судно китайского флота «Хэпин Фанчжоу» в 2010 г. посетило 5 стран Африки, а в 2011 г. — ряд стран Карибского бассейна с целью оказания медицинской помощи местным жителям⁵. Участие китайского флота в гуманитарных операциях, призванных содействовать созданию позитивного имиджа Китая в развивающихся странах, таким образом, можно рассматривать в качестве установившейся практики, которая будет продолжаться и в дальнейшем.

Политические кризисы последних лет продемонстрировали потребность в использовании НОАК для обеспечения безопасности китайских экономических интересов и китайских граждан. В ходе гражданской войны в Ливии в 2011 г. НОАК впервые была задействована в эвакуации многочисленной (до 40 тыс. человек) китайской колонии в данной стране. Для обеспечения безопасной перевозки этих людей в феврале 2011 г. к ливийскому побережью был направлен ракетный фрегат «Сюйчжоу» проекта 054. Это был первый случай выдвижения китайских вооруженных сил в зону вооруженного конфликта, проходящего без участия Китая, для защиты китайских интересов⁶. В марте для обеспечения эвакуации были использованы военно-транспортные самолеты Ил-76 ВВС НОАК. Это также был первый случай направления сил ВВС НОАК в зону вооруженного конфликта⁷. За год до ливийских событий, во время этнической резни в киргизском г. Ош в июне 2010 г. эвакуация более 1 тыс. китайских граждан производилась без участия китайских вооруженных сил чартерными рейсами китайских авиакомпаний, на земле отправку и эвакуацию китайцев обеспечивали киргизские военнослужащие, находившиеся на связи с китайскими дипломатами.

Значительный рост китайских инвестиций за рубежом уже привел к формированию обширной глобальной бизнес-империи. К концу 2012 г. объем накопленных китайских прямых ин-

вестиций за рубежом без учета вложений финансового сектора составлял около 400 млрд долл., при этом прогнозировался их быстрый рост, возможно до 1—2 трлн долл. (оценка Д. Розена из Вашингтонского Института мировой экономики Питерсона)⁸.

Размещение значительной части стратегических инвестиций в нестабильных странах Африки, Центральной Азии и Ближнего Востока ставит вопрос об обеспечении безопасности как самих вложений, так и десятков тысяч китайских граждан, занятых в рамках инвестиционных проектов. Вопрос становится все более насущным, так как китайская экономическая экспансия уже привела к росту антикитайских настроений в ряде стран мира, например, в Африке. Китайские специалисты все чаще становятся жертвами похищений и нападений. В частности, волна насилия против китайцев фиксировалась в 2009—2010 гг. в Анголе, одном из крупнейших получателей китайских инвестиций и инфраструктурных кредитов⁹. Китайцы погибают в ходе этнических конфликтов в Нигерии¹⁰, регулярный характер носят похищения работников китайских нефтяных компаний в Судане¹¹.

Практика показывает, что страны, лидирующие по объемам инвестиций в нестабильных регионах мира, поддерживают в этих регионах заметное присутствие собственных вооруженных сил и высокую активность спецслужб либо, по крайней мере, находятся в союзе с представленными в регионе сильными военными державами. Активная вовлеченность Франции и Великобритании в военные дела в Африке и на Ближнем Востоке является наглядным тому свидетельством. СССР в период наибольшей активности своей африканской политики также не обходился без постоянного военного присутствия в регионе.

Таким образом, нынешняя китайская линия на отказ от военно-политических союзов и создания зарубежных военных баз выглядит нетипичной для крупной державы, осуществляющей экономическую экспансию в развивающемся мире. Следовательно, можно ожидать исправления этой аномалии. Постепенная корректировка китайской внешнеполитической риторики позволяет предположить, что подготовка к этому уже ведется. При этом у самих развивающихся стран уже наблюдается готовность воспринять Китай в его новой роли военного лидера.

В декабре 2011 г. с инициативой о размещении на своей территории китайской военной базы выступили Сейшелы, Министерство обороны КНР в ответном заявлении подчеркнуло, что размещение базы вполне соответствовало бы международному праву, но отказало, сославшись на опасения повредить уникальную природную среду островов.

При этом тема возможного создания сети баз за рубежом активно обсуждается в китайской государственной прессе. Например, публикуемая агентством Синьхуа газета *International Herald Leader* («Гоцзи сяньцю даобао») 4 января 2013 г. опубликовала статью, в которой говорилось, что КНР следует создать сеть из 18 зарубежных военно-морских баз в бассейне Тихого и Индийского океанов. К числу мест, рекомендованных к созданию таких баз, относились порты Чхонджин (КНДР), Порт-Морсби (Папуа-Новая Гвинея), Сиануквиль (Камбоджа), Ко Ланта (Таиланд), Ситтве (Мьянма), Дакка (Бангладеш), Гвадар (Пакистан), Хамбантота (Шри Ланка), Джибути (Джибути), Лагос (Нигерия), Момбаса (Кения), Дар-эс-Салам (Танзания), Луанда (Ангола), Валвис-бэй (Намибия). Кроме того, предлагалось создание баз на Мальдивах и Сейшелах.

Предполагалось, что базы не будут строиться по американскому образцу, а будут ближе к советскому/российскому типу, являясь пунктами снабжения и материально-технического обеспечения. В то же время наряду с пунктами снабжения предлагалось также создание и более постоянных и крупных баз, располагающих собственными ремонтными возможностями и аэродромами для самолетов военно-морской авиации. Авторы статьи предлагали завершить строительство баз в течение 10 лет. Публикация была предпринята, вероятно, с целью политического зондажа — проверить реакцию потенциальных партнеров на идею размещения китайских военных баз.

Вполне очевидна подготовка к будущему глобальному использованию НОАК для продвижения китайских интересов. С 2010 г. Китай приступил к форсированной закупке бывших в употреблении стратегических военно-транспортных самолетов Ил-76 в странах бывшего СССР для быстрого расширения собственного парка военно-транспортной авиации. На данный мо-

мент известно о контрактах с Россией на 10 таких самолетов, с Украиной на 5 самолетов (и еще на 3 самолета-заправщика Ил-78), кроме того, имеется контракт на несколько самолетов с Белоруссией. В начале 2013 г. Китай приступил к испытаниям собственного стратегического военно-транспортного самолета Y-20, для доведения которого до серийного производства потребуется еще несколько лет. Одновременно ведутся переговоры с Россией о закупке партии модернизированных самолетов Ил-76МД-90, производимых в Ульяновске. В статье сотрудников Командного института Второй артиллерии Чжан Цзя и Университета национальной обороны НОАК Ли Вэй в газете «Чжунго Циньнянь бао» 18 января 2013 г. потребность ВВС в тяжелых военно-транспортных самолетах оценивалась в 100 единиц, что обосновывалось необходимостью переброски расчетной пехотной дивизии (15 тыс. человек) в любую точку мира¹².

Уникальный для КНР опыт развертывания боевых самолетов в удаленном от Китая регионе мира и последующего выполнения ими сложных учебных задач был получен в ходе турецко-китайских учений 2010 г. Несколько Су-27СК ВВС НОАК совершили перелет на территорию Турции где, базируясь на турецком аэродроме в районе г. Конья, провели учебные бои с самолетами F-16 турецких ВВС¹³.

ВВС НОАК в настоящее время обращают особое внимание на расширение подготовки летного состава к проведению дозаправок топливом в воздухе и оснащение самолетов соответствующим оборудованием. Известны экспериментальные полеты тактических истребителей с проведением до 10 дозаправок за один вылет. Препятствием пока что являются недостаточные возможности единственного типа китайских самолетов заправщиков — Н-6U, созданных на базе устаревших дальних бомбардировщиков. Эта проблема будет решена по мере поступления заправщиков Ил-78 из Украины и России, а также развертывания производства собственных машин на базе Y-20. Потребность в заправщиках оценивается в упомянутой выше статье Чжан Цзя и Ли Вэй в 30 машин.

Развивается дальняя авиация. Развертывание серийного производства бомбардировщиков Н-6К с резко увеличенной (за

счет новых российских двигателей и перепроектирования планера) дальностью и способностью нести 6—7 крылатых ракет уже в ближайшие годы даст ВВС НОАК возможность наносить массированные удары крылатыми ракетами по целям в границах Азиатско-Тихоокеанского региона.

Кроме того, значительное внимание уделяется перевооружению воздушно-десантных войск НОАК, входящих в состав 15-го воздушно-десантного корпуса (подчинен ВВС). Китай создает мощные воздушно-десантные войска по советскому образцу, оснащенные большим количеством бронетехники и тяжелого вооружения (БМД, самоходные артиллерийские системы) и способные проводить самостоятельные операции за пределами собственной территории.

Вслед за вводом в строй первого авианосца «Ляонин» Китай планирует строительство серии авианосцев, в том числе атомных, способных действовать на большом удалении от собственных берегов. К настоящему времени размещен заказ на разработку и изготовление опытного образца атомного реактора для надводного боевого корабля, а также испытан прототип электромагнитной катапульты для него. Продолжаются интенсивные испытания прототипов палубных самолетов — истребителей J-15, учебно-боевого JL-9, самолета дальнего радиолокационного обнаружения JZY-01.

Китайский флот осуществляет строительство серий кораблей, предназначенных для проецирования силы в удаленные районы мира. Наряду с серийным строительством десантно-вертолетных кораблей доков (ДВКД) проекта 071 подготовлен проект универсального десантного корабля (проект 081), по своим характеристикам подобного французским кораблям типа «Мистраль», закупаемым Россией. Осуществляется также строительство крупной (10 корпусов) серии эсминцев типа 052D, оснащенных многофункциональными системами оружия, построенными по образцу американской «Иджис», и универсальными пусковыми установками для зенитных, крылатых и противолодочных ракет.

В целом, Китай стремится приобрести полный набор военных инструментов проецирования силы в глобальном масштабе,

подобный имеющемуся в распоряжении США, в том числе океанский военно-морской флот, мобильные и мощные военно-воздушные силы, способные к нанесению ударов на большом удалении от национальной территории, а также хорошо подготовленные и эффективные сухопутные силы быстрого развертывания. Процесс наращивания «экспедиционного потенциала» китайских вооруженных сил находится еще в ранней стадии. Потребуется еще несколько лет, чтобы Китай достиг в этом отношении хотя бы уровня Великобритании и Франции, и десятилетия чтобы догнать США. Но, несомненно, что на эти цели уже сейчас направляются многомиллиардные инвестиции и значительные кадровые ресурсы. Можно предположить исходя из этого, что принципиальные решения об изменении глобальной роли китайских вооруженных сил уже приняты, дело за политическим и пропагандистским оформлением этих решений.

Примечания

¹ 孙科佳, 荣仁照. 新中国成立60年军队现代化建设的理论与实践. 北京: 国防大学出版社, 2009 (Сунь Кэцзя, Цай Жэньчжао. Синь Чжунго чэнли люйши нянь цзюнь-дуй сяньдайхуа цзяньшэ дэ лилунь юй шицзянь: [Теория и практика военного строительства и модернизации за 60 лет Нового Китая]). Бэйцзин, 2009. С. 1—58.

² Там же. С. 39.

³ Текст выступления от 12.03.2013 г. на сайте «Жэньминьван». URL: <http://cpc.people.com.cn/n/2013/0312/c64094-20755159.html>.

⁴ URL: http://eng.chinamil.com.cn/special-reports/2013-04/17/content_5305617.htm.

⁵ Информация Министерства обороны КНР об очередном плавании. URL: http://eng.mod.gov.cn/DefenseNews/2011-09/16/content_4298622.htm http://eng.mod.gov.cn/DefenseNews/2011-09/16/content_4298622.htm.

⁶ Collins Gabe and Erickson Andrew. China dispatches warship to protect Libya evacuation mission: Marks the PRC's first use of frontline military assets to protect an evacuation mission // China SignPost(tm) (洞察中国), № 25 (24.02.2011). URL: <http://www.chinasignpost.com/2011/02/china-dispatch-warship-to-protect-libya-evacuation-mission-marks-the-prc%E2%80%99s-first-use-of-frontline-military-assets-to-protect-an-evacuation-mission/>.

⁷ Collins Gabe and Erickson Andrew. The PLA Air Force's First Overseas Operational Deployment: Analysis of China's decision to deploy IL-76 transport aircraft to Libya // China SignPost(tm) (洞察中国), № 27 (01.03 2011).

⁸ Синьхуа. 15/12/2015. URL: http://www.chinadaily.com.cn/bizchina/2012-12/15/content_16020169.htm.

⁹ Hostility towards workers cools Angola-China relationship // The Wall Street Journal. 10.08.2010.

¹⁰ AP. 19.10.2012. Chinese construction worker shot in Nigeria. URL: <http://bigstory.ap.org/article/chinese-construction-worker-shot-nigeria>.

¹¹ Chinese workers abducted in Darfur. Reuters. 13.01.2013. URL: <http://www.reuters.com/article/2013/01/13/us-sudan-china-idUSBRE90C0I020130113>.

¹² URL: <http://periscope2.ru/2013/01/21/6845/>.

¹³ URL: <http://www.aviationweek.com/blogs.aspx?plckblogid=blog:27ec4a53-dcc8-42d0-bd3a-01329aef79a7&plckpostid=blog:27ec4a53-dcc8-42d0-bd3a-01329aef79a7post:0e6adb06-e48a-408b-bc4e-1262eeee7fdc>.

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КНР

С.В. Уянаев*

РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО: ПРИЗНАКИ НОВОГО «УРОВНЯ»

Аннотация. В статье рассматриваются основные направления взаимодействия РФ и КНР в ключевой для их отношений сфере — энергетике. Показано, что в последнее время здесь достигнут ряд масштабных и долговременных договоренностей. Это позволяет говорить о выходе энергодIALOGа двух стран на качественно новый уровень и об обретении им стратегического характера.

Ключевые слова: Россия, Китай, энергетика, сотрудничество, договоренности, новый уровень.

Важное звено

Сотрудничество России и Китая в сфере энергетики уже не первый год является предметом пристального внимания как в обеих странах, так и за их пределами. Неслучайно министр иностранных дел РФ С.В. Лавров однажды весьма метко назвал энергетику «главной несущей конструкцией» российско-китайского сотрудничества¹.

* Уянаев Сергей Владимирович — к.и.н., зам. руководителя и в.н.с. Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений ИДВ РАН.

Такая оценка объясняется двумя обстоятельствами.

Во-первых, энергетика по объему проектов и числу подписанных двусторонних документов действительно является важнейшим звеном во всем комплексе отношений между двумя соседними государствами. Более того, ее часто и справедливо называют той областью, где стратегическое партнерство РФ и КНР проявляется наиболее рельефно и с высокой эффективностью подкрепляется конкретным практическим содержанием.

Во-вторых, речь идет о том самоценном значении, которое энергетика и энергетическое сотрудничество имеют для каждой из двух стран. Для Китая, как одного из крупных мировых потребителей энергии это важнейшие сферы обеспечения энергетической безопасности и решение, в конечном счете, задачи дальнейшего динамичного развития с целью выхода на уровень ведущих стран мира. Для России как важного источника энергоресурсов энергетическое сотрудничество несет не только возможность диверсификации энергетического экспорта, столь важного для ее экономики, но и серьезный инфраструктурный шанс. Он состоит в том, что за счет «восточного вектора» энергетической политики РФ может внести серьезный вклад в решение актуальной задачи подъема Востока страны. В этом контексте нельзя не вспомнить слова президента РФ В.В. Путина о том, что «полноформатный выход на азиатско-тихоокеанское пространство» должен рассматриваться «как важнейший залог успешного будущего России, развития сибирских и дальневосточных регионов»².

Не будем забывать и о том, что «одним из наиболее серьезных и экономически перспективных партнеров» Москва считает Китай.³ Именно поэтому вопросу об энергетическом сотрудничестве традиционно уделяется одно из центральных мест в широкой повестке российско-китайского диалога, в том числе на высшем уровне. Внимание к этой сфере может быть проиллюстрировано следующим примером. Из более чем 8 десятков всех (включая политические) документов, подписанных сторонами в ходе 5 официальных саммитов (начиная с 2009 г.), примерно треть так или иначе касалась сотрудничества в различных областях энергетики. Важно и то, что сотрудничество опирается на механизмы регулярного взаимодействия, включая созданную

в ходе российско-китайского саммита 2008 г. структуру Энергетического диалога.

О значении сферы энергетики высшие руководители обеих стран предметно говорили, например, в ходе встречи в апреле 2011 г. в г. Санья, где председатель КНР Ху Цзиньтао подчеркнул задачу «продвигать сотрудничество по крупным проектам в энергетической области»⁴; во время последовавшего спустя 2 месяца двустороннего саммита в Москве, когда Д.А. Медведев, в то время президент РФ, прямо подчеркнул, что «безусловно, одной из ключевых составляющих нашего сотрудничества была и будет энергетика, в самом широком смысле этого слова...»⁵. Об этом же шла речь и в Совместном заявлении по итогам саммита. В разделе важнейших задач на предстоящее десятилетие отмечена необходимость на основе комплексного и взаимовыгодного подхода «сформировать стратегические, долгосрочные отношения энергетического партнерства...в нефтегазовой, атомной, угольной, электроэнергетической сферах, а также в сфере развития возобновляемых источников энергии»⁶. В таком же активном ключе энергодиалог развивался и в 2012 г.

В связи с вышеизложенным в целом неудивительно, что в ходе подготовки и проведения в марте 2013 г. очередного двустороннего саммита, когда в Москве свои первые официальные переговоры в качестве глав государств провели В.В. Путин и Си Цзиньпин, стороны уже традиционно подчеркнули значение энергетического сотрудничества. Как заявил в российской столице новый глава КНР, «китайско-российское сотрудничество по энергетике является всесторонним, полномасштабным и полноценным»⁷. Не случайно, что в обеих странах, в том числе на высоком правительственном уровне, в последнее время все чаще говорят о «качественно новом уровне» энергодиалога двух стран⁸.

Общий фон

Прежде чем ответить на вопрос, в чем заключается «существо» и признаки «нового качества и уровня», уместно кратко обратиться к основным особенностям общей энергетической, в том числе «углеводородной», политики в обеих странах, а также

к некоторым фактам недавней истории двустороннего энергодиалога.

Если говорить о нефтегазовой сфере, которая на сегодняшний день находится в числе наиболее насыщенных областей сотрудничества, то прежде всего нужно отметить очевидную взаимодополняемость соответствующих энергетических секторов двух стран, которая в перспективе может возрасти.

В части, касающейся сырой нефти, заметим, что Китай является далеко не последним ее производителем (в 2011 г. — 203 млн т, т. е. 5,1 % мировой добычи). Однако с учетом того, что КНР занимает 2-е место в мире по потреблению нефти (11,4 % мирового), своих ресурсов стране не хватает. В связи с этим Китай наращивает нефтяной импорт: с 2005 по 2011 г. закупки нефти выросли более чем на треть — со 181 до 252,9 млн т.⁹ В 2012 г. КНР импортировала уже 269 млн т сырой нефти, что составило порядка 57 % от общего ее объема, потребленного за год (475 млн т). Согласно прогнозам, составленным Китайской национальной нефтегазовой корпорацией (China National Petroleum Corporation, CNPC), в 2013 г. Китай увеличит импорт сырой нефти на 7,3 % — до 289 млн т. По тем же расчетам, потребность Китая в нефти в 2013 г. увеличится на 4,8 % — до 514 млн т.

Объем собственной добычи в 2013 г. планируется на уровне 210 млн т, что требует увеличения объемов и доли импорта. Предполагается, что по итогам года на привозную нефть будет приходиться уже 60 % потребления¹⁰.

Напротив, Россия (8-е место в мире по доказанным нефтяным запасам, 12,8 % мировой добычи в 2011 г.) в последние годы делит с Саудовской Аравией мировое лидерство по производству и экспорту нефти (в 2011 г. — 511,4 и 244,5 млн т соответственно)¹¹. Причем планка нефтяного экспорта на уровне 230—260 млн т удерживается Россией уже на протяжении десятилетия (239,9 млн т в 2012 г.)¹².

При этом в условиях «мононаправленности» российских трубопроводных систем (ориентированных на Запад) многие российские политики и эксперты в последние годы не раз говорили о задаче решительной диверсификации нефтяного (и газо-

вого) экспорта за счет восточного направления¹³. Еще в декабре 2005 г., выступая на заседании Совета Безопасности РФ, президент В.В. Путин подчеркивал: «Нам предстоит масштабная работа по развитию транспортной инфраструктуры для диверсификации маршрутов поставок энергетических ресурсов из России. За счет этого мы снижаем зависимость от потенциальных рисков и, конечно, открываем для себя новые перспективные рынки, в частности в Азиатско-Тихоокеанском регионе»¹⁴.

Добавим, что одновременно такая диверсификация предполагает и увеличение объемов добычи за счет освоения и повышения эффективности российских сибирских и дальневосточных месторождений.

Аналогичная картина (в части производства, импортных потребностей одной стороны и экспортных возможностей другой) наблюдается не только в нефтяной области, но и в сфере природного газа. Россия является неоспоримым мировым лидером по достоверным запасам и объемам трубопроводного экспорта природного газа (в 2011 г. он составил 207 млрд куб. м). Порядка 14—15 млрд куб. м дополнительно экспортируется виде сжиженного газа (СПГ)¹⁵. Россия находится во главе рейтинга стран-производителей этого углеводорода — 655 млрд куб. м в 2012 г. (на 2,2 % меньше, чем в 2011 г.). В последние годы, согласно некоторым подсчетам, она периодически чередуется с США на позиции лидера¹⁶.

Китай производит газ пока в сравнительно скромных объемах (102,5 млрд куб. м в 2011 г.) и на фоне растущего потребления внутри страны (130 млрд куб. м — на 21,5 % больше, чем в 2010 г.) нуждается в закупках газа, причем, наряду с СПГ, серьезно рассматривает перспективу именно трубопроводного импорта¹⁷.

Немного истории

Неслучайно, что когда говорят о сотрудничестве двух стран в области углеводородов, его сердцевиной по праву называют совместные проекты трубопроводных поставок углеводородов из РФ в КНР.

В *нефтяной сфере* речь идет о долгой совместной работе, результатом которой стало вступление в строй трубопроводной

ветки «Сковородино—Мохэ—Дацин», являющейся ответвлением российского нефтепровода «Восточная Сибирь — Тихий океан» (ВСТО). Как известно, в ходе саммита в Китае в сентябре 2010 г. руководители РФ и КНР приняли участие в официальном открытии российско-китайского нефтепровода. Ху Цзиньтао и Д.А. Медведев дали высокую оценку этому событию. В частности, по словам президента РФ, «это большой проект, который на самом деле еще в более тесном плане объединит наши страны и позволит решать самые разные экономические и социальные задачи»¹⁸.

Как подчеркивают китайские эксперты, согласно соглашению, подписанному в рамках данного проекта в последнее время, Китай предоставит России долгосрочные кредиты на общую сумму 25 млрд долл. с фиксированной процентной ставкой около 6 %. Россия обязуется поставлять Китаю 15 млн т нефти ежегодно в течение периода с 2011 по 2030 г. в качестве гарантий и погашения кредитов. В общей сложности Россия должна поставить Китаю около 300 млн т нефти¹⁹.

Поставки по нефтепроводу ВСТО начались в январе 2011 г., причем и в стартовом, и в следующем 2012 г. компания «Роснефть» (в том числе при посредничестве «Транснефти») строго выдерживала заданный режим годовых объемов поставок в 15 млн т.

Кроме этого, стороны неоднократно подчеркивали, что в нефтяной сфере помимо традиционных поставок российской нефти в Китай имеются хорошие перспективы углубления и диверсификации сотрудничества в области совместного освоения российских месторождений в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, строительства нефтеперерабатывающих заводов в Китае, создания и эксплуатации там же сети АЗС.

Что касается *газовой сферы*, отметим, что с российской стороны сотрудничество здесь строится, в частности, в соответствии с документом, который носит достаточно сложное, но во многом объясняющее существо вопроса название — «Программа создания в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке единой системы добычи и транспортировки газа и газоснабжения с учетом возможного экспорта газа на рынки Китая и других стран АТР».

Учитывая, что базовые месторождения углеводородов, предназначенные для экспортных поставок в страны СВА, расположены в восточных регионах России (Красноярский край, Иркутская область, Республика Саха (Якутия), Сахалинская область), Программой предполагается создание 4 центров газодобычи на территории Востока России: Красноярского центра газодобычи (на базе Собинско-Пайгинского и Юрубчено-Тохомского месторождений), Иркутского (на базе Ковыктинского месторождения и месторождений севера Иркутской области), Якутского (на основе Чаяндынского месторождения и соседних нефтегазоконденсатных месторождений) и Сахалинского (на базе месторождений шельфовой зоны острова (проекты «Сахалин-1,2») с дальнейшим развитием центра за счет реализации проектов «Сахалин-3-6».

В Программе объемы добычи газа в 2015 г. прогнозируются в пределах 44,9—88,2 млрд куб. м газа, в 2020 г. — 76,6—133,8 млрд куб. м, что позволит удовлетворить как внутренние, так и новые экспортные потребности²⁰.

Иными словами, имея в виду, что основным звеном российско-китайского газового сотрудничества является организация поставок из РФ в КНР, предполагалось «связать» новые осваиваемые месторождения с потребителями в Китае.

Как известно, принципиальные решения по этому вопросу принимались высшими руководителями двух стран еще весной 2006 г., в ходе визита в КНР тогдашнего президента РФ В.В. Путина. Входящие в состав делегаций руководители российской компании «Газпром» и Китайской национальной нефтегазовой корпорации (КННК) подписали «Протокол о поставках природного газа из России в КНР», в котором зафиксированы основные договоренности по поставкам газа, включая принципы формирования формулы цены²¹.

Продвижение проекта шло непросто, хотя принципиальные договоренности неизменно подтверждались.

В организационном плане взаимодействие РФ и КНР в газовой сфере ведется в рамках Соглашения о стратегическом сотрудничестве, которое еще в октябре 2004 г. подписали «Газпром» и КННК. Тогда, собственно, и были декларированы ос-

новые цели сотрудничества, в том числе и обеспечение поставок в Китай российского природного газа.

В 2009 г. Соглашение продлено на очередной пятилетний срок. Две компании создали Совместный координационный комитет, который ведет практическую работу. При этом стороны (как и в нефтяной сфере) ставят задачу уйти от упрощенной схемы купли-продажи поставляемых ресурсов. Для решения этой задачи действует совместная Рабочая группа, которая изучает возможности газопереработки, создания газохимических производств на территории РФ, строительства подземных хранилищ газа, разработки и обустройства ряда китайских высокосернистых газовых месторождений, а также исследует другие направления взаимодействия, связанные с поставками российского газа по «восточному маршруту»²².

В июне—октябре 2009 г. между РФ и КНР были подписаны Меморандум о взаимопонимании по сотрудничеству в сфере природного газа и Дорожная карта к этому Меморандуму. В них было предусмотрено дальнейшее изучение проектов поставок газа из РФ в КНР по первоочередному «западному направлению» (проект «Алтай»), а также по «восточному направлению». Поставки были определены при этом в следующих общих объемах: 30 млрд куб. м по «западному направлению» и 38 млрд куб. м по «восточному». Договоренности сторон были детализированы в соглашении «Расширенные основные условия поставки природного газа из России в Китай», подписанном в ходе визита Д.А. Медведева в КНР в сентябре 2010 г.²³

В документе были зафиксированы ключевые коммерческие параметры предстоящих поставок российского природного газа на рынок КНР: их объем, сроки начала и увеличения, уровень гарантированных платежей и т. д. Документ носил юридически обязывающий характер. Начало поставок (разумеется, после подписания полномасштабного контракта) планировалось на конец 2015 г. Кроме того, руководители ОАО «Газпром» и китайской CNPC подписали протокол, в котором отражены результаты совместных технико-экономических исследований в сферах газопереработки и газохимии. Возглавлявший тогда российскую часть Энергодиалога «Россия—Китай» вице-премьер

И. Сечин заявил, что РФ готова обеспечить все потребности Китая в природном газе, подчеркнул, что двустороннее «сотрудничество в газовой сфере имеет стратегические перспективы»²⁴. А согласно Совместному российско-китайскому заявлению по итогам пекинского саммита, стороны выразили намерение «как можно скорее достичь договоренности о начале работ по строительству российско-китайского газопровода»²⁵.

На фоне благоприятного развития событий многие наблюдатели ожидали, что в ходе очередного официального саммита в июне 2011 г. в Москве стороны достигнут окончательных соглашений, что позволило бы начать непосредственную реализацию проекта. Этого, однако, не произошло: сторонам не удалось согласовать ценовые вопросы, оставшиеся, добавим, не решенными и в следующем — 2012 г.

Отвлекаясь от хронологии вопроса, отметим, что «ценовые» разногласия между сторонами в известном смысле имеют объективную природу, поскольку каждая из них выдвигает вполне понятные аргументы. Россия ориентируется на мировые цены, говорит о нерентабельности, «убыточности для РФ» тех цен, которые предлагаются китайской стороной (235 долл. за 1 тыс. куб. м).

Китай, в свою очередь, указывает на де-факто имеющий место разрыв между мировыми газовыми ценами и гораздо более низкими ценами на внутреннем рынке КНР, в силу чего, по словам китайских представителей, им затруднительно соглашаться с российскими условиями. Напомним, что РФ ориентируется на европейские цены — порядка 355 долл. за 1 тыс. куб. м в 2011 г.²⁶

Заметим попутно, что определенные разногласия в части цены возникли в 2011 г. и в сфере нефтяного экспорта из России, когда стороны разошлись в толковании соответствующих пунктов «Соглашения между Правительством РФ и Правительством КНР о сотрудничестве в нефтяной сфере» от 2009 г., определявших условия поставок по линии «Сковородино—Мохэ—Дацин» и, в частности, их транспортную составляющую²⁷. Затем решения были все-таки найдены и разногласия устранены, что, надо полагать, не в последнюю очередь сказалось на стабильности нефтяных поставок в 2011—2012 гг.

Этот «нефтяной пример» был важен и сточки зрения надежд на устранение «газовых расхождений». Вновь подчеркнем, что заинтересованности российской стороны здесь видятся в том, что реализация крупномасштабных проектов по поставкам российской нефти и газа в Северо-Восточную Азию, в том числе (и прежде всего) в Китай, может в значительной степени решить не только вопросы диверсификации энергетического экспорта, но и дать толчок экономическому развитию районов Дальнего Востока и Сибири в целом, эффективно содействовать привлечению в регион необходимых для РФ иностранных инвестиций.

Не только углеводороды

Как бы ни была важна кооперация в сфере нефти и газа, ясно, что лишь одна эта сфера вряд ли способна обеспечить «стратегическую глубину» энергетического сотрудничества, о которой говорят руководители двух стран. Не случайно, согласно межправительственным документам, путями реализации стратегического партнерства в энергетике является сотрудничество как в традиционной нефтегазовой отрасли, так и в «атомной, угольной, электроэнергетической областях, а также в сфере развития возобновляемых источников энергии»²⁸.

В связи с этим весьма интересным представляется анализ положения *в угольной сфере*, поскольку при всей значимости углеводородов именно уголь занимает важное место в энергобалансе двух стран: в КНР на долю угля приходится свыше около 70 % энергобаланса (РФ — порядка 18 %). Россия и Китай — одни из мировых лидеров по доказанным запасам угля (соответственно 14,6 и 12,6 % от глобальных запасов). Китай занимает 1-е место в мировой угледобыче (в 2011 г. свыше 3,52 млрд т — почти половина мирового производства). Однако еще больше КНР потребляет: в 2011 г. свыше 4 млрд т, что опять-таки находится на уровне 50 % мирового потребления. Разницу Китай компенсирует, являясь вторым (после Японии) импортером угля (195 млн т, или 16 % мирового угольного рынка).

Доля России в мировом производстве угля невелика — не более 4 % (в 2011 г. — 333 млн т). Но значительную часть добы-

чи РФ «отдает» на внешний рынок, являясь третьей в списке крупнейших угольных экспортеров (122,1 млн т — в 2010 г.).

Иными словами, в угольной сфере, так же как и нефтегазовой, наблюдается взаимодополняемость рынков двух стран. Причем импорт Китая угля в последние годы непрерывно растет. Согласно подсчетам специалистов, потребление угля в глобальном энергобалансе к 2030 г. может увеличиться более чем на 3 млрд т, и большая часть этого прироста (около 2,4 млрд т), как ожидается, придется на долю Китая. У России, которая к 2010 г. довела поставки угля в КНР до 10 млн т²⁹, существуют потенциальные возможности наращивания угольного экспорта (что, правда, осложняется не столько возможностями добычи, сколько недостаточно развитой инфраструктурой). Интересны и такие общие цифры: при нынешних темпах добычи угольные запасы Китая будут исчерпаны через 35 лет, России — лишь через почти 5 столетий.

Потому неудивительно, что две страны налаживают пути взаимовыгодной кооперации.

24 июня 2009 г. в Москве был подписан Меморандум о взаимопонимании по сотрудничеству в угольной сфере, в котором были обозначены стратегические направления: освоение угольных ресурсов, возможное увеличение поставок угля в КНР морским и железнодорожным транспортом и т. д. В сентябре 2010 г., в ходе визита Д.А. Медведева в Китай, Меморандум был дополнен специальным Протоколом, а также Дорожной картой.

По итогам 2012 г. в сравнении с периодом двухлетней давности российские угольные поставки в КНР практически удвоились, составив 19,3 млн т. По заявлению замминистра энергетики РФ А. Яновского, в 2013 г. этот показатель может быть несколько превзойден, достигнув не менее 20 млн т³⁰.

По сообщениям китайских СМИ, взамен этого «Китай предоставит России кредит на сумму 6 млрд юаней в целях совместного освоения угольных ресурсов в районе реки Амур на Дальнем Востоке России и строительства в России железных и шоссейных дорог для перевозки угля, а также приобретения добывающего оборудования». Сотрудничество в этой сфере, считает китайская сторона, поможет, с одной стороны, удовлетворить китайские

импортные потребности, с другой, — привлечь в угольную отрасль РФ необходимые инвестиции, способствуя тем самым и развитию инфраструктуры Востока России в целом³¹.

Визитной карточкой сотрудничества двух стран в области **ядерной энергетики** является проект сооружения российскими специалистами энергоблоков для Тяньваньской АЭС. Два первых блока, контракт на строительство которых был заключен в декабре 1997 г., были сданы в эксплуатацию летом-осенью 2007 г. Вслед за этим стороны («Атомстройэкспорт» и Цзянсунская ядерно-энергетическая корпорация) подписали новое соглашение — о сотрудничестве в сооружении второй очереди ТАЭС в составе 3-го и 4-го энергоблоков. После ряда согласований в конце сентября 2010 г. стороны заключили в Пекине Контракт на техническое проектирование 3-го и 4-го блоков Тяньваньской АЭС, а спустя два месяца в Москве, в ходе 15-й регулярной встречи глав правительств России и Китая, состоялось подписание соответствующего генерального контракта.

О важности взаимодействия в сфере мирного атома стороны говорили в ходе двустороннего московского саммита летом 2011 г. Новым шагом стало принятие в ходе визита в Китай президента В.В. Путина (июнь 2012 г.) Дорожной карты отдельных направлений сотрудничества между госкорпорацией «Росатом» и Агентством по атомной энергии Китая.

В сфере электроэнергетики сотрудничество осуществляется в рамках ряда проектов, и одним из основных можно назвать экспорт электроэнергии из РФ в КНР. Общий масштабный проект осуществляется под патронажем российской компании ОАО «ИнтерРАО ЕЭС» и Государственной электросетевой корпорации Китая. В 2007 г. в России специально для реализации проекта было создано открытое акционерное общество «Восточная энергетическая компания» (ВЭК).

Первые поставки электроэнергии в Китай начались в 2009 г. В течение следующих двух лет их объем составил около 1—1,2 млрд кВт·ч. В 2012 г. он был удвоен, достигнув 2,63 млрд кВт·ч. Плановый объем поставки в 2013 г. — 3,3 млрд кВт·ч³². Подача электроэнергии на территорию КНР ведется через пров. Хэйлунцзян по двум межгосударственным линиям —

«Благовещенск—Хэйхэ» (мощность 110 кВ) и «Благовещенск—Айгунь» (220 кВ)³³.

При этом увеличение объемов экспорта электроэнергии в Китай в 2012 г. было обеспечено за счет начала эксплуатации первой линии сверхвысокого напряжения ЛЭП-500 «Амурская-Хэйхэ».

Все последние годы шли непростые переговоры о заключении крупномасштабного контракта. Одним из главных камней преткновения, судя по сообщениям СМИ, вновь был «ценовой вопрос». Причем, рядом специалистов и представителей общественности в РФ он не был «снят» и после заключения первых контрактов и начала поставок. Аргумент — «цена продажи электроэнергии в КНР (примерно 0,05 долл. США, или 1,5 руб. за 1 кВт) едва ли не втрое ниже той, которую платит российский потребитель». Вопрос в такой постановке был даже задан 25 апреля 2013 г. президенту В.В. Путину во время его многочасовой телевизионной «прямой линии». Характерно, что и президент, и многие эксперты объясняют ситуацию сходным образом: контрактная цена при поставках электроэнергии в КНР определяется оптовыми критериями, которые и в РФ, и в КНР значительно ниже розничных.

Как свидетельствуют специалисты, в 2011 г. ОАО «Восточная энергетическая компания» экспортировала электроэнергию в Китай по цене 42 долл./мВт·ч (0,042 долл., или, примерно, 1,3 руб. за 1 кВт).

При этом, согласно данным Госкомитета по контролю за энергетикой КНР, средневзвешенная оптовая цена электроэнергии в пров. Хэйлунцзян была практически того же порядка — 49 долл./мВт·ч (0,049 долл. за 1 кВт). Показательно, что в контрактах на 2012 г. фигурировала уже эта, последняя цифра, что говорит о продолжении переговоров по повышению экспортной цены российской электроэнергии.

Что же касается розничных цен, то, по свидетельству специалистов, в Китае они мало отличаются от российских. Например, такие китайские предприятия коммерческого сектора, как техцентры по обслуживанию автомобилей, в 2011 г. оплачивали электроэнергию по цене 936 ю за 1 мВт·ч (146 долл./мВт·ч,

или, примерно, 4,5 руб. за 1 кВт), что сопоставимо с тарифом для аналогичных потребителей российского Дальнего Востока³⁴.

Уже существующие линии передач позволят увеличить объем экспорта электроэнергии из России в Китай до 4,5—5 млрд кВт·ч ежегодно. ОАО ВЭК и ГЭК Китая объявили о своих планах довести годовой объем экспорта электроэнергии из России в Китай до 60 млрд кВт·ч, выделив под это к 2020 г. до 10—13 млрд долл. Конечно, это потребует серьезной модернизации существующей и создания новой инфраструктуры, совместных усилий по созданию генерирующих мощностей на территории РФ и новых ЛЭП сверхвысокого напряжения.

Надежды «нового этапа»

Венцом перечисленных фактов и событий, сопровождавших энергетическое сотрудничество РФ и КНР в последние годы, стала целая серия новых договоренностей в энергетической сфере, которые были достигнуты по итогам российско-китайских переговоров в Москве в ходе первого зарубежного визита нового председателя КНР Си Цзиньпина. Вкупе с достижениями предыдущих лет это, похоже, и позволяет ныне говорить (по меньшей мере, со сдержанным оптимизмом), что энергетическое взаимодействие обретает «качественно новый уровень». Действительно, с темой энергетики оказалось связано как минимум 8 пописанных в ходе визита документов. Но дело не только в количественных показателях. Согласно компетентным оценкам, сторонам удалось прийти к ряду знаковых решений.

Так, по словам председателя КНР, в результате переговоров стороны «достигли прорывных договоренностей о дополнительных поставках нефти, строительстве газопровода, а также об импорте российского сжиженного газа»³⁵.

В нефтяной сфере, как отметил глава компании «Роснефть» И. Сечин, руководимая им компания в ближайшие годы будет наращивать ежегодный экспорт нефти в КНР — до 31 млн т. При этом «Роснефть» привлечет дополнительный китайский капитал на 2 млрд долл. под гарантии поставки нефти сроком на 25 лет «на очень выгодных условиях»³⁶. А согласно коммента-

рию, опубликованному 11 апреля 2013 г. агентством Синьхуа, подписанные «энергетические документы предусматривают, что ежегодный объем поставки российской нефти в Китай в будущем должен будет увеличиться в 4 раза»³⁷.

Кроме того, стороны договорились о совместной работе на шельфе Баренцева моря, в Печорском бассейне и на 8 участках в Восточной Сибири, а также о сотрудничестве в рамках проекта «Сахалин-3», проекта строительства Тяньцзиньского нефтеперерабатывающего завода. Как отметил вице-премьер правительства России А. Дворкович, на правительственном уровне были достигнуты договоренности о предоставлении совместному российско-китайскому предприятию ряда прав, в том числе «на самостоятельный импорт сырой нефти и экспорт производимой продукции, сбыт нефтепродуктов и продукции на внутреннем рынке Китая»³⁸. Напомним, что в 2012 г. объем поставленной в КНР российской нефти превысил 24,3 млн т, увеличившись более чем на 23 % в сравнении с предыдущим годом.

Но более всего «прорывной» характер энергетических договоренностей иллюстрировался, пожалуй, признаками решительного продвижения по «газовому вопросу». В ходе визита Си Цзиньпина было объявлено, что летом 2013 г., после описанных выше долгих переговоров, планируется подписать 30-летний контракт на поставки в Китай российского газа по восточному маршруту — газопроводу «Сила Сибири» («Якутск—Хабаровск—Владивосток») с Чаяндинского месторождения в Якутии. Был подписан соответствующий Меморандум. Начало поставок намечено на 2018 г., годовые объемы составят 38 млрд куб. м с возможностью увеличения до 60 млрд куб. м³⁹. Помимо этого, стороны планируют сотрудничество по сжиженному природному газу (СПГ) — обсуждается вопрос о кооперации по проекту, предусматривающему добычу газа и строительство завода СПГ на полуострове Ямал.

Также было объявлено, что, развивая сотрудничество в электроэнергетике, РФ и КНР (Группа «Синтез» и Государственная электросетевая компания Китая) планируют совместное строительство электростанций мощностью 10 ГВт в Сибири и на Дальнем Востоке с расчетом на экспорт излишков энергии в Ки-

тай. Предполагаемый объем инвестиций — 600 млрд руб. Кроме того, стороны договорились о модернизации 6 существующих и строительстве 5 новых объектов электро- и теплоэнергетики в Архангельской, Вологодской, Костромской и Ярославской областях. В проект стороны могут вложить порядка 70 млрд руб.⁴⁰ Проект обещает стать новым большим шагом, дополняющим недавнее масштабное соглашение между российской «Восточной энергетической компанией» и китайскими партнерами о поставке 100 млрд кВт·ч электроэнергии в КНР до 2036 г.⁴¹

В ходе визита и подготовки к нему отмечались достижения сотрудничества и в атомной сфере: при участии России стартовало сооружение 2-й очереди Тяньваньской АЭС (ТАЭС), где в канун 2013 г. была произведена заливка «первого бетона» на 3-м энергоблоке. Кроме того подчеркивалось, что в угольной отрасли существуют реальные условия доведения показателей российского экспорта угля в Китай уже в ближайшей перспективе до 30 млн т⁴². Нарастает взаимодействие и в области энергосбережения и нетрадиционной энергетики.

По мнению многих экспертов, связанный с последними договоренностями новый, более масштабный, комплексный и эффективный этап энергетического сотрудничества приобретает зримые стратегические характеристики. Четче проявляются взаимовыгодность и взаимодополняемость энергодиалога. В случае реализации пакета соглашений, КНР на годы вперед будет иметь более надежные (в сравнении с подверженными рискам морскими перевозками) маршруты жизненно необходимых углеводородных и других поставок. Россия же получит как гарантированные варианты диверсификации своего энергетического экспорта, снижающие нынешнюю зависимость от далеко не всегда стабильных западных маршрутов и рынков, так и надежды на последующую конвертацию многих энергетических проектов в общее инфраструктурное развитие Сибири и Дальнего Востока.

Конечно, путь сотрудничества в энергетических областях вовсе не устлан розами: результаты даже при наличии многих благоприятных предпосылок не являются автоматически гарантированными. Есть явные и скрытые проблемы. Помимо известных «ценовых трений» по нефти и газу, в угольной отрасли,

к примеру, росту объемов российских поставок препятствует неразвитость дорожной инфраструктуры — вопрос, который не может быть решен в один день. В сфере ядерной энергетики России приходится выдерживать жесткую конкуренцию в борьбе за китайский рынок, поэтому тем более досадными выглядят некоторые упущения субъективного плана. Не случайно китайские эксперты деликатно выражают «уверенность», что в будущем, с учетом опыта прошлого, Россия сможет должным образом соблюдать временные и иные условия контракта, организовывать послепродажное обслуживание и тем самым «укрепит свою репутацию на китайском рынке атомной энергетики»⁴³. Это же касается и сферы электроэнергетики и электрооборудования, где, похоже, еще имеет место недооценка высококонкурентного уровня нынешней китайской продукции. Поэтому для реализации перспектив и выполнения договоренностей необходима и долгая целенаправленная работа, и политическая воля руководства обеих стран.

Тем не менее, сотрудничество в энергетическом комплексе, включая углеродную область, сферы мирного атома, угля, электроэнергии, нетрадиционных и возобновляемых источников энергии, повышение энергоэффективности, не просто сохраняет свое значение, но, по мере актуализации мировых энергетических проблем, еще и расширяется. Следует добавить, что российско-китайское энергетическое взаимодействие обогащает стратегическое партнерство двух стран, повышает уровень всего комплекса отношений России и Китая.

Примечания

¹ URL: <http://www.mid.ru/bdcomp/ns-rasia.nsf/1083b7937ae580ae432569e7004199c2/c32577ca00174586c32578ce0022e15a!OpenDocument>.

² URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/16390>.

³ См.: Стенографический отчет о совещании «О приграничном сотрудничестве с Китаем и Монголией и задачах развития восточных регионов Российской Федерации». 21 мая 2009 года, 10:10 Хабаровск. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/4160>.

- ⁴ URL: <http://russian.people.com.cn/31521/7349894.html>.
- ⁵ URL: <http://news.kremlin.ru/transcripts/11594>.
- ⁶ URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/966.
- ⁷ URL: <http://kremlin.ru/transcripts/17728>.
- ⁸ Обращение заместителя председателя правительства Российской Федерации А.В. Дворковича к участникам ЭнергодIALOG «Россия—Китай». URL: <http://minenergo.gov.ru/co-operation/china/>.
- ⁹ URL: <http://www.oilru.com/news/225441/>; URL: http://www.bp.com/liveassets/bp_internet/globalbp/globalbp_uk_english/reports_and_publications/statistical_energy_review_2011/STAGING/local_assets/pdf/oil_section_2012.pdf.
- ¹⁰ URL: <http://www.oilru.com/news/355189/>.
- ¹¹ URL: http://www.bp.com/liveassets/bp_internet/globalbp/globalbp_uk_english/reports_and_publications/statistical_energy_review_2011/STAGING/local_assets/pdf/oil_section_2012.pdf.
- ¹² URL: http://www.cbr.ru/statistics/print.aspx?file=credit_statistics/crude_oil.htm.
- ¹³ См., напр.: *Баталин Ю.* Восточный вектор развития // Экономика России: XXI век. URL: http://www.ruseconomy.ru/nomer19_200506/ec11.html.
- ¹⁴ URL: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2005/12/99294.shtml>.
- ¹⁵ URL: http://www.bp.com/liveassets/bp_internet/globalbp/globalbp_uk_english/reports_and_publications/statistical_energy_review_2011/STAGING/local_assets/pdf/statistical_review_of_world_energy_full_report_2012.pdf.
- ¹⁶ URL: <http://ekportal.ru/page-id-2753.html>.
- ¹⁷ URL: http://www.bp.com/liveassets/bp_internet/globalbp/globalbp_uk_english/reports_and_publications/statistical_energy_review_2011/STAGING/local_assets/pdf/statistical_review_of_world_energy_full_report_2012.pdf.
- ¹⁸ URL: <http://kremlin.ru/transcripts/9038>.
- ¹⁹ Обзор перспектив многопрофильного энергетического сотрудничества Китая и России. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/6924804.html>.
- ²⁰ URL: <http://www.parlcom.ru/index.php?p=MC83&id=18525>.
- ²¹ Восточный вектор энергетической политики // Экономика и ТЭК сегодня. URL: <http://www.rusoil.ru/opinions/o08-06.html>.
- ²² Там же.
- ²³ URL: <http://www.minenergo.gov.ru/china/>.
- ²⁴ URL: http://minenergo.gov.ru/press/min_news/5188.html?sphrase_id=124033.
- ²⁵ URL: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/t757139.htm>.
- ²⁶ Китай и Россия продолжают спорить о цене на газ. URL: <http://www.gasoil-center.ru/gasoil/288-neftegaz>.

- ²⁷ Как сказано в ФЭО к проекту Федерального закона о ратификации данного Соглашения, сторонами «на корпоративном уровне согласован паритет ценообразования на границе Россия—КНР (при транспортировке по нефтепроводу «Сковородино—Мохэ») и в порту Козьмино, где тариф основывается на котировках российской нефти на открытом рынке РФ, тогда как практическая транспортировка до границы с КНР по нефтепроводу будет короче на 2000 км. Таким образом, экономический эффект от транспортировки каждой тонны нефти через нефтепровод «Сковородино—Мохэ» по сравнению с портом Козьмино будет не менее 20 долларов США». Позже (2011 г.) китайская сторона стала исходить из необходимости скидок с указанного согласованного уровня // URL: [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(ViewDoc\)?OpenAgent&work/dz.nsf/ByID&CA706C20DAC03A6AC32575E0004DFB3E](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(ViewDoc)?OpenAgent&work/dz.nsf/ByID&CA706C20DAC03A6AC32575E0004DFB3E).
- ²⁸ URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/966.
- ²⁹ URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=427233>.
- ³⁰ URL: <http://www.biztass.ru/news/id/67348>.
- ³¹ *Цзинь Цзяньхун.* Итоги и перспективы китайско-российского энергетического сотрудничества 2010—2011 гг. // Жэньминь жибао. 15.12.2010 // URL: <http://russian.people.com.cn/31518/7231465.html>.
- ³² Эксклюзивное интервью А. Дворковича агентству Синьхуа. 20.03.2013.
- ³³ Сайт ОАО «Восточная энергетическая компания». URL: <http://www.eastern-ec.ru/news/302/>.
- ³⁴ URL: http://www.eastern-ec.ru/ru/press-center/ptsblikatsii-media/index.php?ELEMENT_ID=19.
- ³⁵ URL: <http://pda.kremlin.ru/transcripts/17728>.
- ³⁶ Эксперт. 2013. № 13. С. 15.
- ³⁷ URL: <http://russian.people.com.cn/95181/8202614.html>.
- ³⁸ Синьхуа. 20.03.2013.
- ³⁹ Эксперт. 2013. № 13. С. 16.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ URL: http://www.eastern-ec.ru/ru/press-center/ptsblikatsii-media/index.php?ELEMENT_ID=19.
- ⁴² Синьхуа. 20.03.2013.
- ⁴³ URL: <http://russian.people.com.cn/31518/7231465.html>.

Д.В. Гордиенко*, С.Г. Лузянин**

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КИТАЯ***

Аннотация. Статья посвящена обеспечению экономической безопасности Китая в условиях глобализации. Проанализированы подходы к обеспечению экономической безопасности КНР в условиях мирового финансово-экономического кризиса, развития экономических интеграционных связей и обострения экономического противоборства.

Ключевые слова: Экономика, мировой финансово-экономический кризис, экономическая безопасность, уровень экономической безопасности, оценка уровня экономической безопасности государства, Китайская Народная Республика.

Перемены в мире, связанные с процессами глобализации, обуславливают необходимость принятия высшим политическим руководством России оперативных и адекватных решений по нейтрализации, локализации и/или устранению вызо-

* Гордиенко Дмитрий Владимирович — д.воен.н., проф., действительный член (академик) Академии военных наук, в.н.с. Центра стратегических проблем СВА, ШОС и БРИКС ИДВ РАН.

** Лузянин Сергей Геннадьевич — д.и.н., проф., зам. директора ИДВ РАН, руководитель Центра стратегических проблем СВА, ШОС и БРИКС ИДВ РАН.

*** Статья написана при поддержке РГНФ, проект № 13-07-00004.

вов и угроз национальной безопасности, которые возникают и непрерывно трансформируются в процессе эволюции всей системы современных международных отношений. В условиях высокой степени неопределенности идет процесс стирания некогда существовавших и казавшихся незыблемыми экономических, политических и культурных границ между странами и цивилизациями. Происходит унификация человеческого сознания, понижается роль национального государства и его суверенитета на фоне утверждения межгосударственных систем как основы мирового социально-экономического развития.

В этих условиях предстоит сделать выбор внешнеполитического вектора развития и Российской Федерации. В связи с этим в числе первых указов президента РФ В.В. Путина после его вступления в должность был подписан документ «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации», в котором подчеркивается необходимость разработки новой редакции Концепции внешней политики России.

Кроме того, мировой финансово-экономический кризис продолжает оказывать влияние на уровень экономической безопасности РФ и других государств мира.

В связи с этим представляет интерес рассмотрение мер обеспечения экономической безопасности¹, принятых, в частности, в Китае и в других странах.

1. Формы обеспечения экономической безопасности государства в условиях глобализации

Анализ современного состояния обеспечения экономической безопасности ряда ведущих государств мира позволил выявить ряд тенденций, которые по характеру своего проявления можно разделить на *две группы*: группу тенденций развития форм и группу тенденций развития способов обеспечения экономической безопасности государства.

К числу *основных тенденций развития форм* обеспечения экономической безопасности государства следует отнести тен-

денции, связанные с повышением приоритетности действий органов государственного управления, направленных на обеспечение экономической безопасности, по сравнению с другими мероприятиями.

Эти тенденции тесно связаны с группой *тенденций развития способов* обеспечения экономической безопасности государства. К их числу могут быть отнесены тенденции, связанные с увеличением зависимости эффективности реализации различных национальных проектов от эффективности функционирования экономики; с увеличением степени ослабления экономики конкурентов и важностью комплексной защиты своих критически важных объектов национального хозяйства; с достижением экономической интеграции с различными государствами мира и др.

Рассмотрение перечисленных тенденций через механизм действия основных законов и закономерностей развития сложных нелинейных открытых экономических систем позволило определить в качестве **основных форм обеспечения экономической безопасности государства** следующие факторы:

во-первых, экономический патронат, который обеспечивает внутреннюю безопасность систем экономического назначения страны, если совокупность этих систем рассматривать как единое целое.

В рамках экономического патроната обеспечивается безопасное (с экономической точки зрения) функционирование каждой системы управления хозяйством, обеспечения, производства и т. п. *внутри* более глобальной управляющей системы;

во-вторых, экономическую кооперацию, которая обеспечивает экономическую безопасность государства при его взаимодействии с различными экономическими системами, не связанными с соответствующим сектором национального хозяйства отношениями подчиненности.

В рамках экономической кооперации обеспечивается совместное функционирование национальных хозяйств и обмен экономическими ресурсами между экономическими системами различных государств мира, иностранных и международных организаций;

в-третьих, экономическое противоборство, которое является основной формой обеспечения экономической безопасности государства *в конкурентной борьбе* противостоящих сторон.

Достижение и удержание превосходства в экономическом противоборстве обеспечивает безопасность функционирования систем экономического назначения государства при подготовке и в самом ходе конкурентной борьбы (разрешения экономического конфликта).

2. Экономический патронат Китая в условиях глобализации

Экономический патронат в условиях глобализации определяет, прежде всего, реализацию (соблюдение) различных норм, касающихся функционирования национального хозяйства на экономической территории государства при наличии различных внешних и внутренних угроз.

Очевидно, что эффективность реализации (соблюдения) соответствующих действующих норм функционирования национальных хозяйств по предупреждению, нейтрализации, локализации различных внешних и внутренних угроз и/или устранению их негативных последствий в условиях глобализации может быть рассмотрена на примере мирового финансово-экономического кризиса.

Антикризисные меры правительства Китайской Народной Республики и Народного банка Китая. Мировой финансово-экономический кризис (МФЭК) не подорвал китайскую экономику — она продолжила свое развитие. Тем не менее, кризис активизировал в Китае ряд процессов, направленных на преодоление негативных тенденций в развитии национального хозяйства. Реакцией государственного и политического руководства КНР на МФЭК стало принятие антикризисной стратегии и ускоренное развертывание антикризисной программы действий².

При этом важное место в планах преодоления Китаем глобального финансово-экономического кризиса заняли меры правительства³, на реализацию которых в 2009—2010 гг. предусматривалось выделить 4 трлн юаней (586 млрд долл.) — так называемый стимулирующий пакет (*кит. — И ланьцы гуихуа*) «ровного и относительно быстрого развития экономики»⁴.

Своевременная переориентация производства на внутреннего потребителя позволила: *во-первых*, сохранить платежную систему страны; *во-вторых*, смягчить существующие социальные проблемы; и, *в-третьих*, создать условия для последующего экономического роста⁵.

В итоге важные показатели китайской экономики в совокупности демонстрируют устойчивую тенденцию к ее «выздоровлению». При этом правительство КНР, прибегая к быстрому, мощному и всеохватывающему государственному воздействию на национальное хозяйство и стремясь ко всемерному оживлению внутреннего инвестиционного и потребительского спроса, уже сегодня пытается заложить основы для существенного укрепления позиций Китая в посткризисном мире, предпринимая соответствующие практические шаги.

Таким образом, МФЭК, безусловно, внес коррективы в экономическое развитие КНР, а также в изменение уровня экономической безопасности Китая в ближайшее десятилетие⁶. Кризис, хотя и понизил общий уровень экономической безопасности страны, однако по отдельным показателям экономическая безопасность КНР в последние годы не только не уменьшилась, но и возросла. Понижение уровня экономической безопасности Китая в годы обострения кризиса было обусловлено, в частности, снижением объема ВВП и инвестиций в основной капитал, повышением уровня безопасности, увеличением внешнего долга, снижением расходов на «гражданскую науку», а также уменьшением объема золотовалютных резервов. МФЭК также несущественно повлиял на возможности страны по повышению уровня своей экономической безопасности в ближайшей перспективе (табл. 1).

В КНР считают, что «глобальный финансово-экономический кризис создает благоприятные условия, которыми необхо-

Таблица 1. Показатели экономической безопасности Китая, характеризующие экономический патронат со стороны правительства и Народного банка Китая

Частные показатели экономической безопасности (фактические значения и прогноз от 2007 г./ фактические значения и прогноз от 2011 г.)	2007	2008	2009	2010	2011	Прогноз	
						2015	2020
Объем ВВП ($\beta_{1,0}$)	2,44	2,61	2,79	3,45	3,60	5,74	8,79
		2,61	2,79	3,01	3,28	5,50	8,75
Валовой сбор зерновых ($\beta_{2,0}$)	0,88	0,88	0,89	0,98	1,00	1,12	1,28
		0,88	0,89	0,90	0,91	0,95	1,00
Инвестиции в основной капитал ($\beta_{3,0}$)	6,56	6,32	6,75	6,84	6,93	7,20	7,40
		6,32	4,75	2,36	2,38	2,40	2,44
Уровень безработицы ($\beta_{4,0}$)	0,30	0,30	0,30	0,30	0,30	0,32	0,40
		0,30	0,29	0,27	0,26	0,26	0,27
Уровень монетизации ($\beta_{5,0}$)	4,80	4,79	4,75	4,68	4,60	4,40	4,00
		4,79	4,75	4,52	4,20	4,08	3,60
Внешний долг ($\beta_{6,0}$)	33,33	40,00	40,00	40,00	40,00	44,44	50,00
		14,81	7,27	6,67	7,00	8,00	10,00
Расходы на оборону ($\beta_{7,0}$)	1,82	2,36	2,27	2,18	2,18	2,18	2,18
		2,36	2,27	1,82	2,18	2,18	2,18
Расходы на «гражданскую» науку ($\beta_{8,0}$)	1,00	1,00	1,07	1,20	1,40	1,53	1,87
		1,00	1,07	1,13	1,20	1,33	1,47
Инновационная продукция ($\beta_{9,0}$)	1,49	1,64	1,87	2,40	3,20	3,60	4,80
		1,64	1,87	2,10	2,80	3,60	4,80
Уровень инфляции ($\beta_{10,0}$)	3,79	4,24	4,31	3,73	3,80	3,91	4,10
		4,24	4,31	3,79	3,82	3,97	4,17
Объем золотовалютных резервов ($\beta_{11,0}$)	92,31	93,00	95,00	100,00	100,00	100,00	100,00
		73,08	80,77	84,62	90,00	100,00	100,00

Окончание табл. 1

Частные показатели экономической безопасности (фактические значения и прогноз от 2007 г./ фактические значения и прогноз от 2011 г.)	2007	2008	2009	2010	2011	Прогноз	
						2015	2020
Выплаты по внешнему долгу ($\beta_{12,0}$)	4,72	4,81	4,90	5,00	5,20	5,56	7,14
Внутренний долг ($\beta_{13,0}$)	1,83	1,85	1,88	1,50	1,40	1,25	1,20
		1,85	1,88	1,76	1,70	1,50	1,25
Расходы на обслуживание государственного долга ($\beta_{14,0}$)	1,08	1,14	1,16	1,18	1,23	1,32	1,48
		1,14	1,16	1,18	1,23	1,32	1,48
Дефицит федерального бюджета ($\beta_{15,0}$)	1,03	1,15	1,43	1,03	1,05	1,50	2,00
		1,15	1,43	2,00	2,30	3,00	3,00
Машиностроение и металлообработка в промышленном производстве ($\beta_{16,0}$)	1,08	1,10	1,11	1,12	1,14	1,20	1,28
		1,10	1,11	1,12	1,14	1,20	1,28
Численность населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума ($\beta_{17,0}$)	0,38	0,46	0,50	0,53	0,80	0,92	1,40
		0,46	0,50	0,53	0,80	0,92	1,40
Децильный коэффициент дифференциации доходов населения ($\beta_{18,0}$)	0,43	0,43	0,43	0,43	0,43	0,44	0,46
		0,43	0,43	0,43	0,43	0,44	0,46
Доля продовольствия, поступившего по импорту ($\beta_{19,0}$)	1,36	1,38	1,39	1,39	1,41	1,45	1,52
		1,38	1,39	1,39	1,41	1,45	1,52
Значения показателя экономической безопасности, характеризующего экономический патронат $\prod_{i=1}^{19} \beta_{i,0}$ (фактические значения и прогноз 2007 г./ фактические значения и прогноз 2011 г.)	1,5·10 ⁶	4,5·10 ⁶	9,0·10 ⁶	8,6·10 ⁶	2,4·10 ⁷	1,3·10 ⁸	1,7·10 ⁹

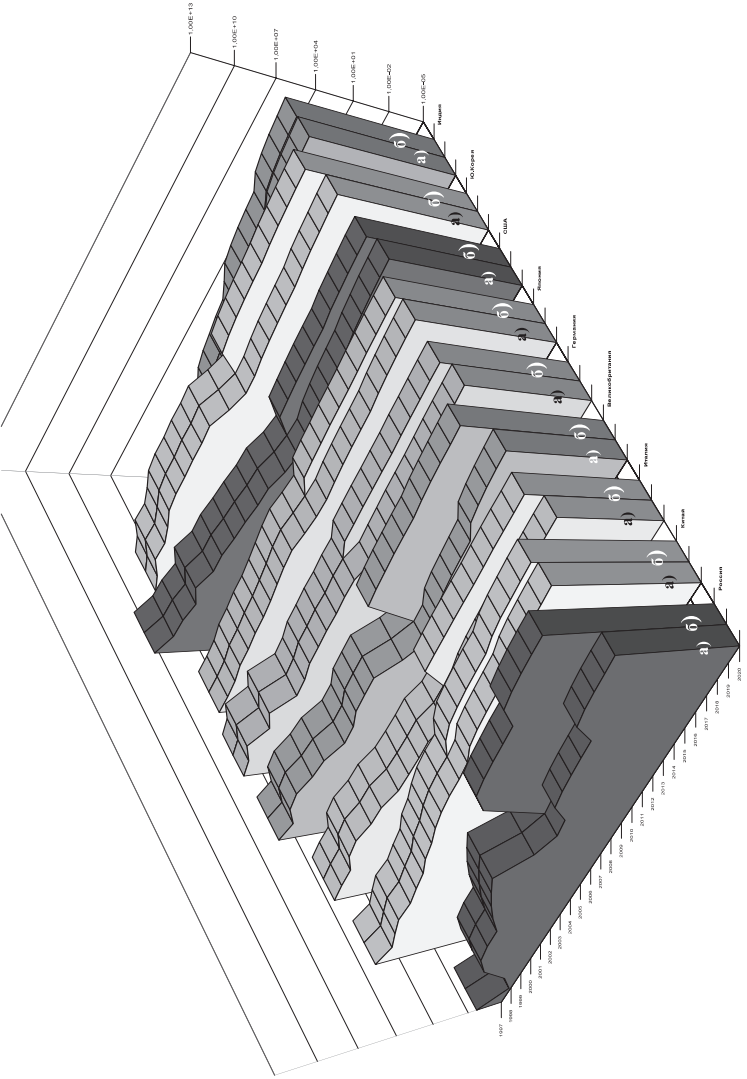

Рис. 1. Сравнительная оценка динамики изменения значений показателей экономической безопасности КНР и других государств мира, характеризующих патронат со стороны их правительств и центральных банков, без учета (а) и с учетом (б) влияния мирового финансово-экономического кризиса

Таблица 2. Показатели экономической безопасности КНР и стран мира, характери

Интегральный показатель экономической безопасности, характеризующего экономический патронат (фактически заданная в прогноз 2012 года)	1997	1999	2001	2003	2005	2007	2009
КНР ($\Pi\beta_{i,0}$)	594,0	$3,2\times10^4$	$1,1\times10^4$	$3,5\times10^4$	$2,6\times10^5$	$1,5\times10^6$	$3,0\times10^5$
США ($\Pi\beta_{i,1}$)	$1,4\times10^6$	$3,9\times10^6$	$2,1\times10^6$	$2,6\times10^6$	$1,1\times10^6$	$2,0\times10^5$	$8,4\times10^4$
Япония ($\Pi\beta_{i,2}$)	$7,7\times10^4$	$1,2\times10^5$	$2,9\times10^5$	$5,4\times10^5$	$1,3\times10^6$	$3,0\times10^6$	$2,6\times10^5$
Гонконг ($\Pi\beta_{i,3}$)	$1,7\times10^3$	$1,6\times10^4$	$1,9\times10^4$	$3,7\times10^4$	$2,1\times10^5$	$3,4\times10^5$	$4,6\times10^4$
Южная Корея ($\Pi\beta_{i,4}$)	$1,1\times10^5$	$2,2\times10^6$	$5,3\times10^6$	$2,7\times10^7$	$3,4\times10^7$	$4,3\times10^7$	$1,3\times10^6$
Тайвань ($\Pi\beta_{i,5}$)	$3,6\times10^4$	$5,1\times10^5$	$9,3\times10^5$	$1,4\times10^6$	$2,2\times10^6$	$3,1\times10^6$	$6,5\times10^5$
Россия ($\Pi\beta_{i,6}$)	$1,7\times10^{-3}$	$3,1\times10^{-4}$	$5,5\times10^{-1}$	2,3	$1,7\times10^2$	$9,2\times10^3$	4,0
Сингапур ($\Pi\beta_{i,7}$)	$1,0\times10^5$	$1,2\times10^6$	$1,4\times10^6$	$2,0\times10^7$	$2,5\times10^7$	$3,3\times10^7$	$3,7\times10^6$
Вьетнам ($\Pi\beta_{i,8}$)	$1,2\times10^4$	$3,2\times10^4$	$5,1\times10^4$	$7,1\times10^4$	$1,5\times10^5$	$2,1\times10^5$	$3,4\times10^4$
Индия ($\Pi\beta_{i,9}$)	$1,1\times10^1$	$4,0\times10^1$	$1,3\times10^2$	$2,8\times10^2$	$1,9\times10^3$	$5,9\times10^3$	$1,3\times10^4$
Малайзия ($\Pi\beta_{i,10}$)	$2,9\times10^4$	$4,2\times10^4$	$6,2\times10^4$	$8,1\times10^4$	$2,8\times10^5$	$4,0\times10^5$	$2,4\times10^4$
Австралия ($\Pi\beta_{i,11}$)	$2,6\times10^5$	$6,1\times10^5$	$9,2\times10^5$	$3,4\times10^6$	$4,2\times10^6$	$5,1\times10^6$	$7,5\times10^5$
Германия ($\Pi\beta_{i,12}$)	$2,8\times10^5$	$6,6\times10^5$	$2,9\times10^5$	$1,2\times10^5$	$2,2\times10^5$	$3,7\times10^5$	$5,7\times10^4$
Великобритания ($\Pi\beta_{i,13}$)	$4,4\times10^4$	$8,9\times10^4$	$9,1\times10^4$	$1,0\times10^5$	$1,2\times10^5$	$2,3\times10^5$	$2,9\times10^2$
Нидерланды ($\Pi\beta_{i,14}$)	$1,7\times10^5$	$2,6\times10^5$	$2,7\times10^5$	$2,8\times10^5$	$2,9\times10^5$	$3,0\times10^5$	$3,7\times10^4$
Италия ($\Pi\beta_{i,15}$)	$3,3\times10^3$	$3,5\times10^3$	$8,3\times10^3$	$6,4\times10^3$	$4,6\times10^3$	$6,9\times10^3$	$1,9\times10^3$
Франция ($\Pi\beta_{i,16}$)	$2,4\times10^4$	$6,9\times10^4$	$7,1\times10^4$	$9,0\times10^4$	$1,1\times10^5$	$1,3\times10^5$	$1,9\times10^2$
Финляндия ($\Pi\beta_{i,17}$)	$1,1\times10^4$	$2,9\times10^4$	$3,4\times10^4$	$5,8\times10^4$	$8,1\times10^4$	$1,1\times10^5$	$1,9\times10^3$
Южная Африка ($\Pi\beta_{i,18}$)	$1,8\times10^1$	$1,8\times10^2$	$2,8\times10^2$	$7,8\times10^1$	$1,8\times10^2$	$2,8\times10^2$	$3,0\times10^1$
Бразилия ($\Pi\beta_{i,19}$)	$1,3\times10^1$	$2,0\times10^2$	$4,0\times10^2$	$4,8\times10^1$	$3,8\times10^2$	$5,8\times10^2$	9,9

зующих экономический патронат со стороны правительств и центральных банков

2011	оценка		прогноз			
	2012	2013	2014	2015	2020	2025
$1,8\times10^6$	$6,9\times10^6$	$7,9\times10^6$	$8,1\times10^6$	$8,3\times10^6$	$4,8\times10^7$	$6,6\times10^9$
$2,1\times10^5$	$2,9\times10^5$	$4,1\times10^5$	$4,4\times10^5$	$5,1\times10^5$	$2,0\times10^6$	$3,1\times10^6$
$3,0\times10^5$	$4,2\times10^5$	$5,0\times10^5$	$6,3\times10^5$	$7,7\times10^5$	$2,3\times10^6$	$3,3\times10^6$
$6,1\times10^4$	$7,3\times10^4$	$8,0\times10^4$	$9,1\times10^4$	$9,9\times10^4$	$1,3\times10^5$	$5,3\times10^5$
$2,7\times10^6$	$3,2\times10^6$	$4,4\times10^6$	$4,9\times10^6$	$5,4\times10^6$	$1,4\times10^7$	$2,7\times10^7$
$7,7\times10^5$	$8,6\times10^5$	$9,1\times10^5$	$9,9\times10^5$	$1,4\times10^6$	$2,1\times10^6$	$5,7\times10^6$
$7,8\times10^1$	$2,8\times10^2$	$4,8\times10^2$	$1,0\times10^3$	$4,6\times10^3$	$4,5\times10^6$	$7,9\times10^6$
$4,7\times10^6$	$5,1\times10^6$	$6,0\times10^6$	$7,9\times10^6$	$8,4\times10^6$	$1,1\times10^7$	$2,0\times10^7$
$5,3\times10^4$	$1,2\times10^5$	$2,2\times10^5$	$3,0\times10^5$	$4,4\times10^5$	$5,5\times10^5$	$6,0\times10^6$
$7,1\times10^4$	$7,8\times10^4$	$9,1\times10^4$	$3,1\times10^5$	$7,6\times10^5$	$1,1\times10^7$	$9,4\times10^7$
$6,5\times10^4$	$7,2\times10^5$	$9,1\times10^5$	$1,1\times10^6$	$2,4\times10^6$	$3,5\times10^6$	$8,0\times10^6$
$9,7\times10^5$	$1,6\times10^6$	$1,7\times10^6$	$1,9\times10^6$	$2,0\times10^6$	$2,1\times10^6$	$2,7\times10^6$
$7,7\times10^4$	$2,4\times10^5$	$7,9\times10^5$	$9,7\times10^5$	$1,7\times10^6$	$3,9\times10^6$	$6,5\times10^6$
$4,1\times10^3$	$6,2\times10^3$	$8,4\times10^3$	$1,8\times10^4$	$6,6\times10^5$	$9,6\times10^5$	$4,6\times10^6$
$4,7\times10^4$	$2,4\times10^5$	$5,9\times10^5$	$7,7\times10^5$	$1,7\times10^6$	$2,9\times10^6$	$3,5\times10^6$
$2,1\times10^3$	$4,9\times10^3$	$6,5\times10^3$	$1,9\times10^4$	$2,9\times10^4$	$7,6\times10^4$	$1,9\times10^6$
$2,1\times10^3$	$4,2\times10^3$	$5,4\times10^3$	$1,2\times10^4$	$3,6\times10^5$	$5,6\times10^5$	$2,6\times10^6$
$7,1\times10^3$	$5,2\times10^4$	$5,4\times10^4$	$6,2\times10^4$	$1,1\times10^5$	$2,6\times10^5$	$1,3\times10^6$
$4,8\times10^1$	$1,8\times10^2$	$3,8\times10^2$	$4,0\times10^3$	$5,6\times10^3$	$6,5\times10^4$	$1,9\times10^5$
$2,8\times10^1$	$2,9\times10^2$	$9,8\times10^2$	$1,9\times10^3$	$1,6\times10^3$	$1,5\times10^4$	$1,2\times10^5$

димо умело воспользоваться»⁷. В связи с этим увеличение внутреннего спроса, гарантирующее успешное развитие экономики страны, будет оставаться в числе главных приоритетов в планах китайского правительства по обеспечению экономической безопасности государства в ближайшее время.

Сравнительная оценка уровня экономической безопасности Китая и государств мира, достигнутого в рамках экономического патроната. Сравнительная оценка *общего интегрального уровня* экономической безопасности Китая и других государств мира, достигнутого *в рамках экономического патроната*, может базироваться на определении значений *общего нормированного показателя* безопасности национального хозяйства каждой страны, расчетная формула которого может иметь вид⁸:

$$Y_{ЭБ(ЭПатронат),j} = \prod_{i=1}^{19} \beta_{i,j}^{\alpha_{i,j}},$$

$$0,01 \leq \beta_{i,j}^{\alpha_{i,j}} \leq 100,$$

где $Y_{ЭБ(ЭПатронат),j}$ — общий нормированный показатель уровня безопасности национального хозяйства j -го государства, реализованный в рамках экономического патроната;

$\alpha_{i,j}$ — вес i -го нормированного частного показателя, характеризующего экономическую безопасность j -го государства;

$\beta_{i,j}$ — значение i -го нормированного частного показателя, характеризующего экономическую безопасность j -го государства⁹.

Результаты расчетов значений общих (интегральных) показателей экономической безопасности КНР, России и других государств мира в период 1997—2012 гг. и в перспективе до 2020 г. без учета влияния МФЭК и с учетом такого влияния представлены на рис. 1.

Таким образом становится очевидным влияние МФЭК на уровень безопасности национального хозяйства Китая и других государств мира (табл. 2), а также на процессы относительного повышения уровня экономической безопасности КНР в перспективе до 2025 г. в случае реализации планов экономического роста и социально-экономического развития Китая.

3. Экономическая кооперация Китая в условиях глобализации

Экономическая кооперация как форма обеспечения экономической безопасности государства в условиях глобализации предполагает, прежде всего, реализацию различных мер экономического сотрудничества (экономической интеграции) государства с другими странами при наличии различных внешних и внутренних угроз.

Показателями взаимовлияния национальных хозяйств Китая и других стран мира могут стать: внешнеторговый товарооборот; объем иностранных инвестиций, структура золотовалютных резервов, взаимное использование сырьевых, трудовых, энергетических, продовольственных, валютных ресурсов и пр.

Значения объемов внешнеторгового товарооборота и других показателей экономической кооперации являются основой для определения значимости (α_k -весов) экономической интеграции Китая с различными странами мира и взаимозависимости их экономик в условиях глобализации.

Сравнительная оценка уровня экономической безопасности Китая, достигнутого в рамках экономической кооперации, может базироваться на определении значений *общего нормированного показателя* безопасности национального хозяйства, расчетная формула которого такова:

$$Y_{ЭБ(ЭКооперация),j} = \prod_{\substack{k=1 \\ k \neq j}}^K \left(\prod_{i=1}^{19} \beta_{i,j}^{\alpha_{i,j}} \times \prod_{i=1}^{19} \beta_{i,k}^{\alpha_{i,k}} \right)^{\alpha_k},$$

$$0,01 \leq \left(\prod_{i=1}^{19} \beta_{i,j}^{\alpha_{i,j}} \times \prod_{i=1}^{19} \beta_{i,k}^{\alpha_{i,k}} \right)^{\alpha_k} \leq 100,$$

где $Y_{ЭБ(ЭКооперация),j}$ — общий нормированный показатель уровня безопасности национального хозяйства j -го государства, реализованный в рамках экономической кооперации;

$\alpha_{i,j}(\alpha_{i,k})$ — вес i -го нормированного частного показателя, характеризующего экономическую безопасность j -го (k -го) государства;

α_k — вес взаимодействия j -го государства с k -ым государством в условиях глобализации и взаимозависимости экономики j -го государства от национального хозяйства k -го государства;

$\beta_{i,j}(\beta_{i,k})$ — значение i -го нормированного частного показателя, характеризующего экономическую безопасность j -го (k -го) государства;

K — количество рассматриваемых государств мира.

Экономическая кооперация между Китаем и Россией. Экономические отношения между КНР и РФ на современном этапе являются сложными и неоднозначными. Их развитие за последние годы было теснейшим образом связано с качественными сдвигами как внутри наших двух стран, так и с изменениями международной ситуации.

В основе партнерства РФ и КНР на современном этапе лежат их глобально-стратегические интересы. В настоящее время бурно развивающийся Китай (2-е место в мире по объемам ВВП и 1-е — по золотовалютным резервам) позиционирует себя как сила, набирающая глобальную значимость. Он ищет равноправного сотрудничества с мировым сообществом в поддержании глобальной и региональной стабильности. В этом плане стратегическое партнерство с Россией в рамках ШОС¹⁰ помогает Китаю обеспечивать свое развитие в региональном и глобальном масштабах и противодействовать вызовам Запада в отношении позиций Китая в мире.

В свою очередь Россия после распада СССР экономическую и финансовую слабость пытается компенсировать за счет активного выхода на мировые и региональные рынки энергоресурсов и поддержания имиджа второй в мире ракетно-ядерной державы. Она позиционирует себя как глобальная сила, заявляющая о своем праве участвовать в построении новой мировой архитектуры и иметь собственную зону интересов. В этом плане одним из слабейших звеньев российской геополитики была Северо-Восточная Азия (СВА), ставшая одной из важнейших составляющих мирового сообщества, где Россия, к сожалению, пока занимает маргинальные позиции (крайне низкий уровень экономического, а наряду с этим — и политического присутствия).

В то же время изменения, вызванные крушением биполярного мира и возросшей значимостью отношений на региональном уровне, обусловили необходимость для России найти новое место в СВА, представляющей сферу жизненно важных интересов для РФ. Ныне восточный вектор внешней политики и внешнеэкономической деятельности приобрел для России большое самостоятельное значение. Прорыв в северо-восточном направлении связан, прежде всего, с перспективами долгосрочного сотрудничества РФ с Китаем¹¹.

Совпадение, сходство и созвучие коренных национальных интересов наших двух стран может стать одним из главных факторов экономического развития России, особенно ее восточных регионов, и укрепления ее международных позиций. В такой же мере это относится и к КНР.

Прорывом стало заключение энергетического союза между Россией и Китаем в марте 2006 г.¹² При этом, разумеется, нельзя закрывать глаза на то, что за последние 15 лет соотношение экономических потенциалов наших двух стран существенно изменилось в пользу Китая¹³. Разрыв в экономической мощи и смена ролей в российско-китайском обмене продукцией новых и высоких технологий является определенным вызовом России. Естественным российским ответом на этот серьезный вызов должно стать только наше развитие — и экономическое, и научно-техническое.

Экономическая кооперация между Китаем и США. В настоящее время США являются самым важным экспортным рынком для Китая, а Китай — одним из экспортных рынков с наибольшими темпами роста для США. Двустороннее взаимодействие в торгово-экономической, инвестиционной, финансовой и туристической областях набирает силу и приносит этим двум странам реальную выгоду. По мнению политического руководства КНР и США, «... формирование отношений сотрудничества и партнерства между Китаем и Соединенными Штатами невозможно без сильной поддержки взаимовыгодного экономического сотрудничества. Со времени установления дипотношений торгово-экономическое и инвестиционное сотрудничество динамично развивается, две страны стали вторым торговым партнером друг для друга. Торгово-экономическое сотрудничество, которое отлича-

ется взаимодополняемостью в преимуществах, взаимной выгодой и обоюдным выигрышем, стало важным краеугольным камнем и движущей силой развития китайско-американских отношений. Ныне перед обеими странами — Китаем и США — стоит важная задача по развитию национальной экономики, содействию занятости, улучшению уровня жизни народа, обе они активно продвигают реструктуризацию экономики...

Китайская сторона готова разворачивать всестороннее экономическое сотрудничество с США, двигаться друг к другу для смягчения торгового дисбаланса, совместно выступать за свободную торговлю и против протекционизма, содействовать здоровому и стабильному развитию двусторонних торгово-экономических связей...»¹⁴.

Перспективы торгово-экономического сотрудничества Китая и США довольно широки. Китай переживает фазу интенсивной индустриализации и урбанизации. Одновременно он ускоряет процесс перехода способов экономического развития, продвигает упорядочение экономической структуры. Китай определяет расширение внутреннего спроса, особенно потребительского, долгосрочным стратегическим курсом. Данный процесс вызовет огромный инвестиционный и потребительский спрос во время 12-й пятилетки. В 2020 г. он может стать крупнейшим в мире рынком по объему внутреннего спроса. Для торгово-промышленных кругов США это новые хорошие рыночные возможности, огромное пространство для развития их бизнеса.

Экономическая кооперация между Китаем и Японией. Экономическое сотрудничество между Китаем и Японией, принимает, похоже, необратимый характер. Япония сыграла важную роль в модернизации Китая в течение последних 25 лет благодаря огромным инвестициям в китайскую экономику и участие в развитии китайских экономических зон. С конца 2000 г. японские деловые круги осуществили более 20 тыс. проектов в различных сферах. По опубликованным Министерством коммерции КНР данным, объем двусторонней торговли вырос от 1,1 млрд долл. в 1972 г. до 207,36 млрд в 2006 г., т. е. в 200 раз. В настоящее время Япония является 3-м торговым партнером Китая, а КНР — 2-м торговым партнером Японии. Достижения Японии в науч-

но-технической сферах и неограниченные возможности Китая в области трудовых ресурсов и масштабы рынка являются стимулами для дальнейшего укрепления двустороннего сотрудничества. В 2010 г. товарооборот между двумя странами вырос на 22,3 % по сравнению с уровнем 2009 г., достигнув на 26,5 трлн иен (339,3 млрд долл.)¹⁵.

Экономическая кооперация между Китаем и Южной Кореей. Двусторонние отношения КНР и Республикой Корея (РК) продолжают динамично развиваться, несмотря на такой осложняющий фактор, как стратегическое партнерство РК и США. Более того, именно улучшение ситуации в рамках американско-южнокорейского союза стимулирует китайское руководство к конструктивному диалогу с Южной Кореей. Преследуя цель выполнения программы внешнеполитической стратегии по созданию мирного регионального и мирового окружения, КНР стремится к расширению сотрудничества с Республикой Корея. Еще в 2007 г. Китай сменил США в качестве крупнейшего торгового партнера РК, приняв на себя 26,2 % южнокорейского экспорта¹⁶. Китай является первым по значению импортером товаров из Южной Кореи, на его долю приходится 16,9 % южнокорейского экспорта. А РК — 5-й торговый партнер КНР¹⁷.

На встрече глав государств Китая, РК и Японии, прошедшей в Пекине в 2012 г., между тремя странами было подписано соглашение об инвестиционном сотрудничестве. Стороны договорились о разработке условий для дальнейшего углубления экономической интеграции. Как ожидается, появление зоны свободной торговли принесет огромные выгоды всем участникам — особенно с учетом того, что Китай является крупнейшим торговым партнером как Японии, так и РК¹⁸. Наряду с трехсторонними переговорами о создании ЗСТ, Южная Корея ведет сепаратные переговоры с Китаем о расширении экономического сотрудничества.

Таким образом, экономическая кооперация КНР со странами мира может быть представлена в виде частных показателей, каждый из которых является коэффициентом эластичности для результатов взаимодействия экономики Китая с экономиками этих стран (табл. 3).

Таблица 3. Значения показателей экономической безопасности Китая,

Частные показатели экономической безопасности, характеризующие экономическую кооперацию	1997	1999	2001	2003	2005	2007	2009
с США ($\beta_{i,0} \times \beta_{i,1}$) α_1	8,3E+8 ^{0,002}	1,2E+11 ^{0,002}	2,3E+10 ^{0,002}	9,1E+10 ^{0,003}	2,9E+11 ^{0,005}	3,0E+11 ^{0,007}	2,5E+10 ^{0,006}
с Японией ($\beta_{i,0} \times \beta_{i,2}$) α_2	4,6E+7 ^{0,002}	3,8E+9 ^{0,002}	3,2E+9 ^{0,002}	1,9E+10 ^{0,003}	3,4E+11 ^{0,003}	4,5E+12 ^{0,003}	7,8E+10 ^{0,004}
с Гонконгом ($\beta_{i,0} \times \beta_{i,3}$) α_3	1,0E+6 ^{0,002}	5,1E+8 ^{0,001}	2,1E+8 ^{0,002}	1,3E+9 ^{0,002}	5,5E+10 ^{0,002}	5,1E+11 ^{0,003}	1,4E+10 ^{0,003}
с Ю.Кореей ($\beta_{i,0} \times \beta_{i,4}$) α_4	6,5E+7 ^{0,001}	7,0E+10 ^{0,001}	5,8E+10 ^{0,001}	9,5E+11 ^{0,001}	8,8E+12 ^{0,001}	6,5E+13 ^{0,002}	3,9E+11 ^{0,003}
с Тайванем ($\beta_{i,0} \times \beta_{i,5}$) α_5	2,1E+7 ^{0,001}	1,6E+10 ^{0,001}	1,0E+10 ^{0,001}	4,9E+10 ^{0,001}	5,7E+11 ^{0,001}	4,6E+12 ^{0,002}	1,9E+11 ^{0,002}
с Россией ($\beta_{i,0} \times \beta_{i,6}$) α_6	1,0100 ^{0,205}	9,9200 ^{0,001}	6,1E+3 ^{0,001}	8,1E+4 ^{0,001}	4,4E+7 ^{0,001}	1,4E+10 ^{0,001}	1,2E+06 ^{0,001}
с Сингапуром ($\beta_{i,0} \times \beta_{i,7}$) α_7	5,9E+7 ^{0,0001}	3,8E+10 ^{0,0001}	1,5E+10 ^{0,0001}	7,0E+11 ^{0,0002}	6,5E+12 ^{0,0003}	4,9E+13 ^{0,0005}	1,1E+12 ^{0,001}
с Вьетнамом ($\beta_{i,0} \times \beta_{i,8}$) α_8	7,1E+6 ^{0,00003}	1,0E+9 ^{0,00003}	5,6E+8 ^{0,0001}	2,5E+9 ^{0,0001}	3,9E+10 ^{0,0002}	3,1E+11 ^{0,0003}	1,0E+10 ^{0,0005}
с Индией ($\beta_{i,0} \times \beta_{i,9}$) α_9	6,5E+3 ^{0,0001}	1,3E+6 ^{0,0001}	1,4E+6 ^{0,0001}	9,8E+6 ^{0,0002}	4,9E+8 ^{0,0004}	8,8E+9 ^{0,001}	3,9E+09 ^{0,001}
с Малайзией ($\beta_{i,0} \times \beta_{i,10}$) α_{10}	1,7E+7 ^{0,0002}	1,3E+9 ^{0,0002}	6,8E+8 ^{0,0003}	2,8E+9 ^{0,0005}	7,3E+10 ^{0,001}	6,0E+11 ^{0,001}	7,2E+09 ^{0,001}
с Австралией ($\beta_{i,0} \times \beta_{i,11}$) α_{11}	1,5E+8 ^{0,00003}	1,9E+10 ^{0,00001}	1,0E+10 ^{0,00002}	1,2E+11 ^{0,00002}	1,1E+12 ^{0,0005}	7,6E+12 ^{0,001}	2,2E+11 ^{0,001}
с Германией ($\beta_{i,0} \times \beta_{i,12}$) α_{12}	1,7E+8 ^{0,0003}	2,1E+10 ^{0,0004}	3,2E+9 ^{0,0005}	4,2E+9 ^{0,001}	5,7E+10 ^{0,001}	5,6E+11 ^{0,001}	1,7E+10 ^{0,002}
с Великобританией ($\beta_{i,0} \times \beta_{i,13}$) α_{13}	2,6E+7 ^{0,0002}	2,8E+9 ^{0,0002}	1,0E+9 ^{0,0002}	3,5E+9 ^{0,0003}	3,1E+10 ^{0,0003}	3,5E+11 ^{0,0003}	8,7E+7 ^{0,001}
с Нидерландами ($\beta_{i,0} \times \beta_{i,14}$) α_{14}	1,0E+8 ^{0,0001}	8,3E+9 ^{0,0001}	2,9E+9 ^{0,0002}	9,8E+9 ^{0,0002}	7,5E+10 ^{0,0003}	4,5E+11 ^{0,0003}	1,1E+10 ^{0,0004}
с Италией ($\beta_{i,0} \times \beta_{i,15}$) α_{15}	1,9E+6 ^{0,0001}	1,1E+8 ^{0,0001}	9,1E+7 ^{0,0002}	2,2E+8 ^{0,0003}	1,2E+9 ^{0,0003}	1,0E+10 ^{0,0003}	5,7E+8 ^{0,0004}
с Францией ($\beta_{i,0} \times \beta_{i,16}$) α_{16}	1,4E+7 ^{0,0001}	2,2E+9 ^{0,0001}	7,8E+8 ^{0,0002}	3,2E+9 ^{0,0002}	2,9E+10 ^{0,0002}	1,9E+11 ^{0,0002}	5,7E+7 ^{0,0004}
с Финляндией ($\beta_{i,0} \times \beta_{i,17}$) α_{17}	6,5E+6 ^{0,0001}	9,3E+8 ^{0,0001}	3,7E+8 ^{0,0001}	2,0E+9 ^{0,0001}	2,1E+10 ^{0,0001}	1,7E+11 ^{0,0001}	5,7E+8 ^{0,0001}
с Ю.Африкой ($\beta_{i,0} \times \beta_{i,18}$) α_{18}	1,1E+4 ^{0,0001}	5,8E+6 ^{0,00004}	3,1E+6 ^{0,0001}	2,7E+6 ^{0,0001}	4,7E+7 ^{0,0001}	4,2E+8 ^{0,0001}	9,0E+6 ^{0,0001}
с Бразилией ($\beta_{i,0} \times \beta_{i,19}$) α_{19}	7,7E+3 ^{0,0001}	6,4E+6 ^{0,0001}	4,4E+6 ^{0,0001}	1,7E+6 ^{0,0002}	9,9E+7 ^{0,0003}	8,7E+8 ^{0,0005}	2,9E+6 ^{0,0011}
Значения показателя экономической безопасности, характеризующего экономическую кооперацию $\prod_{k=1}^{19} \left(\prod_{i=1}^{19} \beta_{i,0} \times \prod_{i=1}^{19} \beta_{i,k} \right)^{\alpha_k}$ (фактические значения и прогноз 2011 года)	1,1647	1,1923	1,2453	1,3637	1,5577	1,8638	1,9552

характеризующих его экономическую кооперацию со странами мира

2011	оценка		прогноз			
	2012	2013	2014	2015	2020	2025
3,8E+11 ^{0,008}	2,0E+12 ^{0,008}	3,2E+12 ^{0,008}	3,6E+12 ^{0,009}	4,2E+12 ^{0,010}	9,6E+13 ^{0,029}	2,1E+16 ^{0,049}
5,4E+11 ^{0,006}	2,9E+12 ^{0,005}	3,9E+12 ^{0,006}	5,1E+12 ^{0,006}	6,4E+12 ^{0,007}	1,1E+14 ^{0,011}	2,2E+16 ^{0,012}
1,1E+11 ^{0,005}	5,0E+11 ^{0,006}	6,3E+11 ^{0,006}	7,4E+11 ^{0,007}	8,2E+11 ^{0,008}	6,2E+12 ^{0,013}	3,5E+15 ^{0,015}
4,9E+12 ^{0,004}	2,2E+13 ^{0,004}	3,5E+13 ^{0,005}	3,9E+13 ^{0,005}	4,5E+13 ^{0,006}	6,7E+14 ^{0,009}	1,8E+17 ^{0,010}
1,4E+12 ^{0,003}	5,9E+12 ^{0,003}	7,2E+12 ^{0,003}	8,0E+12 ^{0,004}	1,2E+13 ^{0,004}	1,0E+14 ^{0,007}	3,8E+16 ^{0,008}
1,4E+8 ^{0,002}	1,9E+9 ^{0,002}	3,8E+9 ^{0,002}	8,1E+9 ^{0,003}	3,8E+10 ^{0,003}	2,2E+14 ^{0,003}	5,2E+16 ^{0,003}
8,5E+12 ^{0,001}	3,5E+13 ^{0,001}	4,7E+13 ^{0,002}	6,4E+13 ^{0,002}	6,9E+13 ^{0,002}	5,3E+14 ^{0,003}	1,3E+17 ^{0,003}
9,5E+10 ^{0,001}	8,3E+11 ^{0,001}	1,7E+12 ^{0,001}	2,4E+12 ^{0,001}	3,6E+12 ^{0,001}	2,6E+13 ^{0,001}	3,9E+16 ^{0,001}
1,3E+11 ^{0,001}	5,4E+11 ^{0,001}	7,2E+11 ^{0,002}	2,5E+12 ^{0,002}	6,3E+12 ^{0,002}	5,3E+14 ^{0,003}	6,2E+17 ^{0,003}
1,2E+11 ^{0,002}	4,9E+12 ^{0,002}	7,2E+12 ^{0,002}	8,9E+12 ^{0,002}	1,9E+13 ^{0,002}	1,7E+14 ^{0,003}	5,3E+16 ^{0,003}
1,8E+12 ^{0,002}	1,1E+13 ^{0,002}	1,3E+13 ^{0,002}	1,5E+13 ^{0,003}	1,7E+13 ^{0,003}	1,0E+14 ^{0,004}	1,8E+16 ^{0,004}
1,4E+11 ^{0,003}	1,7E+12 ^{0,003}	6,2E+12 ^{0,004}	7,9E+12 ^{0,004}	1,4E+13 ^{0,005}	1,9E+14 ^{0,008}	4,29E+16 ^{0,010}
7,4E+9 ^{0,001}	4,3E+10 ^{0,001}	6,6E+10 ^{0,001}	1,5E+11 ^{0,001}	5,5E+12 ^{0,001}	4,6E+13 ^{0,002}	3,0E+16 ^{0,004}
8,5E+10 ^{0,001}	1,7E+12 ^{0,001}	4,7E+12 ^{0,001}	6,2E+12 ^{0,001}	1,4E+13 ^{0,001}	1,4E+14 ^{0,002}	2,3E+16 ^{0,002}
3,8E+9 ^{0,001}	3,4E+10 ^{0,001}	5,1E+10 ^{0,001}	1,5E+11 ^{0,001}	2,4E+11 ^{0,001}	3,6E+12 ^{0,002}	1,2E+16 ^{0,002}
3,8E+9 ^{0,001}	2,9E+10 ^{0,001}	4,3E+10 ^{0,001}	9,7E+10 ^{0,001}	2,9E+12 ^{0,001}	2,7E+13 ^{0,001}	1,7E+16 ^{0,002}
1,3E+10 ^{0,0001}	3,6E+11 ^{0,0002}	4,3E+11 ^{0,0003}	5,0E+11 ^{0,0003}	9,1E+11 ^{0,0004}	1,2E+13 ^{0,001}	8,6E+15 ^{0,001}
8,6E+7 ^{0,0001}	1,2E+9 ^{0,0002}	3,0E+9 ^{0,0002}	3,2E+10 ^{0,0003}	4,6E+10 ^{0,0005}	3,1E+12 ^{0,001}	1,2E+15 ^{0,001}
5,0E+7 ^{0,002}	2,0E+9 ^{0,002}	7,7E+9 ^{0,002}	1,5E+10 ^{0,002}	1,3E+10 ^{0,003}	7,2E+11 ^{0,003}	7,9E+14 ^{0,003}
2,9233	3,3783	3,9183	4,7479	5,9639	29,1445	173,781

4. Экономическое противоборство Китая в условиях глобализации

Экономическое противоборство как форма обеспечения экономической безопасности государства в условиях глобализации определяет, прежде всего, реализацию различных мер экономической борьбы государства с другими странами при наличии различных внешних и внутренних угроз.

Показателями экономического противоборства национальных хозяйств могут стать: нереализованный внешнеторговый товарооборот; объем причиненного экономического ущерба и др.

Значения объемов нереализованного внешнеторгового товарооборота и других показателей экономического противоборства способны дать основу для определения значимости (α_l -весов) экономического противоборства с другими странами мира.

Сравнительная оценка уровня экономической безопасности Китая, реализованного в рамках экономического противоборства, может базироваться на определении значений *общего нормированного показателя* безопасности национального хозяйства страны, расчетная формула которого имеет вид:

$$U_{ЭБ(ЭПротивоборство),j} = \prod_{l=1, l \neq j}^L \left(\frac{\prod_{i=1}^{19} \beta_{i,j}^{\alpha_{i,j}}}{\prod_{i=1}^{19} \beta_{i,l}^{\alpha_{i,l}}} \right)^{\alpha_l}, \quad 0,01 \leq \left(\frac{\prod_{i=1}^{19} \beta_{i,j}^{\alpha_{i,j}}}{\prod_{i=1}^{19} \beta_{i,l}^{\alpha_{i,l}}} \right)^{\alpha_l} \leq 100,$$

где $U_{ЭБ(ЭПротивоборство),j}$ — общий нормированный показатель уровня безопасности национального хозяйства j -го государства, реализованный в рамках экономического противоборства;

$\alpha_{i,j}(\alpha_{i,l})$ — вес i -го нормированного частного показателя, характеризующего экономическую безопасность j -го (l -го) государства;

α_l — вес экономического противоборства j -го государства с l -м государством в условиях глобализации и экономического

ущерба экономики j -го государства от воздействия со стороны национального хозяйства l -го государства;

$\beta_{i,j}(\beta_{i,l})$ — значение i -го нормированного частного показателя, характеризующего экономическую безопасность j -го (l -го) государства;

L — количество рассматриваемых государств мира.

Экономическое противоборство между Китаем и Россией. Рост глобального влияния Китая, сокращение его зависимости от экспорта вооружений из России и увеличение числа альтернативных поставщиков энергии¹⁹ вносит проблемы в стратегическое партнерство Российской Федерации и КНР, ослабляет диалог стран в сфере безопасности и энергетики.

При этом главными проблемами в российско-китайских экономических взаимоотношениях являются следующие.

Первая. Дисбаланс между политическими и торгово-экономическими связями наших двух стран²⁰.

Вторая. Противоречия в российско-китайском научно-техническом сотрудничестве²¹.

Третья. Обострение экономического противостояния²².

Четвертая. Понижение места России в стратегических приоритетах Китая и места КНР в российских приоритетах, вплоть до появления в краткосрочной перспективе конфронтационных элементов в их отношениях.

Тем не менее, наиболее вероятной и оптимальной представляется перспектива экстраполяции в будущем нынешнего уровня российско-китайского партнерства, его развитие и углубление, более того — переход к модели реального со-развития двух стран.

Экономическое противоборство между Китаем и США. По мнению многих экспертов во всем мире, борьба за власть и влияние между Китаем и США будет главной геополитической драмой столетия. Американо-китайские отношения имеют сложный, многоплановый характер. Они развиваются в диапазоне взаимозависимости, в первую очередь экономической, и

конфронтации по политическим и военно-стратегическим линиям.

В начале 2012 г. АТР был объявлен важнейшей зоной интересов США. Произошло обострение территориальных противоречий между Китаем и военными союзниками США — Японией и Филиппинами в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях. Китай продолжает наращивать военную мощь и увеличивать военный бюджет, а США не упускают возможности усилить свои позиции в регионе путем укрепления союзных военно-политических связей с Японией, Южной Кореей, Тайванем, Филиппинами и Австралией. В результате США активизировали экономическое противостояние с Пекином.

Экономическое противоборство между Китаем и Японией. Спор по поводу гряды островов Сэнкаку (Дяоюйдао), права на которую одновременно предъявляют Китай и Япония, перерастает в экономическое противостояние двух стран, которое дошло до прямых угроз со стороны Китая применить к Японии экономические санкции²³. При этом КНР преследует не краткосрочные политические цели, а среднесрочные стратегические. Ее цель — нанести удар по репутации Японии, вынудить Токио «потерять лицо». Наиболее вероятно, что между Японией и Китаем продолжится «холодная война» в экономике²⁴.

Экономическое противоборство между Китаем и Южной Кореей на современном этапе обуславливается наличием ряда взаимных политических требований и территориальных споров²⁵.

В целом, экономическое противоборство Китая со странами мира может быть представлено в виде частных показателей, каждый из которых является коэффициентом эластичности для результатов противостояния экономики КНР и национальных хозяйств соответствующих стран (рис. 2, табл. 4).

Ситуация в мировой экономике предвещает новые катаклизмы. Основными угрозами экономическому миропорядку в ближайшие годы видятся резкое снижение роста или/и спад

Таблица 4. Показатели экономической безопасности Китая, характеризующие его экономическое противоборство со странами АТР

Частные показатели экономической безопасности (фактические значения и прогноз 2011 г.)	2007	2008	2009	2010	2011	Прогноз	
						2015	2020
Противоборство Китая с Россией	1,0009	1,0010	1,0012	1,0013	1,0014	1,0018	1,0023
Противоборство Китая с США	1,0025	1,0027	1,0028	1,0030	1,0032	1,0037	1,0051
Противоборство Китая с Японией	1,0017	1,0018	1,0019	1,0021	1,0023	1,0032	1,0044
Противоборство Китая с Южной Кореей	1,0019	1,0020	1,0021	1,0022	1,0023	1,0025	1,0029
...	...	...	...	...	...	...	...
Противоборство Китая с Индией	1,0017	1,0018	1,0018	1,0020	1,0020	1,0023	1,0027
Значения показателя экономической безопасности, характеризующего экономическое противоборство со странами Азиатско-Тихоокеанского региона	1,0088	1,0093	1,0098	1,0106	1,0113	1,0137	1,0175

экономики ряда основных субъектов мирового хозяйства, усиление кризисов внешней задолженности, ухудшение мировой конъюнктуры, сокращение внешнего спроса для стран с развивающимися рынками, а также усиление инфляции, проявление различных форм протекционизма, торговые и валютные войны. МФЭК значительно повлиял на возможности Китая и государств Азиатско-Тихоокеанского региона по повышению уровня своей экономической безопасности, что до сих пор обуславливает принятие и реализацию правительствами этих стран дополнительных антикризисных мер.

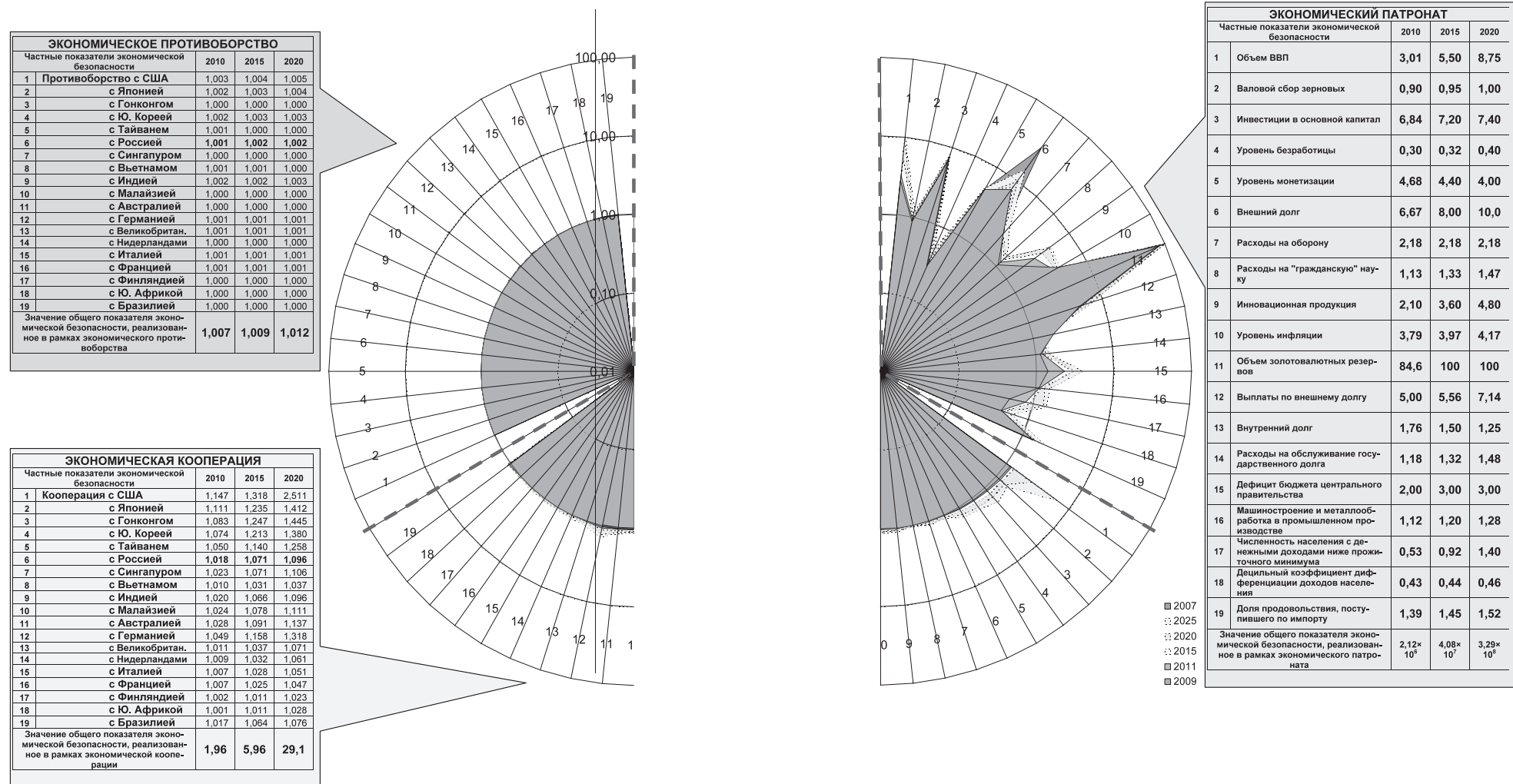

Рис. 2. Нормированные показатели экономической безопасности Китайской Народной Республики, реализованные в рамках различных форм обеспечения защищенности ее экономики

Примечания

¹ Под обеспечением экономической безопасности государства понимается процесс повышения (удержания приемлемого) уровня экономической безопасности, т. е. уровня защищенности национального хозяйства от внешних и внутренних угроз.

² В качестве первоочередной задачи выхода из кризиса китайским руководством было названо *обеспечение устойчивого и сравнительно быстрого развития экономики страны (бао цзинчжан)* и определена «схема» («технология») решения этой задачи: *главное условие* — расширение внутреннего спроса (*ко нэйцю*); *главное направление* — ускорение перехода к новой модели роста и урегулирование структуры (*тяо цзегоу*), проведение реформ по «ключевым звеньям» (*туй гайгэ*); *главная движущая сила* — повышение уровня открытости; *стартовая точка и опора* — улучшение жизни населения (*бао минзин*). Также были выделены *основные направления антикризисной экономической стратегии*: усиление и совершенствование государственного макрорегулирования экономики; развитие сельского хозяйства и устойчивый рост доходов крестьян; ускорение перехода на новую модель экономического роста и оптимизация структуры национального хозяйства; углубление реформ и политики открытости; активное решение острых социальных проблем, сохранение социальной стабильности // Цзинцзи жибао. 11.12.2008. Предложенная антикризисная стратегия по сути совмещала в себе как «пожарные» меры сегодняшнего дня, призванные в ближайшие сроки предотвратить тенденцию спада экономического роста, так и цели долгосрочного характера — перехода на инновационный путь развития экономики путем урегулирования структуры экономики и смены модели экономического роста. О таком подходе китайского руководства, в частности, говорилось на 3-м пленуме ЦК КПК 17-го созыва (октябрь 2008 г.) и в отчетном докладе премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао на 2-й сессии ВСНП 11-го созыва в марте 2009 г.: «Расширение внутреннего спроса считать долгосрочным стратегическим курсом и главной точкой приложения сил в стимулировании роста экономики».

³ Утвержденные Госсоветом КНР и ЦК КПК (документ № 18, 2008 г.) в начале ноября и озвученные на Центральном рабочем совещании по вопросам экономики в декабре 2008 г.

⁴ Подробнее см.: Чжунго гайгэбао. 02.12.2008; China Daily. 13—14.12.2008; World Economic Outlook. Russian. Перспективы развития мировой экономики. Wash., D.C.: International Monetary Fund, 2009.

⁵ В числе приоритетных задач китайским руководством была названа организация более эффективной работы по *совершенствованию экономической структуры*, изменению модели и «способов экономического разви-

тия» (кит. — *цзинцзи фачжань фанши*). Содержательная часть этой задачи состояла в том, чтобы, используя дополнительные финансовые рычаги, поддержать инновационные и высокотехнологичные направления в развитии производства, сельское хозяйство, «третью промышленность» (сферу услуг), средние и малые предприятия, а также частное предпринимательство, подтолкнуть производственные структуры к увеличению финансирования научных исследований и внедрению передовых технологий.

⁶ В «Концепции экономической безопасности Российской Федерации» понятие «экономическая безопасность <государства>» определено как «возможность и готовность экономики обеспечить достойные условия жизни и развития личности, социально-экономическую и военно-политическую стабильность общества и государства, противостоять влиянию внутренних и внешних угроз». См.: Концепция экономической безопасности Российской Федерации. Основные положения. М.: Научный совет при Совете безопасности Российской Федерации, 1994. В том же ключе это понятие трактуется и в «Государственной стратегии экономической безопасности Российской Федерации (Основные положения)», одобренной Указом президента Российской Федерации от 29 апреля 1996 г. № 608.

По нашему мнению, экономическая безопасность государства может быть представлена как состояние защищенности национального хозяйства от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются поступательное развитие общества, его экономическая и социально-политическая стабильность, несмотря на наличие неблагоприятных внешних и внутренних факторов.

⁷ Хуа вэйцзи вэй цзийюй : [Превратить кризис в шанс] // Жэньминь жибао. 12.11.2008.

⁸ О подходе к оценке уровня экономической безопасности см., в частности, Гордиенко Д.В. Перспективы повышения уровня экономической безопасности России // Национальные интересы. Приоритеты и безопасность. 2010. № 15 (72). С. 42—43; Гордиенко Д.В. Сравнительная оценка уровня экономической безопасности России // Имперское возрождение. 2008. № 1 (15). С. 14—20; Гордиенко Д.В. Перспективы экономического развития и повышения уровня экономической безопасности России // Имперское возрождение. 2009. № 3 (23). С. 6—13.

⁹ При одинаковой значимости 19 компонент безопасности национальных хозяйств развитых государств мира (т. е. при $\alpha_{ij} = 1$) наименьшее возможное значение общего нормированного показателя экономической безопасности j -го государства — $U_{ЭБ,j,min} = 10^{-38}$ — соответствует наименьшему уровню безопасности национального хозяйства страны. И, наоборот, наибольшее возможное значение этого показателя — $U_{ЭБ,j,max} = 10^{38}$ — соответствует наибольшему уровню экономической безопасности государства. Единичное значение общего (интегрального) нормированного показателя

экономической безопасности государства — $U_{ЭБ,j} = 1$ — соответствует критическому уровню безопасности национального хозяйства, понижение которого определяет опасность для экономики j -го государства. Это значение соответствует общему (интегральному) условному «порогу», который, тем не менее, дает представление о некоторой границе между состоянием защищенности и состоянием незащищенности национального хозяйства от внешних и внутренних угроз. Трудно искать какой-либо физический смысл в значениях общих (интегрированных) показателей экономической безопасности государства. Тем более нельзя абсолютизировать эти значения и применять к ним правила математического анализа. Однако полученные таким образом значения общих (интегрированных) показателей экономической безопасности государства позволяют судить о том, насколько уровень защищенности национального хозяйства страны поднялся (или опустился) относительно условно принятого порога и, следовательно, насколько этот уровень приблизился к уровню абсолютной защищенности (или абсолютной незащищенности) национального хозяйства. Для нашего случая (т. е. случая *одинаковой значимости компонент безопасности национального хозяйства* и принятых правилах нормировки частных показателей экономической безопасности) уровень абсолютной экономической безопасности государства составляет 10^{38} , а уровень абсолютной незащищенности национального хозяйства страны — 10^{-38} . В общем случае компоненты безопасности национального хозяйства имеют разную значимость для общего (интегрированного) показателя (уровня) экономической безопасности государства. В частности, такая разноточность особенно проявляется для условий функционирования национального хозяйства в мирное время, в угрожаемый период и в военное время. См.: Экономическая безопасность России: Общий курс: учебник / под ред. В.К. Сенчагова. М., 2005. 806 с.; Экономическая и национальная безопасность: учебник / под ред. Е.А. Олейникова. М., 2004. 768 с.; Гордиенко Д.В. Обеспечение экономической безопасности государства в условиях кризиса: учебное пособие. М., 2012. 368 с.; Гордиенко Д.В. Обеспечение экономической безопасности государства. Монография. М., 2009. 301 с.; Гордиенко Д.В., Баскаков В.В. Основы экономической безопасности государства. Монография. 2-е изд. М., 2007. 164 с.; Гордиенко Д.В., Хохлов А.С. Военно-экономическая безопасность государства. Монография. М., 2008. 297 с.

¹⁰ В частности, в настоящее время в рамках ШОС ведется практическая работа по реализации основных положений Плана мероприятий по выполнению Программы многостороннего торгово-экономического сотрудничества государств-членов ШОС. Годовой бюджет ШОС составляет 3,5 млн долл., из которых 2,16 млн долл. используются на содержание Секретариата. Остальные средства формируют бюджет регионального антитеррористического центра ШОС и других постоянных органов ШОС.

Россия и Китай несут по 24 % годовых расходов, Казахстан — 21, Узбекистан — 15, Кыргызстан — 10 и Таджикистан — 6 %.

¹¹ Выход России на стратегическое партнерство с Китаем — один из немногих серьезных внешнеполитических успехов РФ за последние годы. Этому направлению нашей внешней политики не должно и не может быть альтернативы, хотя вполне естественна адаптация к меняющимся внешнеполитическим и внешнеэкономическим условиям. Российско-китайские торгово-экономические отношения выдержали проверку кризисом. Объем двусторонней торговли достиг в 2011 г. 83,2 млрд долл. Взаимный товарооборот в 2012 г. составил рекордный уровень в 88,2 млрд долл. К 2015 г. планируется увеличение взаимного товарооборота до 100 млрд долл. и к 2020 г. — 200 млрд долл. URL: <http://www.rg.ru/2012/09/03/ates-site.html>.

¹² Речь идет о строительстве грандиозных веток газо- и нефтепроводов из Восточной и Западной Сибири в Китай.

¹³ Если исключить из сравнительного анализа производство углеводородного топлива, где наше преимущество огромно (скажем, нефти мы добываем в 2,5 раза больше, чем КНР; газа — в 11 раз больше), если также не касаться нашего преимущества в производстве вооружения, в области атомной энергетики, ракетной и авиационной техники, сравнение многих других областей экономики окажется не в нашу пользу. Например, в Китае угля добывают в 7 раз больше, чем в России, электроэнергии производят в 3 раза больше, стали выплавляют в 6 раз больше, а станков производят в 100 раз больше, чем в РФ!

¹⁴ По приглашению президента США Б.Обамы председатель КНР Ху Цзиньтао совершил с 18 по 21 января государственный визит в США. По завершении визита министр иностранных дел Китая Ян Цзечи, сопровождавший его в поездке, рассказал журналистам о состоявшемся визите и его итогах. URL: http://russian.ts.cn/content/2011-01/24/content_5549923.htm.

¹⁵ По данным японской Организации внешней торговли, в 2011 г. японский экспорт в КНР достигал 194,6 млрд долл., импорт из Китая в Японию — 148,3 млрд долл. Согласно оценкам, делавшимся в китайской прессе в начале 2011 г. в связи с аварией на АЭС «Фукусима», на оборудование и комплектующие, предназначенные для сборочных производств в Китае, могло приходиться до 70 % японского экспорта в Китай. За 8 месяцев 2012 г. японский экспорт в Китай составил 120,08 млрд долл., импорт из Китая — 98,6 млрд долл.

¹⁶ 81,9 млрд долл. в 2007 г.

¹⁷ Еще в 2007 г. общий товарооборот Южной Кореи и Китая составил 159,9 млрд долл. Причем, если в случае с ЕС, США и Японией Китай имеет положительное торговое сальдо, то с Южной Кореей — отрицательное.

¹⁸ Объем трехсторонней торговли в 2011 г. составил 690 млрд долл.

¹⁹ В 2010 г. экспорт из России составил лишь 6 % от общего объема нефтяного импорта Китая. Крупнейшими поставщиками нефти в Китай в 2010 г. стали Саудовская Аравия, Ангола, Иран и Оман, «отодвинувшие» Россию на 5-е место.

²⁰ Например, у Китая в отношениях с Японией, по их выражению, — «холодная политика, но горячая экономика». У нас же в отношениях с КНР — «горячая политика, но холодная экономика». Торговля между Китаем и Россией к 2008 г. приблизилась к 50 млрд долл., в 2012 г. она поднялась до 88,2 млрд. Но пока это — в 3 раза с лишним меньше сегодняшнего товарооборота Китая с Республикой Корея!

²¹ Сейчас экономический и научно-технический компонент российско-китайского сотрудничества составляет, при всей его важности лишь 1/7 объемов китайско-американского сотрудничества. Создание совместных технопарков, совместных НИОКР продвигается крайне медленно. В России в сознании определенных кругов сохраняется предвзятость в отношении Китая, недооценка значения сотрудничества с КНР; в Китае, в свою очередь, недооценка интеллектуального потенциала России, ориентация на взаимодействие с РФ прежде всего в тех областях, где США и Запад в целом не желает сотрудничать с Китаем.

²² Пока экономики России и Китая практически не соприкасаются на мировом рынке. В конце 1990-х годов — начале XX в. стратегическое партнерство России и Китая в основном сформировалось как вызов глобальной американской гегемонии. Это было отчасти вынужденное сближение двух более слабых государств для противодействия более сильному. Однако по мере роста их совокупной мощи и достижения декларируемой обеими странами многополярности роли РФ и КНР в мире вполне могут приобрести конкурентный и даже соперничающий окрас. Гипотетически нельзя исключить в краткосрочной перспективе появления в российско-китайских отношениях отдельных конфронтационных элементов. Необходимо учитывать, что определенная часть китайской элиты традиционно настроена по отношению к России достаточно сдержанно, а иногда и недружелюбно. В случае отсутствия глубокого понимания и доверия между руководством и значительной частью населения обеих стран внезапное обострение противоречий по какому-либо нерешенному или не до конца решенному вопросу может оказаться чреватым всплеском необоснованных антироссийских настроений в Китае и антикитайских — в России.

²³ В редакционной статье China Daily указывалось, что Япония уязвима перед лицом китайских экономических санкций и может потерять еще 10 или даже 20 лет в своем развитии, если эти санкции будут применены. Потери Китая, по мнению авторов статьи, будут ощутимо меньше (Приводится по: URL: <http://www.forbes.ru/sobytiya-column/vlast/131468-kitai-i-ya-poniya-spor-u-konveiera>).

²⁴ Еще в октябре 2012 г. китайцы объявили бойкот японским товарам. Это нанесло удар по обеим сторонам, поскольку основную часть товаров для китайского рынка японские компании производят на китайской территории. Хотя японцы, конечно, пострадали сильнее: их экспорт резко сократился. Японские же компании начали сворачивать свои производства в Китае — по данным опросов деловых кругов, эта тенденция затронула почти пятую часть японского бизнеса в КНР.

²⁵ В последнее время обострился спор между Южной Кореей и Китаем за право обладания рифом Иодо (в китайской версии «скалы Суян»), находящийся в Восточно-Китайском море в 149 км (81 миль) от южнокорейского острова Марудо и в 245 км (133 мили) от китайского острова Тунтао. Подводный риф Иодо, находящийся на глубине 4,6 м от морской поверхности, был обнаружен в 1900 г. английским торговым судном «Сокотра», получив одноименное название корабля. В 1984 г. ученые-гидрографы из университета Чечжу начали исследование подводной скалы. Научные (и не только) интересы южнокорейской стороны, вылившиеся в строительстве на рифе Иодо универсальной научной морской базы (종합해양과학기지) с метеорологической станцией и взлетно-посадочной площадкой для вертолетов, привели к возникновению спора между Китаем и Южной Кореей. Более подробно см., напр.: *Иванов А.Ю.* Геополитические интересы Республики Корея в Восточно-Китайском море: китайско-южнокорейский спор вокруг континентального шельфа. URL: <http://ru.apircenter.org/china/>.

М.В. Александрова*

ЭКОНОМИКА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КИТАЯ И СОВЕТСКАЯ ПОМОЩЬ КНР В 50-х ГОДАХ XX ВЕКА

Аннотация. В статье отмечается, что после образования КНР в ходе 1-й и 2-й пятилеток с советской помощью в стране было восстановлено и построено более 300 промышленных объектов; основная часть капиталовложений направлялась на Северо-Восток Китая (СВК) — в Дунбэй. Автор подчеркивает, что в 1-е десятилетие в КНР произошли структурные преобразования промышленности. Основными отраслями производства стали машиностроение, металлургия, пищевая, лесная, химическая промышленность. Советская помощь в СВК была в основном направлена в гражданские отрасли индустрии.

Ключевые слова: Дунбэй, региональная экономика, японский капитал, тяжелая промышленность, договорно-правовая база, инвестиции, Корейская война, структурные преобразования промышленности, объекты ВПК, плановая экономика.

В настоящей статье автор стремится показать экономическое значение советской помощи Северо-Восточному Китаю в годы пятилеток. Но прежде напомним экономическую ситуацию в регионе до образования КНР. С начала промышленного освоения Северо-Востока Китая прошло чуть более 100 лет,

* Александрова Мария Викторовна — к.э.н., в.н.с. Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений ИДВ РАН.

из которых более половины региональная экономика развивалась в основном под воздействием внешних факторов и сил.

В начале XX в. территория Дунбэй рассматривалась как место приложения русских и японских капиталов, которые конкурировали между собой в создании некоторых отраслей промышленности, прежде всего маслостроительной, мукомольной, угольной и золотодобывающей. В период Маньчжоу-Го японцы именно на Северо-Востоке формируют стратегическую промышленную базу для подготовки к войне против СССР, что способствовало появлению полного комплекса современных отраслей промышленности.

Однако не должно ни идеализировать роль Японии в развитии региона, как это сейчас делается в китайском Интернете, ни принижать роль японского капитала и японской промышленной школы. Страна Восходящего солнца преследовала свои, возможно, неблагоприятные цели, но в результате на Северо-Востоке Китая была создана вторая по значимости (после Японии) промышленность на азиатском континенте. Подтверждением тому служат следующие статистические данные (рис. 1).

Рис. 1. Структура валового выпуска продукции по отраслям Маньчжоу-Го в 1940 г.

Источник: 資料來源: 東北財經委員會(木庭俊解題)《舊滿洲經濟統計資料》柏書房, 1991年, 18頁。[Финансовый комитет Северо-Востока. «Экономическая статистика старой Маньчжурии». Kashiwashobo Publishing Co., Ltd.. 1991. С. 18 (на яп. яз.).

В 1943 г. на долю Северо-Востока Китая приходилось 49,4 % добычи угля, 87,7 — чугуна, 93 — стали, 93,3 — электроэнергии, 69 — серной кислоты, 60 — кальцинированной соды, 66 — цемента, 95 % — продукции машиностроения¹.

Можно с полной уверенностью сказать, что уже в период Второй мировой войны регион стал крупнейшей базой тяжелой промышленности всего Китая, каковой оставался до начала экономических реформ в конце 1970-х — начале 1980-х годов.

Советская помощь — мотивы и договорная основа

После освобождения Дунбэя от японцев китайские коммунисты планировали воссоздать построенные Японией предприятия в целях дальнейшей индустриализации китайской экономики, но своими силами сделать это им было крайне сложно. После образования КНР советская сторона идет на беспрецедентный по финансовым, материальным и интеллектуальным затратам шаг оказания помощи дружественному народу. Китайское руководство приняло решение воспользоваться этой помощью для ускорения процесса индустриализации, развития тяжелой промышленности и ВПК, что должно было послужить укреплению обороноспособности КНР.

В 1950-х годах промышленное строительство вновь стало каналом зарубежного технологического трансфера на Северо-Восток Китая. Советские технологии пришли в Китай вслед за сооружением государственных промышленных объектов в рамках программы помощи. Благодаря ввозу готового оборудования, получения технологии производства и проектирования продукции, Китай довольно быстро обзавелся своими производственными мощностями в таких сферах, как добывающая, энергетическая, металлургическая, машиностроительная промышленность и ВПК, и это принесло ему прямые экономические и социальные дивиденды².

В период 1-й и 2-й пятилеток с помощью СССР было восстановлено и построено большое количество промышленных объектов. Следует указать, на какую договорно-правовую базу опирались наши стороны. Перечислим основные соглашения:

- 14 февраля 1950 г. Соглашение об оказании Советским Союзом помощи КНР по строительству и реконструкции

50 крупных предприятий. Впоследствии в план вошло лишь 47 предприятий, из которых 36 находились на Северо-Востоке Китая;

- 15 мая 1953 г. Соглашение о помощи Китаю в строительстве и реконструкции 141 промышленного предприятия (имелось в виду построить 91 новое предприятие, существенную часть которых составляли предприятия ВПК);

- 11 октября 1954 г. Соглашение о поставках 141 наименования оборудования для 15 предприятий, построенных или переоснащенных в рамках помощи Советского Союза правительству КНР;

- 28 марта 1955 г. Соглашение об оказании Советским Союзом помощи Китаю в строительстве еще 16 промышленных объектов. Новые проекты имели отношение к оборонной, обрабатывающей промышленности, производству кораблей и др.;

- 7 апреля 1956 г. Соглашение об оказании Советским Союзом Китаю помощи по развитию некоторых промышленных объектов. Предполагалось строительство еще 55 новых промышленных предприятий, включая металлургический комбинат, механический завод, химико-технологический завод, завод синтетических и пластиковых материалов, предприятия электрического и беспроводного оборудования, завод жидкого горючего, электростанцию и НИИ авиационных технологий;

- 7 сентября 1956 г. Соглашение об оказании Советским Союзом помощи Китаю в строительстве 12 промышленных объектов;

- 8 августа 1958 г. Соглашение о технической помощи СССР Китаю по строительству и расширению 47 промышленных предприятий;

- 7 февраля 1959 г. Соглашение о технической помощи СССР Китаю по строительству и расширению 78 промышленных предприятий.

Вышеперечисленные документы свидетельствуют, что количество объектов, становлению которых тем или иным образом способствовала советская сторона, значительно превышало привычное число «156». В современных китайских публикациях можно встретить следующие данные: «За годы 1-й пятилетки

Китай и Советский Союз подписали соглашения по строительству 244 промышленных и 11 непромышленных объектов. Из этих 255 объектов 13 были учтены дважды, строительство 10 объектов по соглашению сторон было отложено, работа по 63 — перенесена на конец 1957 г., а строительство или реконструкция 169 объектов продолжились ... в годы 2-й пятилетки»³.

Но эти цифры можно назвать лишь приблизительными: до сих пор существуют расхождения в соответствующих подсчетах. Приведем для примера данные из трех источников (табл. 1).

Таблица 1

Автор, название монографии	Соглашения	Количество реализованных объектов
当代中国的基本建设 (上), 中国社会科学出版社, 1989. Капитальное строительство в современном Китае, т.1. Изд-во КАОН. 1989	Авторы учитывали все соглашения, в том числе и от 1959 года	304
迪特·海茵茨希 中苏走向联盟的艰难历程, 新华出版社. 2001. Dieter Heinzig. Die Sowjetunion und das kommunistische China 1945—1950. Изд-во Синьхуа. 2001	Все соглашения с 1950 по 1959 г.	Порядка 300
Борисов О.Б., Колосков Б.Г. Советско-китайские отношения (1945—1980), Изд. 3-е, доп. — М.: Мысль, 1980	Все соглашения с 1950 по 1959 г.	400 (полномасштабные предприятия и отдельные цеха)

Источник: составлено автором.

Конечно, российским историкам еще предстоит большая работа по изысканию архивных данных, связанных с периодом советско-китайских отношений, поэтому автор статьи были использованы в основном материалы, опубликованные в КНР.

После образования КНР народное правительство посчитало возможным и целесообразным начать восстановление экономики с Северо-Востока. В 1-ю пятилетку было намечено в полной мере использовать все возведенные японские предприятия Дунбэя. И выбор региона был не случаен, ибо, как отмечалось выше, уже в начале 1940-х годов Северо-Восток был промыш-

ленным лидером Китая. Проведенная сразу после образования КНР национализация иностранных предприятий способствовала восстановлению с помощью специалистов из СССР и других стран социалгоса практически всей тяжелой промышленности в сжатые сроки — еще до начала 1-й пятилетки. Так, в табл. 2 представлен список восстановленных и построенных в регионе предприятий к началу 1-й пятилетки. Крупнейшими из них, функционирующими до сегодняшнего дня, остаются предприятия, созданные японцами.

Основная часть капиталовложений во времена 1-й пятилетки направлялась в экономику Дунбэя. Исходя из того факта, что в японский период там была создана современная промышленность, то и при составлении списка «156 объектов» в него включили в основном предприятия, созданные японцами, но частично разрушенные в ходе военных действий. Таким образом, 71 % гражданских предприятий, построенных и восстановленных в годы первых пятилеток, располагались в Дунбэе.

Из диаграммы видно (рис. 2), что при выполнении 1-го пятилетнего плана Дунбэй стал самым крупным объектом индуст-

Рис. 2. Географическое распределение инвестиций, фактически освоенных на объектах гражданского назначения из «списка 156».

Источник: Дун Чжикай, У Цзян. Синь Чжунго гунэ дэ даяньцзиши — «156 сянь» цзяншэ яньцзю : [Исследования строительства 156 объектов, как краеугольного камня новой китайской промышленности] // Гуандун цзинцзи чубаньшэ. 2004.

Таблица 2. Перечень предприятий Северо-Востока, строительство и реконструкция которых была осуществлены с советской помощью до 15 мая 1953 г.

Название предприятий при японском владении	Название в годы 1-й пятилетки	Современное название на китайском языке	Современное название на английском языке
Угольная промышленность			
阜新煤田 (1897 г.)	阜新海州露天矿 Угольное месторождение г. Фусинь (шахта Хайчжоу)	辽宁海州露天矿业有限公司	Fuxin Haizhou Open-pit Mining Co., Ltd.
	鸡西城子河竖井 Угольное месторождение Цзиси (шахта Чэнцзыхэ)	Н.д.	Н.д.
	鹤岗东山一号竖井 Хэганское угольное месторождение (шахта № 1 Дуншань)	Н.д.	Н.д.
	鹤岗兴安台一号竖井 Хэганское угольное месторождение (шахта № 1 Синаньтай)	Н.д.	Н.д.
	阜新平安一号竖井 Фусинское угольное месторождение (шахта Хэпин)	Н.д.	Н.д.
	阜全新邱一号竖井 Угольное месторождение г. Фусинь (шахта Синьцзо)	Н.д.	Н.д.

Продолжение табл. 2

Название предприятий при японском владении	Название в годы 1-й пятилетки	Современное название на китайском языке	Современное название на английском языке
	辽源中央竖井 Угольное месторождение г. Ляююань Шахта Центральная)	Н.д.	Н.д.
Энергетика			
抚顺发电厂 (1908г.)	抚顺发电厂 Фушуньская ТЭС	抚顺发电厂	Fushun Power Plant
阜新发电厂 (1936г.)	阜新发电厂 Фусиньская ТЭС	阜新发电厂	Fuxin Power Plant
	大连第二发电厂 Даляньская ТЭС № 2	Не имеет самостоятельного статуса входит в состав 大连化学工业公司	В составе Dalian Chemical Industries Limited
	富拉尔基热电站 ТЭС Фулаэрци	中国华电集团富拉尔基发电总厂	Fulaerji Power Station CHD
	吉林热电站 ТЭС г.Цилиня	国电吉林热电厂	State Power Jilin Electric Power
丰满水电站 (1937г.)	丰满水电站 Фэнманьская ГЭС	丰满水电站	Fengman Hydropower Station
Черная металлургия			
鞍山制铁所 и 制钢所	鞍山钢铁公司 Аньшаньский металлургический комбинат	鞍山钢铁集团公司	Anshan Iron & Steel Group Corporation

Продолжение табл. 2

Название предприятий при японском владении	Название в годы 1-й пятилетки	Современное название на китайском языке	Современное название на английском языке
本溪湖煤矿 (1905) 本溪湖商办煤铁有限公司 (1911) 本溪湖特殊钢试验厂 (1933) 本溪湖煤铁股份有限公司 (1935)	本溪钢铁公司 (1945) Бэнсийский металлургический комбинат	本溪钢铁 (集团) 有限责任公司	Benxi Iron & Steel (Group) Co. Ltd.
	富拉尔基特殊钢厂 (1 一期) Фулаэрцзинский завод специальных сталей (1-я очередь)	北满特殊钢有限责任公司	Beiman Special Steel Co Ltd
	吉林铁合金厂 Цилиньский завод ферросплавов	吉林铁合金集团有限责任公司	Jilin Ferroalloys Group Company Ltd.
Цветная металлургия			
	哈尔滨铝加工厂 или 东北轻合金加工厂 (101厂) Харбинский завод алюминиевого проката № 101	东北轻合金有限责任公司	Northeast Light Alloy Co., Ltd.
抚顺工厂 (1936)	抚顺铝厂 (1 一期) Фушуньский аломиниевый завод	抚顺铝业有限公司	Chalco Fushun Aluminum Co., Ltd.
	吉林电极厂 (Завод 201) Цилиньский электродный завод	中钢集团吉林炭素股份有限公司 (简称中钢吉炭)	Sinosteel Jilin Carbon Co., Ltd.

Продолжение табл. 2

Название предприятий при японском владении	Название в годы 1-й пятилетки	Современное название на китайском языке	Современное название на английском языке
	佳木斯铜网厂 завод по выпуску медной сетки в г. Цзямусы	佳木斯金瑞制网有限公司	Jiamusi Jinrui Net System Co., Ltd.
Химическая промышленность			
	吉林电石碳氮化钙厂 (первоначальное название) 吉林电石厂 (Завод 103) Цилиньский завод карбида и цианамиды кальция	吉林石化公司电石厂	Calcium Carbide Factory of JiLin Petrochemical Company
	吉林氮肥厂 (первоначальное название) 吉林化肥厂 Цилиньский завод химических удобрений	吉林石化公司化肥厂	Jilin Petrochemical Company Fertilizer Factory
	吉林染料厂 Цилиньский завод органических красителей	吉林化学工业公司染料厂	Dyestuff Plant of Jilin Petrochemical Company
Машиностроение			
三菱机器株式会社 (1935) 沈阳第四机器制造厂 (1946)	沈阳第一机床厂 Шэньянский станкостроительный завод № 1	沈阳机床股份有限公司	Shenyang Machine Tool Group Co., Ltd.
	哈尔滨量具刃具厂 Харбинский завод режущего и измерительного оборудования	哈尔滨量具刃具集团有限责任公司	Harbin Measuring & Cutting Tool Group Co., Ltd

Продолжение табл. 2

Название предприятий при японском владении	Название в годы 1-й пятилетки	Современное название на китайском языке	Современное название на английском языке
	沈阳风动工具厂 Шэньянский завод пневматических инструментов	沈阳风动工具厂有限公司	Shenyang Pneumatic Tool Factory
	哈尔滨锅炉厂 Харбинский завод паровых котлов	哈尔滨锅炉厂有限责任公司	Harbin Boiler Co., Ltd
	第一汽车制造厂 Первый автомобильный завод	中国第一汽车集团公司	FAW (First Automobile Works) Group Corporation
	哈尔滨电表仪器厂 Харбинский завод электросчетчиков и измерительных приборов	哈尔滨电表仪器厂(集团)有限公司	Harbin Electrical Measuring Instrument(Group)Co., Ltd.
	沈阳电缆厂 Харбинский кабельный завод	东北输变电设备集团沈阳电缆厂	Shenyang Cable work of Northeast Power Transformer Group Company
Авиационная промышленность			
沈阳航空工厂 (1931 г.) 满洲航空株式会社 (1932 г.) 满洲飞行机制造株式会社 (1938 г.) 空军第三十八厂 (1946 г.)	沈阳飞机修理厂 или 国营112厂 Государственный завод № 112	沈阳飞机工业(集团)有限公司	Shenyang Aircraft Corporation

Окончание табл. 2

Название предприятий при японском владении	Название в годы 1-й пятилетки	Современное название на китайском языке	Современное название на английском языке
东三省兵工厂 (1919 г.)	沈阳航空发动机修理厂 Шэньянский завод турбореактивных двигателей	沈阳黎明航空发动机集团有限责任公司	Shenyang Liming Aero-Engine Group Co., Ltd.
Производство стройматериалов			
金鼎集团 (1918) 南满矿业株式会社 (японский период)	大石桥镁矿厂 Завод по добыче магнетита Дашицяо	辽宁金鼎镁矿集团	Liaoning Jinding Magnesite Group
Целлюлозно-бумажная промышленность			
	佳木斯综合造纸厂 Целлюлозно-бумажный комбинат в г. Цзямусы	佳木斯纸业集团有限公司	Jiamusi Paper Group Co. Ltd.

Источник: URL <http://www.doc88.com/p-995230169722.html>.

риального строительства КНР, и сумма фактически освоенных в регионе инвестиций составила 6,28 млрд юаней. Если рассматривать географическую структуру капиталовложений в 1952 г., то 24 % всех китайских внутренних инвестиций пришлось на Дунбэй. При этом доля предприятий гражданского назначения была весьма значительна: в целом по трем провинциям инвестиции в ВПК составили лишь 7—8 % от капиталовложений в гражданские отрасли.

Следует отметить, что и в самом Дунбэе инвестиции распределялись достаточно неравномерно. Так, в начале 1950-х годов 1/3 промобъектов, строящихся и восстанавливаемых с помощью СССР, приходилось на пров. Ляонин. Так, лишь в 1952 г. правительство инвестировало в капитальное строительство Ляонина 780 млн юаней, что составило 70 % капиталовложений в

Рис. 3. Распределение капиталовложений по регионам КНР в 1952 г.

Источник: URL: <http://cpc.people.com.cn>.

Дунбэй и 16,3 % всех внутренних инвестиций КНР. По этому показателю Ляонин занял в КНР 1-е место.

Вложение столь существенных средств в важнейшие государственные стройки быстро оправдалось. Первый этап основного строительства занял 1,5 года.

Следует отметить, что строительство промышленных объектов региона осуществлялось с учетом интересов национальной безопасности и факта обострения геополитической обстановки на Корейском полуострове. После начала Корейской войны китайская национальная и региональная экономика работала по двум направлениям: продолжение восстановления экономики Дунбэя и оказание помощи Корею в противостоянии с США. Учитывая изменившуюся геополитическую ситуацию и интересы национальной безопасности, центральное правительство КНР сократило объем капиталовложений в приморские районы КНР, а также провело корректировку промышленной политики Дунбэя.

В связи с опасениями китайской стороны по поводу вероятности бомбардировки южноманьчжурского промышленного узла, в августе 1950 г. Северо-Восточное бюро ЦК КПК направило в Пекин сообщение следующего содержания: «Промышленное строительство Северо-Востока следует сосредоточить на севере Маньчжурии; необходимо осуществить перемещение

предприятий на Север»⁴. С согласия центрального правительства с октября 1950 г. Северо-Восточное бюро осуществляло *программу перемещения предприятий на Север региона*. Начиная с ноября 1950 г. более 20 предприятий ВПК, общего машиностроения и легкой промышленности были перемещены из Шэньяня, Аньдуна и других городов Ляонина в Хэйлунцзян. В ходе передислокации происходило и перераспределение инвестиций, доля капиталовложений в ВПК региона возросла, что было связано не только с переводом объектов с юга, но и с технологическими преобразованиями и увеличением количества предприятий, производящих различное вооружение. Так, несколько северо-восточных предприятий гражданского назначения были переоснащены в мастерские по ремонту танков, а цеха по ремонту самолетов гражданской авиации начали обслуживание военных реактивных самолетов.

Таблица 3. Список предприятий, включенных в Программу перемещения южных предприятий на север Маньчжурии

Новое название предприятия	Старое название предприятия	Новое место расположения
Лунцзянский завод электромоторов	Шэньянский военный завод № 53	Харбин
Сунцзянский завод электромоторов	Шэньянский военный завод № 51	Харбин
Бюро шахт № 43 г. Хэган	Шэньянский военный завод № 56	Хэган
Харбинский первый машиностроительный завод	Шэньянский военный завод № 52	Харбин
Харбинский завод встроенной техники	Завод вспомогательных материалов № 225 Северо-Восточного военного округа Министерства военной промышленности	Харбин
Инструментальный завод Цинхуа	Шэньянский военный завод № 51	Уезд Бэйань
Цицикарский машиностроительный завод «Хэпин»	Шэньянский военный завод № 51	Цицикар
Цицикарский машиностроительный завод «Хуаань»	Шэньянский военный завод № 323	Цицикар

Продолжение табл. 3

Новое название предприятия	Старое название предприятия	Новое место расположения
Харбинский шарикоподшипниковый завод	Ляонинский шарикоподшипниковый завод г. Вафанцзянь	Харбин
Первый Харбинский инструментальный завод	Шэньянский инструментальный завод	Харбин
Первый Цицикар-харбинский станкозавод	Первый шэньянский северо-восточный машиностроительный завод	Цицикар, Харбин
Второй Цицикар-харбинский станкозавод	Пятый шэньянский северо-восточный машиностроительный завод	Цицикар, Харбин
Харбинский завод электромоторов	Пятый завод управления электро-технической промышленности Министерства промышленности Северо-Востока	Харбин
Харбинский кабельный завод	Шэньянский кабельный завод	Харбин
Ачэнский завод по производству реле	Шэньянский электротехнический завод № 1	Ачэн
Завод электромоторов в Цзямусы	Шестой завод управления электро-технической промышленности Министерства промышленности Северо-Востока	Цзямусы
Харбинский аккумуляторный завод	Шэньянский электротехнический завод № 8	Харбин
Фабрика текстиля и окраски г. Цзямусы	Вафанцзяньская текстильная фабрика	Цзямусы
Харбинская трикотажная фабрика	Шэньянская трикотажная фабрика	Харбин
Муданьцзянская трикотажная фабрика	Вафанцзяньская текстильная фабрика	Муданьцзянь
Муданьцзянская бумажная фабрика	Ляонинский даньдунский целлюлозно-бумажный комбинат «Люхэ»	Муданьцзянь
Харбинский завод резиновых изделий	Шэньянский завод резиновых изделий	Харбин

Окончание табл. 3

Новое название предприятия	Старое название предприятия	Новое место расположения
Муданьцзянский завод резиновых изделий «Хуалинь»	Шэньянский завод резиновых изделий № 1, Шэньянский завод резиновых изделий № 2, Ляоянский завод резиновых изделий № 9	Муданьцзянь
Цицикар-харбинский вагоностроительный завод	Слияние Шэньянского вагоностроительного завода Хуангутунь и Цицикар-харбинского железнодорожного завода	Цицикар, Харбин

Источник: Хэйлунцзян ши чжи : [Хроника Хэйлунцзяна]. 2010. № 4.

В первые годы после образования КНР сначала именно на освободившейся территории СВК начали создаваться условия для возобновления производства. Спустя 3 года после образования КНР — к 1952 г. — была создана относительно полная промышленная система, а доминирующими секторами экономики стали пищевая и текстильная промышленность, машиностроение, металлургия, целлюлозно-бумажная, деревообрабатывающая промышленность. В этот период тяжелая промышленность продолжала оставаться одной из ведущих в регионе; произошли определенные изменения, которые привели ее структуру к более разумной, чем в 1942 г., организации: в тяжелой промышленности стали преобладать трудоемкие и капиталоемкие отрасли производства — металлургия, нефтяная, угольная промышленность, машиностроение и др.

Для рационального использования старой промышленной базы было решено, во-первых, провести реконструкцию и расширение производственных мощностей Аньшаньского металлургического комбината как центра промышленной базы Северо-Востока, к которому были напрямую «привязаны» угольные предприятия Фушуня и Фусиня; во-вторых, расширить мощности металлургического комбината в Бэнси и машиностроительных заводов Шэньяна.

Проследивая динамичный процесс структурных преобразований в промышленном секторе СВК, можно выделить следующие их этапы. В течение 3 лет после образования КНР происходило восстановление промышленной базы, в эти годы наблюдался быстрый рост легкой промышленности, по объему производства ее пищевая и текстильная отрасли занимали соответственно 1-е и 3-е места. Акцент на «группе Б» был сделан потому, что в период Маньчжоу-Го промышленная структура региона оказалась дисбалансированной за счет значительного роста тяжелой промышленности, что создало аномальный «перекос». Однако после 1952 г. и полного выполнения плана 1-й пятилетки в структуре промышленности Дунбэя наступил новый этап развития и изменений. Период 1952—1965 гг. стал временем активных преобразований. Его можно разбить на 3 подпериода, когда происходила резкая смена ведущих отраслей. Среди них можно выделить 1952—1957 гг. (всего 5 лет), когда из 11 отраслей промышленности 10 изменили свою роль и значение: с одной стороны, заметно снизилось внимание к пищевой и текстильной промышленности, а с другой — удельный вес машиностроения и металлургии повышался, что говорило о значительной поддержке, оказываемой региональной тяжелой промышленностью.

К 1965 г. лидерами промышленного производства Дунбэя являлись машиностроение, металлургия, нефтяная, химическая промышленность. Таким образом, промышленная структура была вновь усилена за счет отраслей «группы А». В этот период в связи с началом разработки Дацинского нефтяного месторождения роль нефтяной промышленности региона значительно возросла, что нашло отражение в структуре промышленности.

Табл. 4 свидетельствует, что 6 отраслей промышленности являлись ведущими в экономике Дунбэя как в 1950-е годы, так и до начала XXI в. В начале 1950-х годов металлургия и машиностроение превосходили по значимости пищевую и текстильную промышленность, в конце 1950-х годов химическая отрасль доминировала над пищевой и текстильной, в 1960-е — нефтяная промышленность превосходила по значимости пищевую, текстильную, химическую промышленность и металлургию. На

Таблица 4. Структурные изменения промышленности Дунбэя в годы первых пятилеток

1952	1957	1965
Пищевая	Машиностроение	Машиностроение
Машиностроение	Металлургия	Металлургия
Текстильная	Пищевая	Нефтяная
Металлургия	Лесная	Химическая
Лесная	Химическая	Пищевая
Химическая	Текстильная	Текстильная
Угольная	Угольная	Лесная
Бумажная	Стройматериалов	Энергетика
Стройматериалов	Бумажная	Угольная
Энергетика	Нефтяная	Бумажная
Нефтяная	Энергетика	Стройматериалов

Источник: Дунбэй дицзю чжэнсин гуйхуа яньцзю: Чжунда вэньти яньцзюцзюань, Чжунго бяочжунь чубаньшэ. 2007 : [Исследования плана по активизации в северо-восточном регионе. Том «Исследование главных вопросов»]. 2007.

схеме показаны основные отрасли промышленности и их замена по модели «летающих гусей». Это явление отражает будущие структурные преобразования в промышленности региона: то, что постепенно будет снижаться роль и значение традиционных сырьевых отраслей, в том числе металлургии и химической промышленности, и укрепляться роль машиностроения и нефтеперерабатывающей отрасли.

Рассмотрим, как развивались основные отрасли промышленности региона в годы 1-й пятилетки. Так, тогда около трети сверхлимитных промышленных объектов строились в Дунбэе (рис. 4).

По плану 1-й пятилетки в регионе предусматривалось завершить создание комплексной промышленной базы, центром которой стал бы крупнейший металлургический комбинат — Аньшаньский.

Для стабильного функционирования экономики требовалось увеличение мощностей *топливно-энергетической промышленности*, прирост которых осуществлялся в основном за счет

Рис. 4. Доля предприятий, построенных в СВК в годы 1-й пятилетки. Отраслевой разрез (% от КНР).

Источник: Дун Чэжикай, У Цзян. Указ. соч.

использования угля. Так, в Дунбэе за годы 1-й пятилетки была введена в эксплуатацию 31 из 115 общекитайских сверхлимитных строек угольной промышленности, восстановлено и реконструировано 12 крупнейших электростанций, в том числе самая мощная ГЭС, построенная в Китае к рассматриваемому периоду — Фэньманьская, мощностью 567 тыс. кВт. Реконструкция ГЭС осуществлялась при содействии СССР, который предоставил гидротурбины мощностью 362,5 тыс. кВт·ч⁶. Большое значение для решения проблемы энергоснабжения региона имело освоение гидроресурсов р. Амур. В связи с этим была организована китайско-советская экспедиция, которая до завершения своей работы в 1957 г. провела исследования по определению возможных мест строительства плотин и ГЭС.

В годы 1-й пятилетки были сделаны определенные шаги в деле развития *нефтяной промышленности* региона. Так в 1953—1957 гг. советские и китайские геологи произвели разведку нефтяных месторождений в долине Сунляо. Кроме того, проводилась реконструкция построенных японцами НПЗ, были расширены и реконструированы заводы, производящие искусственное жидкое топливо в Фушуне и Даляне.

Машиностроение. В ходе 1-й пятилетки были сделаны значимые шаги в развитии этой отрасли. Из 56 объектов, построенных с помощью СССР на территории Дунбэя, 18 предприятий — машиностроительные. В 1-ю пятилетку были сделаны значительные капиталовложения в строительство новых и модернизацию старых японских предприятий. Еще до образования КНР в Дунбэе существовала многоотраслевая экономика, т. е. были кадры и навыки работы, в том числе с технической документацией. Благодаря такому фундаменту, именно в этом регионе строились предприятия всекитайского значения, к примеру, по выпуску металлорежущего оборудования, оборудования для электростанций, горного оборудования, продукции общего машиностроения, транспортного оборудования, крупногабаритного кузнечно-прессового оборудования и др.

После окончания 2-й пятилетки, несмотря на негативные тенденции «большого скачка» и «десятилетнего хаоса» «культурной революции», экономика региона продолжала развиваться. Происходило расширение мощностей машиностроения.

В географии отрасли также произошли значительные изменения. Так, в период Маньчжоу-Го машиностроение было развито лишь на юге: оно было сконцентрировано в Шэньяне и Даляне. В центральном Цилине и на севере Хэйлунцзяна машиностроение практически не развивалось, имелись лишь небольшие ремонтные предприятия.

После образования КНР именно в Дунбэе был построен ряд ключевых предприятий машиностроения, при этом росло не только количество предприятий, но и претерпела существенные изменения география отрасли, предприятия стали размещаться в центре и на севере региона, в достаточно короткий временной отрезок удалось достичь сбалансированного расположения объектов отрасли.

Существовали два «движущих фактора» изменения географии отрасли: во-первых, — начало Корейской войны, во-вторых, — благоприятная политика государства в отношении развития промышленности Дунбэя. Фронтовая линия Корейской войны проходила по государственной границе в пров. Ляонин. Война началась летом, а уже с января 1950 г. начали разрабаты-

ваться планы по переносу некоторых предприятий машиностроения из Ляонина в Хэйлунцзян. К примеру, Харбинский шарикоподшипниковый завод (построенный с помощью СССР, введен в эксплуатацию в 1961 г.), Первый Харбинский инструментальный завод, Первый Цицикар-харбинский станкозавод и Второй Цицикар-харбинский станкозавод (в октябре 1950г. они были перенесены из Шэньяна на север) и др. (см. табл. 3).

В период 1-й пятилетки на Северо-Востоке были расположены 18 предприятий машиностроения: в Ляонине — 7, Цзилине — 1, Хэйлунцзяне — 10. В регионе строились новые предприятия, в основном и определившие новую географию отрасли, которая лишь в небольшой степени изменилась к сегодняшнему дню. Сформировалось три машиностроительных кластера: на юге — «Шэньян-Далянь», в центральном районе — «Чанчунь—Цзилинь», на севере — «Харбин—Цицикар».

Среди знаковых предприятий был Первый автомобильный завод (г.Чанчунь), который положил начало развитию полного цикла автомобилестроения в КНР. Его проектная мощность — 30 тыс. грузовых автомобилей грузоподъемностью 4 т (типа «ЗИЛ-150») в год. Более 75 % оборудования, отвечающего стандартам 1950-х годов, было поставлено из СССР.

Заметное развитие в годы 1-й пятилетки получило судостроение: Даляньский судостроительный завод был расширен и модернизирован, проектом предусматривался выпуск судов водоизмещением 22 тыс.т.

Особенностью региона, как уже было отмечено выше, явилось то, что основная советская помощь в Дунбэе направлялась в гражданские отрасли. Так, из фактически освоенных инвестиций в ВПК в годы 1-й пятилетки на 3 провинции СВК пришлось лишь немного более 20 %, или 6 объектов из 44, при этом в пров. Цзилинь подобные инвестиции не направлялись.

На фоне бурного промышленного роста в регионе возникла острая нехватка кадров. Поэтому при распределении выпускников технических специальностей высших учебных заведений ЦК КПК старался направить большую их часть на Северо-Восток. К примеру, в 1950 г. из 18 тыс. выпускников ПТУ и вузов половина была направлена в Дунбэй. При распределении советских

Рис. 5. Географическое распределение фактически использованных инвестиций в объекты ВПК из «Списка 156».

Источник: Дун Чэжикай, У Цзян. Указ. соч.

специалистов по строящимся и реконструирующимся объектам в отношении региона также действовал режим наибольшего благоприятствования. В 1950 г. из 42 групп советских специалистов, прибывших в КНР, 30 было направлено на Северо-Восток.

Создание крупной северо-восточной промышленной базы КНР практически завершилось к 1958 г. В результате с советской помощью в ходе 1-го пятилетнего плана были достигнуты следующие результаты:

- за Северо-Востоком сохранился статус крупнейшего промышленного центра страны;
- регион стал крупнейшим центром не только черной и цветной металлургии КНР, но и поставщиком широкого спектра машиностроительного оборудования, включая энергетическое и станкоинструментальное, автомобили и др.;
- в центрах добывающей и лесозаготовителей промышленности получили развитие города.

* * *

Завершение строительства объектов 1-й пятилетки значительно укрепило позиции тяжелой промышленности, что привело к существенным изменениям в структуре промышленного производства и размещении производительных сил региона.

Процесс развития региональной экономики Северо-Восточного Китая в период первых пятилеток на протяжении многих лет зависел от внешних факторов и значительного вмешательства извне. Он проходил без учета рыночной конъюнктуры, что не позволяло выпускать конкурентоспособную продукцию. В 1950-е годы создана промышленность советского типа, которая могла функционировать исключительно в условиях командно-административной системы и плановой экономики. После начала экономических преобразований в КНР именно неповоротливая тяжелая промышленность Дунбэя оказалась в самом непростом положении.

Примечания

¹ URL: <http://tieba.baidu.com>.

² Чжан Байчунь и др. Передача технологий из Советского Союза в Китай 1949—1966. СПб., 2010.

³ Там же.

⁴ 1949—1952 Чжунго жэньминь гунхэго цзинци данань цзыляо сюаньбянь (цзибэнь цзяшэ тоуцзы юй цзянчжэ цзюань) : [Отдельный экономический архив КНР за 1949—1952, том «Инвестиции в инфраструктуру и строительство»]. С. 969—970.

⁶ Дружба. 20.07.1957.

Л.Н. Смирнова*

ПРИНЦИП ПРОЗРАЧНОСТИ И БОРЬБА С КОРРУПЦИЕЙ В КНР: МИРОВОЙ ОПЫТ И «ОСОБАЯ КИТАЙСКАЯ МОДЕЛЬ»

Аннотация: В статье предлагается анализ «особой китайской модели борьбы с коррупцией» на предмет ее соответствия принципу прозрачности. Ведь борьба с коррупцией без обеспечения надлежащей прозрачности несет в себе риск трансформации в орудие политической борьбы. Исследуя конкретные меры обеспечения прозрачности в КНР с точки зрения их эффективности, автор не просто показывает необходимость борьбы с коррупцией, но и предлагает свое видение вопроса о том, в состоянии ли существующая в КНР система победить коррупцию в принципе.

Ключевые слова: КНР, Китай, коррупция, международные стандарты, прозрачность, транспарентность.

Благодаря жестоким наказаниям за коррупцию, вплоть до смертной казни, распространяющейся даже на государственных чиновников высокого уровня, Китай заслужил в глазах большинства наших соотечественников репутацию страны, эффективно борющейся с этим социальным и экономическим злом.

* Смирнова Лариса Николаевна — соискатель ИДВ РАН, иностранный эксперт — преподаватель Сямэньского университета КНР, магистр государственного управления Национальной школы администрации Франции.

Однако антикоррупционные успехи КНР весьма сдержанно оцениваются международными экспертами, занимающимися разработкой мировых стандартов борьбы с коррупцией. В частности, ими отмечается большой разрыв между хорошим качеством законодательства и эффективностью правоприменения. Например, эксперты организации Global Integrity — одного из лидеров в области сравнительной оценки эффективности противодействия коррупции в разных странах — в 2011 г. поставили КНР 77 из 100 возможных баллов за качество антикоррупционного законодательства и только 50 из 100 — действенность правоприменения¹.

Одной из главных причин слабости правоприменения в деле противодействия коррупции в КНР является недостаток прозрачности (транспарентности) государственного управления. Действительно, в Конвенции ООН против коррупции, которая на сегодняшний день остается самым «консенсусным» источником международных стандартов в области борьбы с коррупцией, прозрачность признается одним из основных принципов антикоррупционной политики.

Борьба с коррупцией без обеспечения надлежащей транспарентности содержит в себе риск превращения ее в орудие политической борьбы. По мнению директора Института Дальнего Востока РАН академика М.Л. Титаренко, борьба с коррупцией в КНР уже «заменила идеологические или политические мотивы, в соответствии с которыми ранее устранялись противники в условиях перераспределения власти»².

Цель этой статьи — выяснить, чем же «особая китайская модель борьбы с коррупцией» (именно такое выражение часто используется в КНР³) соответствует и/или не соответствует мировым стандартам в области прозрачности государственного управления.

1. Мировые стандарты в области прозрачности государственного управления

1.1. Конвенция ООН против коррупции. КНР подписала Конвенцию ООН против коррупции⁴ 10 декабря 2003 г. и ратифицировала 13 января 2006 г.

В ст. 5 п. 1 Конвенции прозрачность государственного управления признается одним из основных принципов анти-

коррупционной политики. Для обеспечения принципа прозрачности, во-первых, на государства налагаются обязательства по обеспечению доступа населения к информации о деятельности государственных органов, в том числе посредством её опубликования (ст. 10, ст. 13). Во-вторых, государства должны «стремиться» создать режимы декларирования государственными служащими внеслужебной деятельности, занятий, инвестиций, активов, существенных подарков и выгод, которые могут привести к конфликту интересов (ст. 8 п. 5).

1.2. Другие источники мировых стандартов транспарентности. Проблемой разработки стандартов транспарентности занимаются многие глобальные и региональные международные организации, а также ученые и неправительственные организации. Однако большинство этих разработок представляют собой оценку эффективности, конкретизацию или развитие положений Конвенции ООН против коррупции.

В этой работе автор опирается на самые значительные, на ее взгляд, мировые разработки, а именно:

- ежегодные доклады Всемирного банка «Показатели качества государственного управления в мире»⁵ и совместный доклад Всемирного банка и Управления по наркотикам и преступлениям ООН «Публичные должности и личные интересы: ответственность через декларации доходов и имущества» (2012 г.)⁶;
- работы ведущих мировых экономистов по оценке воздействия транспарентности на уровень коррупции (С. Дянков и др.), «Декларирование (доходов и имущества) политиками»⁷;
- доклады неправительственных организаций Transparency International, Global Integrity, Business Anti-Corruption Portal, The Global Network of Freedom Information Activists и др.⁸

2. Оценка доступа общественности к государственной информации в КНР

1 мая 2008 г. вступил в силу приказ № 492 Государственного совета КНР под названием «Постановление об открытии государственной информации Китайской Народной Республики»⁹.

До введения общенационального режима доступа к государственной информации он, по традиции китайского правительства, тестировался на местном уровне: по данным сайта непра-

вительственной организации freedominfo.org (мирового лидера сбора данных о доступе к государственной информации в разных странах мира) с конца 1990-х — начала 2000-х годов в более чем 30 китайских городах и провинциях, в том числе в Гуанчжоу и Шанхае, были постепенно введены положения об открытии государственной информации¹⁰.

В 2010—2011 гг. Центр изучения и поддержки общественного участия Пекинского университета совместно с Центром китайского права Йельского университета провели масштабное исследование прозрачности деятельности китайской государственной администрации, результаты которого опубликованы в «Ежегодном отчете о наблюдениях за административной прозрачностью в Китае». Исследователи собрали данные об открытости информации по 191 органу власти. По результатам анализа данных, каждому органу власти ставилась оценка от 0 до 100 баллов, «проходной» балл был определен в 60 пунктов.

Основные выводы доклада таковы¹¹.

1. В группе из 43 центральных органов власти только 9 получили удовлетворительные оценки выше 60 баллов. На 1-м месте по транспарентности — Бюро интеллектуальной собственности (67,5 балла), на последнем 43-м месте — Министерство контроля КНР (*цзяньчабу*) (18 баллов). Среди самых нетранспарентных органов власти также оказалась Канцелярия по делам законодательства Госсовета КНР (42-е место, 28,5 балла), Министерство юстиции (40-е место, 36 баллов) и Министерство внутренних дел (27-е место, 48 баллов).

Ирония в том, что «чемпион по нетранспарентности» — Министерство контроля — отвечает как раз за борьбу с коррупцией.

2. Самые лучшие результаты — в группе из 30 администраций провинций и городов центрального подчинения, 19 из них получили удовлетворительные оценки. На вершине рейтинга г. Пекин и пров. Цзянсу (по 79,5 баллов), в конце — Синьцзян-Уйгурский автономный район (46 баллов) и пров. Хэнань (45 баллов).

3. В группе из 94 администраций городского уровня все полученные оценки — низкие, самая высокая — у районов г. Шанхай (они в административной иерархии приравниваются к уровню города в обычных провинциях — 62,6 балла).

4. Только 20,83 % представленных в исследовании администраций уездов получили удовлетворительные оценки.

В целом, исследователи сделали вывод, что «раскрывается много формальной, но мало качественной информации; много о результатах, но мало о процессах; много принципов, но мало конкретного содержания», и рекомендовали Госсовету «точно определить, какая информация подлежит открытию»¹².

3. Оценка системы декларирования доходов и имущества государственных служащих КНР

3.1. Направление развития мировых стандартов в области декларирования. Конвенция ООН против коррупции содержит рекомендацию создать режимы декларирования государственными служащими как минимум внеслужебной деятельности, занятий, инвестиций, активов, существенных подарков и выгод, которые могут привести к конфликту интересов.

Обратим внимание на два аспекта этой рекомендации. Во-первых, Конвенция, строго говоря, не накладывает на государства обязательства создать систему декларирования, государства обязаны только «рассмотреть вопрос» о создании режимов декларирования¹³. Во-вторых, хотя декларации обычно принято называть «декларациями о доходах и имуществе», Конвенция рекомендует сделать акцент на декларировании внеслужебных видов деятельности государственных служащих с целью выявления конфликта интересов, а не просто величины доходов и стоимости имущества.

Несмотря на сравнительную нетребовательность Конвенции ООН против коррупции, декларирование стало одним из центральных вопросов в мировой дискуссии о методах противодействия коррупции. Обратимся и к другим источникам мирового опыта декларирования.

Согласно данным наиболее полного на сегодняшний день международного исследования декларирования, проведенного Всемирным банком для того, чтобы система декларирования была эффективной и заслуживала доверия, она должна обеспечивать вероятность («вероятный риск») того, что нарушения в декларациях будут выявлены и нарушители понесут наказание¹⁴.

Нарушения выявляются двумя основными способами: публикацией деклараций с целью обеспечения общественного контроля за декларантами и проведением проверок деклараций со стороны уполномоченных антикоррупционных органов¹⁵.

Ученые выдвигают весомые аргументы в пользу того, что одних внутренних проверок деклараций антикоррупционными органами недостаточно, они должны обязательно сочетаться с публикацией деклараций. На основе сопоставления эмпирических данных о порядке декларирования в 175 странах с индексом восприятия коррупции Transparency International ученые Всемирного банка и Гарвардского университета пришли к выводу, что, возможно, именно публичность деклараций является принципиальным фактором эффективности режима декларирования¹⁶.

3.2. Малоудовлетворительная с точки зрения мирового опыта система декларирования в КНР. В КНР с 1995 г. существует режим декларирования доходов госслужащими уровня главы уезда (департамента) и выше¹⁷. С 2001 г. требование декларирования распространяется на имущество членов семьи государственных руководителей уровня главы провинции (министра)¹⁸.

Оценку системы декларирования в КНР было бы логично начать с анализа содержания деклараций на предмет их соответствия рекомендации Конвенции ООН против коррупции о выявлении конфликта интересов. Однако в КНР не публикуются не только заполненные декларации конкретных чиновников, но даже незаполненные бланки деклараций. В частности, в докладе Всемирного банка 2012 г. «Использование деклараций имущества для выявления политически значимых лиц» говорится: «Группа исследователей Всемирного банка не смогла получить доступ к бланкам деклараций ... в Китае»¹⁹. Это делает практически невозможным анализ содержания деклараций.

Следующий элемент анализа системы декларирования — это вероятность выявления нарушений в них посредством общественного контроля и внутренних проверок.

Результаты нашего поиска, подкрепленного сообщениями китайской и мировой прессы и информацией международных организаций, показывают, что в Китае декларации государственных служащих о доходах и имуществе нигде не публикуются.

Хотя в последние несколько лет в Китае имели место несколько местных инициатив по публикации деклараций, ни одна из них пока не увенчалась долгосрочным успехом.

Первая в КНР публикация деклараций местных чиновников состоялась в феврале 2009 г. в округе Алтай пров. Синьцзян. В марте 2009 г. автору статьи удалось лично ознакомиться с опубликованными декларациями. Подробные декларации были размещены на Интернет-сайте администрации округа Алтай и содержали информацию о заработной плате, доходах от консультационных услуг, гонорарах, подарках и даже о принятых приглашениях на праздники и банкеты. Сообщалось, что чиновники также декларировали информацию о своем недвижимом имуществе, транспортных средствах, банковских счетах, инвестициях и долгах, но что эту информацию решено было оставить конфиденциальной²⁰.

Алтайский эксперимент вызвал оптимизм по поводу постепенного распространения системы декларирования имущества на весь Китай. В 2009 г. в китайской прессе даже сообщалось, что «премьер Госсовета Вэнь Цзябао... заявил, что Китай активно готовится к введению системы декларирования имущества чиновниками и что это станет очень крупной антикоррупционной инициативой»²¹. Примеру Алтая последовали еще 4 города, в том числе, г. Цыси в пров. Чжэцзян и г. Люян в пров. Хунань²².

Впрочем, декларации алтайских чиновников вскоре исчезли из Интернета, а сам проект был, по информации влиятельной правительственной газеты «Хуаньцю шибао», «приостановлен после смерти от болезни его сторонника — секретаря алтайской Комиссии по проверке дисциплины У Вэйпина в августе 2010 г.»²³.

В январе 2013 г. китайская пресса писала еще об одном эксперименте с декларированием в уезде Шисин пров. Гуандун, однако там декларации публикуются только в Интернете местной администрации и доступны для просмотра лишь самими чиновниками²⁴.

Что касается вопроса о внутренних проверках деклараций антикоррупционными органами, то в этом отношении можно ожидать некоторых подвижек.

По сообщениям прессы, в январе 2013 г. Центральная комиссия по проверке дисциплины (ЦКПД) КПК постановила

начать выборочную проверку достоверности информации, содержащейся в декларациях²⁵. Впрочем, газета «Хуаньцю шибао» поясняет, что «пока неизвестно, когда начнется выполнение этого плана» и что «пока только в Шанхае и Гуанчжоу разработаны конкретные планы проведения проверок», а «в Шанхае Комиссия по проверке дисциплины приняла решение наказать тех, кто укажет ненастоящую информацию» в декларациях. Газета также подтверждает, что декларации до настоящего времени никак не проверялись: «Информация, ранее хранившаяся в тайных архивах, будет проверяться впервые»²⁶.

В целом, можно констатировать, что система декларирования доходов и имущества государственными служащими в КНР является малоудовлетворительной по тем причинам, что заполненные декларации не подлежат ни общественному контролю посредством публикации, ни (на момент написания этой статьи) проверкам со стороны антикоррупционных органов.

Выводы

1. В статье проведен анализ прозрачности «особой китайской модели борьбы с коррупцией» с точки зрения основных международных стандартов, а именно: доступности государственной информации для общественности и качества системы декларирования государственными служащими доходной вне-служебной деятельности.

2. Для государственного управления КНР характерен недостаточный уровень открытости государственной информации для общественности.

3. В Китае отсутствует эффективная система декларирования доходов и имущества государственных служащих, так как во-первых, общественность не имеет доступа к поданным декларациям, а во-вторых, служащие пока не подвергаются внутренним проверкам со стороны антикоррупционных органов.

4. Однако в последние годы в КНР проводится работа по улучшению показателей прозрачности. Сама возможность проведения исследований доступа к государственной информации,

таких, как «Ежегодный отчет о наблюдениях за административной прозрачностью в Китае» Пекинского и Йельского университетов, внушает определенный оптимизм.

Примечания

¹ Global Integrity Report 2011(Executive Summary). P. 17. URL: <http://www.globalintegrity.org/files/GIR2011.pdf>.

² *Титаренко М.Л.* Лекция № 1. Китай — наш сосед (К итогам XVIII съезда Компартии Китая). Доклад в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов. 21.12.2012. URL: <http://www.gup.ru/events/news/lections/titarenko-lecture-1.php>.

³ Чжунгун чжунян цзилью цзяньча вэйюаньхой сяндандэ дишиба цы цюаньго дайбяо дахой дэ гунцзо баогао : [Рабочий доклад Центральной комиссии по проверке дисциплины 18-му Национальному съезду партии] // Текст опубликован на Интернет-сайте газеты «Жэньминь жибао». 21.11.2012. URL: <http://politics.people.com.cn/n/2012/1121/c1001-19643741.html>.

⁴ Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции, принятая резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН № A/RES/58/4 от 31 октября 2003 г.

⁵ Worldwide Governance Indicators. URL: www.govindicators.org/.

⁶ The World Bank. Public Office, Private Interests: Accountability through Income and Assets Disclosure. 2012.

⁷ S. Djankov et al. Disclosure by Politicians // American Economic Journal. April 2012. P. 179—209.

⁸ URL: <http://www.transparency.org/>; <http://www.globalintegrity.org/>; <http://www.business-anti-corruption.com>; <http://www.freedominfo.org/>.

⁹ Чжунхуа жэньминь гунхэго чжэнфу синьси гункай тяоли [Постановление об открытии государственной информации Китайской Народной Республики]. Приказ Госсовета КНР № 492 от 1 мая 2008 г.

¹⁰ Freedom.org. — The Global Network of Freedom of Information Advocates. Chronology of Open Government Information (OGI) in China. URL: <http://www.freedominfo.org/regions/east-asia/china/>.

¹¹ Чжунго синчжэн тоуминду гуаньча баогао : [Ежегодный отчет о наблюдениях за административной прозрачностью в Китае] // Фалю чубаньше [Издательство правовой литературы]. 2012. С. 3—43.

¹² Там же. С. 43.

¹³ Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступлениям. Руководство для законодательных органов по осуществле-

нию Конвенции Организации Объединённых Наций против коррупции. Нью-Йорк. 2007. С. 34.

¹⁴ The World Bank. Public Office, Private Interests: Accountability through Income and Assets Disclosure. 2012. P. 3.

¹⁵ Там же. P. 53—94.

¹⁶ S. Djankov et al. Disclosure by Politicians // American Economic Journal. April 2012. P. 198—199.

¹⁷ Гуаньюй данчжэн цзигуань сяньчуцзи ишан линдао ганьбу шоужу шэньбао дэ гуйдин : [Положение о декларации доходов партийными и административными лидерами уровня главы района (департамент) и выше]. Совместное распоряжение Канцелярии ЦК КПК и Канцелярии Госсовета КНР от 30 апреля 1995 г.

¹⁸ Гуаньюй шэнбуцзи сяньчжи линдао ганьбу баогао цзятин цайчань дэ гуйдин : [Положение о декларации имущества членов семей руководителей уровня главы провинции (министра)]. Совместное распоряжение Центральной комиссии по проверке дисциплины КПК и отдела ЦК КПК по организационной работе от 15 июня 2001 г.

¹⁹ The World Bank. Using Asset Disclosure for Identifying Politically Exposed Persons. Washington. DC. 2012. P. 18.

²⁰ Smirnova L. China: Government Officials' Property Declarations Published // The World Bank Group. Crisis Talk. 30.03.2009. URL: http://business.feeder.wv7.be/spip.php?site=135&debut_syndic=175.

²¹ Мэйти чэн цзянь цайчань шэньбао чжиду цзуйда чжанай ши гунуюань дичу цинсюй : [СМИ сообщают, что возражения чиновников — это самое большое препятствие на пути создания системы декларирования имущества] // Chinanews. 24.03. 2009. URL: <http://www.chinanews.com/gn/news/2009/03-24/1615563.shtml>.

²² Calls growing for national law to force officials to disclose full assets // Global Times. 09.04.2012. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/703857.shtml>.

²³ Там же.

²⁴ Гуандун шисин сянь чуныцзе хоу гунши гуаньюань цайчань цинь гунуюань кэча : [В уезде Шисин пров. Гуандун после китайского Нового года опубликуют декларации об имуществе чиновников, только чиновники смогут их посмотреть] // Sina News. 27.01.2013. URL: <http://news.sina.com.cn/c/2013-01-27/065826132859.shtml>.

²⁵ Random checks to start on asset declarations by government officials // Global Times. 02.05.2013. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/778714.shtml#.UYZLvKX0HUZ>.

²⁶ Там же.

ИСТОРИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ КИТАЯ

Г.И. Саркисова*

«К ПОЛЬЗЕ КАЗЕННОГО ИНТЕРЕСА И КУПЕЧЕСТВА» (АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛНОМОЧНОГО КОМИССАРА И.И. КРОПОТОВА НА РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЙ ГРАНИЦЕ В КЯХТЕ В 1768 Г.)

Аннотация. Статья посвящена экономическому аспекту деятельности полномочного комиссара полковника И.И. Кропотова в Кяхте в 1768 г., направленной на реализацию конкретных предписаний российского правительства по наведению порядка в таможенных и коммерческих делах.

Ключевые слова: полномочный комиссар, таможня, коммерция, пошлины, Кяхта.

После заключения Кяхтинского договора о политических и экономических взаимоотношениях между Россией и Китаем (21 октября 1727 г.) заметно активизировалась русско-китайская торговля, начало которой было положено еще во

* Саркисова Галина Ивановна — к.и.н., в.н.с. Центра изучения новейшей истории Китая и его отношений с Россией ИДВ РАН.

второй половине XVII в. Она велась преимущественно казенными караванами с пушниной, следовавшими из России в Пекин. 4-я статья Договора ограничивала количество прибывавших в Пекин из России караванов до одного (численностью не более 200 человек) 1 раз в 3 года. При этом цинские власти ущемляли интересы караванной торговли и в другом: ограничивали контакты русских купцов с местным населением, нередко задерживали караваны в пути или в одностороннем порядке приостанавливали торговлю, в которой Россия была заинтересована больше, чем цинский Китай. Последняя мера тяжелейшим образом отражалась на жизни Русской духовной миссии в Пекине¹, поскольку Россия осуществляла ее финансирование через прибывавшие в Пекин торговые караваны². Эти обстоятельства существенно влияли на характер торговых отношений двух государств. Русско-китайская торговля постепенно сосредоточилась на границе, и центром ее стала Кяхта.

Придавая большое значение русско-китайской торговле в Кяхте, правительство Екатерины II принимало финансовые, торговые и административные меры для ее упорядочения и развития. Однако осложнившиеся в начале 1760-х годов отношения между Россией и Китаем привели в 1762 г. к приостановке кяхтинского торгового дела. Цинские власти требовали уничтожения в районе Кяхты установленных русской стороной для пресечения контрабандной торговли деревянных надобов и отмены пошлин, взимавшихся Кяхтинской таможней с русских товаров и повышавших их цену для китайских купцов. В 1768 г. представители обоих государств встретились на российско-китайской границе в Кяхте для урегулирования спорных вопросов путем переговоров.

Иван Иванович Кропотов, исполнивший в 1763 г. возложенную на него миссию по оповещению китайского двора о вступлении на российский престол императрицы Екатерины II и награжденный за это чином полковника, уже в 1765 г. получил наставления и полномочия для ведения пограничных российско-китайских переговоров и «прекращения происходивших с некоторого времени с китайцами споров в пограничных делах»³. Наставление для полномочного комиссара, которым был

назначен полковник И. Кропотов, касалось вопросов как внешней, так и внутренней политики России. В сфере внешнеполитической деятельности И. Кропотову предписывалось «отписать к пограничному командиру джан джун-вану...и требовать присылки поверенного знатного человека для решения пограничных прежде бывших споров»⁴. Проблемы, осложнившие отношения двух государств, российскому полномочному комиссару предварительно предстояло обсудить с селенгинским комендантом генерал-майором В. Якоби⁵ и разработать «положение о уступке в китайскую сторону требуемого ими места, которое отгорожено в нашу сторону», а также «разсмотреть обще с ним же дела, касающиеся до размены с обеих сторон покраденного скота»⁶. В случае достижения договоренности с китайской стороной И. Кропотову предписывалось выдвинуть требование о возобновлении купеческой торговли в Кяхте⁷ и направлении на границу китайских купцов. «Когда же в том желаемой успех последует, то надлежит ему, — как предусматривало наставление, — сделать попечение о внутреннем разпоряжении купеческого торгу и о учинении надлежащей предосторожности к сохранению пошлинного збору...»⁸. В связи с этим Кяхтинская таможня передавалась «в полную власть» полномочному комиссару⁹, и наставление предписывало проведение важных мер, направленных на укрепление таможни: перенос ее в Петропавловскую крепость (Стрелку), расположенную в 9 верстах от Селенгинска на р. Чикой, постройку в ней гостиного двора и покоев для таможни и служителей, передачу должности директора таможни в Кяхте коменданту с разделением директорского жалованья между комендантом и переводчиком Е. Сахновским, которому предписывалось быть вместе с комендантом «во всех делах как пограничных, так и у записки и досмотру выменных товаров»¹⁰. Кроме того, полномочному комиссару предстояло определить штат таможни, построить в Кяхте пакгауз, а в Иркутске начать «строение» мореходных судов. Для выполнения поставленных задач полномочному комиссару разрешалось «требовать от генералов фон Фауендорфа из Иркутской, от Чичерина из Тобольской губернии и от Якобия из ево бригады штаб- и обер-офицеров и прочих чинов» и определять к делам,

требуя соответствующую резолюцию. «Отставных же и из купечества или и из свободных» полномочный комиссар имел возможность определять на места сам без доклада, «чтоб тем время не продолжалось»¹¹.

Подробный отчет о состоянии Кяхтинской таможни ко времени прибытия И. Кропотова на российско-китайскую границу (12 июня 1768 г.) и мерах, направленных им на улучшение ее деятельности «к пользе казенного интереса и купечества»¹², содержится в доношении полномочного комиссара в Коллегию иностранных дел (27 октября 1768 г.).

Еще в 1763 г. по дороге в Пекин курьер и ординарец Екатерины II И. Кропотов, выполняя данное ему императрицей поручение «описывать все то, что в пути ... приключится», оставил в своем журнале заслуживавшие особого внимания впечатления о пребывании в Кяхте (11 марта — 30 апреля). Изучив нужды русского купечества, И. Кропотов довольно четко изложил их в журнале своей экспедиции. Они состояли в следующем: в необходимости снижения пошлинных сборов с бобров камчатских и соболей, перенесении гостиного двора в крепость, названную Стрелка, около Селенгинска. Подобное перемещение объяснялось тем, что в Кяхте китайцы могли видеть и как «в гостиный двор для торгу все ходят, и как клеймят»¹³, в то время как сами китайцы свои товары привозили всегда по ночам и лишали таким образом русских купцов сведений о количестве товара. Это позволяло китайским купцам удерживать цены по своему желанию. Достойн был подражания, по мнению русских купцов, и китайский опыт организации купечества в собрания или конторы, которые назывались «фузами», устанавливавшими общие для всех членов цены на товары. Описанные И. Кропотовым в журнале пожелания российского купечества и сделанные им выводы¹⁴ были приняты в расчет русским правительством и даны полномочному комиссару в виде ряда предписаний. В частности, 12-й пункт императорского указа почти полностью повторял слова журнала и предписывал следующее: «Чтоб он, Кропотов, для восстановления всеобщего в купечестве российском согласия и содержания цены в товарах старание возымел учредить в тамошней стороне купеческия компании, числом

применяясь к количеству товаров и к числу же купцов, торг производящих, с тем однако ж, чтоб каждая компания не состояла менее трех человек купцов, а и между ими бы был по общей их препорции один имущественнее других на таком основании, чтоб всякой российской купец, приехав в Петропавловскую крепосцу на гостиный двор с товарами и объявля оныя в таможне, объявил и то, в которую компанию пристать желает (в чем давать на волю), а когда он то объявит, то компании той купцы повинны осмотреть все его товары, приглася и из прочих компаний по одному человеку, и при собрании назначить товарам цену общую, меньше чего не отдавать. Тако же объявить ему и о китайских товарах, какой товар выше какой цены не принимать»¹⁵. Таким образом, в 1768 г. некоторые напутствия российского купечества полномочный комиссар И. Кропотов воплотил в действительность. Он разделил торговавших в Кяхте русских купцов с целью установления среди них порядка и контроля на 6 компаний¹⁶: «московская торговала сукном, плисом, мехом бобров и выдр, а также иностранными изделиями; тульская — мерлушкою и «кошачьими» шкурами; архангельская и вологодская — северорусскими и скандинавскими мехами; казанская — юфтью и кожами; тобольская — мерлушкой, юфтью и сибирской пушшиной»¹⁷.

Приняв пограничную таможню в свое ведомство, И. Кропотов учредил Кяхтинскую коммерческую экспедицию, поскольку слово «таможня» ассоциировалось у китайцев с пошлинным сбором, взимание которого с русских купцов, по мнению китайской стороны, противоречило Кяхтинскому трактату¹⁸. Лифаньюань¹⁹ в листах к Правительствующему сенату свою позицию в этом вопросе объяснял следующим образом: «хотя и с одним только российских купцов пошлины собираются, но тем самым цена в товарах возвышается, и купцам их китайским убытки делаются»²⁰. В штат Коммерческой экспедиции полномочный комиссар определил «ис купечества цолнера²¹ одного, анбарного надзирателя одного, штемпель²² и ваг-местеров²³ по одному, к накладке товаров надзирателей двух, досмотрщиков четырех; канцелярских служителей: канцеляриста одного, подканцеляриста одного, копиистов двух; сторожа одного». Цолне-

ру, амбарному надзирателю, сторожу и канцелярским служителям было назначено жалованье, соответствовавшее служителям таможни, а остальные чины получили «по прежде бывшему здесь установлению»²⁴. В соответствии с наставлением и для получения «высочайшей апробации» императрицы И. Кропотов сделал обоснование определенному им составу и количеству служителей таможни и экспедиции.

Следуя наставлению, полковник И. Кропотов начал в Кяхтинском форпосте²⁵ строительство нового небольшого пакгауза для хранения вымененных русскими купцами китайских товаров. Необходимо отметить, что в данном случае, как и во всей своей деятельности на посту полномочного комиссара, И. Кропотов руководствовался предписаниями императорского указа от 31 января 1767 г., 14-й пункт которого гласил: «чтоб всякие им, полковником Кропотовым, избираемые и сюда представляемые новыя учреждения в постройке каких-либо новых анбаров и в определении новых людей и официантов к тем учреждениям, особливо были соображаемы и размеряемы с важностию пользы торгующих людей и вернаго приращения короннаго дохода, дабы иногда вновь определяемое содержание управления не поглотило всего ожидаемого от того прибытка»²⁶. Условия, определившие строительство пакгауза, вполне соответствовали требованиям императорского указа: использовался казенный лес, прежде приготовленный «на починку строения в доме Ревенной комиссии», работа плотников оценивалась в 200 руб., а остальные издержки могли бы составить около 100 руб.²⁷

Архивные материалы свидетельствуют о том, что полномочному комиссару И. Кропотову были присущи исключительная добросовестность и ответственность в осуществлении поставленных перед ним задач. Примером тому является и решение вопроса о размещении пограничной таможни, которая до 1766 г. находилась в Кяхте на самой границе, а затем была переведена «в отдаление на 80 верст в Петропавловскую крепость» (Чикойская стрелка), расположенную близ Селенгинска, «чтоб не могли видеть китайцы и мунгальцы собирания пошлин с российских купцов». По прибытии на границу полномочный комиссар, ознакомившись с обстановкой, «признал Петропавловскую кре-

пость для таможни неудобною по отдалению от Кяхты, где торги бывають»²⁸. Помимо этого недостатка, И. Кропотов указал на уязвимость крепости перед наводнениями. Учитывая эти обстоятельства, он предложил перевести таможню на новое место в устье речки Ара-Кяхта, впадавшей в Селенгу-реку. Преимущество такого расположения, по мнению И. Кропотова, состояло в том, что таможня находилась бы всего в 27 верстах от торгового места в Кяхте, что значительно облегчало бы торговые сношения русских и китайских купцов. С точки зрения географии, новое место, высокое и ровное, было защищено от наводнений. Кроме того, достоинства предложения полномочного комиссара состояли и в его экономической выгоде для государства. «На том новом месте, хотя все строение и все вновь строиться будет, — обосновывал свою позицию И. Кропотов, — только со всем тем труда и казне убытка будет меньше, а построятся лучше, порядочнее и прочнее. Труд и убытка казне потому меньше, ежели в Петропавловской крепостце все то строить, то необходимо надобно помянутое старое строение разламывать и годное из него, котораго однако ж немного, переносить и вновь ставить, а соединяя то со всем полным новым строением будет в том труда и работы, а следственно, и казне убытку больше потому, что в том частию двойная работа будет, а на означенном новом месте уже одна новая порядочная без всяких препятствий работа быть имеет. Лес же готовить и ставить к сему месту ближе и способнее нежели в Петропавловской крепостце»²⁹. Убыточным для казны, с точки зрения И. Кропотова, могло бы стать и запланированное еще генерал-майором В. Якоби и бывшим иркутским губернатором фон Фраундорфом³⁰ укрепление берега обрубками для защиты Петропавловской крепости от наводнений. Решение этой задачи было сопряжено как с тяжелым трудом людей и лошадей, которым предстояло перевозить значительное количество леса и камней для постройки укрепления на расстояние в 20 верст, так и с большими казенными расходами. Следует признать, что, несмотря на убедительность доводов И. Кропотова, Коллегия иностранных дел в записке, подготовленной для императрицы Екатерины II на основании его доношений с китайской границы, с осторожностью отнеслась к предложению полномоч-

ного комиссара о переносе таможни на новое место: «и хотя представление его о сем кажется основательно, только в разсуждение принять надлежит, что когда таможня и собиране пошлин с российских купцов будет в таком блиском месте от Кяхты, то чаятельно вскоре узнают о том китайцы, и потому от них не будет ли вновь спора и остановки во взаимной торговле?»³¹.

Опасения Коллегии иностранных дел оправдались, поскольку построенный по ее предписанию полковником И. Кропотовым пакгауз в Кяхте не мог не попасть в поле зрения китайцев и вызвать «к разрыву склонныя» о нем толки. Для иркутского губернатора генерал-поручика А.И. Бриля³², в ведение которого перешли оставшиеся после смерти полномочного комиссара И. Кропотова (1724—1769) коммерческие дела³³, это обстоятельство послужило поводом к переводу Коммерческой экспедиции с пакгаузом в предместье города в ревенной дом, что, однако, не спасло их от пристального внимания китайских купцов. Приняв в расчет сложившиеся обстоятельства, генерал-поручик А.И. Бриль в 1770 г. уведомил Коллегию иностранных дел о своем намерении перенести экспедицию в находившуюся внутри границы Троицкую крепость³⁴, отстоявшую на 4 версты от китайского форпоста. Здесь он собирался построить для экспедиции покои, небольшой гостиный двор с пакгаузом, а для предотвращения тайного провоза купцами товаров, «зачиная от самой крепости и до Кяхтинскаго форпоста по обе стороны зделать рогатки». Из ликвидированной Петропавловской таможни А.И. Бриль предполагал перевести директора в Троицкую коммерческую экспедицию, в ведомстве которой должно было, по предложению иркутского губернатора, состоять Иркутское комиссарство, созданное для взимания пошлин. Выбор г. Иркутска объяснялся тем, что купцам по дороге в Кяхту «проехать онаго города, не заплатя пошлыны, будет невозможно»³⁵. Сбор пошлин с купцов, находившихся за Байкалом, мог бы, по мнению А.И. Бриля, производиться в экспедиции для употребления полученных денег на ее годовые расходы.

Правительствующий сенат в 1774 г. на основании представления Коллегии иностранных дел рекомендовал ей, учтя предшествовавший опыт, «чтобы китайцы не имели причины к не-

годованию», решить вопрос о том, какое расстояние от границы должно быть наиболее удобным для размещения комиссарства для осмотра вымененных у китайцев товаров и сбора пошлин. Затем свои наставления Коллегии следовало передать иркутскому губернатору бригадиру Ф.Г. Немцову³⁶, которому, в свою очередь, предписывалось на указанном расстоянии выбрать место по своему усмотрению и построить все необходимое для хранения товаров и проживания таможенников.

В вопросах, связанных с деятельностью Коммерческой экспедиции и таможни, полномочный комиссар И. Кропотов серьезное внимание уделил и выбору их руководителя. К моменту его приезда в Кяхту бывший директор Петропавловской пограничной таможни асессор Маков, императорским указом уже уволенный от службы, по-прежнему был при должности из-за отсутствия замены. Полковник И. Кропотов отпустил ассессора Макова в Москву «по прозбе его за слабостию здоровья», а вместо него до получения указа поручил исправлять директорские обязанности селенгинскому коменданту секунд-майору Апфельгрену. Наиболее достойным претендентом на эту должность, по представлению И. Кропотова, был находившейся в его команде секунд-майор Якутского карабинерного полка Семен Власов. Представление о нем императрице полномочный комиссар просил сделать как Коллегию иностранных дел³⁷, так и графа Н.И. Панина³⁸, к которому И. Кропотов обращался как «протектору и предводителю» во всех порученных ему делах³⁹. Сознывая особенности и сложности служения в сфере экономики, полномочный комиссар в письме Н.И. Панину 27 октября 1768 г. писал об этом следующее: «Люди нижнаго состояния при комерческих делах привыкли к лакомству, да и поневоле старшия за малое жалованье, а младшия без всякова служат, чеве же от них ожидать?»⁴⁰. Однако судьба секунд-майора С. Власова, предложенного полковником И. Кропотовым на должность директора таможни, явилась опровержением утверждения о том, что из-за малого жалованья служащие в коммерции «привыкли к лакомству». Обладавший, по словам И. Кропотова, редкими достоинствами⁴¹ С. Власов за годы службы⁴² заслужил лишь положительные отзывы о своей деятельности: все ходатайства о его

повышении в чине⁴³ и вознаграждении⁴⁴ остались без внимания. Вместе с тем недовольство им китайской стороной и ее требование о замене С. Власова на майора «исправного и доброго»⁴⁵ явились лучшими свидетельствами его бескорыстного служения отечеству. И хотя иркутский губернатор Ф.Н. Кличка⁴⁶ в 1779 г. из-за конфликта с китайской пограничной администрацией⁴⁷ вынужден был пограничного командира премьер-майора Власова перевести в Троицкосавскую крепость, он не надеялся найти на его место другого такого человека «во всей порученной ему губернии» и с сожалением доносил об этом в Коллегию иностранных дел⁴⁸.

Однако следует отметить, что Коллегия все же обратила внимание на доводы иркутских губернаторов, приведенные в их доношениях в разное время, и в выборе достойной замены майору С. Власову исходила уже из представлений об особой значимости занимавшейся им должности, что заслуживало поощрения особенными выгодами еще и из-за отдаленности места службы и «важности комиссии»⁴⁹. Правительствующий сенат, сделав заключение о том, «что с оным местом сопряжены многие политических дел знания», распорядился, «чтоб Коллегия к толь важному посту представила от себя способного и надежного человека»⁵⁰. А Коллегия, в свою очередь, получив необходимый опыт из оценки служебной деятельности С. Власова, в докладе императрице Екатерине II указала на причины отсутствия соответствовавшего его статусу почитания у китайской стороны. Несмотря на присущие С. Власову незаурядные способности и усердие к службе, его «малочиновость» не способствовала уважению, «какое нужно и необходимо относительно к его должности от всех в делах ему содействующих или под его руководством и наставлением состоящих»⁵¹.

Помимо кандидатуры С. Власова, полковник И. Кропотов обосновал еще одно важное назначение и выразил имеющую несомненную ценность впечатления от встречи с селенгинским комендантом В. Якоби и иркутским губернатором А. Брилем. В соответствии с наставлением в распоряжении кяхтинского коменданта предписывалось быть переводчику Е. Сахновскому. Однако ко времени прибытия И. Кропотова в Кяхту Е. Сахнов-

ский уже умер⁵². Достойным претендентом на должность переводчика полковник И. Кропотов признал пограничного комиссара дворянина Василия Игумнова. «Я, употребляя ево по комиссии моей в разные переговоры с мунгальскими начальниками нашел в переводах исправным, радательным, а притом человеком порядочной жизни», — писал о нем И. Кропотов и просил Коллегию иностранных дел о награждении В. Игумнова «чином Коллегии переводчика»⁵³.

В ходе выполнения возложенных на него обязанностей И. Кропотов вел постоянную переписку и виделся с селенгинским комендантом В.В. Якоби, с которым он встречался еще во время своей поездки в Пекин в 1763 г. Однако впечатления полномочного комиссара от последней встречи оказались не в пользу селенгинского коменданта. И. Кропотов обратил внимание на то, что В.В. Якоби уже недостает «сил ни телесных, ни душевных», и «он потерял уже прежнюю репутацию не токмо в китайской, но и в нашей стороне». Причиной этого, по мнению И. Кропотова, были дети селенгинского коменданта⁵⁴. «Они своенравием своим довели ево до многих ошибок по делам, — писал полномочный комиссар Н.И. Панину, — и зделали во всем здешнем народе ненавидимым. А что еще всево хуже, лакомым почти столько, как они сами. И ежели всем здешним слухам верить, то ни одново дела здесь даром не зделано тому уже назад шесть лет»⁵⁵. Полной противоположностью селенгинскому коменданту был иркутский губернатор А. Бриль. По словам И. Кропотова, он «нашел в нем пречестнейшаго человека и прилежного губернатора». Это дало основание полномочному комиссару в письме Н.И. Панину высказать предложение о передаче военных и пограничных дел иркутскому губернатору во избежании недоразумений с китайской стороной, которая не могла терпеть имени В. Якоби «без упреkania»⁵⁶.

История кяхтинской торговли неотъемлемо связана с судьбой одного из ее активных участников Симона Ильича Свинына. В 1737 г., по распоряжению правительства, он был прислан в Кяхту для закупки высоко ценившегося в силу своих целебных свойств ревения⁵⁷, государственная монополия на торговлю которым в России была установлена в 1687 г. Созданная в Кяхте при

участии С. Свинына и им возглавленная Ревенная комиссия покупала в казну ремень⁵⁸ «с великим успехом»⁵⁹. Затем ремень отправлялся в московскую Медицинскую контору, «небольшая часть оставалась в Иркутской полевой аптеке, откуда он распределялся по всей Сибири»⁶⁰. Ко времени приезда полковника И. Кропотова в Кяхту бывший ревенной комиссар С. Свинын уже 20 лет содержался в монастыре в заключении, поскольку по доносу «осужден был за малые вины к смерти», но по распоряжению императрицы Елизаветы Петровны было «велено его наказать плетью, а пожитки конфисковать на заплату жалования бывшим следователям». Через месяц после исполнения распоряжения был получен именной указ, «чтоб его оставить без наказания»⁶¹. Несмотря на это, С. Свинын оставался в заключении. По приезде в Иркутск И. Кропотков видел его и беседовал о нем с иркутскими губернатором и архиереем, которые уверили полномочного комиссара в том, что заключенный «не токмо не без ума, но с таким хорошим рассуждением, что истинно жалко видеть человека с достоинствами в таком гневе Его величества»⁶². Желая помочь бывшему ревенному комиссару, полковник И. Кропотков обратился к графу Н.И. Панину с просьбой о содействии в его освобождении, возвращении конфискованного имущества и с предложением о восстановлении С. Свинына в должности для государственной выгоды. В пользу этого суждения И. Кропотков привел следующие доводы: «сия Ревенная комиссия ныне поручена одному иркутскому купцу, которой назван комиссарским товарищем и получает жалованья по 300 руб. в год напрасно, потому что пять лет торгу с китайцами не было, да хотя и откроется, то не достанет его к тому ни знания о ремне, ни разума в выгодах казенных, а есть ли бы несчастливый Свинын был как основатель всей той комиссии, а притом человек знакомой подяточникам бухарцам, к сему делу на прежнем основании определен, то бы ревенная покупка инаково происходить могла». Кроме того, полковник И. Кропотков предложил Ревенную комиссию подчинить таможне, в команде которой состояло и купечество. Оно могло бы в случае необходимости платить за ремень своими товарами, а деньги затем брать из казны. «Да и смотрение поблизости лутче будет, — писал И. Кропотков

графу Н.И. Панину, — нежели от губернской Иркутской канцелярии, а губернатор своею персоною может и таможнею в свое время командовать»⁶³. Невольным участником событий, связанных с комиссаром С. Свиныным, стал его товарищ (помощник) Скерлетов, которому следователем было назначено жалование ревенного комиссара после его отстранения от должности, но резолюция на это так и не была получена. Поэтому после смерти Скерлетова Сибирский приказ постановил конфисковать пожитки его вдовы «за переборное мужем ее жалование»⁶⁴.

Стремясь восстановить справедливость, полковник И. Кропотков обратился за поддержкой не только к своему покровителю графу Н.И. Панину, но и просил Коллегию иностранных дел «исходатайствовать Его императорского величества высочайшую милость» о помощи С. Свиныну и вдове Скерлетова⁶⁵. В ответ на это обращение в начале 1769 г. последовала императорская резолюция: «сие отдано на волю иркуцкаго губернатора освободить Свинына или нет, ибо он в уме помешен.., а из пожитков возвратить то, что на лицо есть»⁶⁶. 31 мая 1770 г. иркутский губернатор генерал-майор А.Бриль отпрапортовал в Коллегию иностранных дел о принятии в феврале в соответствии с указом в свое ведение Ревенной комиссии. «И з данным наставлением, — писал он, — поблизости в точное смотрение препоручил Кяхтинской коммерческой экспедиции»⁶⁷. Таким образом, лишь часть сделанных полковником И. Кропотковым предложений по поводу будущего С. Свинына и Ревенной комиссии воплотилась в жизнь. Поскольку относительно самого бывшего ревенного комиссара иркутский губернатор сообщил следующее: «он, Свинын, по особливому моему представлению, а по высочайшему Его императорского величества имянному повелению ис-под караула уже освобожден и находится здесь в Иркутске единственно в моем смотрении...». Наблюдая за С. Свиныным, иркутский губернатор пришел к заключению, что «за тою его старостию он уже и никакой должности снести, конечно, не может»⁶⁸.

Среди поставленных перед полномочным комиссаром И. Кропотковым в наставлении задач важное место отводилось приготовлению к отправке в Пекин небольшого каравана с казенной мягкой рухлядью, при котором разрешалось ехать и куп-

цам со своими товарами⁶⁹. Необходимость отправления этого каравана была вызвана следующими обстоятельствами. На смену членам 5-й Духовной миссии⁷⁰ направлялся прибывший в Иркутск со своей свитой архимандрит Николай (Цвет)⁷¹. Находившемуся в Пекине духовенству требовалось доставить заслуженное жалование за 5 лет (с 1764 по 1769). Несмотря на открытие 16 августа 1768 г. в Кяхте торгового дела с китайской стороной⁷², настоящие китайские купцы, по заключению И. Кропотова, не скоро могли бы приехать на границу, и поэтому российский караван «в Пекине хорошей успех возымел бы»⁷³. Однако на пути еще не отправившегося каравана возникло препятствие, которое нельзя было устранить без особого императорского распоряжения. Препятствием явилось отсутствие денег на выплату жалования российскому духовенству в Пекине. Для этого требовалось 8500 руб., их нужно было отправить китайским серебром или товарами с караваном. По сообщению И. Кропотова, в таможене на тот момент китайского серебра было только на 5777 руб. 45 коп. Кроме того, полномочный комиссар поставил в известность Коллегию иностранных дел о том, что и отправлявшемуся в Пекин архимандриту Николаю (Цвету) со свитой и учениками необходимо выдать жалования не меньше как на 3 года⁷⁴. Выходом из сложившейся ситуации мог бы стать императорский указ о возвращении казенной мягкой рухляди, отправленной в мае 1768 г. водным путем из Иркутска в Тобольск для доставки зимним путем в Москву⁷⁵. В числе отправленной мягкой рухляди было 3687 камчатских бобров. В бытность И. Кропотова в Москве, по имевшимся у него сведениям, таких непроданных бобров оставалось еще больше 200. «От следующего в Москву немалого числа бобров, — писал И. Кропотков в Коллегию иностранных дел, — по малому в Москве оным расходу и больше ущерба ожидать должно». Если бы императорским указом удалось вернуть мягкую рухлядь, то, по плану полномочного комиссара, караван мог бы отправиться в Пекин, поскольку «будет иметь довольно суммы на выдачу обоим архимандритам и ученикам в жалование, ... также и содержание в пути на жалование караванным служителям, на покупку в случае недостатку лошадей и скота...»⁷⁶.

Помимо этого предложения, полковник И. Кропотков довел до сведения Коллегии иностранных дел свое суждение о необходимости повышения жалования архимандриту и ученикам: «А сие собственно собою испытал будучи в Пекине, сколь дорого стоит тамошнее содержание. И для за должность почитаю Государственной коллегии о сем претставить»⁷⁷. Однако Коллегия иностранных дел в своем докладе императрице Екатерине II, перечислив источники доходов, помимо жалования, членов Православной духовной миссии, пришла к заключению, что «они чаятельно тем без нужды и довольствуются, ибо о прибавке им жалования не было от них представлений»⁷⁸.

Еще одним важным вопросом, связанным с отправлением каравана и вынесенным И. Кропотковым на обсуждение Коллегии иностранных дел, был вопрос о взимании пошлин с купцов, намеревавшихся присоединиться к каравану. Поскольку купцы должны были платить пошлины с привозимых российских и вывозимых китайских товаров, И. Кропотков представил на решение императрицы предложение «упустить есть ли не всю, то хотя некоторую часть пошлины» с купцов, которые «необыкновенны в пути трудности и издержки тем охотнее снести могли»⁷⁹. Директором каравана полномочный комиссар намеревался назначить секунд-майора Семена Власова и дать ему сопровождение по примеру прошлых караванов. По этому поводу Коллегия иностранных дел пришла к такому заключению: «ежели отправление каравана в Пекин состоится, то все оное поручить полковнику Кропоткову и предать на его волю, каких людей он при том определить за способных признает, наблюдая того, чтоб излишней казенной траты не было, а к селенгинскому командиру о способствовании ему во всем указ тогда послан быть может»⁸⁰. Таким образом, архивные источники свидетельствуют о том, что полномочный комиссар И. Кропотков ответственно отнесся к выполнению данного ему предписания о подготовке казенного каравана к отправлению в Пекин и внес по этому поводу продуманные предложения в Коллегию иностранных дел. Однако финансовое обеспечение каравана в тот период оказалось неосуществимым из-за невозможности вернуть отправленную в Москву всю казенную мягкую рухлядь. Подтверждением

этому была резолюция императрицы Екатерины II, сделанная 18 марта 1769 г. на докладе из Коллегии иностранных дел: «мях-кая рухлядь уже привезена в Москву, что же касается до упущения пошлины купцам, торгующим в Китай, о том Коммиссии о комерции сделать рассмотрение, а в прочем быть по сему»⁸¹.

Итак, архивные материалы позволили восстановить еще один незначительный по времени, но важный по результатам эпизод в истории российско-китайских отношений второй половины XVIII в. и в истории развития кяхтинской торговли в частности. Происшедшие в 1768 г. в Кяхте события были связаны с именем полномочного комиссара полковника И. Кропотова, выполнившего возложенную на него очень непростую миссию по прекращению споров с китайской стороной в пограничных делах и наведению порядка в делах таможенных и коммерческих. Внешнеполитическая часть его деятельности на российско-китайской границе в 1768 г. закончилась подписанием 18 октября Дополнительной статьи к Кяхтинскому трактату (1727 г.), 10-я статья которого, определив меры наказания нарушителям границы, оставалась источником пограничных споров. Дополнительная статья установила режим на российско-китайской границе и утвердила снесение надолбов, ею также было предусмотрено «не брать на торговых двух местах, на Кяхте и Цурухайте, пошлину вечно»⁸². После подписания этого соглашения торговля между русским и китайским купечеством в Кяхте возобновилась. Российский полномочный комиссар, вызвавший уважение у китайских участников переговоров, способствовал и укреплению престижа России.

Приступив к делам внутреннего порядка, И. Кропотков написал графу Н.И. Панину: «А дела мои превосходят мои силы»⁸³. В действительности полномочный комиссар, будучи больным, сделал достаточно из данных ему Коллегией иностранных дел предписаний, основанных в немалой степени на его собственных наблюдениях в Кяхте во время поездки в Пекин в 1763 г. Эти наблюдения касались организации купечества в компании, переносе таможни в крепость под названием Стрелка. Однако впоследствии, разобравшись на месте с особенностями расположения этой крепости, И. Кропотков предло-

жил другую географическую точку для строительства новой таможни.

Преждевременная смерть И. Кропотова не позволила ему до конца реализовать свои планы и исправить допущенные ошибки. Создавая в Кяхте Коммерческую экспедицию в начале возобновления с китайцами торговли, «...не мог полковник Кропотков, — по заключению Коллегии иностранных дел, — предусмотреть происшедших от того с стороны китайцев нареканий»⁸⁴. Нереализованным не по вине полномочного комиссара И. Кропотова осталось предписание об организации небольшого казенного торгового каравана в Пекин. Однако, как указывалось выше, иркутским губернатором А.Брилем все же были осуществлены некоторые меры по улучшению торговых дел, предложенные И. Кропотковым.

В числе несомненных заслуг И. Кропотова были чрезвычайно ответственное отношение к решению задач, касавшихся пользы «казенного интереса», умение разбираться в людях, позволявшее ему не только делать правильный выбор при назначениях на ответственные должности, но и помогать тем, чья деятельность, как и его собственная, была направлена на приношение пользы «казенному интересу».

Примечания

¹ Подробнее о деятельности Российской духовной миссии в Пекине см.: *Ипатов А.С.* Место Российской духовной миссии в Китае в истории российско-китайских отношений // *Востоковедение и мировая культура*. К 80-летию академика С.Л. Тихвинского. М., 1998. С. 202—233.

² Русско-китайские отношения в XVIII в. Документы и материалы. 1752—1765. М., 2011. Т. 6. С 386—387. Коммент. 2 к док. № 94.

³ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/2. 1762—1769 гг. Д. № 8. Л. 355. О И.И. Кропотове см. также: *Саркисова Г.И.* Миссия российского курьера И.И. Кропотова в Пекин в 1762—1763 гг. (Архивные материалы) // *Восток—Россия—Запад*. Истор. и культурол. исслед. К 70-летию академика В.С. Мясникова. М., 2001. С. 94—111; *Саркисова Г.И.* Пограничные российско-китайские переговоры 1768 г. (По материалам Журнала И.И. Кро-

потова) // Раздвигая горизонты науки. К 90-летию академика С.Л. Тихвинского. М., 2008. С. 191—210; *Саркисова Г.И.* И.И. Кропотов и его миссия в Пекин в 1762—1763 гг. // Русско-китайские отношения в XVIII в. (1752—1765). Документы и материалы. М., 2011. Т. VI. С. 364—373.

⁴ АВПРИ. Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/2. 1762—1769 гг. Д. № 8. Л. 145—145 об. Цзяньцзюнь (джан джун-ван) — командующий, военный губернатор.

⁵ Якоби (Якобий) Варфоломей Валентинович (1693—1769) с 1740 г. — комендант Селенгинска и управляющий находившейся здесь Канцелярией пограничных дел. В. Якоби нес ответственность за охрану границ и безопасность отправлявшихся в Пекин русских караванов. В сентябре 1768 г. В. Якоби подал прошение об отставке. В 1769 г. он был уволен от службы в чине генерал-поручика и награжден пенсией. Скончался в Селенгинске 12 декабря 1769 г.

⁶ Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/2. 1762—1769. Д. № 8. Л. 145. Речь идет о том, что цинская сторона не признавала некоторые пограничные знаки в районе Кяхты, установленные русской администрацией для пресечения контрабандной торговли, и требовала их переноса на вершины Бургутейского хребта.

⁷ Следует отметить, что цинское правительство всячески препятствовало налаживанию экономических связей русских купцов с китайскими. «Под различными предлогами (чаще всего из-за мелких нарушений пограничного режима) цинские власти неоднократно останавливали торговые операции в Кяхте. Согласно русским архивным данным, только с 1744 по 1792 г. цинская пограничная администрация 10 раз приостанавливала русско-китайскую торговлю в этом пункте, а именно: в 1744 г. (на 17 дней), 1747 г. (на 2 дня), 1751 г. (на 1 день), 1753 г. (на 5 месяцев и 3 дня), 1756 г. (на 1 месяц и 7 дней), 1759 (на 11 дней), 1762 г. (на 6 лет), 1775 г. (на 3 дня), 1778 г. (на 2 года и 13 дней) и в 1785 г. (на 7 лет). Подобные действия цинских властей не только причиняли серьезный ущерб развитию взаимовыгодной торговли, но и препятствовали установлению тесных политических и культурных контактов между народами России и Китая». См.: Новая история Китая. М., 1972. С. 64.

⁸ Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/2. 1762—1769. Д. № 8. Л. 145 об. — 146.

⁹ Там же. Л. 150 об. Императорский указ от 31 января 1767 г. утвердил переход «в особое ведомство и команду» И. Кропотова пограничной таможни, служителей и купечества. Там же. Л. 355 об.

¹⁰ Там же. Л. 146 об. О Е. Сахновском подробнее см.: Русско-китайские отношения в XVIII в. Документы и материалы (1752—1765). Т. 6. С. 379. Комментарий. 2 к док. № 20.

¹¹ Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/2. 1762—1769. Д. № 8. Л. 148.

¹² Там же. Л. 356 об.

¹³ Русско-китайские отношения в XVIII в. (1752—1765). Документы и материалы. Т. VI. С. 285.

¹⁴ Там же. Л. 288—289.

¹⁵ Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/2. 1762—1769. Д. № 8. Л. 364—364 об.

¹⁶ Там же. Л. 281.

¹⁷ Мишакова О.Э. «Дипломатическая» роль Кяхты в развитии экономических отношений России и Китая в XVIII в. // Гуманитарный вектор. Чита, 2011. № 3 (27). С. 22.

¹⁸ Русскому правительству было известно, что и китайская сторона взимала в Калгане пошлины со своих купцов, направлявшихся в Кяхту. Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/2. 1762—1769. Д. № 8. Л. 423.

¹⁹ Об этом учреждении см.: Мясников В.С. Лифаньюань и развитие отношений империи Цин с Россией в XVII—XVIII вв. // Восток-Запад. Историко-литературный альманах. 2009—2010 // под ред. ак. В.С. Мясникова. М., 2011. С. 103—111.

²⁰ Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/2. 1762—1769. Д. № 8. Л. 351.

²¹ Цолнер (нем., стар.) — таможенный надзиратель, досмотрщик.

²² Штемпельмейстер — клеймильщик.

²³ Вагмейстер (нем.) — чиновник, заведовавший весовой частью на таможне.

²⁴ Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/2. 1762—1769. Д. № 8. Л. 281 об.

²⁵ форпост (нем.) — передовая укрепленная позиция, передовой пункт.

²⁶ Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/2. 1762—1769. Д. № 8. Л. 355 об. — 356.

²⁷ Там же. Л. 281 об. 282.

²⁸ Там же. Л. 349 об. 350.

²⁹ Там же. Л. 293—293 об.

³⁰ Карл Львович фон Фрауендорф (?—1767) — генерал-майор, первый губернатор Иркутской губернии.

³¹ Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/2. 1762—1769. Д. № 8. Л. 350 об. 351.

³² Бриль Адам Иванович — генерал-поручик, иркутский губернатор в 1767—1776 гг.

³³ Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/2. 1762—1769. Д. № 8. Л. 431—432.

³⁴ В соответствии с Буринским трактатом (20 августа 1727 г.) на месте Барсуковского зимовья в 1727 г. по указанию известного российского ди-

пломата Саввы Лукича Владиславича-Рагузинского был построен Троицкосавский острог. Троицкая церковь с приделом Святого Саввы Сербского (небесного покровителя Саввы Владиславича-Рагузинского), построенная внутри деревянной крепости, дала ей название — Троицкая, а городу — Троицкосавск. Здесь на реке Кяхте по рисунку С.Л. Владиславича-Рагузинского в 1728 г. завершилось строительство Кяхтинской торговой слободы, ставшей в XVIII—XIX вв. крупнейшим центром торговли с Китаем. (Русско-китайские договорно-правовые акты (1689—1916). М., 2004. С. 30. Комментарий. 2 к док. № 5. С. 590.)

³⁵ Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/2. 1762—1769. Д. № 8. Л. 431—432.

³⁶ Иркутский губернатор в 1776—1779 гг.

³⁷ Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/2. 1762—1769. Д. № 8. Л. 311.

³⁸ Панин Никита Иванович (1718—1783) — граф, русский дипломат и государственный деятель, наставник великого князя Павла Петровича. С 1762 г. он — неофициальный советник императрицы Екатерины II по вопросам внутренней и внешней политики. (См. также РКО в XVIII в. Т. 6. С. 388. Комментарий. 6 к док. № 118.)

³⁹ Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/2. 1762—1769. Д. № 8. Л. 255.

⁴⁰ Там же. Л. 257.

⁴¹ Там же. Л. 257 об.

⁴² С 1768 по 1782 г. (6 августа 1782 г. С. Власов скончался). 29 ноября 1772 г. С. Власов отправил челобитную императрице Екатерине II и письмо графу Н.И. Панину с просьбой об увольнении по состоянию здоровья, но не получил их согласия. (См.: Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/2. 1763—1773. Д. № 12. Л. 170—172 об.)

⁴³ 30 сентября 1773 г. иркутский губернатор А.И. Бриль доносил в Коллегию иностранных дел о необходимости повышения в чине премьер-майора С. Власова. (См.: Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/2. 1773—1782. Д. № 21. Л. 107—107 об.)

⁴⁴ 29 января 1780 г. иркутский губернатор Ф.Н. Кличка в письме графу Н.И. Панину обратился с просьбой о вознаграждении С. Власова. (См.: Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/2. 1773—1782. Д. № 21. Л. 589—589 об.)

⁴⁵ Там же. Л. 396—403 об.

⁴⁶ Кличка Франц Николаевич (1730—1786) — генерал-поручик, русский военный и государственный деятель, иркутский губернатор в 1779—1783 гг.

⁴⁷ Премьер-майор С. Власов не пропустил китайских курьеров с листом из Лифаньюаня в Сенат из-за отсутствия у них паспортов. (Об этом

подробнее см.: Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/3. 1779. Д. № 1. Л. 1—5 об.)

⁴⁸ Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/3. 1768—1782. Д. № 2. Л. 38—38 об.

⁴⁹ Там же. Л. 38 об.

⁵⁰ Там же. Л. 39 об.

⁵¹ Там же. Л. 45.

⁵² Он скончался 12 мая 1765 г. (Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/2. 1742—1798. Д. № 5. Л. 98—99).

⁵³ Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/2. 1762—1769. Д. № 8. Л. 283.

⁵⁴ Из указанных И. Кропотковым детей, полковника и капитана Селенгинского пехотного полка, есть сведения только об одном из них. На описываемый момент полковником был Иван Варфоломеевич Якоби (1726—1803). С 1747 г. после окончания шляхетского кадетского корпуса в чине прапорщика он начал служить в Селенгинске. Несколько раз ездил курьером в Пекин. С 1764 г. — полковник. В 1769 г. после смерти отца уехал из Сибири для дальнейшего прохождения службы. (Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/2. 1762—1769. Д. № 8. Л. 256).

⁵⁵ Там же. Л. 255 об.—256.

⁵⁶ Там же. Л. 256 об.—257.

⁵⁷ Громов П. Начало Троицкой крепостцы и Кяхты. Кяхтинские храмы. Первые священнослужители в Кяхте. // Байкал, Улан-Удэ. 1994. № 3. С. 48 (сноска 1).

⁵⁸ Главными поставщиками ревеня в Кяхту были бухарцы.

⁵⁹ Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/2. 1762—1769. Д. № 8. Л. 259 об.

⁶⁰ Мишакова О.Э. Указ. соч. С. 21.

⁶¹ Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/2. 1762—1769. Д. № 8. Л. 258 об.

⁶² Там же. Л. 258.

⁶³ Там же. Л. 259 об.

⁶⁴ Там же. Л. 260.

⁶⁵ Там же. Л. 297—298 об.

⁶⁶ Там же. Л. 416 об. 417.

⁶⁷ Там же. Оп. 62/2. 1769—1772. Д. № 18. Л. 97.

⁶⁸ Там же. Л. 98. Сведения о смерти бывшего ревенного комиссара содержатся в одной из Иркутских летописей (карамзинской): «1781 г. октября 11 дня умер бывший кяхтинский комиссар Симон Ильич Свинын; похоронен 13 числа у Крестовской церкви (в Иркутске)». (Об этом см.: Громов П. Указ. соч. С. 51).

⁶⁹ Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/2. 1762—1769. Д. № 8. Л. 288.

⁷⁰ 5-я Духовная миссия пребывала в Пекине с 1755 по 1771 г. Возглавлял ее архимандрит Амвросий (Юматов) (1717—1771).

⁷¹ Архимандрит Николай (Цвет) возглавлял 6-ю Духовную миссию в Пекине (1771—1781).

⁷² Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/2. 1762—1769. Д. № 8. Л. 351 об.

⁷³ Там же. Л. 398 об.

⁷⁴ Там же. Л. 288 об.

⁷⁵ В Москву была отправлена вся мягкая рухлядь, так что в Иркутской губернской канцелярии и во всех городах губернии ничего не осталось.

⁷⁶ Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/2. 1762—1769. Д. № 8. Л. 289—290.

⁷⁷ Там же. Л. 291 об.

⁷⁸ Там же. Л. 401—401 об.

⁷⁹ Там же. Л. 402 об.

⁸⁰ Там же. Л. 401 об. 402.

⁸¹ Там же. Л. 397.

⁸² Русско-китайские договорно-правовые акты (1689—1916). М., 2004. С. 53.

⁸³ Ф. Сношения России с Китаем. Оп. 62/2. 1762—1769. Д. № 8. Л. 255 об.

⁸⁴ Там же. Л. 422.

SUMMARY

Vladimir Ya. PORTYAKOV. RUSSIAN-CHINESE RELATIONS: CURRENT STAGE AND FUTURE PROSPECTS. The article describes prospects for the Russian-Chinese relations in the context of the foreign policy objectives set by the 18th Congress of the CPC and by Foreign Policy Concept of the Russian Federation, as well as in the context of Xi Jinping's visit to Moscow on 22—23 March, 2013. The possible impact of the leading factors (geographic neighborhood, history of relations, geopolitical situation) on further development of relations between Russia and China is analyzed. Three possible scenarios for the evolution of bilateral relations in next decade are offered.

Keywords: Russia, China, bilateral relations, current status, future trends, factors, scenarios.

Sergey G. LOUSIANIN. CHINA'S FOREIGN POLICY MODEL 2013: ON THE RELATIONS OF CHINA WITH EU, ASEAN AND INDIA. The article is devoted to China's foreign activities in 2012—2013 at such directions as the development of the PRC relations with EU, ASEAN and India. The author analyzes successes and challenges of Sino-Indian and Sino-European relations, China's policy in South-East Asia, including the PRC's territorial disputes with Vietnam and Philippines over the islands in the South China Sea, the economic and political factors of the Chinese influence on ASEAN and Southeast Asia as a whole.

Keywords: China, ASEAN, Asia Pacific, South-East Asia, the EU, India, conflicts, interaction, cooperation, regional security.

Anatoly F. KLIMENKO. RUSSIAN NATIONAL INTERESTS IN ASIA PACIFIC AND THEIR CORRELATION WITH THE INTERESTS OF OTHER INTERNATIONAL ACTORS IN THE REGION. The paper examines factors that determine the expansion of the AP's role in the system of international political relations. By revealing significance and place of the RF in the region, the author analyzes Russia's interests in the East, their cor-

relation with the interests of other states. Contradictions between the aspirations of key regional actors are also characterized, as well as zones of tension in the Asia-Pacific. The author makes assessment of challenges and threats to the interests of Russia in the region and their impact on the security of our country, proposes recommendations concerning protection of Russian interests in the Asia Pacific.

Keywords: Asia-Pacific, Russia's national interests, challenges and threats, the U.S. strategy in the Asia-Pacific region, Japan, China, India, Eastern Siberia and the Far East, protection of Russia's interests.

Katenary K. MERKULOV. RUSSIAN-CHINESE RELATIONS IN THE LIGHT OF CHINESE REFORMS. The article discusses some results and lessons learned from the processes of modernization and reforms in China under the prism of their geo-strategic potential and the possibility of using them by Russia. The author also analyzes prospects of the co-development of the two countries as a peaceful, harmonious paradigm of strategic "special relationship" of a new type.

Keywords: peace and harmony, the 60th anniversary of the PRC, modernization and reforms in China, "Chinese model" of reforms, "Beijing Consensus", geo-strategy of peaceful and harmonious co-development of Russia and China, the optimal geo-management.

Vladimir Ye. PETROVSKY. ON THE PROSPECTS OF THE "CHINA-US-RUSSIA" TRILATERAL INTERACTION. The article concentrates on the prospects of the creation of a trilateral negotiation and consultation mechanism, involving Russia, China and the USA, to coordinate policy of the three powers in Northeast Asia, Asia Pacific region, and on the global level as well. The future trilateral structure could use the experience and mechanisms of the multilateral dialogue within the OSCE framework on political and military issues, economic, culture, humanitarian cooperation, etc.

Keywords: Northeast Asia, Asia Pacific Region, multilateral cooperation, negotiation and consultation mechanism, trilateral dialogue, OSCE.

Anatoly V. BOLYATKO. ROLES OF THE USA AND CHINA IN THE EVOLUTION OF THE MILITARY-POLITICAL SITUATION IN THE PACIFIC REGION. The article analyzes current state, prospects of the evolution of the military-political situation in the Pacific, changes taking place in the region and associated with the U.S. "return" to the Asia-Pacific and the increase of China's complex national power as well. Such issues as: problem of territorial claims, directions of the regional security architecture's develop-

ment based on international law and on the expansion of bilateral and multilateral partnerships in the AP — also received their consideration.

Keywords: Asia-Pacific, political-military situation, territorial issues, the "return" of the USA to the Asia-Pacific region, maritime power.

Viktor I. TRIFONOV. CHINA—US: THE "RESET" OF RELATIONS?

The article analyzes current status and perspectives of the development of modern China-American relations, efforts of Beijing and Washington taken to remove tension in their dialogue of the last years and to arrange interaction between them in order to settle bilateral and international problems in the light of building relations of a "new type". Author also characterizes serious contradictions existing between the sides — rising confrontation in Asian-Pacific region and their rivalry on the international arena, in particular.

Keywords: China, the USA, relations of a "new type", confrontation.

Oleg A. TIMOFEYEV. THE 40TH ANNIVERSARY OF THE CHINESE-US RELATIONS: CONFIRMATION OF TRENDS. The article is devoted to institutional and system factors in the Chinese-US relations since their normalization in 1972. During recent decades, bilateral ties have passed through periods of mutual mistrust, creation of affirmative agenda of integrating China into the global community, breakthroughs towards positive development and economization of their strategic agenda. The author concentrates on the pattern, which makes the ties more mature and predictable, especially on the role of strategically important political issues of multilateral level and on economic interaction as well.

Keywords: U.S.-Chinese relations, strategic partnership, economic dialogue, responsible stakeholder.

Andrey O. VINOGRADOV. EUROPE AND RUSSIA IN THE US-CHINA GLOBAL CONFRONTATION. Despite the seemingly secondary role of the European direction in the Chinese foreign policy, Europe has recently become increasingly important in the global confrontation of the United States and China. Southern European countries, experiencing serious financial difficulties, as well as the countries of Eastern Europe and of the former Soviet Union have become the object of an active penetration of the PRC, carried out primarily by economic means.

Keywords: China, EU, the USA, Russia, international relations, global order.

Elena I. SAFRONOVA. ECONOMIC DIPLOMACY OF CHINA AND STRATEGIC SECURITY IN THE ASIA-PACIFIC. The article discusses the economic diplomacy (ED) of China, the competitive advantages of the country as factors influencing strategic stability in the Asia-Pacific region. The author comes to the conclusion that the potential of the Chinese ED in the AP is quite considerable, although not free from certain risks and contradictions, which, however, can be brought under control and thus — leveled to a certain extent.

Keywords: China, Asia-Pacific, security, economy, cooperation, competitive advantage, territorial disputes.

Andrey K. KRIVOROTOV. ARCTIC ACTIVATION OF CHINA: A VIEW FROM SCANDINAVIA. The paper analyzes widely spreading processes of Chinese financially solid scientific and commercial structures' penetration in the Scandinavian Arctic. It states the accelerated resumption of the PRC's inter-state dialogue with Nordic countries (especially with Iceland and Denmark/Greenland), the main China's objective of which is to obtain permanent observer status in the Arctic Council. The article characterizes views of Scandinavian politicians and experts, who believe, that China is driven primarily by economic motives, but at the same they found it difficult to give longer-term forecasts. The author concludes, that the dialogue with China, on the one hand, increases the importance of the Scandinavian countries for their traditional NATO allies, but on the other, — carries risks of the involvement of Scandinavia (as well as Russia being a transit country on the Northern Sea Route) into a new realm of the global Chinese-American confrontation.

Keywords: China, Northern Europe, the Arctic, investment, Arctic Council, Northern Sea Route, threats.

Alexander G. LARIN. THE GLOBAL CHINESE DIASPORA AND THE NEW MIGRATION CONCEPT OF RUSSIA. The author believes, that Chinese migrants due to their personal qualities and effective organization of relations within their communities played a prominent role in the economic development of South-East Asian countries. In the United States and some other developed countries, the ethnic Chinese occupied a prominent place in the modern sectors of the economy and in scientific-technical sphere. In Russia the use of the creative potential of Chinese migrants is limited by a poor investment climate, unattractive living conditions for qualified specialists, as well as the atmosphere of migrantophobia, heated by the fear of Chinese demographic expansion. There exists no conditions in Russia for smooth integration of the massive flows of migrants. For these reasons, in the

future the Chinese may be more deeply involved in Russia as laborers on a temporary basis, but not as permanent residents.

Keywords: global Chinese Diaspora, economic activities of overseas Chinese, Chinese in Russia.

Vyacheslav I. BALAKIN. TAIWAN IN THE SYSTEM OF THE EAST-ASIAN INTEGRATION OF THE PRC. The author points out, that China has set to form the system of East Asian regional integration. Apart from economic problems in the relations with Taipei, the PRC government strives to create conditions for mutual political understanding with Taiwanese leadership in force. Both Beijing and Taipei are actually unanimous concerning the issue of Chinese civilization's priority in the creation of the East Asian Community.

Keywords: China, Taiwan, East Asia, integration, regionalization.

Alexander Ch. MOKRETSKY. CHINESE-UKRAINIAN RELATIONS IN THE LIGHT OF THE "STRATEGIC BALANCE" CONCEPT OF UKRAINE. The assessment of the bilateral strategic cooperation's potential is given in the article. The author also carries out system analysis of the key prospects of the Sino-Ukrainian interaction.

Keywords: Ukraine, China, strategic partnership, strategic balance, integration.

Rashid K. ALIMOV. ON THE TAJIK-CHINESE COOPERATION IN THE EDUCATION SPHERE. This article is dedicated to the present and future of the Tajik-China cooperation in the education sphere. It highlights the importance of learning the Chinese language — the language of a great neighbor, which acts not only as a communication tool, but also as a carrier of spiritual values, accumulated through the entire history of the Chinese civilization. Basing on the concrete data and examples, the author argues that the creation of additional conditions and opportunities in the Republic of Tajikistan to learn the Chinese language will contribute to the strengthening of good neighborliness, friendship and cooperation between Tajikistan and China.

Keywords: Tajikistan, China, Chinese language, Confucius Institute, good neighborliness.

Vassily B. KASHIN. THE PLA'S ROLE IN THE PROTECTION OF POLITICAL AND ECONOMIC INTERESTS OF CHINA ABROAD. The paper characterizes the evolution of the Chinese leadership's approach to the use of the PLA for the protection of economic and political interests of China

in remote parts of the world. The author analyzes declarations of the Chinese leaders, which increasingly provide guidance on the probability of using the PLA abroad, as well as the activities of the Chinese armed forces on the evacuation of the PRC's citizens from areas of conflict and on constructing abroad Chinese military bases' net. The author comes to the conclusion that in the long term China strives to obtain the same opportunities for using military force on a global scale, which already possess the USA.

Keywords: PLA, tasks, force projection, China's foreign investment.

Sergey V. UYANAEV. THE RUSSIAN-CHINESE ENERGY COOPERATION: SIGNS OF A NEW "LEVEL". The paper examines principal areas of cooperation between Russia and China in the energy field — the sphere of key importance for the relationship of the two countries as a whole. It is shown, that in recent years the two sides have reached a number of large-scale and long-term agreements. Thus, a conclusion is made that bilateral energy cooperation seems to reach a new quality level and to obtain a strategic character.

Keywords: Russia, China, energy, cooperation, agreements, a new level.

Dmitry V. GORDIENKO, Sergey G. LOUSIANIN. GLOBALIZATION AND THE PROCURING OF THE ECONOMIC SECURITY OF CHINA. The article focuses on the China's economic security issues in the context of globalization. The authors also characterize various views and approaches concerning the economic security of China in the circumstances of global financial and economic crisis, economic integration development and aggravation of economic confrontation as well.

Keywords: economy, the global financial crisis, economic security, the level of economic security, assessment of the economic security level, People's Republic of China.

Maria V. ALEXANDROVA. ECONOMY OF NORTHEASTERN CHINA AND SOVIET ASSISTANCE TO THE PRC IN THE 1950s. The article states that after the founding of the PRC, during the 1st and 2nd five-year plans more than 300 industrial objects were restored and built in the country with the Soviet assistance. The bulk of investment was directed to the North-East of China — Dongbei. The author emphasizes that in the 1st decade of the PRC the structural transformation of industry took place. Steel production, engineering, metallurgy, food, timber and chemical industries became principal ones. Soviet assistance to Dongbei was mainly directed to civilian branches of industry.

Keywords: Dongbei, regional economy, Japanese capital, heavy industry, legal basis, investment, the Korean War, structural transformation of the industry, objects of military-industrial complex, planned economy.

Larissa N. SMIRNOVA. THE TRANSPARENCY PRINCIPLE AND COMBATING CORRUPTION IN THE PRC: INTERNATIONAL EXPERIENCE AND THE "CHINESE SPECIFIC ANTI-CORRUPTION MODEL". The article contains analysis of the "Chinese specific anti-corruption model" with regard to its compliance to the principle of transparency. Fighting corruption without ensuring adequate transparency may lead the anti-corruption activities to become a tool of political struggle. Through the assessment of the efficiency of specific transparency tools put in use in the People's Republic of China, the author not only shows the necessity of countering corruption, but also suggests her perception of the ability of the system, now existing in China, to curb corruption successfully.

Keywords: the PRC, China, corruption, international standards, transparency.

Galina I. SARKISOVA. "TO THE BENEFIT OF THE STATE TREASURY AND MERCHANTRY" (ARCHIVAL MATERIALS ON THE ACTIVITIES OF THE COMMISSIONER Plenipotentiary I.I. KROPOTOV ON RUSSIAN-CHINESE BORDER IN KYAKHTA in 1768). The article is devoted to the economic aspect of the activities of the Commissioner Plenipotentiary Colonel I.I. Kropotov in Kyahta in 1768, which were aimed at fulfillment of specific requirements of the Russian government on ensuring order in the customs and commercial matters.

Keywords: Commissioner Plenipotentiary, customs, commerce, duties, Kyahta.

Научное издание

**Китай в мировой и региональной политике
История и современность**

Выпуск XVIII

Ежегодное издание

Редактор *П.М. Кожин*

Корректоры *О.У. Муфаззалова, Н.Б. Потапова*

Компьютерная верстка *С.Ю. Тарасова*

Обложка *Т.В. Иваншиной*

Подписано в печать 03.09.2013.

Формат 60×84/16. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс».

Печ. л. 24,5. Бумага офсетная. Тираж 200 экз.

Заказ № 25